

РОМАН ЯКОБСОН

ФОРМАЛЬНАЯ ШКОЛА
И СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РОМАН ЯКОБСОН

ФОРМАЛЬНАЯ ШКОЛА
И СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РОМАН ЯКОБСОН

ФОРМАЛЬНАЯ ШКОЛА
И СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

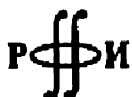
ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2011

УДК 821.133.1.0

ББК 83.3(2)

Я 46

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) проект № 09-06-07102

Финансовая поддержка исследования и перевода:
Fulbright Commission (USA), Výzkumný záměr FF UK

Редактор-составитель: *Томаш Гланц*

Редактор: *Дмитрий Сичинава*

Перевод с чешского: *Екатерина Бобракова-Тимошкина*

Я 46 **Якобсон Р. О.**

Формальная школа и современное русское литературоведение /
Ред.-сост. Т. Гланц; Ред. Д. Сичинава; Перев. с чеш. Е. Бобраковой-
Тимошкиной. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 280 с.

ISBN 978-5-9551-0475-1

В книге впервые на русском языке опубликованы тексты лекций, кото-
рые Роман Осипович Якобсон написал по-чешски в середине 30-х гг. XX в.,
когда работал в брненском университете в Чехословакии. Настоящее изда-
ние реконструирует источники, на которые автор опирался, но не цитировал
их, и таким образом воссоздает часть интеллектуальных ресурсов его мыш-
ления. Кроме сопроводительной статьи в настоящий том вошли также доку-
менты, иллюстрирующие конфликтное становление научной карьеры Якоб-
сона в Чехословакии. Далее публикуются обзор жизни и профессиональной
деятельности Якобсона, а также документы, касающиеся травли формализма в
1950-е годы и последних визитов ученого в Чехословакию в конце 1960-х гг.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использовано изображение
семьи князя Святослава Ярославича из «Изборника Святослава» 1073 г.*

Роман Осипович Якобсон
ФОРМАЛЬНАЯ ШКОЛА
И СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Г. Эрли. Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 25.02.2011. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. печ. л. 17,5. Тираж 800. Заказ №

Издательство «Языки славянских культур» № госрегистрации 1037789030641

Phone: 959-52-60 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ISBN 978-5-9551-0475-1

© Т. Гланц. Ред.-сост., 2011

© Языки славянских культур, 2011

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	7
От составителя	9
<i>Роман Якобсон. Формальная школа и современное русское литературоведение</i>	11
Примечания	85
<i>Томаш Гланц. Формализм Якобсона</i>	102
Документы	122
Факты биографии	227
Литература	253
Указатель имен	270

БЛАГОДАРНОСТИ

Мне хотелось бы поблагодарить Комиссию Фулбрайта, великодушно поддержавшую проект издания и предоставившую мне стипендию, благодаря которой я смог найти необходимые сведения в США и подготовить комментарии и примечания.

В работе над этой публикацией мне очень помогли многие коллеги, специалисты и друзья, которых я хотел бы от души поблагодарить за их преданность нашей общей цели. В первую очередь это владелец рукописи лекций Якобсона Стив Руды, любезно предоставивший мне их; Габриэль Суперфин, который занимался разрешением самых сложных неясностей, возникших в процессе подготовки как оригинального издания на чешском языке, так и его русского перевода; Лазарь Соломонович Флейшман, на чьи профессиональные комментарии я мог рассчитывать все время подготовки рукописи; Пражский лингвистический кружок, и прежде всего его ответственный секретарь Томаш Госковец, с чьей помощью я получил доступ к архиву Фелицитас Вюншовой, который передала кружку госпожа Йиржина Таборска; Любовь Белошевская, знаток русской эмиграции в Праге; Александр Осповат, к кому я обращался с вопросами по литературе XIX века; Мачей Шикерски и Дирк Уффельман, помогавшие мне в поиске информации из области полонистики; Сергей Давыдов, специалист по русской литературе первой половины XIX века; богемист и знаток трудов Якобсона Мирослав Червенка; Владимир Сватонь, специалист по творчеству Александра Веселовского; Хелена Гланцова, оказавшая высококвалифицированную техническую помощь при подготовке текста; представитель фонда Якобсона и мой помощник, любезно принявший меня во время стипендии Комиссии Фулбрайт Хенрик Баран; Моррис Халле, Ладислав Матейка, Милан Фришчак, Петер Штайнер, Индржих Томан и Ирина Рейфман, которые помогли мне выяснить некоторые подробности жизни и творчества Якобсона; хранилище архива Якобсона — Архив М. I. Т., где мне предоставили благоприятные условия для работы с материалами; коллеги и слушатели лекций в Карловом университете, в университете Регенсбурга, в Принстоне, Нью-Йор-

ке, Лос-Анджелесе, Стэнфорде, Сиэтле и Лозанне, с которыми я мог полемизировать о лекциях Якобсона и отдельных темах и приемах, с ними связанных. Особая благодарность — моей жене Евгении Юзефовне.

Июль 2003 — сентябрь 2010

Томаш Гланц

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Примечания редактора-составителя в тексте приводятся в прямоугольных скобках. Первоначальная версия рукописи не содержала примечаний. Все ссылки на указанных авторов и произведения были реконструированы и в ряде случаев дополнены сведениями о новых изданиях, более доступных нынешнему читателю. Список литературы и именной указатель также являются плодом труда редактора и его любезных сотрудников.

Томаш Гланц, июль 2003, 2010

Роман ЯКОБСОН

**ФОРМАЛЬНАЯ ШКОЛА
И СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

1935

[I]

Прежде всего, зададимся вопросом: на какие отрасли науки оказала наибольшее влияние так называемая русская формальная школа? Формальная школа добилась наибольших завоеваний и внесла больше всего новых идей в русскую историю литературы и фольклористику, в общее литературоведение и общее языкознание и, наконец, в теорию искусства, т. е. в учение об искусстве в целом, а также в тот широкий круг наиболее актуальных и в то же время наиболее сложных проблем, который сейчас называют «философия знака», или «семиология», или «семиотика», или «учение о знаке». Вклад русской формальной школы во все эти области настолько значителен и серьезен, что эта школа, естественно, по праву, принадлежит к тем явлениям новой российской науки, которые пробудили живой интерес в современной мировой науке. Этот интерес очевиден главным образом в западнославянских странах. В чехословацком литературоведении мы наблюдаем множество явлений, связь которых с русской формальной школой бесспорна. Деятельность ПЛК* на ниве литературоведения (во всяком случае, первый ее этап) тесно связана с принципами этой школы, в особенности очевидна близость трудам русских формалистов значительных работ Мукаржовского о Махе¹, Главачеке², Теере³, хотя его научное творчество чем далее, тем более приобретает характерный, оригинальный оттенок и отчасти преодолевает, отчасти с большим успехом развивает теоретические постулаты русских образцов, на которые он опирался. Менее непосредственно, но все-таки связаны с русской формальной школой труды других исследователей в области литературоведения, принадлежащих к ПЛК, особенно по-

---

* Пражского лингвистического кружка. — *Прим. пер.*

следние материалы в книге О. Фишера «Душа и слово»⁴ и работы его ученика Войт. Йирата⁵ о рифме. Но влияние русского формализма не ограничивается и ПЛК. Именно рассуждения Виктора Шкловского⁶ и других русских формалистов о фольклоре стали импульсом для создания трудов о формальной стороне русских сказок, которым посвятил себя Поливка⁷ в последние годы своей жизни. Часть своих выводов он опубликовал в монографии Славянские сказки («Slovanské pohádky», 1932). Также мы отмечаем точки соприкосновения с формальной школой в исследованиях ученика Поливки Франка Волльмана⁸, особенно в его работе о стихе сербского поэта Негоша⁹. Богумил Матезиус пропагандирует русский формализм, переводя работы его представителей, например, монографию Шкловского «Теория прозы»¹⁰ и отдельные статьи Тынянова. Принципы формальной школы, которые сформировались в России отчасти под воздействием современной поэзии, сами оказали очевидное влияние на русских поэтов, например, на Маяковского или Тихонова, а также на молодых представителей русской послевоенной прозы, в особенности на группу так называемых «Серапионовых братьев», к которой принадлежали, например, Каверин, Зощенко, Лунц, Всеволод Иванов, Федин. Также эта теория отчасти прямо, отчасти непрямо повлияла на чешских поэтов, в особенности на Ванчуру, Незвала, Сейферта. В Польше русский формализм повлиял прежде всего на литературную группу скамандритов, в особенности на поэтов Тувима и Слонимского, а также на теоретика этой группы — Подгорского-Околува¹¹, который опубликовал несколько любопытных материалов о вопросах рифмы. В последние годы заметно влияние русского формализма на молодое польское литературоведение, переводятся различные работы русских формалистов, в особенности Жирмунского, выходят оригинальные программные статьи. Влияние русского формализма распространяется и на старшее поколение польских историков литературы, особенно на тонкого исследователя звуковой стихотворной формы — Вуйчицкого¹².

В Германии и Франции знакомство с русской формальной школой ограничивается узким кругом славистов. Вообще в романо-германские страны из-за малой степени знакомства с русским языком интерес к формальной школе проникает лишь исподволь, постепенно. Из ученых, которые в своих работах проявляют интерес к методологическим завоеваниям этой школы, можно назвать прежде всего голландского исследователя стихотворной метрики — де Гроота¹³. Вполне логично, что одновременно с увлечением формализмом растет и протест, негативная реакция на него. Однако я должен констатировать, что запад-

ные критики русской формальной школы, как правило, недостаточно о ней информированы, не осознали ее методологическую уникальность. Они объявляют ее лишь слабым отголоском западной науки, явлением элитарным, дебаты и полемики этой школы считают явлением исключительно отечественным, русским, и считают эту односторонность неприемлемой для западной науки, потому что она якобы связана со специфическими российскими условиями. Реакция на формализм в России была настолько живой якобы потому, что в русской критике и русской истории литературы никогда прежде не уделялось столько внимания форме. Например, журнал *NV* провозглашает русский формализм естественной реакцией на свойственное для России пренебрежение к художественной форме и утверждает, что Белинский, Добролюбов, Писарев, Пыпин описывали и оценивали художественные произведения прежде всего с точки зрения их идей или их культурного фона. Это пренебрежение к художественной форме якобы несомненно связано с тем, что Россия избежала прямого влияния гуманизма эпохи Возрождения и Нового времени. Сразу же хочу обратить внимание на то, что оба этих тезиса — и о неоригинальности русского формализма, и о том, что предшествовало ему в России, — совершенно ошибочны. Чтобы обосновать это наше утверждение, мы должны рассмотреть исторические предпосылки, возникновение и развитие русского формализма, его сущность в сравнении с новыми западными направлениями, его методологические и конкретные литературно-исторические завоевания и его дальнейшую судьбу. Мы должны будем ответить на вопрос, что означает кризис, который переживает сейчас эта школа. Является ли учение этой школы пройденным этапом? Исчерпан ли его потенциал? Или, может быть, происходит перерождение? Переход на новый уровень?

Бесспорно, что расцвет формализма в России связан со специфически русскими историческими предпосылками. Дело только в том, что именно это за предпосылки. Западная критика любит порассуждать о традиционном пренебрежении к художественной форме в России, но причиной подобных представлений является недостаточное знание российских исторических условий. В действительности формализм возник как раз на основе исключительно богатой традиции. Вопреки приведенным утверждениям, художественная, а в особенности поэтическая форма не только играла выдающуюся роль в развитии искусства и особенно литературы в России, но и с давних пор привлекала к себе теоретический, научный интерес. Мы не должны забывать, что русская средневековая культура, и особенно литература, развивалась под сильным византийским влиянием. При этом мы

знаем, сколь важное, организующее значение придавалось проблемам формы в византийском изобразительном искусстве, византийской музыке, византийской поэзии и словесном искусстве вообще. Мы знаем, какой вершины расцвета, какой рафинированности достигло развитие художественных форм в Византии. Мы знаем, что ни киевская, ни новгородская, ни московская Русь не остановилась на пассивной роли ученика, мы знаем, что древнерусское искусство, древнерусская музыка и древнерусская литература достигли зрелости в области формы и создали ценности мирового значения. Художественный пафос русского средневекового искусства, однако, был совершенно чужд идеологическим и эстетическим тенденциям XIX века, а особенно так называемой эпохе реализма, когда в российской науке как раз были разработаны схемы истории русской культуры, истории русской литературы, истории русского искусства. Разумеется, в этой схеме русское средневековье, во всяком случае, русское духовное, церковное средневековье, глубоко недооценивалось и заметно искажалось. Например, история древнерусской живописи представлялась как период неэстетичного, неумелого дилетантства, и еще в начале нашего столетия ведущий русский художник-реалист Репин пренебрежительно высмеивал «безвкусное ремесленничество» древнерусской иконы. Только русская живопись начала XX века постепенно преодолела натуралистические привычки и одновременно стала обнаруживать новые точки соприкосновения с древнерусским искусством, все более высоко оценивала его и все чаще обращалась к нему как к полезному, плодотворному, вдохновляющему образцу. В тесной связи с современным искусством училась вживаться в древнерусское творчество и новая русская наука об искусстве. Конечно, этот процесс был постепенным. Сначала искусство и наука учились понимать те явления и компоненты древнерусского художественного мира, которые незначительно противоречили классическому канону красоты, возвращенному на эстетических принципах западного Ренессанса, только потом нашли отклик и те элементы древнерусского искусства, которые были в глубоком противоречии с этими классическими идеалами, и в конце концов древнерусская живопись была объявлена самобытной, уникальной целостностью, художественным явлением мирового масштаба. Стало очевидным, что кажущаяся художественная неграмотность — на самом деле мастерское применение иного художественного алфавита, мнимое дилетантство было лишь следствием эгоцентризма наблюдателя; наблюдатель подходил к древнерусской иконе со своими собственными критериями, абсолютно ей чуждыми, и наконец стало

понятным, что упрекать древнерусского художника в несоблюдении критериев и принципов искусства нового времени так же неразумно, как объявить русский язык неправильным, безграмотным чешским, и наоборот. Проникновение современной науки в древнерусское искусство обнаружило в нем удивительное разнообразие, продуманность и даже изысканность формальных проблем, борьбу художественных школ за идеальное разрешение этих проблем, в общем, огромную техническую осмысленность. В том же направлении менялось и отношение новой литературы, и особенно литературоведения, к древнерусской письменности. Приведу несколько примеров.

Трубецкой в своем исследовании любопытного памятника русской литературы XV века — путевых записок Афанасия Никитина «Хожение за три моря», Версты 1, 1926¹⁴, обращает внимание на традиционное пренебрежение или равнодушие литературно-исторических пособий к древнерусской литературе как таковой. Древнерусские литературные памятники, как правило, интересуют историка литературы только как документы эпохи, как источники сведений о древнерусской жизни, образовании, мировоззрении и т. п. Трубецкой доказывает несостоятельность такого подхода. Он ставит вопрос о художественной ценности древнерусских произведений литературы, призывает к изучению средств, при помощи которых создается их художественная форма, и проникновению в суть этих средств. Он применяет свои требования к произведению Аф. Никитина и приходит к заключению, что «примитивность» этого памятника — лишь видимость, потому что автор путевых записок опытно и мастерски владеет литературной формой. Мы имеем дело с уникальным поэтическим произведением на фоне богатой, сложившейся литературной традиции. Ученик Трубецкого, историк литературы, венский доцент Ягодич изучает жития святых, написанные в России в XV веке, и находит в них сознательную, продуманную литературную технику, для которой существовали и специальные термины: *извитие словес*, *плетение словес*, или *добрословие*¹⁵. Подобные явления наблюдает и московский историк литературы Орлов в стиле т. н. воинских повестей, военных рассказов той эпохи¹⁶. Эта традиция берет начало уже в Киевской Руси, а недавний формальный разбор «Слова о полку Игореве» в сравнении с другими литературными памятниками Киевской Руси показал, как значительна и масштабна была эта поэтическая традиция (Орлов¹⁷, Перетц¹⁸, Ржига¹⁹). /подделка?/²⁰.

Мы говорим о сформировавшейся поэтической традиции. Что это означает? Это означает, что каждое средство создания художествен-

ной формы, использованное конкретным поэтом, явственно исходит из фона, то есть общепринятого поэтического канона, что очевидно не только с точки зрения поэта, но и с точки зрения потребителя. Иначе говоря, сложившаяся традиция одновременно является и поэтической, и читательской, и если поэт отступает от канона, то он должен считаться с тем, что это намеренное нарушение канона будет замечено читателем. В связи с Киевской Русью мы можем говорить о литературных школах, каждая из которых имела свою технологию поэтического ремесла и отдавала себе отчет в ее существовании. Учитель обучал ей своего ученика. Иными словами, существовала неписаная практическая поэтика. Но определенные намеки на поэтику имелись и в письменных памятниках. Достаточно указать, что в русском изводе древнеболгарского сборника — т. н. Изборнике Святослава 1073 г. — мы обнаруживаем церковнославянский перевод греческого трактата о тропах и фигурах, при этом на церковнославянский переведены не только определения и примеры, но и все греческие термины, например, аллегория, метафора, катахреза, анастрофа, синекдоха, ономотопея, антономасия, метонимия, антифраза, перифраз, эллипсис, гиперболола, параболола и т. п., всего 25 терминов. То есть на Руси в XI в., а в Болгарии уже в X веке, существовали точные славянские термины для обозначения основных понятий поэтики. Ни одна из западноевропейских национальных литератур не может похвастаться ничем подобным. Приведу несколько примеров:

аллегория	инословие
метафора	прѣводъ
синекдоха	съприѣтие
ономотопея	именотворие
метонимия	отъимение
эллипсис	нестатъкъ

Если мы перейдем к заключительному периоду развития древнерусской литературы — XVII веку, к ее самым поздним произведениям, например, к автобиографии протопопа Аввакума — литературному памятнику второй половины XVII века, проанализированному с формальной стороны В. Виноградовым²¹, то и здесь мы видим постоянную ориентацию на поэтическую форму, четко поставленные и мастерски решенные задачи семантические (то есть касающиеся значения слов) и композиционные. По-прежнему действенным средством создания формы остается в нем и противопоставление, и разнообразное переплетение двух языковых стихий — речи разго-

ворной, обычной, профанной, тяготеющей к русскому языку, и речи литературной, торжественной, более церковнославянской. Это формальное средство, хотя и со значительными изменениями, унаследовал русский классицизм. Но в русском классицизме пересеклось несколько традиций — традиция древнерусской письменной культуры, в особенности духовной письменности, традиция отечественного устного народного творчества, традиция украинской литературы эпохи барокко и, наконец, западный, а именно французский классицизм. Каждый из этих источников требовал сознательного, квалифицированного поэтического мастерства. Русское устное народное творчество до сих пор несет следы формировавшегося в течение нескольких столетий профессионализма. Наука обнаружила значительные следы этой профессиональной художественной культуры в поэтике и музыке русских лирических песен и былин, а Поливка²² в недавнем исследовании показал, как значительно отличается в стилистическом отношении русская народная сказка от сказки западнославянской и южнославянской, насколько она богаче, совершеннее, цельнее, орнаментальнее. Носителями этого искусства были так называемые скоморохи²³, то есть русские шпильманы, жонглеры и трубадуры, без которых невозможно себе представить дворы русских князей и московских царей. В XVII веке устная поэзия во всех ее видах уже была достоянием широких народных слоев, *gesunkenes Kulturgut*, но все же арсенал ее форм интенсивно влиял сначала на русский классицизм, которому она, с одной стороны, предоставляла образцы стихотворных размеров, с другой стороны, формы для низших жанров литературы, а позже устная поэзия влияла на романтизм и другие поэтические направления в несравнимо большей мере, чем у западных славян и вообще у большинства западноевропейских народов. Весьма любопытно, что еще в 30-х годах XIX века Пушкин чувствовал, что народная сказка является единственной отточенной, готовой формой русской прозы, и, полемизируя с Далем о его сборнике сказок, напоминающих народные, провозгласил: «...Ему-то [русскому языку] нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать — надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке. Да нет, трудно, нельзя еще!»²⁴

Осознание формы в украинской прозаической и поэтической литературе эпохи барокко было необычайно сильным. Центр украинского литературного творчества, Киевская академия, уделяла вопросам риторики и поэтики особое внимание, о чем свидетельствуют и те многочисленные пособия по этим дисциплинам, которые были в

обращении академии. От этих пособий прямая дорога ведет к теоретическим работам законодателя русского классицизма Ломоносова и далее к риторике учителя Пушкина Кошанского²⁵. И, наконец, замечательной школой, настоятельно обращающей внимание на проблемы формы, был для русского классицизма классицизм французский. Действительно, одним из первых произведений французского классицизма, переведенным на русский язык, была поэтика («*Art poétique*») Буало.

Если проследить бесконечные литературные полемики XVIII века в России и развитие русской критики той эпохи, то бросается в глаза, что в большинстве случаев в центре внимания оказываются актуальные вопросы поэтического языка, стиха, композиции и поэтической формы вообще. И в этих суждениях и полемиках, в которых участвовали наиболее значительные русские поэты XVIII века, имеется много метких, точных замечаний, красноречивых, многозначительных, характерных наблюдений, иногда и плодотворных теоретических выводов. Обобщающее, энциклопедическое произведение о поэтике русского классицизма — объемный трехтомный словарь старой и новой поэзии «Словарь древней и новой поэзии» Остолопова, который вышел в 1821 году²⁶. Если литературные споры XVIII века не выходили за рамки одного направления, то в первой трети XIX века дискуссии приобретают все более принципиальный характер. Начинается спор совершенно противоположных концепций — классицизма и романтизма, или, в языковом плане, борьба между архаистами и новаторами. Вопросы поэтического языка, в особенности проблемы стиха и его звуковой формы, подвергаются многостороннему подробному анализу. Богатый урожай книг и статей, посвященных злободневным вопросам русской поэтической формы, дают в особенности двадцатые и тридцатые годы. Но уже в 1812 году выходит эпохальная работа гениального филолога Востокова «Опыт о русском стихосложении»²⁷, представившая типологию систем стихосложения, анализ просодических предпосылок русского стиха, обзор разных форм русского фольклорного стиха, характеристику развития русского литературного стиха и взгляд на современные проблемы русского стиха. Можно сказать, что эта книга — один из предвестников русского романтизма. Иными словами, Востоков идет в направлении, которое предопределяет поиски русских поэтов-романтиков в области ритмики. Достаточно просмотреть письма, статьи, написанные «по случаю», или записные книжки русских поэтов этой эпохи расцвета поэзии, которой была первая треть XIX века, чтобы убедиться, насколько важную, го-

вора без обиняков, центральную, доминантную роль играла борьба за новые формы в их творчестве и как метко, точно они могли рассуждать (в том числе теоретически) о вопросах формы. Конечно, в первую очередь здесь мы должны назвать Пушкина, поэта, который стоит на рубеже между русским классицизмом и романтизмом, поэта, чье творчество является высшей точкой и одновременно завершением русской классицистической поэзии, и из чьего творчества в то же время черпают вдохновение те поэты, которые как раз отвергают, отрицают традицию классицизма. Пушкин был не только уникальным мастером поэтической формы, но и остроумным и тонким аналитиком, и превосходным формальным критиком. Некоторые его критические выступления, в особенности полемика с Гоголем о современной французской литературе, показывают, что Пушкин отдавал себе отчет в имманентном, самостоятельном развитии поэтических форм, которые не могут быть механически выведены из других социально-исторических пластов. Гоголь писал в 1836 году: *«В литературе всей Европы распространился беспокойный, волнующийся вкус. Являлись опрометчивые, бессвязные, младенческие творения, но часто восторженные, пламенные — следствие политических волнений той страны, где рождались...»*, то есть Франции. На это Пушкин отвечает отрицанием автоматической причинно-следственной связи между политикой и поэтической структурой. Он пишет: *«Мы не полагаем, чтобы нынешняя раздражительная, опрометчивая, бессвязная французская словесность была следствием политических волнений. В словесности французской совершилась своя революция, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархию Людовика XIV. ...Начало сему явлению должно искать в самой литературе»* (курсив в цитате из А. С. Пушкина авторский. — *Ред.*)²⁸.

Итак, мы видим, что вплоть до 30-х гг. XIX века невозможно говорить о пренебрежении поэтической формой. Скорее наоборот. Но почву для общепринятых утверждений о русском пренебрежении поэтической формой предоставляют дальнейшие десятилетия XIX века. Впрочем, и это лишь видимость. Тридцатые годы — это эпоха перехода от подъема стихотворной культуры к расцвету художественной прозы. Вопросы звуковой формы естественным образом отходят в тень, заметно убавляется число публикаций, посвященных вопросам метрики и эвфонии. Интерес сосредоточивается на вопросах значения слов, содержательной стороны художественного произведения, его композиции, а также на проблемах различных прозаических стилей. Однако мы не имеем права ограничивать круг вопросов литературной

формы только вопросами формы внешней. Одновременно с быстрым подъемом культуры русской художественной прозы растет осмысление проблем именно внутренней формы. На эти вопросы, связанные с формой художественной прозы, обращает внимание выдающийся критик второй четверти XIX века Белинский²⁹, которого лишь по недоразумению упрекают в недооценке проблем формы. Напротив, Белинский обращает внимание на важность, значительность вопросов стиля и подчеркивает, что не существует единого стиля, и что не только стихотворная речь принципиально отличается от прозаической речи, но и в рамках речи прозаической существуют принципиальные различия, например, драматический язык, выражающий эмоции, непременно отличается как от обычного разговорного языка, так и от языка риторического, проповеднического³⁰. Проблемы значения слов, семантики и специальные семантические вопросы с точки зрения словесного искусства всегда остро ставились в русском языкознании, это одна из его наиболее характерных черт, и уже теоретик архаистов Шишков, знакомый широкому кругу читателей своими утопическими, смехотворными пуристскими неологизмами, сформулировал в труде «Разсуждение о старом и новом слоге Российского языка», 1803³¹ глубокие, новаторские идеи по основным вопросам значений слов, и эта традиция теоретического исследования значений слов живет в русском языкознании и далее, напр., в работах Аксакова³², Некрасова³³, Потебни и т. д. Вторая половина XIX века — эпоха расцвета русского романа, и достаточно познакомиться с творческой лабораторией таких писателей, как Достоевский, Толстой, Тургенев, Лесков, достаточно обратить внимание на критические рассуждения, которым не придавалось особого значения, чтобы увидеть, что здесь совершенно невозможно говорить о пренебрежении вопросами формы. Даже когда Толстой начинает упорную борьбу против классического совершенства формы, когда он будто бы отрицает ее значение, ее позитивную роль в литературе, когда он провозглашает отрицание художественности, в действительности это означает не разрушение художественной формы, а фактически лишь отрицание данной формы, данного изжившего себя, окостеневшего канона во имя поиска новых форм. Именно для эпохи этой намеренной художественной деформации характерно обращение к примитивизму, где художник ищет освобождения от мертвечины, обязательности, при которой невозможно оригинальное проявление регулярности и совершенства традиционного мастерства. Именно потому и Толстой задал свой знаменитый парадоксальный вопрос: «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас,

или нам у крестьянских ребят?»³⁴. Мнимое отрицание художественной формы во имя правды жизни — в действительности характерное явление, сопровождающее смену художественных канонов. Старый, отрицаемый канон противопоставляется новому, желанному, как форма — содержанию, однако это является лишь полемическим узусом, даже если поэт в это верит. Подобные высказывания, например, в истории русской литературы встречаются несчетное число раз. Уже автор «Слова о полку Игореве» начинает свое произведение отрицанием традиционных, Бояновых поэтических средств во имя верности современным фактам (*былинам сего времени*). И мастер словесного искусства XVII века протопоп Аввакум заявляет читателям: «Еи вы, Господа ради, чтущии и слышашии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочете».

Вряд ли мне стоит распространяться о том, что те, кто упрекают Толстого и Достоевского в художественной аморфности, несовершенстве языка, небрежности формы и т. д., подходят к их произведениям с чужеродными критериями. Здесь речь идет не о несовершенной форме, а о форме виртуозной, но другой.

Впрочем, верно и то, что все эти писатели являются все еще представителями литературы и культуры сугубо дворянской, аристократической, и тесно связаны с культурной традицией XVIII и первой половины XIX века. Во второй половине XIX века, однако, на русской исторической арене находит себе применение новая движущая сила — демократическая интеллигенция, вышедшая из нижних слоев общества и только пробивающаяся к культуре, к культурному наследию. Естественно, что позиция, которую она занимает по отношению к культуре дворянской, — это позиция борьбы, резкая оппозиция. Одним из наиболее характерных проявлений этой оппозиции является так называемый нигилизм 60-х гг. с его механистическим, биологически обусловленным материализмом и прямолинейным утилитаризмом, с его отвращением к эстетике и пренебрежением к поэзии, с его провокационным лозунгом: «Для нас сапоги выше Шекспира»³⁵. Один из эпигонов поколения 60-х гг. Скабичевский написал «Историю новейшей русской литературы»³⁶; эта книга, в которой, действительно, совершенно игнорируются вопросы литературной формы, проникла на Запад и в значительной степени именно она породила или, по крайней мере, упрочила миф о пренебрежении в России вопросами формы.

В действительности речь идет о непродолжительном эпизоде, о детской болезни демократической интеллигенции. Этот период нельзя напрямую связывать с политическим радикализмом интеллигенции, с ее исключительным, фанатическим интересом к социально-политическим проблемам, к подготовке русской революции и т. д. Напротив, среди выдающихся, ведущих представителей развития русской революционной мысли мы находим прямо-таки поразительные, классические документы профессионального интереса к проблемам поэтической формы. Приведу только самые яркие примеры: самый значительный революционный публицист XVIII века Радищев, автор эпохального памфлета против крепостничества и всего социального строя России «Путешествие из Петербурга в Москву», памфлета, за который автор тяжело поплатился лишением чинов, ссылкой в Сибирь и т. д. Этот самый Радищев непосредственно в упомянутых дорожных записках, кроме прочего, уделяет большое внимание вопросам русского стиха³⁷; и это, как отметил еще Пушкин, — одни из самых интересных рассуждений о стихе в русской литературе XVIII века. Один из первых и наиболее одаренных идеологов и пропагандистов социализма в России середины XIX века Чернышевский, борец, который долгие годы провел в заточении, в то же время является одним из наиболее передовых теоретиков стиха своей эпохи, как показали новейшие работы по истории русской метрики³⁸. То же самое мы наблюдаем и в недавнем прошлом — один из наиболее значительных теоретиков и практиков марксизма в России Плеханов пытается разработать марксистскую эстетику и — в особенности — теорию поэтического произведения³⁹, а Ленин выдвигает категоричный лозунг: форма существенна⁴⁰. В духе этого лозунга детально сформулировал современные задачи поэтики и официальный теоретик марксизма в современной России Бухарин на недавнем съезде писателей в Москве⁴¹.

Борьба Писарева против эстетики не находится в прямой связи с его политической борьбой, напротив, это скрытый уход от политического радикализма (Кирпотин)⁴².

Жизнь и смерть. Сб. памяти д-ра Ник. Евг. Осипова / Под ред. А. Бема, Ф. Досужкова, Н. Лосского. Прага, 1935⁴³.

Одинец Д. *Возникновение государственного строя у восточных славян*. Париж: Совр. Записки, 1935⁴⁴.

Шахматов М. *Исполнительная власть в Московской Руси*. 1935⁴⁵.

Формальная школа

[III]

В прошлый раз я отметил интерес, который вызвала на Западе, особенно на славянском Западе, русская формальная школа, и на неизбежную оборотную сторону интереса — сопротивление идеям этой школы. Конечно, как и любое направление в науке, формализм не является застывшей, безошибочной догмой, и критика — необходимое, прогрессивное явление. Однако необходимая предпосылка конструктивной критики — достаточная информированность о предмете, который ей подвергается. Если же рассмотреть западные, в том числе чехословацкие критические замечания о русском формализме, то мы должны объективно констатировать, что основные постулаты, на которые они опираются, суть плоды непонимания, а точнее — недостаточного знакомства с русской литературой и русским литературоведением в их историческом развитии.

Один из наиболее распространенных критических или, прямо говоря, отрицающих тезисов таков: русский формализм, будучи интересным, достойным внимания явлением, все же представляет собой явление локальное, российского масштаба, реакцию на характерное для России пренебрежение проблемами художественной формы, а потому на Западе, где этим проблемам с давних пор уделяют большое внимание, нет нужды и в этом одностороннем пристрастии к форме, которое лежит в основе и является движущей силой русской формальной школы. Мы видели, что сам исходный пункт этого утверждения ошибочен. Проблемы художественной формы занимают в истории русской культуры, и особенно в истории русской литературы от средневековья до кульминации русского реализма, надлежащее место. Здесь мы не только не можем говорить об отсутствии традиции, но, напротив, о наличии удивительно богатой традиции. Как мы могли убедиться, не соответствует реальности и предположение о том, что традиционно глубокий интерес русского интеллектуального авангарда к идеологическим вопросам, особенно к вопросам социально-политической реорганизации, подавлял интерес к вопросам формы. Мы можем только констатировать, что определенный, притом временный, упадок интереса к вопросам художественной формы принесла стремительная демократизация русской интеллигенции, которую можно наблюдать в начале второй половины XIX века. Для менталитета этого нового духовного авангарда России были свойственны основные элементы, которые неизбежно вели к оттеснению проблемы формы на задний

план. К ним относились, во-первых, отсутствие связи этой новой самородной интеллигенции с аристократической культурой старой России, во-вторых — сознательное отрицание и агрессивное неприятие этой культуры, ее носителей и ее социальной основы, в-третьих — механистический материализм, вернее, общее натуралистическое мировоззрение, характерное для той эпохи сказочного расцвета естественных наук, для той эпохи упоения дарвинизмом в его изначальной, классической формулировке. Это было время, когда казалось, что натурализм — самая истинная вера из всех вер, из всех мировоззрений. Казалось, что только естественные дисциплины имеют право считаться настоящей наукой, что «приблизить к науке» остальные дисциплины можно лишь приблизив их к методам естественнонаучным, только механистическое изложение считалось изложением научным, вопросы механистической причинности считались единственно важными, вопросы телеологические, т. е. поиск назначения, задач и целей, смысла тех или иных явлений, отрицались как религиозная мистика, как преодоленное наследие темного средневековья, человека оценивали по аналогии с другими живыми существами, его деятельность сводилась к действиям сугубо биологическим, на щит поднимался упрощающий, обусловленный биологически утилитаризм. В то время признавалась только такая реальность, которую можно было воспринять органами чувств, то есть только внешняя эмпирия, а такие понятия, избегающие прямолинейного эмпиризма, как понятие ценности, находились вне зоны действия науки. Вероятно, нет необходимости добавлять, что при таких предпосылках проблемы художественной формы не могли быть освоены наукой, их, собственно, даже не замечали.

Я сказал, что это была эпоха господства механистического материализма. Часто это определение упускают из виду и некритически приписывают характерные черты того мировоззрения, которое я попытался набросать, той идеологии, которая господствует в сегодняшней России. Однако имеется существенная разница между механистическим материализмом, достигшим апогея в третьей четверти XIX века, и диалектическим материализмом, который тесно связан с философией Гегеля, резко отрицает слепой эмпиризм, четко отделяет методологию и проблематику социальных наук от естественнонаучной проблематики, считает форму в соответствии с учением Гегеля основной частью диалектики мышления, и в основе своей имеет, как заявляют его ведущие идеологи, больше точек соприкосновения с классиками идеалистической философии, нежели с учением механистического материализма.

Конечно, мировоззрение не исчезает бесследно сразу же после своего расцвета. Если уже в последней четверти прошлого столетия оно, можно сказать, потеряло свое ведущее положение, то эпигонов и вульгаризаторов этого направления можно наблюдать в разных лагерях и в разных направлениях культуры еще долго — собственно, до настоящего времени. Наибольшее количество прямых следов механистического материализма сохранилось в современной официальной немецкой идеологии. Но некоторые идеи, некоторые суждения этого учения проникали и проникают в различные научные концепции, так сказать, «контрабандой», исподволь, так, что авторы и проповедники данных концепций этого не осознают. В различные идеологические системы, кроме прочего, тайно проникает пренебрежительное или равнодушное отношение натурализма шестидесятых годов к вопросам поэтической формы. Позже, при анализе современной марксистской критики формализма, мы увидим, что оно закрадывается и в мировоззрение отдельных приверженцев диалектического материализма. Однако это скорее бесплодные, эпизодические реликты, нежели органичные компоненты теоретической системы.

Указанные факторы, замедляющие развитие художественной формы и развитие ее теории, в течение последней трети прошедшего столетия постепенно исчезают. Новая интеллигенция осваивает культурное наследие высших слоев, исчезает и четкая граница между аристократической и демократической интеллигенцией — с одной стороны, аристократическая интеллигенция постепенно деклассируется, с другой — зарождается новая элита в рамках интеллигенции демократической, возникает своего рода симбиоз обоих слоев интеллигенции: заканчивается периодом *Sturm und Drang* новых людей на русской культурной арене.

И наконец, шаг за шагом, односторонне натуралистическое восприятие поколения шестидесятых годов отмирает. Все больше ощущается и проявляется самостоятельность общественных наук, гуманитарная методология становится более отточенной и самостоятельной. 1870—1890-е годы — время интенсивного развития, расцвета русской науки. Не только естественные науки в России достигают мирового уровня, но быстро развиваются и различные отрасли гуманитарных наук. Конечно, зависимость от западной науки очень ощущается именно в эту эпоху, но тем не менее даже тогда нельзя говорить об эпигонстве или ученичестве русской науки. Слишком своеобразны российские обстоятельства, слишком много особенностей и отличий у исторического развития России и ее культуры, чтобы и привнесенные явления не

подверглись неизбежному влиянию среды и традиций и не приобрели своеобразные черты, резко отличные от западных образцов. Много оригинального и ценного предоставляет в конце XIX века и русская наука о языке и литературе. Разумеется, ведущим лингвистическим направлением в эту эпоху был младограмматизм⁴⁶, который, хотя и решительно отверг идею Шлейхера о включении языкознания в корпус естественных наук⁴⁷, но все же в своих основных постулатах пребывал вполне в русле традиционного натурализма. Наиболее ценным, органичным, подходящим предметом исследования младограмматики считают самый естественный язык, наименее осознанный, наименее искусственный, наименее выпестованный. Младограмматикам казалось, что больше всего этим требованиям отвечают народные диалекты. Здесь мы видим отголоски XVIII века, его восхищения идеализированным, естественным, простым народом, руссоистского мифа о *l'homme de la nature et de la vérité*⁴⁸ *. К литературному языку младограмматики обращались с неудовольствием, говоря, что это искусственный вид, который для лингвиста то же, что оранжерейные цветы для ботаника. Само это сравнение красноречиво свидетельствует о том, насколько сильно натуралистическое наследие в младограмматической концепции. Конечно, еще менее отвечал требованиям младограмматиков поэтический язык, наиболее намеренная языковая форма. Как правило, поэтический язык оказывался вообще вне поля зрения младограмматической лингвистики. Это свойственно как западному, так и русскому языкознанию. Наиболее разработанное, по мнению Мейе⁴⁹, ответвление младограмматической лингвистики — Московская школа, или школа Фортунатова⁵⁰, несмотря на широту своих интересов, вообще не коснулось вопросов поэтического языка. Даже в пособиях по общему языкознанию, вышедших в результате деятельности этой школы, нет ни единого упоминания о поэтическом языке. Эти вопросы чужды и знаменитому основателю второй русской лингвистической школы — т. н. «казанской» — поляку Бодуэну де Куртене⁵¹; хотя он в ряде основных проблем преодолел младограмматические догмы, но все же и он — воспитанник натуралистической философии и в особенности механистической психологии, это наследие тяготит его и не дает возможности построить новую лингвистическую концепцию на замечательных, новаторских принципах, которые выработал Бодуэн. Он гораздо раньше и более последовательно, нежели его французский

---

* «Человеке природном и истинном». В оригинале перевода нет. — *Прим. пер.*

современник де Соссюр, осознал, что выяснить происхождение того или иного языкового явления еще не значит объяснить его. Бодуэн понял необходимость анализа всех языковых явлений, включая звук, с точки зрения их роли в языке, с точки зрения их функции, то есть создал основы функциональной лингвистики. Его ученики неизбежно должны были задаться вопросами поэтической функции, но это произошло уже в рамках новой формальной школы, и об этом мы скажем позже. Это были, прежде всего, Якубинский⁵² и Поливанов⁵³.

Из лингвистов конца XIX века к поэтическому языку обращались лишь те, кто меньше всего подвергся влиянию младограмматической школы — прежде всего потому, что столкнулся с ней уже будучи сложившейся научной личностью. Однако они выросли еще на почве предмладограмматической или на почве классической филологии, где сохранялся интерес к интерпретации поэтических текстов, к разбору стиха, к вопросам поэтической формы (Зубаты⁵⁴, Крал⁵⁵).

В русской науке о поэтическом языке к лингвистам, которые сформировались еще до развития младограмматического направления, принадлежит украинец Потебня, к филологам-классикам — Корш⁵⁶ и поляк Зелинский⁵⁷.

Мы должны подробнее рассмотреть их творчество, ибо оно оказало прямое влияние на дальнейшее развитие. Корш посвятил многочисленные работы вопросам стиха.

Диссертация *De versu Saturnio*, 1868⁵⁸, работа о древнеиндийском⁵⁹, греческом⁶⁰, латинском⁶¹, персидском⁶², турецком⁶³, арабском⁶⁴ стихе, но прежде всего о стихе славянских народов⁶⁵, главным образом русском⁶⁶ *.

Замечательные наблюдения прежде всего в вопросах русского стиха — литературного или фольклорного — в пору возникновения натуралистически ориентированной ритмики, которая ошибочно отождествляет стих и его исполнение, в эпоху ритмики, которая исследует

---

* В машинописной копии с рукописи далее следует «гениальная интуиция Кирша, Пушкин», т. е. имеется в виду сборник русских песен Кирши Данилова, о котором Корш писал: *О русском народном стихосложении*. Известия II Отд. Акад. наук, 1896, т. I, кн. I. и *Разбор вопроса о подлинности окончания Русалки А. С. Пушкина по записи Д. П. Зуева* // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук, т. III, кн. 3, Санкт-Петербург 1898, с. 633—785; т. IV, кн. 1 и 2, Санкт-Петербург 1899, с. 1—100 и 476—588. См. также: *Пушкин и его современники*, изд. Академии наук, т. I, вып. III, Санкт-Петербург 1905. Там же см.: *План исследования о стихосложении Пушкина и словаря пушкинских рифм*.

и измеряет мельчайшие артикуляционные и акустические оттенки звуков в стихе. Корш понял⁶⁷, что, кроме различных звуковых реализаций, декламаций стихов, существует единый стих, стих как совокупность использованных с художественными целями языковых ценностей, и все эти разнообразные способы и оттенки интерпретаций подразумевают все тот же стих, всю ту же совокупность художественно использованных языковых ценностей, и когда некто в присутствии Корша рассказывал, какое эпохальное значение будут иметь для исследования фольклорного стиха его фонографические записи, Корш иронически ответил: певец поет былины не для воскового валика, а для слушателя. Корш прекрасно понимал, что главное — это не натуралистически точный акустический образ чтения, а стих как художественная интенция, при исследовании стиха важно не то, как его интерпретирует декламатор, а только то, что он исполняет, то, что остается неизменным и действенным вне зависимости от способов исполнения и несмотря на разнообразие этих способов. Не формулируя эти проблемы теоретически, на практике Корш оказывается первопроходцем сегодняшней, современной метрики, метрики фонологической. Много интересных наблюдений сделал Корш и в вопросах взаимоотношения между просодическими свойствами отдельных языков и метрическими системами, которые используются в этих языках. Это — эскизы к будущей типологии метрических систем. Плодотворные идеи мы находим и в попытках Корша реконструировать праславянский стих на основе сравнительного анализа отдельных славянских стихов, главным образом, конечно, фольклорных. В этих вопросах у Корша есть предшественники в русской славистике, прежде всего Срезневский⁶⁸. Конечно, в сопоставительных попытках Корша еще много преждевременных, порою очень и очень спорных гипотез. В особенности Корша можно упрекнуть за русский эгоцентризм в его метрических работах: рассуждая о стихе других славянских народов, он прямо руководствуется своими специфическими для русского языка метрическими привычками и распространяет их и на праславянский период.

Вторым классическим филологом и первопроходцем на поле поэтики был Зелинский. Большинство его работ посвящены вопросам ритма в стихе и художественной прозе, прежде всего древнегреческому и латинскому⁶⁹ ритму, а также общим проблемам ритма. Но исследования Зелинского затрагивали и смысловую сторону поэтической формы. Наиболее значительное из них — работа о времени у Гомера⁷⁰. В ней Зелинский наглядно показывает, что время в художественном произведении — это художественный прием, форма повест-

вования, компонент композиции, совокупность художественных конвенций, и что, напр., в стихах Гомера порядок повествования является одновременно последовательностью действия. Таким образом, в его произведениях не могут существовать две линии действия, которые разыгрываются одновременно в разных местах, одна из тем должна быть заглушена, подавлена. Когда формалисты поставили вопрос о времени как о поэтической конвенции, о времени как способе повествования, *façon de parler*, они вспомнили об этом ставшем для них импульсом труде Зелинского.

Однако бесспорно, что наиболее значительное влияние на развитие русской теории поэтического произведения, теории поэтической формы оказал Александр Потебня. По происхождению украинец, он родился в 1835 году, учился на филологическом факультете Харьковского университета, в те времена весьма провинциального, за границей на Западе он проучился только один год — в 1862 году, то есть еще до появления младограмматического течения, и стал в Харькове сначала доцентом, потом профессором и пробыл им до своей смерти. Умер он в 1891 году. То есть работал он в провинциальной среде, которая едва ли могла каким-то образом вдохновить его научную деятельность. Я намеренно обращаю внимание на эти факты биографии. Именно эта провинциальная среда придала учению Потебни его особый характер. Новые идеи лингвистов 1870—1880-х годов, конечно, оказывали влияние на Потебню, но лишь на расстоянии, основа, ядро его научных взглядов тесно связаны с более старыми этапами развития языкознания, науки и культуры вообще, с эпохой романтизма. Наиболее влиятельным его учителем может считаться Гумбольдт — знаменитый теоретик языка, живший в начале XIX века. Точно так же очевидна и связь философских идей Потебни с немецкой идеалистической философией первой половины XIX века, и взаимосвязь его идей о поэзии и мифе с романтическими взглядами на эти проблемы. Если бы Потебня работал в более прогрессивной культурной среде, то эти реликты наверняка были бы подавлены ведущими современными идеями и воззрениями. Но, как часто случается в истории культуры, именно этот провинциальный архаистический налет, именно то, что творческая личность не подверглась обезличивающему влиянию современных взглядов, именно эти факторы оказались прогрессивными. Приведу убедительный пример. Родоначальниками новой французской поэзии (я включаю в это понятие направления от символизма до современного сюрреализма), предшественниками ее были именно поэты, которые в свое время оставались на втором плане развития,

поэты, которые не попали в волну противоромантической реакции и сохранили тесные отношения с романтической поэзией. Таков Бодлер и — в особенности — Лотреамон [Ж. Амер и т. д.]. Именно своеобразное сочетание в работах Потебни новой проблематики, характерной для второй половины XIX века, с живой романтической традицией привело к тому, что эти работы привнесли так много идей в современную науку. И именно потому, что Потебня пребывает вне контекста определенной школы, находится на границе школ, что с точки зрения каждой ортодоксальной школы он являлся носителем неких еретических идей, ни о каком другом русском исследователе на поле языка и литературоведения не велось столько жарких споров и не звучало столько противоположных суждений, как о Потебне.

Если мы обратимся к учению Потебни, то должны, как совершенно верно заметил теоретик русского символизма поэт А. Белый в лучшем синтетическом труде о Потебне из всех, которые к настоящему моменту написаны (Логос, 1910)⁷¹, должны разделять ядро, основу учения Потебни и его невозможную, нелепую терминологию и его собственные попытки включить это учение в «науку о понятиях» психологии Гербарта⁷². Влияние психологии Гербарта, особенно попыток ее приложения к языкознанию, предпринятых его учениками Штейнталем⁷³ и Лазарусом⁷⁴, особенно заметно в работе Потебни «Мысль и язык»⁷⁵, вышедшей в 1862 году, когда Потебне было всего 25 лет. Это одна из первых работ Потебни, и основные положения его взглядов на язык и поэзию в ней, хотя уже и высказаны в общих чертах, но только как первый набросок, их формулировка еще очень незрела и утяжелена балластом некритически воспринятых и пассивно повторенных взглядов Гербарта, Штейнталя, Лотце⁷⁶. Но, поскольку эта книга стала известна как первая в России попытка написать введение в языкознание и поскольку это единственная обобщающая и популяризирующая работа Потебни, возникло обыкновение почти исключительно на основе этой книги рассматривать теоретические взгляды Потебни, именно опираясь на эту незрелую книгу, пропагандировать учение Потебни или полемизировать с ним, хотя гораздо более оригинальны и зрелы его позднейшие труды — «Из записок по русской грамматике» (1 — 1874, 3 — 1899, посмертно)⁷⁷, «Объяснения мр. и сродных нар. песен» (1 — 1883, 3 — 1887)⁷⁸, наброски и заметки лекций по поэтике, изданные учениками Потебни в 1905 году «Из записок по теории словесности»⁷⁹. На дебюте Потебни, повторяю, было сосредоточено наибольшее внимание, и это единственная его работа, которая выдержала 4 издания. Но хорошо еще, если читатели, подоб-

ные А. Белому, смогли найти в этой книге то самое, настоящее ядро. Чаще случалось так, что именно то, что в этой книге есть наиболее устаревшего и наименее оригинального, ее психологический балласт, считалось наиболее ценным ее содержанием и провозглашалось и популяризировалось как суть учения Потебни. Труды т. н. потебнианцев, учеников и последователей Потебни, посвященные анализу и популяризации учения Потебни о языке и поэзии, в действительности пропагандируют прежде всего т. н. психологию творчества Потебни, т. е. сделанную Потебней компиляцию психологических рассуждений Гербарта и его учеников, на сегодняшний день безнадежно устаревшую. Я говорю прежде всего о материалах, опубликованных в сборниках «Вопросы теории и психологии творчества»⁸⁰, которые начала издавать в 1907 году харьковская группа потебнианцев, а также об отдельных работах об учении Потебни в послереволюционных украинских публикациях. Именно на Украине вульгаризация взглядов Потебни продолжалась дольше всего и имела наибольший отклик. К сожалению, и научная критика взглядов Потебни, как правило, опиралась не на его собственные труды, а на искаженный образ, созданный его пропагандистами. Иногда это можно наблюдать и у русских формалистов, которые, полагая, что полемизируют с Потебней, на самом деле уничтожают условную икону, которую сотворили из его учения незванные апостолы. Такова, например, работа Шкловского о Потебне⁸¹. Потебнианство создало преграду между учением Потебни и формалистами, но если мы взглянем на основу обоих учений, то найдем много точек соприкосновения между ними. В некоторых вопросах формалисты делают выводы, которые когда-то наметил уже Потебня. В ряде случаев можно говорить о сходстве в развитии, но влияния идей Потебни здесь не было. Это не должно нас удивлять. Тем университетским школам, в рамках которых выросли формалисты, потебнианство было глубоко чуждо, формалисты узнавали об идеях Потебни главным образом из таких популяризаторских работ его эпигонов, которые могли разве что убить интерес к Потебне. Формальная школа сосредоточилась прежде всего на исследовании материала, именно путем исследования материала она хотела прийти к теоретическим познаниям, скептически относилась к научной традиции и на первых своих этапах почти не интересовалась историей науки. При этом мы не должны забывать, что формальная школа зарождалась в тревожных условиях войны и революции, когда не было возможности для спокойной, систематической, академической работы, она сосредоточивалась на научных вопросах, а не их истории. Но, несмотря

на все это, нельзя совершенно отрицать влияние Потебни на формалистов. Русские символисты, как поэты, так и теоретики поэзии, в отличие от эпигонов Потебни, оказались способны перенять из его учения именно то, что в нем было наиболее оригинальным, жизненным, плодотворным, и использовали большое число его идей. Белый прямо указывает на связь своей теории поэтического символизма с учением Потебни и обращает внимание на то, что и взгляды остальных передовых теоретиков и поэтов символизма опираются на Потебню. Он приводит, напр., суждения В. Иванова⁸² об отношении мифа к поэтическому символу и В. Брюсова⁸³ о самобытности поэтического слова. Русский формализм тесно связан с поэтикой символизма — и там, где он из нее исходит, и там, где он от нее отклоняется. От символистов он перенял и многочисленные идеи Потебни. Здесь мы не будем подробно разбирать учение Потебни, главное для нас — определить его место в истории русской науки о поэзии. Мы ограничимся кратким изложением тех идей Потебни, которые действительно означают новый этап в развитии этой науки и приближают нас непосредственно к пониманию этих проблем в работах формалистской школы. На этих вопросах мы остановимся в следующий раз.

Формальная школа

[III]

В прошлый раз я упомянул об основных идеях натуралистического мировоззрения, которое занимало ведущее положение в идеологии третьей четверти прошлого столетия, и констатировал, что проблема формы находилась за рамками данной доктрины, что эта проблема была искажена, недооценена, проигнорирована. Я отметил тесную зависимость младограмматического направления в языкознании от натуралистического мировоззрения и рассмотрел одно из следствий этой связи, а именно — исключение поэтического языка, поэтической формы из круга интересов младограмматической лингвистики. Только те языковеды, которые либо выросли в традиции классической филологии, либо сохранили связь с традицией романтического языкознания, успешно занимаются во второй половине прошедшего века исследованием поэтической формы. В эту категорию исследователей языка, которые являются как бы связующим звеном между романтизмом и современной проблематикой, я включил в первую очередь Потебню. Если мы хотим в полной мере осознать вклад Потебни в общую лингвистику и, прежде всего, в теорию поэтического языка, то мы должны, во-первых, освободить его идеи от их необоснованной психологической базы, а именно — от неподвижных механистических понятий и сомнительных терминов герbartовской психологии, а во-вторых, обращаться непосредственно к учению Потебни, а не к его вульгаризации, которая лежит на совести харьковской школы его последователей-потебнианцев, превозносящих из всего его учения именно психологические элементы, наименее оригинальные и плодотворные из всей его теории. При этом мы должны осознавать, что и современная критика учения Потебни часто была направлена против популяризаторских трудов его эпигонов, нежели непосредственно малопонятного, но неизмеримо более ценного учения Потебни.

Кстати, отмечу, что в чешской науке, в особенности в чешской поэтике необходимо аналогичное отношение к Дурдику⁸⁴, ценное наследие Дурдика должно быть абстрагировано от утяжеляющих его герbartовских конструкций. Мы должны признать, что герbartианство, несмотря на свою философскую и психологическую ущербность, предоставило отдельным гуманитарным наукам ряд рабочих гипотез, которые, хотя и исходили из ложных посылок, но содержали чрезвычайно продуктивные для этих наук идеи.

Основным, ведущим элементом учения Потебни, связующим все его учение, является воззрение Гумбольдта на языковые противоположности, языковые антиномии — представление, свойственное всей немецкой диалектической философии первой половины XIX века, но впоследствии загубленное односторонним натурализмом последующего периода. В формулировке Гумбольдта этот тезис звучит так: антиномия — необходимый компонент языка, сама сущность понятия «язык» предполагает ее наличие. Язык — это данное бытие, статика, готовое произведение, вещь, *ergon* — и в то же время возникновение, динамика, действие, творчество, *energeia*.

Языковое творчество, языковая деятельность предполагает существование языка как готового произведения, языка как данной нормы; человек говорит — это индивидуальный творческий акт, но чтобы его речь была понята, чтобы она, попросту говоря, могла выполнить свои функции, необходимо, чтобы существовал готовый язык, устойчивая знаковая конвенция. И наоборот — конвенция, язык как социальная ценность реализуется только в индивидуальной речи, в индивидуальном уникальном творческом акте, который сохраняет язык, обеспечивает непрерывное действие языковой конвенции и одновременно в чем-то ее необходимым образом изменяет, ибо творческий акт всегда привносит нечто новое, то есть непременно нарушает эту конвенцию. Здесь я привел пример того переплетения языковых антиномий, языковых противопоставлений, языковых противоречий так, как вслед за Гумбольдтом их формулирует Потебня. Гумбольдт, а вслед за ним Потебня говорят об антиномии объективности и субъективности слова, об антиномии речи и ее восприятия, об антиномии свободы и необходимости в речи, об антиномии личности и коллектива. Работа Потебни полемизирует с теми лингвистами, которые искусственно ограничивают многообразную языковую реальность, и прежде всего с теми, кто понимает язык исключительно как *ergon*, как готовую вещь, и обходят молчанием все то, что есть в языке творческого. Язык, постоянно подчеркивает Потебня, есть в равной степени деятельность и произведение. Достаточно привести эти соображения Потебни, чтобы мы могли а priori предположить, что проблема поэтического языка играет в его научном творчестве центральную роль, ибо лингвист, который ориентируется прежде всего на то, что есть в языке творческого, на намеренное нарушение и преодоление языковой конвенции, должен, несомненно, уделить особое внимание тем языковым формам, где это нарушение и преодоление конвенции является преднамеренным компонентом, движущей силой, он должен уделить исключительное внимание именно поэтическому языку.

Потебню вообще привлекают именно те лингвистические проблемы, где лучше всего можно наблюдать вторжение духа творчества в жизнь языка. Именно потому ключевым вопросом для него становится отношение языка к мышлению, потому вопросы значения слова, семантики занимают его больше, нежели проблемы формальной грамматики, и потому синтаксис, где возможность творческого самовыражения говорящего гораздо шире, нежели в морфологии, несравнимо ближе Потебне, нежели вопросы морфологии и словообразования.

Но к поэтическому языку Потебню ведет и иная причинная цепочка. Здесь Потебня отходит от Гумбольдта и полемизирует с его воззрениями. Для Гумбольдта язык и мыслительная деятельность неразрывно связаны в высшее диалектическое единство. Потебня возражает, говоря, что сферы обоих понятий не перекрываются полностью, напр., математические формулы не требуют слов, мысль скульптора или композитора невозможно выразить словами и т. п. Из этой неадекватности языка и мышления Потебня делает следующее заключение: слова, служащие идее, теряют свою автономию, идея подчиняет, покоряет слово и делает из языка как самодостаточной, самой по себе ценности всего лишь инструмент, идеалом идеи является ее собственная автономия, превращение слов и звуков, из которых складываются слова, всего лишь в графические знаки. То есть идея стремится приглушить звуковую форму слова и одновременно подавить или даже умертвить внутреннюю форму слова. Внутреннюю форму слова Потебня понимает как взаимодействие данного значения со всем набором его потенциальных значений, как взаимодействие основного, первичного значения слова с его вторичными значениями, а также как его взаимодействие как с однокоренными, так и с похожими или тождественными по звучанию словами, т. е. с омонимами, и со словами схожими или тождественными по значению, т. е. с синонимами. Идея же стремится превратить слово всего лишь в этикетку.

Согласно Потебне, центр тяжести или идеал слова — противоположен этому. Идеалом слова является его собственная автономия, полноправие, то есть как можно больший расцвет, как можно большая реализация, максимальная актуализация его внутренней формы и звуковой формы. В данном случае актуализируется значение слова как части пучка родственных слов, многообразие его значений, слово вступает в разнообразные действенные отношения со словами близкими ему звуковым составом или значением. Слово здесь — не просто этикетка, не однозначная эмблема, но символ в прямом смысле этого термина, то есть знак многозначный, знак с несколькими пла-

нами. Потебня ставит вопрос: где этот идеал наиболее действенно и последовательно осуществляется? Ответ очевиден: в художественном творчестве, в поэзии. Таким образом, поэзия — это высшее проявление языка. Идеалы языка и идеалы поэзии тождественны. Приведу цитату из Потебни*: «Мы находим в художественном произведении те же признаки, что и в слове, обнаруживаем в слове тот же идеал и ту же целостность, которая присуща искусству, делаем заключение, что и слово является искусством, а именно — поэзией».

В этом представлении о слове как эстетическом феномене, о поэтичности как основе самой сущности языка и главной движущей силе языкового развития Потебня заметно приближается к доктрине современной немецкой языковедческой школы, известной как «идеалистическая нефилологическая школа» (школа «эстетического идеализма»). Глава этой школы Фосслер⁸⁵ прямо отождествляет языковое творчество с поэтическим творчеством, язык с искусством и провозглашает развитие языка эстетической проблемой.

Аргументация Потебни, которую мы кратко изложили, содержит две основные ошибки. Тезис Гумбольдта о неразрывной связи языка и мышления, об их диалектическом единстве, в основе своей верен, если осознавать, что термин «язык» здесь использован в более широком смысле слова, нежели в общепринятом понимании. Этот тезис верен, если мы понимаем термин «язык» как обозначение любой знаковой системы. Идея и знак неразрывно связаны в высшее диалектическое единство. Таким образом, оказываются несостоятельными и возражения Потебни, ибо, хотя язык математических формул или язык музыки не является словесным языком, он, подобно словесному языку, является знаковой системой и, таким образом, как и язык слов, звуков, является предметом семиологии, т. е. науки о знаках. Связь языка с мышлением, таким образом, не является случайной, эпизодической, а потому мы не можем считать установку языка на идею, установку знака на объект реальности, предметность, материальность

---

* Яacobсон несколько перефразирует слова Потебни, в оригинале цитата в контексте звучит так: «Находя, что художественное произведение есть синтез трех моментов (внешней формы, внутренней формы и содержания), результат бессознательного творчества, средство развития мысли и самосознания, т. е. видя в нем те же признаки, что и в слове, и наоборот, открывая в слове идеальность и цельность, свойственные искусству, мы заключаем, что и слово есть искусство именно поэзии» (Потебня А. А. *Мысль и язык*. Репринт. изд. Киев: «СИНТС», 1993. С. 137). — *Прим. пер.*

(Gegenständlichkeit) знака чем-то гетерономным по отношению к знаку. Напротив, установка на предметность является сущностью знака, и прежде всего основой слова, основой языка. Знак, и в особенности слово, обозначает нечто, иначе он бы не был бы знаком, это его собственная функция, его идеал. Каково отношение этого центра тяжести, этого языкового идеала к языковому идеалу, который выделяет Потебня и который можно определить как установку на знак или самодостаточность, самоцельность знака. Здесь мы снова сталкиваемся с одной из основных языковых антиномий. Обе функции знака здесь неразрывно связаны — информативная функция, ориентация на предмет, и поэтическая функция — установка на сам знак. Установка на знак предполагает одновременное существование противоположной функции, то есть ориентации знака на объект реальности, ибо иначе знак перестает быть знаком и обращается в ничто. Повторяю — знак, не предназначенный для того, чтобы что-то означать, — нечто абсолютно невозможное, *contradictio in adjecto*. И наоборот, говоря о том, что знак представляет объект, мы не можем терять ощущение знака, чувство знака, мы должны — чтобы осознать предметность, вещественность знака — осознавать противоположность, различность, дуализм знака и означаемого объекта, то есть должны подразумевать знак как таковой, принимать его как предмет *sui generis*. Иными словами, информативная функция обязательно предполагает одновременное существование установки на знак, стремление знака к независимости, к автоцентризму, в общем, предполагает присутствие поэтической функции.

Что такое речь практическая? Это речь преимущественно практическая, речь, в которой преобладает информативная функция. В поэтической речи, напротив, доминирует функция поэтическая. Если, как мы уже отметили, Потебня выступает против ликвидации отдельных членов основных языковых антиномий, которое обедняет понятие «язык», то он сам грешит против этого правила, односторонне отождествляя язык и поэзию. Эти возражения *mutatis mutandis* могут быть использованы и против учения Фосслера.

Но даже если попытки Потебни и — позже — школы Фосслера отождествить язык и поэзию являются ошибочным постулатом, благодаря последовательному приложению этого постулата в обоих случаях появился ряд важных открытий. В особенности Потебня при этом обнаруживает различные формы использования поэтической функции как в поэзии, так и за ее рамками. Он прежде всего показывает, как разнообразно и эффективно при этом бывает использована

внутренняя форма слова. Гораздо раньше, чем Марти⁸⁶ и Гуссерль⁸⁷, он подчеркивает важную лингвистическую проблему — способ, которым знак обозначает объект, то есть значение слова, которое является компонентом знака и при этом чем-то иным, нежели объект, который подразумевается этим значением, т. е. Потебня уже, в сущности, различает общее значение слова и его актуальное значение, используя терминологию современной лингвистики. Например, метафора является значением слова, это *façon de parler* говорящего лица, но метафора может быть объективирована языковой фигурой, она может быть проецирована на реальность, воспринята как имманентный компонент реальности. Поэтической образ становится мифом. Я обращаю внимание на эту проблематику в работах Потебни прежде всего тех, кто занимается вопросами фольклора, народной мифологии и их связи друг с другом.

Однако, с другой стороны, Потебня указывает на то, как опасна односторонне реалистическая интерпретация поэтического произведения, напр. народной поэзии. Он, например, показывает, как часто в народной лирике мы получаем обманчивое впечатление поэзии описательной, как, казалось бы, предметно, объективно описывается эмпирическое действие и его кулисы — а *de facto* это, как правило, не что иное, как особое употребление, особая мотивация традиционных лирических метафор, при котором совокупность метафор обыгранных, хорошо знакомых в данном обществе, подается как бы в виде действия и его кулис. Я обращаю внимание и на эти детальны анализы поэтики фольклора в работах Потебни главным образом потому, что до настоящего времени в славистике эти значительные вопросы фольклористики почти не разрабатывались и что до сих пор возможны такие нелепые заявления, как утверждение Эрбана в его недавней работе о метафорах, опубликованной в нынешнем году в *НР* («Наше Ржеч»): согласно ему, в народной поэзии очень мало метафор⁸⁸.

Я обратил ваше внимание на предшественников формальной школы в русской лингвистике второй половины XIX века. Но проблема формы существовала и в современном ей литературоведении. В русской истории литературы второй половины XIX века интерес к литературному произведению как к документу культурной или социальной истории был гораздо выше, нежели интерес непосредственно к художественному произведению. Этому было несколько причин: во-первых, именно тогда, как я уже указывал, воздействие западной науки на русскую было особенно интенсивным, и на русскую науку о литературе ощутимо влияли современные западные литературно-

исторические школы, ориентированные культурно-исторически или социологически. Во-вторых, механистическое мировоззрение той эпохи понимало форму и содержание литературного произведения как две механически связанные, но, по сути, не зависимые друг от друга компоненты; с этой точки зрения форма была всего лишь оболочкой. Историк литературы абстрагировал содержание от формы, как бы распаковывал содержание, и интерес к упаковке был для него интересом к чему-то внешнему, второстепенному, то есть интересом второстепенным. Той эпохе было чуждо учение о целостности структуры, включающей в себя качества, отдельным компонентам этой структуры чуждые и изменяющие сам характер этих элементов, той эпохе была чужда мысль о том, что отдельные фрагменты могут определять всю структуру и что именно таково отношение формы к художественному произведению. В-третьих, сказывалось влияние особенностей российской политической обстановки, когда публицистика с ненавистью подавлялась сверху и запрещалась полицейскими мерами; в то же время такие науки, как философия и социология, вели зачастую полулегальное, а иногда и просто совершенно нелегальное существование, а потому художественная литература контрабандой передавала то, что не могло быть заявлено прямо, то есть исполняла функции публицистические, философские, политические и вела упорную скрытую борьбу с реакционным социально-политическим режимом. Тогда возник специальный термин «эзопов язык» для обозначения системы намеков, эвфемизмов, аллегорий и прочих средств, при помощи которых передовое с социально-политической точки зрения художественное произведение должно было защититься от цензуры, и характерно, что цензура того времени, как правило, действительно пропускала такие произведения, ибо цензура прошлого века, даже самая строгая, в отличие от современной цензуры занимала позицию преимущественно формальную. Также и история русской литературы осваивала функции смежных научных дисциплин, которые режим отвергал или прямо преследовал. Так, русская история литературы была во второй половине XIX века одновременно историей политической идеологии, историей социальной, историей философии и т. д. Если же предметом истории становилась новая русская литература, то этот принцип работал почти без исключений. Только для тех периодов, к которым публицистически ориентированная история литературы проявляла меньший интерес, ибо эти отрезки не предоставляли благодарного материала для его намерений, могла появиться иная, отличная научная проблематика. Такими отрезками были главным

образом древнерусская литература и сравнительная история литературы, особенно сравнительная фольклористика. Удаленность от социально-политической направленности древнерусской литературы и ее бедность этой проблематикой, а также вопросы критики текста — все это прямо принуждало к анализу литературной формы древнерусских памятников, и произошел естественный переход от косной филологической интерпретации этих памятников, школы Тихонравова⁸⁹, к более внимательному разбору стиля, к формальному анализу, пусть поначалу даже и примитивному и упрощенному. В роли сознательных приверженцев формального разбора древнерусской литературы как важного вспомогательного средства выступают, однако, лишь в начале нынешнего века Перетц и Орлов.

Перетц «Из лекций по методологии истории русской литературы», 1914⁹⁰. В этой работе Перетц, основываясь на своем опыте исследования древнерусской и древнеукраинской литературы, подходит непосредственно к проблеме определения истории литературы, ее предметов, задач и методов. Перетц осуждает характерное для того времени неразличение поэтической функции и познавательной функции. Он приходит к заключению, что жизнь, как ее описывает литература, не является изображением действительности, но поэтической творческой фикцией. Он заявляет, что основная задача литературного историка — не содержание произведения, а то, как оно выражено. Важной стороной литературы для него становится форма в широком понимании этого термина, и эту формальную точку зрения Перетц считает единственно возможным отправным пунктом для историка литературы. Он определяет историю литературы как историю литературных форм, воплощающих идеи и истории идей только постольку, поскольку они влияли и влияют на развитие форм. В этих своих взглядах Перетц опирается не только на свой богатый опыт, полученный в результате плодотворного филологического анализа и классификации многочисленных памятников древней русской и украинской письменной культуры, но прежде всего на учение величайшего русского историка литературы прошлого века, ученого мирового значения и с мировым именем, первопроходца сравнительной литературной истории в России Александра Веселовского. О его значении для развития формальных исследований в России мы поговорим в следующий раз.

Формальная школа

[IV]

В прошлый раз я кратко рассказал о взглядах Потебни на язык и поэзию. Если не говорить о тех лингвистах, которые выросли из классической филологии и сохраняли традиционный интерес к поэтическому языку, то именно Потебня был единственным русским лингвистом конца XIX века, который активно занимался подобными вопросами. Вопросы поэзии как таковой, тех специфических черт, которые делают поэтическое произведение именно поэтическим произведением, вопросы поэтичности, проблемы поэтической формы были в русском литературоведении, как правило, отеснены на второй план, особенно в истории новой русской литературы, которая стремилась удовлетворить прежде всего интересы публицистические, интересы социально-политические, культурно-исторические, философские. Однако историк литературы, обладающий широким кругозором и последовательным мышлением, историк литературы, стремящийся продумать вопросы методологии, должен был в конце концов понять, что так продолжаться больше не может, и искать пути выхода из этого состояния. Эту роль взял на себя передовой русский историк литературы второй половины XIX века. Хотя история общественной мысли, история русского общества, русской культуры, которые разрабатывались в то время, как правило, под маской истории литературы, давали в работах таких замечательных ученых, как Пыпин, интересные результаты, новые сведения, пространные концепции и т. п., однако историка литературы, который хотел действительно оставаться верным своему предмету, эти постоянные отклонения не могли удовлетворить. И в самом деле, Веселовский с самого начала своей научной деятельности неустанно задается вопросом, что есть специфический предмет литературоведения, или, согласно излюбленной терминологии некоторых языковедов, «каков его герой». Потебня и Веселовский — современники, они в одно время учились, одновременно вышли на ниву науки, их работы имеют много точек соприкосновения друг с другом, а главное — они занимались смежными проблемами фольклора; мало того, оба одновременно слушали в Берлине лекции Штейнталя, хотя и сумбурного, но, бесспорно, талантливого и богатого идеями языковеда и психолога, едва ли не зачинателя новой научной дисциплины — этнической психологии, *Völker-psychologie*. Веселовский и особенно Потебня, безусловно, многое почерпнули из лекций Штейнталя, глубокого, но в то же время эклектичного языковеда-теоретика, который

дерзновенно пытался связать языковую теорию Гумбольдта с элементами философии Гегеля и психологией Гербарта. Но я должен заранее подчеркнуть: несмотря на эти общие биографические черты, научные индивидуальности Потебни и Веселовского весьма отличаются. Я уже упоминал некоторую провинциальность Потебни, ту атмосферу глубинки, которая большей частью его окружала. Эта провинциальность дала возможность проявиться, а главное — законсервировала близкую связь взглядов Потебни с наукой эпохи романтизма, особенно с романтическим учением о языковых антиномиях, с романтической мифологической школой фольклористов и т. п. Это своеобразное сочетание современного эмпиризма с романтическими элементами сделало Потебню первопроходцем в развитии русского языкознания и — прежде всего — в развитии русской поэтики. Напротив, Веселовский был типичным воспитанником шестидесятых и семидесятых годов, ортодоксальным приверженцем естественных наук и их точных методов, которые в то время считались образцом науки вообще. Веселовский родился в 1838 году, умер в 1906 году. Хотя его университетским преподавателем был типичный носитель романтической традиции в русской гуманитарной науке, выдающийся представитель Grimмовой (мифологической) школы Буслаев⁹¹, молодой Веселовский положительно относился лишь к сосредоточенной работе на материале фольклора и памятников древнерусской письменности, но с самого начала отрицательно воспринял мифологические гипотезы своего учителя и романтический культ национальной самобытности. В предисловии к своей докторской диссертации он провозглашает «возвращение к реализму»: «...мы так долго витали в романтическом тумане праарийских мифов и верований, что с удовольствием спускаемся к земле». Уже в студенческие годы он оказывается под влиянием таких характерных представителей тогдашних новых идеологических направлений, как, напр., философ Фейербах или Бокль, автор «Истории цивилизации в Англии»⁹², и во время своего долгого пребывания на Западе осваивает новейшие достижения натуралистического сравнительного языкознания и проникается его идеями, становится последователем немецкого исследователя Бенфея⁹³, который пытался применить эти лингвистические открытия в литературоведении. И если Веселовский входит в число основных предшественников формальной школы, то предпосылки для этого у него совершенно иные, нежели у Потебни. Потебня не принял и не усвоил в полной мере новые направления в науке, и, как, например, его немецкий современник Шухардт⁹⁴, остался в некоторых вопросах в оппозиции, сохранил собственную точку зрения,

тогда как Веселовский в литературоведении (как Бодуэн де Куртене или де Соссюр в лингвистике), в совершенстве овладел новой проблематикой, выступал как решительный, а где-то и как инициативный сторонник новых направлений, но, подобно Бодуэну или Соссюру, был более последователен при постановке основных вопросов, нежели ортодоксальные представители этих направлений, а потому сумел обнажить и определенные внутренние противоречия в этих направлениях и попытался преодолеть их. Он нащупывает новые пути, но при этом остается связанным своими исходными позициями, ни он, ни Бодуэн, ни Соссюр так никогда и не смогли отказаться от позитивистских основ своего мировоззрения.

Идеалом науки с точки зрения Веселовского были и остаются науки естественные. И если в своем дневнике он с опаской задается вопросом, может ли быть история литературы предметом науки и вообще является ли история наукой, то речь идет именно о требованиях, предъявляемых к естественным наукам. Неизменным образцом для Веселовского в его попытках научной историографии литературы является та из гуманитарных наук, которая в ту эпоху больше всего приблизилась в общем восприятии, методах и их точности к наукам естественным, то есть лингвистика, сравнительное языкознание. Он подчеркивает, что пока оно остается и, видимо, надолго останется для него идеалом.

Веселовский в самом начале своей научной деятельности — уже в 1863 году — ставит вопрос ограничения предмета литературоведения. Он вопрошает — что есть литература? Исчерпывается ли это понятие только письменной культурой? Конечно, нет, ибо к ней принадлежит также эпос, народная песня и множество неписьменных памятников. То есть литература — это словесность, вся совокупность словесной продукции. И молодой Веселовский готов включить в историю литературы также литературу научную и философскую⁹⁵. Конечно, он признает, что при этом возникают трудности: история философии — особый предмет, история церкви тоже и т. д. Что же тогда остается историку литературы? Действительно ли только художественная литература, только поэзия? Но против этого молодой Веселовский, несомый течением русских шестидесятых годов, возражает, что теперь нет времени для специальных изысканий в вопросах красоты, в развитии поэтических идей. Время поэтик и риторик безвозвратно прошло. Это говорит будущий автор исторической поэтики⁹⁶, тот самый Веселовский, который позже, так и не изменив своих исходных философских взглядов, будет считать историческую поэтику своей главной задачей, делом своей жизни. Молодой Веселовский не хочет признать Штейн-

талево ограничение предмета литературоведения поэзией. Ведь, даже приняв это ограничение, мы бы непременно его переступили, ибо и при изложении поэтических произведений мы, по мнению Веселовского, вынуждены искать объяснения в политическом, религиозном развитии и т. д. И Веселовский предлагает собственное определение: история литературы — это история образования, культуры, общественной мысли в той степени, в какой они находят отражение в поэзии, в науке и в жизни. Понятно, что молодой Веселовский пока говорит не об изучении памятников словесного искусства, но о познании на их основе духовной и материальной жизни. Это характерная концепция шестидесятых годов, типичная пьпинская концепция. Но Веселовский на ней не остановился. Спустя 30 лет во введении в поэтику он с сожалением пишет, что история литературы напоминает ему географическую зону, которая в международном праве называется *res nullius* (ничье имущество, нейтральная полоса)⁹⁷. Там промышляют и историки культуры, и эстетики, и исследователи социальных проблем. Он ищет определение истории литературы, которое точнее бы ограничило ее предмет. «История литературы — это история общественной мысли в образно-поэтическом переживании и в выражающих это переживание формах. История мысли — более широкое понятие, литература — частное его проявление. Ее определение предполагает точно понимание того, что есть теория поэзии и что есть развитие поэтического сознания и его форм».

Если сравнить оба приведенные определения — 1863 и 1893 гг., то необходимо признать правоту ученика Веселовского Перетца, который определяет развитие своего учителя как путь от истории культуры к исторической поэтике, то есть к истории поэтической формы. Логическая необходимость дать определение литературоведению, отграничить его от остальных гуманитарных наук вела Веселовского в этом направлении.

В прошлый раз мы останавливались на основной языковой антиномии, которую открыл Гумбольдт — язык есть одновременно и неизбежно *energeia* и *ergon*, иными словами — язык есть одновременно традиция и динамичное творчество, статичная норма и ее преодоление, законченный объект (вещь) и непрерывное зарождение. Противоположность эту хорошо понял Потебня, однако он ошибочно отождествлял языковую энергию с поэзией, а язык как *ergon*, как сформировавшуюся речь — с прозой.

Это противопоставление Гумбольдта явно ощущал и гениальный женеvский лингвист Соссюр, но он ошибочно полагал *ergon*, ста-

тичную языковую норму, *langue* в своей терминологии, за факт исключительно социальный, а творческий языковой акт, *parole* в своей терминологии, считал фактом сугубо индивидуальным. В действительности и язык как социальная ценность, язык в его социальном аспекте является одновременно предметом, объектом, *ergon* — и творчеством, энергией, и в то же время обе эти ипостаси объединяет язык отдельной личности — с одной стороны, это индивидуальное достояние, индивидуальная застывшая норма, с другой стороны — неповторимый акт творчества.

Когда Соссюр отождествляет гумбольдтовское понятие *ergon* с языком как социальным явлением, а понятие *energeia* с языком как явлением индивидуальным, он оказывается прав в том смысле, что доминантой, ведущей задачей языка социального является его статика и нормативность, а ведущей ролью языка индивидуального является именно динамика, именно акт творчества. Находясь под влиянием своего мировоззрения, Соссюр не мог признать преднамеренность языковых изменений, и потому динамику социального языка он не отождествляет с актом творчества, но понимает его как постоянные и разрушительные механические вторжения извне в жизнь языка. Но как смотрели на язык ортодоксальные младограмматики? Они вообще исключали проблему преднамеренности, творчества, и потому для них антиномия Гумбольдта вообще как бы не существовала: для младограмматиков с их культом внешней эмпирии единственная реальность — это индивидуальная речь, только она реализуется, только она проявляется эмпирически. Но эту индивидуальную речь, которой оперируют младограмматики, мы не можем интерпретировать как *parole* де Соссюра, младограмматики вообще не говорят о творческом индивидууме, но исключительно о личности как носителе определенных унаследованных языковых навыков, и эти языковые навыки мы тоже не можем отождествлять с понятием Соссюра *langue* или с гумбольдтовским *ergon*, ибо совокупность этих навыков младограмматики воспринимали чисто автоматически, как механическое скопление, а не как целостность, как самостоятельную структуру. Вторжения извне перетасовывают, изменяют, уничтожают, разлагают эти языковые навыки, это называется «языковые изменения», и изменения эти, это обусловленное извне языковое развитие является основным объектом младограмматической лингвистики.

Мы уже сказали, что именно ориентированная на младограмматический подход лингвистика стала отправным пунктом исторической поэтики Веселовского. На первый взгляд кажется парадоксальным,

что научное направление, исключаящее проблему преднамеренности, проблему творчества, могло быть применено к исследованию поэтического творчества. И мы действительно констатируем, что Веселовский исключает из поэтики проблему художественного творчества.

Энгельгардт в своей книге «Александр Николаевич Веселовский», лучшей монографии о Веселовском (Петроград, 1924)⁹⁸, дает очень меткую сравнительную характеристику Веселовского и Потебни. Оба исследователя как бы поделили между собой антиномию Гумбольдта. Потебню занимает в литературе главным образом творчество, действие, *energeia*, тогда как предметом исследования Веселовского становится исключительно литература как череда художественных произведений. В работах Веселовского самая тонкая, неуловимо субъективная лирика наполняется историческим материалом, отвердевает и распадается на традиционные элементы, доступные самому объективному разбору, тогда как у Потебни и самое устоявшееся, самое закостеневшее в своей исторической данности явление размягчается и превращается в сложный комплекс постоянно изменяющихся индивидуальных процессов. Это наблюдение Энгельгардта верно. Потебня видел в поэзии лишь творчество, Веселовский же элемент творчества либо недооценивал, либо сознательно исключал из своей литературно-исторической работы проблему творческого акта, проблему творческой личности как компонент иррациональный и научно необъяснимый, он прямо провозглашал по отношению к этой проблеме *ignorabimus*, но зато выделил не менее важную проблему — проблему поэтического наследия, или народного поэтического *koine*, по собственному определению Веселовского. Исследователь под этим подразумевает огромный арсенал распространенных формальных средств, готовых схем, различных клише, которыми располагает каждый поэт. Именно судьбу этого арсенала изучает Веселовский, он прослеживает судьбу его отдельных элементов вплоть до доисторической эпохи, подобно историческому языкознанию, и использует при этом преимущественно сравнительные методы, как это делало историческое языкознание. Например, в своих работах по исторической поэтике, переизданных в первых двух томах собрания его сочинений⁹⁹, при помощи этого метода он анализирует развитие поэтических жанров в европейской литературе, развитие отдельных средств создания формы, напр. параллелизма или эпитета. В своей работе «Южно-русские былины» (сб. XXII, XXXVI)¹⁰⁰ он пытается при помощи сравнительного метода проследить развитие восточно-

славянского народного эпоса. У великороссов, особенно у северных великороссов, древнекиевский эпос не только сохранился, но и пережил богатое развитие, на юге же, в украинском фольклоре, остались только незначительные следы этого эпоса. Веселовский скрупулезно отыскивает эти реликты в украинской народной поэзии и сравнивает обе версии эпоса — великорусского и украинского — чтобы реконструировать общий источник, то есть действует по примеру исторической диалектологии. Особое внимание в своих работах он уделяет разнообразным вопросам международной миграции литературных элементов; значительное влияние на него имел в этом смысле Бенфей, однако Веселовский требует большей методической точности при нахождении отдельных влияний, отдельных заимствований. И здесь он руководствуется примером лингвистов, занимающихся вопросами заимствованных слов и форм, вопросами языковых влияний. Требования, которые он в своей сюжетной поэтике предъявляет к исследователю, применяющему к проблематике литературных сюжетов сравнительный метод, в сущности те же, что и методологические критерии Мейе в его рассуждениях о сравнительном методе в лингвистике. Веселовский отмечает, что простые формулы литературных мотивов, напр. формулы типа $a + b$ *злая старуха ненавидит красавицу и дает ей задание, опасное для жизни*, подробные формулы могли независимо друг от друга появиться в различные эпохи и в различных этнических общностях. Их сходство должно объясняться не перениманием или общим происхождением, но сходством социально-политических предпосылок. Мы уже констатировали, что вопросов творчества Веселовский избегает, а потому предпочитает проблематику традиции, связи с традицией, вопросы повторения старых или чужих образцов и т. д. Потому в его литературно-исторической деятельности ключевыми проблемами становятся, с одной стороны, миграция сюжетов в средневековых литературах, с другой — итальянский ренессанс, возрождающий, воссоздающий старую традицию, с третьей стороны — такой типичный «культуртрегер» в развитии русской литературы, как Жуковский, который играет для русского романтизма такую же роль, как Врхлицкий для чешской поэзии конца XIX века. Веселовский с его теорией поэтического *koine* обладает необычайно развитым чутьем к вопросам литературной конвенции. Он весьма точно отмечает, что конвенциональность поэтических жанров, литературных видов в основе своей столь же определена, как конвенциональность средневековой или народной поэзии, и что протест романтиков против классицизма во имя сво-

бодной формы народной песни является, собственно, переходом от одной конвенции к другой. Веселовский учит, что поэт использует обязательный для него стилистический лексикон и что сходный принцип может быть применен и при анализе поэтических сюжетов: здесь представлены те же знаки общности и повторяемости от мифа к эпосу, сказке, легенде и роману; и в этом случае можно говорить о лексиконе типичных схем и ситуаций, к которому привыкла обращаться фантазия для выражения того или иного содержания. Веселовский задается вопросом, могут ли распространяться эти принципы и на современную прозу с ее сложными сюжетами и с попыткой фотографического воспроизведения реальности. На первый взгляд кажется, что нет. Но Веселовский убежден, что когда следующие поколения будут смотреть на эту литературу с более отдаленной перспективы, то и современная литература с ее схематизмом и конвенциональностью сольется с литературой более старой. Большая заслуга Веселовского в том, что он понял существенное различие между фабулой поэтического произведения, которая относится к реальности, предметному миру, и сюжетом, который является компонентом художественной формы; сюжет — это одно из средств создания формы литературного произведения. Только в работах Веселовского 90-х гг. это суждение, не менее важное для современной науки, нежели открытие Потемной того, что значение — это компонент знака, развивается в полной мере.

Между сюжетом и фабулой существует такое же принципиальное различие, как между значением слова и предметом, который обозначен этим словом, различие, о котором мы говорили еще в прошлый раз. Это положительные стороны исторической поэтики Веселовского; теперь перейдем к сторонам отрицательным. Основным недостатком трудов Веселовского является отсутствие имманентного разбора поэтической формы и ее развития. И эту черту мы находим, собственно, уже в образце, которым руководствовался Веселовский — младограмматической лингвистике. Вопрос языка как преднамеренной, функциональной структуры в младограмматической лингвистике не ставится, то есть отсутствует описание структуры, как это замечательным образом раскрыли еще Соссюр и Бодуэн.

Обнаруживается лишь последовательность языковых явлений, обнаруживаются языковые реликты и отдельные языковые изменения, изменения поверхностно сводятся к внешним вторжениям, ни о каком имманентном изложении языковых изменений речь вообще не идет, вопрос внутреннего развития языковой системы находится вне

младограмматической проблематики. И поэтическая форма для Веселовского — механическая надстройка, каждое изменение формы объясняется влиянием извне, о внутреннем развитии формы или, словами Гегеля, о ее саморазвитии (*Selbstbewegung*) не идет речи вовсе, как и о возможности обратного влияния надстройки на базис, в данном случае — воздействию формы на содержание. Согласно Веселовскому, новое актуальное содержание, новые элементы свободы, возникающие с каждым новым поколением, наполняют и изменяют старые формы, приспособливают под себя традиционный набор форм. Эволюция литературных форм, иными словами, обусловлена развитием теоретического и практического мировоззрения. Изменение поэтической конвенции — это механическое следствие изменений социально-психологических. Любая дифференциация поэтических форм предполагает определенные социальные изменения, и в наиболее острую фазу процесс дифференциации входит тогда, когда на арене общественной жизни появляется новая культурная группа, которая лишь укрепляет свое положение и, борясь с традицией, утверждает собственный канон.

Героическая песнь возникла в условиях конфликта двух противоборствующих племен, лирика — при конфликте одной группы с другой в пределах одного коллектива, в борьбе за новые формы жизни, в борьбе, обостряющей групповое самосознание. Идея о связи литературных изменений с изменениями социальными повторяется у Веселовского часто, и это, конечно, была плодотворная мысль для развития социологической поэтики, однако Веселовский понимает эту связь механически и односторонне.

Возникновение поэтической формы в концепции Веселовского — это отмирание содержания, превращение содержания в голую форму, напр. анимистический миф превращается в формальный параллелизм. Здесь Веселовский затрагивает теорию мифологии, которой он обычно пренебрегает, и затрагивает только потому, что и идея самобытности и саморазвития формы для него совершенно неприемлема. Каждое средство создания художественной формы Веселовский объясняет факторами внепоэтическими, внеэстетическими. Так и сюжет он выводит из предпосылок социально-психологических и при этом не осознает, что сюжет — это не просто скопление мотивов, но художественное использование, художественная совокупность мотивов, что это особая художественная структура, и потому не должно удивлять возникновение аналогичных, пусть и сложных сюжетных схем в разные эпохи и в разных ситуациях. Здесь действуют общие зако-

ны художественной композиции. Однако это было бы имманентным истолкованием, чего Веселовский допустить не мог, а потому только новая русская формальная школа, только работа Шкловского могла в полной мере применить тезис Веселовского о сюжете как компоненте художественной формы.

Веселовский был слишком внимательным наблюдателем, чтобы на самом деле не замечать случаев сгущения поэтической формы, случаев, когда форма становится самостоятельной, примеров ее откровенной автономности. И в самом деле, он открыто признает, что напр. попытки размежевания прозы и поэзии на основании их содержания терпят крах. Он прямо провозглашает, что вопрос различия между языком прозы и языком поэзии должен быть поставлен «*чисто формально*». Веселовский вынужден признать и ведущую роль, которую в поэзии приобретает ритм — но я специально подчеркиваю — вынужден признать. Это разрушает его концепцию, и Энгельгардт по праву отмечает, что Веселовский в своей поэтике явно избегает вопросов ритма, ибо здесь было бы довольно сложно последовательно объяснить форму содержанием. Веселовский признает, что превращение содержательного параллелизма в чисто ритмический параллелизм — это обычное явление в поэзии. Часто рифма и вообще звуковая форма начинает господствовать над содержанием, так что именно звуки диктуют следующий стих. «Этот распад поэтического языка начался давно», — констатирует Веселовский, и вы наверняка отметили полное сходство между этим мнением и взглядами младограмматиков на фонетические изменения как на явления разлагающие, разрушающие. Это сходство осознает и сам Веселовский и добавляет: «Но что есть распад? Ведь и в языке распад звуков и флексий часто имеет немедленную победу мысли над фонетическим знаком, который ее связывал».

Внутреннее противоречие в исторической поэтике Веселовского было неизбежно. Поэзия, которая и своим греческим названием прямо напоминает, что она есть творчество, поэзия, которая является наиболее преднамеренной, искусственной формой языка, должна была быть в этой отважной попытке Веселовского абстрагирована от понятий *творчество* и *преднамеренность*.

Не случайно, что эта попытка не была завершена, что она была прервана за несколько лет до смерти автора — в последние годы своей жизни Веселовский ищет иные, более узкие темы, и в его рукописных записях мы находим такое извиняющееся замечание: «Задача исторической поэтики: абстрагировать законы поэтического творчества

и абстрагировать критерии для оценки их явлений из исторического развития поэзии».

Творчество, преодоление конвенции, понятие Гумбольдта *energeia* здесь становится центром внимания Веселовского. Новые задачи, которые неизбежно вытекали из этого нового тезиса, стали рабочей программой следующего поколения.

Формальная школа

[V—VI]

[V]

В прошлый раз я обратил внимание на основные черты поэтики Веселовского. Несомненно, Веселовский привнес много новых, плодотворных идей в исследование поэтической формы, особенно в исследование поэтической традиции, но, тем не менее, его работы — это только замечательные предвестники исторической поэтики. Создание новой дисциплины тормозила философская позиция Веселовского, типичного воспитанника своей эпохи, который не был способен последовательно преодолеть натуралистическое восприятие гуманитарной проблематики. Его ученики усердно трудились на ниве сравнительной истории литературы и общего литературоведения и подробнее проработали отдельные тезисы своего учителя. Помимо прочего, они выдвинули программное требование исследования формы как специфического, определяющего компонента литературного произведения. Однако те теоретические предпосылки, которые, как я отметил в прошлый раз, не позволили Веселовскому систематически разрабатывать формальные проблемы, действовали как скрытый, но тем не менее сдерживающий момент и в работах его учеников, которые в этом смысле остались всего-навсего эпигонами Веселовского.

Из учеников Веселовского я назову Аничкова, автора интересной работы по сравнительному фольклору «Весенняя обрядовая песня»¹⁰¹, Батюшкова, автора детального труда о международной миграции поэтического сюжета «Спор души с телом»¹⁰², Шишмарева, исследователя западной средневековой поэзии¹⁰³, Евлахова, автора смелой, но несколько преждевременной попытки создать Введение в философию художественного творчества («Введение в философию художественного творчества» в 3-х т., 1910—1917)¹⁰⁴. Наконец, на Веселовского опирается и выдающийся исследователь древнерусской литературы Перетц, чьи методологические работы я уже упоминал. То есть мы видим, что и в русском языкознании и русском литературоведении конца XIX — начала XX века, наряду с ведущими направлениями, равнодушными к вопросам формы, постоянно существовали попытки систематического исследования этой проблематики. Эти явления, второстепенные с точки зрения линии развития русской науки второй половины XIX века, но чрезвычайно важные и значительные для ее дальнейшего развития, находят параллели и в русском литературном

развитии. И на периферии литературы того времени существуют подобные явления. Наряду с откровенно «иконоборческими» тенденциями, характерными для новых, демократических направлений литературы 60-х и отчасти 70-х и 80-х гг., существовала старая, классическая, дворянская литература. Она еще удерживала свои ведущие позиции, была жизнеспособной, и эти «иконоборческие» тенденции были ей абсолютно чужды. Конечно, эта литература — о чем имеются многочисленные высказывания ее представителей: Тургенева, Гончарова, Достоевского, Лескова — все более ощущала свое идеологическое противоречие с авангардом младших поколений, не располагала поддержкой критики и иногда даже в своей идеологии невольно уступала давлению «иконоборческих» тенденций т. н. нигилистских поколений; достаточно вспомнить лишь такие типичные «иконоборческие», непосредственно направленные против искусства явления, как эссе Толстого «Что такое искусство?»¹⁰⁵. Критика была в руках младшего поколения, и это была критика откровенно антиформальная, иконоборческая; тем не менее на периферии молодой литературы и критики появлялись попытки «плыть против течения». В то время их, конечно, называли реакционными, но они подготавливали новый этап, то есть были важны для дальнейшего развития. Обычно эти попытки обозначаются в русской литературной истории как проявление неоромантических тенденций. Прозе, основному виду литературы той эпохи, неоромантики демонстративно противопоставляют поэзию и уделяют особое внимание вопросам поэтической формы, с точки зрения формы они оценивают поэта, тогда как ведущее направление интересовалось преимущественно содержанием, информативная ценность литературного произведения ставилась выше ценности эстетической. Из критиков неоромантического направления 70—90-х гг. заслуживают упоминания прежде всего Андреевский¹⁰⁶ и Страхов¹⁰⁷. Постановка ими таких вопросов, как упадок ритма, фактура пушкинского стиха, возможности развития современного стиха и т. п., представляет собой характерное *poicum*, резко отличающееся от антиэстетической кампании Писарева и его эпигонов. Приближаются девяностые годы, иерархия литературных ценностей пересматривается, поэзия вновь, как и во времена романтизма, доминирует над прозой, слова просят новое поэтическое направление — символизм, расцвет которого приходится в России на первое десятилетие текущего века. Недавно вышло поучительное издание «Библиография работ по стихосложению» М. Штокмара¹⁰⁸, где зафиксированы все русские труды по различным вопросам стиха с XVII века до 1932 года. После заметного подъема

специальной литературы по стихосложению в первые десятилетия XIX века в тридцатые годы начинается неудержимый спад, но уже в 1870—80-е гг. можно наблюдать обратное, на девяностые годы в списке Штокмара приходится почти 100 статей. Можно заметить, как постепенно подготавливался расцвет русской науки о стихе. Характерно при этом, что в начале XX века упорными, боевыми первопроходцами нового исследования поэтической формы выступили не ученые, но поэты. В университете, хотя были и замечательные исключения, все еще существовала традиция тематической направленности литературоведения и интереса исключительно к исторической грамматике в языкознании. Новые течения распространялись в литературной жизни быстрее и интенсивнее, нежели в жизни научной. Выдающиеся поэты-символисты Брюсов¹⁰⁹, В. Иванов, А. Белый¹¹⁰, И. Анненский¹¹¹ успешно занимались теоретическим изучением проблем поэзии и поэтической формы, их труды в этой области принесли много новых, плодотворных идей, хотя связь этих работ с университетской и литературной деятельностью таких ученых, как Корш, Потебня, Зелинский, бесспорна. Брюсов, будучи слушателем филологического факультета Московского университета, прилежно посещал лекции Корша и спорил с ним о вопросах метрики, Белый внимательно изучал труды Потебни, толковал их и посвятил ему специальное исследование, работы В. Иванова и И. Анненского тесно связаны с идеями филолога-классика Зелинского.

Работа символистов на ниве теории поэтической формы не случайна. Она тесно связана с философской позицией символизма. Я подчеркиваю, что русский символизм, в отличие, напр. от чешского, — не просто поэтическое явление, но исторически-культурное течение гораздо более широкого масштаба. Поэзия, наряду с музыкой, всего лишь доминанта, одна из главных ценностей, но не все содержание русского символизма. Поэтому, в отличие от чешского символизма, русский символизм характеризуется значительным элементом — многочисленными судьбоносными, влиятельными трактатами, в которых поэты-символисты излагали, доказывали и пропагандировали свою идеологию. В связи с общим мировоззрением в теории и практике символизма меняется и представление о знаке. Для ведущего направления второй половины XX века — реализма — основной, определяющей функцией знака, то есть доминантой знака, была информативная функция. Центральным в знаке был его объект (предмет), не *signifiant*, то есть обозначающее, но *le signifié*, обозначаемое, пользуясь терминами Соссюра, или *signatum*, как это называла

средневековая философия. Знак ощущался в противопоставлении реальности как всего лишь средство, орудие для ее познания; форма, в противоположность содержанию, понималась, таким образом, как нечто малозначительное, второстепенное, художественная форма расценивалась как украшеньице, оболочка, шелуха, от которой содержание может быть абстрагировано. Этот механический дуализм содержания и формы в символизме исчезает. Содержание и форма сливаются в высшее неделимое диалектическое единство. Современный раскол в слове между телом — звуком и чувством, прикрытый схематизмом рационалистического мышления, должен быть понят, открыт и преодолен, пишет В. Иванов. Форма, по сути, становится содержанием. Характерный пример: метафора с точки зрения символизма — не просто формальное средство, прием, риторическая или поэтическая фигура, обычный языковой факт, но символ, который указывает на истинные скрытые отношения между вещами. Нахождение взаимосвязей между отдельными областями, отдельными, пусть даже далекими предметами в поэтической метафоре — это всего лишь отражение реальной связи. Символистская метафора — это, собственно, не поэтический троп, но средство познания — символ. Поэт в этой концепции представляется теургом, а поэзия — высшей формой познания. Поэт познал высшую реальность, сверхреальность, или хотя бы стихийно мечтает познать ее, живет воспоминаниями о ней, мечтой о ней, болезненно переживает утрату этой реальности, бредит и молится о ее возвращении, ищет ее, пытается хотя бы частично воспроизвести ее, создает миф об этой, настоящей реальности. Мы отметили, что метафора становится символом в понимании символиста, или, в более широкой и распространенной формулировке, знак становится предметом, *signifiant* превращается в *signifié*. Но одновременно мы могли бы сказать, что предмет здесь становится знаком, отдельные аспекты, отдельные области реальности в этом понимании становятся всего лишь символами, всего лишь намеками на сверхреальность. Короче говоря, основным элементом, атомом символизма является понятие символа, который одновременно является знаком и предметом, предметом и знаком.

Теперь зададимся вопросом, были ли эти философские, ноэтические ¹¹² предпосылки благоприятными для развития поэтики, для развития науки о поэтической форме.

И да, и нет.

Да, потому что поэтическая форма и знак вообще переставали быть чем-то внешним, второстепенным, элементом второго плана.

На первый план выдвигалась прежде всего проблема поэтического образа. А основная разновидность образа в поэзии символизма — метафора — становилась предметом подробнейшего изучения. Но пристальное внимание к себе привлекали не только поэтические образы, не только проблемы поэтической семантики или значения слов, но и такие средства создания поэтической формы, как стих и его звуковой состав. Знак для символистов тесно связан с реальностью, однако он не только лишь интеллектуальное сообщение о реальности, но прямое выражение, непосредственное воплощение реальности, ритм, последовательность звуков, игра слов — такое же отражение реальности, как значение, образ.

Здесь содержится предпосылка для детального исследования всех проблем поэтической формы — с точки зрения формы и с точки зрения звука, но одновременно здесь таится и большая опасность для такого исследования.

Вся поэтическая форма здесь понимается как всего лишь как отражение реальности; эта реальность первична, она предопределяет форму. Отсюда следует, что проблема самостоятельности поэтической формы, проблема ее специфических качеств, которые не могут быть редуцированы на нечто внешнее, на что-то, что выходит за рамки формы, и проблема внутреннего развития поэтической формы, ее самостоятельности здесь подменяется проблемой поэтической формы как отражения бытия, проблема поэтическая заменяется проблемой поэтической, поэзия становится инструментом познания, всего лишь антенной, улавливающей чистую реальность, вещь в себе. А поскольку при оценке поэзии в этом учении прежде всего решается вопрос, насколько отражение приближается к реальности, в какой степени реагирует антенна, то возникает стремление к абсолютной оценке, возникает теория абсолютной поэзии, или по крайней мере миф об абсолютной поэзии. Таким образом, на этой основе создается поэтика оценивающая, нормативная, поэтика, которая не учитывает специфических поэтических тенденций, стремлений, задач и условий отдельных эпох, отдельных поэтических направлений. Недостаточное осознание автономной эстетической функции и исторической относительности отдельных поэтических явлений не позволяет символистам создать систематическую поэтику и — особенно — поэтику историческую. Недостаточное осознание самостоятельности поэтического слова сразу же приводило к недостаточному вниманию к материалу, из которого создается поэзия, т. е. к языку. Равнодушие к лингвистике причиняет серьезный вред попыткам символистов исследовать поэтическое слово. Конечно,

эти символистские принципы, которые я изложил, не соблюдены и не могли быть последовательно соблюдены ни в поэтическом, ни в научном творчестве символистов, ибо они все же были поэтами, и поэтами замечательными, и, несмотря на свои абстрактные теоретические выкладки, прекрасно ощущали самостоятельность поэзии, неизбежно понимали, что то, что они делают — это стих, а не мистическая глоссолалия¹¹³, не теургия. Они понимали это, и безошибочное художественное чутье проявлялось неволью и в их исследовательской работе. Проявлялось, а потому и в их работах так много редких, удачных, побуждающих наблюдений, однако ошибочные теоретические предпосылки и недостаток научной подготовки сделали невозможным превращение этих ценных наблюдений в полноценную систему поэтики. Поэтому младшее поколение ученых, так называемая формальная школа переняла от символистов множество идей и наблюдений, но с острым полемическим вдохновением вскрывала и опровергала основы символистской теории поэтического слова.

Здесь я хотел бы обратить внимание хотя бы на основные работы символистов на поле поэтики.

Это прежде всего работы А. Белого, выдающегося поэта и, бесспорно, величайшего прозаика русского символизма. «Символизм», 1910.

Метрика. Балласт традиционных понятий школьной метрики утяжеляет механическое противопоставление метра и ритма, взгляд данной школы принимается за абсолютный критерий, но, что наиболее важно, систематическое приближение к ритмическим тенденциям и первая попытка очертить историческое развитие русского стиха (четырёхстопный ямб) с этой точки зрения. Наблюдения над ритмическими особенностями, характерными для различных периодов — ямб XVIII века, начала XIX века, конца XIX века, но неспособность к интерпретации (недостаток лингвистической подготовки, оценивающая позиция).

Попытки разбора звуковой инструментовки стиха, пока еще наивные и незрелые.

Рассуждения о поэтическом образе в общем контексте символистской теории поэзии.

«Луг зеленый», 1910¹¹⁴.

Литературно-исторические эссе, рассматривающие индивидуальные характеристики художественной формы отдельных писателей, напр. Гоголя, срав. ⟨...⟩

Из позднейших работ:

«Жезл Ааронов», 1917 (теория, окрашенная мистически)¹¹⁵;

«Ритм как диалектика» (стих как носитель смысла, фантаст. теория)¹¹⁶;

«Мастерство Гоголя», 1934¹¹⁷.

В. Брюсов, ряд статей, прежде всего критика теории русского стиха, изложенной Белым. Брюсов идет много дальше, нежели Белый, в преодолении натуралистической позиции по отношению к стиху (словоразделы ... «Аполлон», 1910¹¹⁸, различие факульт.).

То же и в позднейших работах, особенно о форме у Пушкина, переизданной в сборнике «Мой Пушкин...»¹¹⁹, статья о рифме (тесная связь звуковой, грамматической, смысловой стороны поэтической речи, необходимость имманентного анализа каждой поэтической системы и т. д.).

Слабые попытки систематической разработки проблем стиха «Наука о стихе»¹²⁰, 1922¹²¹ — влияние школьной метрики, всего лишь номенклатура, нормативность, описательность, недостаточный лингвистический анализ.

В. Иванов, наиболее интересные труды по теории поэтического символа и поэзии вообще в сборниках «По звездам», 1908¹²², «Борозды и межи», 1916¹²³, позже попытки анализа связи между звуками и образами у Пушкина¹²⁴.

Сугубо мистическую позицию занимает Бальмонт со своей теорией магии слов.

«Поэзия как волшебство», 1915¹²⁵.

Уже из указанной литературы видно, что большинство символистских работ приходится как раз на эпоху упадка, отмирания символистской поэтической школы. Годом, когда символизм утратил ведущее положение в русской литературе, обычно называют 1910, когда критика впервые заговорила о смерти символизма и начали складываться новые поэтические направления, особенно то течение в русской поэзии, которое позже получило название «футуризм».

Что особенно характерно для этого времени? Самой яркой чертой искусства того времени является установка на знак, в поэзии — сосредоточенность на слове. Поэты провозглашают слово как таковое, «самовитое слово» (неологизм Хлебникова) — слово самодостаточное, слово само по себе ценное, важное, чувствительное, действенное. Эта самостоятельность поэтического слова, которую не признавал реализм и, хотя и в контексте совершенно иной идео-

логии, отвергал символизм, становится боевым лозунгом, основным тезисом новой поэзии в ее теории и практике. Поэтичность, эстетическая функция резко отмежевывается от функции информативной, коммуникативной. Поэзия не расценивается как отражение реальности или сверхреальности, но, прежде всего, как словесное творчество. Наряду с практическим языком, служащим только для обозначения предмета, самостоятельной, независимой языковой формой признается поэтический язык, который становится автономизированным знаком, освобожденным от вспомогательной роли при объекте. В футуристической поэзии или искусстве освобожденного слова, как когда-то определяли эту поэзию в футуристических литературных манифестах, напротив, объект играет при знаке вспомогательную роль, языковые или даже чисто звуковые ассоциации организуют в ней отношения между предметами, предметный мир преобразован, деформирован согласно автономным законам поэтического языка, именно форма диктует и создает новое содержание, новое отношение к миру. Поэты-теоретики футуризма доказывали, что таковы постоянные отношения в поэзии, что, напр., как часто признавались и поэты прежних времен, рифма диктовала поэту ход мыслей, то есть рифма — языковой, звуковой факт — формировал содержание стихотворения. Предмет повествования, содержательность поэзии якобы всегда была фикцией, всего лишь поводом, мотивацией формального средства, литературной конвенцией, но старая поэзия эту конвенцию соблюдала, тогда как новое искусство ее отвергает. Оно прямолинейно и уверено в себе, не нуждается во внехудожественных предлогах и импульсах, избавляет средства создания формы от их мотивации, высвобождает чистую поэтическую форму от наслоений, выкорчевывает повествовательность из поэзии, отождествляет поэзию с поэтичностью, искусство с чистой эстетической функцией. Эстетическая функция всегда организовывала, детерминировала художественное произведение, была его доминантой, однако здесь господство эстетической функции перерастает в ее монополию. Она уже не царствует над остальными функциями художественного произведения, а просто вытесняет их. Обнажение поэтической функции, обнажение формальных средств, беспредметное искусство — таков внутренний пафос искусства, пришедшего на смену символизму. И снова зададимся вопросом — была ли эта художественная идеология благоприятна для развития поэтики, для развития науки о поэтической форме. И снова мы вынуждены ответить: и да, и нет.

[VI]

В прошлый раз я подал краткий обзор ноэтического и эстетического мировоззрения символизма и обратил внимание, с одной стороны, на те его элементы, которые были благоприятным фактором для развития научной поэтики, а с другой стороны, на элементы, которые, напротив, тормозили развитие исследования поэтической формы. Далее мы остановились на поэтических и эстетических основах искусства, сменившего символизм, и снова задались вопросом, была ли эта художественная идеология благоприятной для развития науки о поэтической форме. И ответ снова звучит: и да, и нет.

Да, и в большой, в гораздо большей степени, нежели мировоззрение символизма. Учение о самостоятельности поэтической формы, о самостоятельности поэтического слова в противоположность слову практического языка требовало непременно исследования внутренних, имманентных законов поэтической формы, ее специфических качеств. Настойчиво ставился вопрос имманентного, самостоятельного развития поэтической формы. И поскольку в этой идеологии поэтические ценности не подчинялись никакой господствующей реальности, ни натуралистической, ни мистической, то есть никакой реальности, которая обуславливала бы эти ценности, возникновение этих поэтических ценностей воспринималось как истинное творчество, и критерии его оценки приходилось искать в самом творчестве, т. е. ставился вопрос направленности (цели) этого творчества и того, в какой мере творчество осуществляет эту направленность. Ставился вопрос силы творческого элемента, то есть вопрос о том, насколько можно говорить о продукции и насколько о репродукции, другими словами, творчество оценивалось на фоне данной традиции, оно понималось как нечто, что от этой традиции отталкивается, в какой-то степени ее преодолевает. Абсолютная, нормативная точка зрения символизма сменилась точкой зрения более относительной и более исторической, и эта новая позиция принимала во внимание и такие далекие от него культурно или во времени явления художественного творчества, которые были неприемлемы для прежней нормативной позиции. И сейчас происходит поиск специфически художественной установки, и здесь была открыта имманентная закономерность художественного творчества.

В символистском мировоззрении действовал лозунг *Ars una, species mille* (Искусство едино, видов его множество), и символистская эстетика стремилась найти это единое абсолютное искусство,

Поэзию с большой буквы, и не хотела обращать внимание на разнообразие исторических форм искусства, выполняющих в истории различные роли и включенных в различные структуры. Пока символистская эстетика искала, как мы уже видели, отражение предметного мира, отражение темы, тематичность в образах, в ритме и в звуковом составе поэтического произведения, новая поэтика, напротив, искала и в звуковой структуре, и в ритмическом строе, и в семантике, то есть смысловой структуре произведения и в его композиции, в его сюжете автономные законы, доказательства самостоятельности произведения по отношению ко всему, что выходит за рамки поэзии. Эти постулаты были великолепной отправной точкой для имманентного разбора поэзии и законов ее внутреннего развития, но те же постулаты герметизировали поэзию, изолировали ее от других явлений культуры, от всех остальных проявлений социальной жизни. Возможно, это было хорошим средством для лабораторной работы, искусственно абстрагирующей одну часть культуры от остальных элементов этой целостной структуры, но одновременно это грозило опасностью ошибочного представления о самодостаточной поэзии как исключительном господстве эстетической функции, это грозило ошибочным представлением о самодостаточности поэзии как замкнутого целого, передвигающегося в безвоздушном пространстве и абсолютно независимого.

Эта идеология нового искусства была непосредственной предпосылкой формальной школы.

Нельзя сказать, что поэзия футуризма отличалась от символистской недостаточным интересом к теоретическим проблемам. Напротив, мы знаем, какую важную роль играла именно теория в поэтической борьбе второго десятилетия нынешнего столетия. Об этом свидетельствуют многочисленные литературные манифесты и декларации. Для взглядов русского футуризма на проблемы поэтической формы особенно показательны декларативные статьи ведущего представителя русской футуристической поэзии и одного из известнейших русских поэтов вообще Велемира Хлебникова и энергичного памфлетиста и поэта Крученых («Слово как таковое» и др.)¹²⁶. Обращаю ваше внимание на публикацию историков литературы Бродского, Львова-Рогачевского и Сидорова, «От символизма до Октября» — сборник манифестов и программных выступлений всех русских поэтических направлений первых двух десятилетий нынешнего века¹²⁷. Но поэты-футуристы ограничились формулировками программных пунктов и их страстной защитой и не пытались создавать научные трактаты, как их предшественники — поэты-символисты.

Во-первых, они не имели такой научной подготовки, как символисты, ибо происходили из менее зажиточных, привилегированных и более провинциальных кругов, нежели символисты, и были менее академичными, журналистскими, массовыми в своей деятельности, а во-вторых, после резкого разграничения поэтической и информативной функции поэты новых направлений наверняка осознавали и основное различие между поэзией и методологией науки о поэзии, тогда как для символистов эта граница часто была очень подвижной. Вопрос технологии искусства, вопрос формальных средств ставился часто гораздо более осмысленно, нежели в начале века, и для его решения требовался ученый, а не мистик. Мало того, футуристы открыто пытались дискредитировать мистическую направленность поэзии и ее теории, чтобы лишить ее нимба, чтобы похоронить сакральное искусство, Искусство с большой буквы. Поэтому они открыто искали сотрудничества с учеными, которые разделяли бы их основные взгляды. А поскольку вопрос поэзии был для этих поэтов прежде всего вопросом поэтического языка, вопросом слова как такового, то в первую очередь они стремились сотрудничать со специалистами-языковедами. Таковы были предпосылки, которые вели поэтов-постсимволистов поэтического поколения 10-х гг. текущего столетия к содружеству с лингвистами.

Первые шаги формальной школы прямо указывают на тесную связь ее с поэзией футуризма. Первая публикация Шкловского «Воскрешение слова» (Пг., 1914)¹²⁸ вышла в футуристическом издательстве и является попыткой научного объяснения футуристических поэтических тенденций, также как и его статья в первой формалистской коллективной публикации «Сборник по теории поэтического языка» (Пг., 1916): «О поэзии и заумном языке»¹²⁹, и вся эта публикация возникла на основе тесной связи молодых научных работников Брика и Шкловского со знаменитейшим поэтом русского футуризма, с Маяковским. Также первая публикация московской ветви формальной школы — моя «Новейшая русская поэзия»¹³⁰ — первоначально была задумана как введение к собранию сочинений Хлебникова.

Но каковы же были мотивы, благодаря которым в то время вопросы поэзии вызывали у лингвистов повышенный интерес? Это было время, когда в философии окончательно отмирал позитивизм, а в науке заканчивалось монопольное положение традиционного натурализма, тесно связанного с позитивистским мировоззрением. Собственно для языкознания же это было время, когда доживало последние дни младограмматическое направление и его проблематика. Вопросы ге-

нетического характера чередовались с поиском цели, то есть поиском телеологическим, еще недавно запрещенным. Одновременно с новой постановкой вопросов, с новой лингвистической методологией на первый план выходил и новый материал, новый предмет лингвистического исследования, а именно — поэтический язык. Прежде всего, особенно плодотворно и привлекательно было применение телеологического подхода именно к поэзии как к явно преднамеренной языковой форме, как к явно творческому проявлению. Во-вторых, гораздо проще было пытаться создать новую методологию на новом поле, а поэтический язык был для языкознания почти что *res nullius* (отдельные исключения лишь подтверждают правило) тогда как в исследованиях языка информативного, практического, были еще сильны младограмматические тенденции. Некоторые первооткрыватели новой науки о поэтическом языке даже не отдавали себе отчет в том, что и язык в его иных функциях требует новых, отвечающих духу эпохи методов исследования. Они даже провозглашали (напр. Эйхенбаум), что науку о поэтическом языке непременно отличает от науки о практическом языке телеологическая позиция и что первая принадлежит к наукам, изучающим культуру, а вторая — к наукам естественным. К лингвистам присоединились и те молодые историки литературы, которые искали (особенно в Петрограде под влиянием школы Веселовского) специфический предмет и специфические методы литературоведения.

Формальная школа

VI (конец) — VII (начало)

О том, что акцент был сделан прежде всего на вопросах поэтического слова, на языковой проблематике, свидетельствуют названия тех двух организаций молодых научных работников, которые стали основными очагами формальной школы — Опояза (основан в 1916) и Московского лингвистического кружка (1915). И название первой коллективной работы формалистов — «Сборник по теории поэтического языка» — свидетельствует о явно лингвистической ориентации. Год издания этого сборника — 1916 — можно считать датой возникновения формальной школы.

Основной тезис новой школы — это тезис об искусстве как автономном знаке. Проблема самостоятельности знака в поэзии и его возможной независимости от обозначаемого предмета становится на первых порах основным предметом интереса формалистов. Внимательно изучаются исторические примеры поэзии более или менее атематической, беспредметной. Здесь мог бы появиться вывод о возможном равнодушии поэзии по отношению к предмету, но это заключение на начальном этапе формализма несправедливо обобщается; утверждается, что поэзия вообще равнодушна к предмету. На начальном периоде изучаются именно наиболее удаленные от предметного мира элементы поэтического языка, особенно его звуковая сторона и те течения, те поэтические явления, которые ставят превыше всего звуковые качества и обнажают их, тогда как смысл в этих поэтических явлениях закрыт, приглушен, подавлен. Центром тяжести такой поэзии является глоссолалия или, в терминологии русских футуристов, «заумный язык», язык иррациональный, последовательности звуков без слов. Первые два «Сборника по теории поэтического языка» посвящены преимущественно этим проблемам.

Включение в широкое культурное течение, обнажение звуковой формы слова, отторжение от содержания после 1910 г.

алогичная поэзия,

бессмысленные песенки,

словесные игры

сектантские глоссолалии,

До свидания¹³¹.

Критики формализма часто несправедливо упрекают его в одностороннем сосредоточении на звуковой стороне поэзии, на компоненте «заумном», несмотря на то, что формализм преодолел эту односторонность почти сразу же. Если на первых порах он занимался

элементами, далекими от предметности, то в дальнейшем развитии он переходит, напротив, к исследованию элементов, близких к предметному миру. Это, во-первых, значения слов, во-вторых — сюжетная сторона. Формалисты перенимают от Гуссерля важное наблюдение, подготовленное, с одной стороны, исследованием языковых фикций Brentano¹³² и Марти, с другой — учением Гумбольдта о внутренней языковой форме. Речь идет о принципиальных различиях между значением слова (*Bedeutung*) и отношением к реальности, или предметностью слова (*dinglicher Bezug*, или *Gegenständlichkeit*). Некоторые языковеды используют для обозначения этого различия в понятиях иные термины — значение слова вообще и его актуальное значение (*Bedeutung* и *Meinung*). Приведу пример. Я говорю о Наполеоне, однако называю его не Наполеоном, а победителем под Аустерлицем или узником с острова Св. Елены. Обозначаемый предмет, *le signifié*, остается тем же, но значения разные, в обоих случаях я использую разные языковые средства, в обоих данных случаях — разные синекдохи, ибо победитель под Аустерлицем или узник с острова Св. Елены — синекдохи, *pars pro toto*, часть здесь заменяет целое. Также я могу сказать, имея в виду Наполеона: «Цезарь нового времени» или «Ян Жижка французской революции» — и снова предмет тот же, а языковые значения различные, здесь я использую метафорические обозначения. Пример из иной знаковой системы, нежели язык, возможно, более убедительно проиллюстрирует эту проблему. Каждый посетитель кинотеатра знает, что существует большое различие между предметом и его изображением на экране. Предмет один, а способов съемки его может быть много, вместо предмета могут быть показаны его отдельные части, отдельные детали. Это кадры, так сказать, синекдохические, ведь сам по себе выбор точки, с которой снимается фильм, есть уже синекдохический подход, и именно в богатстве этих синекдохических возможностей одна из основных ценностей кинематографического искусства. Вместо предмета, который важен с точки зрения темы, можно снимать и то, что непосредственно его окружает, и это окружение неизбежно создает у зрителя мысль об этом предмете — подобные кадры я бы назвал метонимическими. И, наконец, можно снять нечто, что своим сходством или, напротив, несхожестью напоминает именно тот предмет, который является темой. Это частый случай при т. н. наплыве, и это, по сути, метафорический знак. То есть и в фильме мы видим принципиальное различие между предметом, который является частью внефильмовой реальности, и кадром, который является частью знаковой системы фильма; точнее говоря, кадр

— составная часть семантики фильма. Формальная школа сделала большой акцент на то обстоятельство, что содержательная сторона поэтического произведения не должна противопоставляться поэтической форме как поэтическое содержание, как факт внепоэтический, внеэстетический. Содержательная сторона произведения была включена в круг проблем поэтической формы. Поэтическая семантика стала органичным компонентом учения о поэтической форме. Я подчеркиваю, что новизна здесь — в программной последовательности и в неукоснительном приложении этих программных тезисов к изучению конкретного исторического материала. С другой стороны, здесь нет новой проблематики. Эта проблематика существует в науке уже со времен эпохальной работы Гумбольдта, но попытки восприятия значения как проблемы имманентно знаковой можно наблюдать еще в средневековой философии.

Целью формального исследования значения слова было не только изучение семантики слова, анализ отдельных образов, отдельных поэтических тропов и фигур, но и изучение высших единиц значения, таких, как, в первую очередь, сюжетная структура.

Сюжетная структура в истории литературы, как правило, отождествлялась, сплывалась с фабулой, с замыслом и, таким образом, воспринималась как факт внеэстетический, внеформальный, как факт содержания, эта ошибка в целом сходна с традиционным литературно-историческим некритическим отождествлением значения с предметом, о котором мы уже говорили. И снова приведу более показательный пример из кинематографии. Техника кино различает либретто и сценарий. Либретто — это простое изложение содержания фильма, оно не отвечает специфическим требованиям композиции фильма, не принимает во внимание специфики кинематографического изложения, кинематографической разработки темы, тогда как сценарий, так сказать, переводит либретто на язык кино, приспособливает его к кинематографическим средствам изложения и их комбинационным, композиционным законам. То есть сценарий является уже компонентом кинематографической формы. Виктор Шкловский в своих работах, объединенных позже в цикл «Теория прозы» и изданных в т. ч. в чешском переводе, последовательно ставит проблему литературного сюжета как проблему художественной формы, пытается сформулировать общие законы композиции сюжета (сюжетостроения) и создать типологию сюжетных конструкций. Конечно, исследователю-формалисту сравнительная оценка отдельных структур совершенно чужда. Исследователь объективно рассматривает возможность прямо проти-

воположных художественных замыслов и намечает кривую развития. При этом в конкретном описании он различает, что было в данном художественном произведении, у данной поэтической школы, на данном этапе развития литературы традиционной формальной конвенцией, а что — новым вкладом в развитие формы, намеренным отклонением от традиции, нарушением традиционной конвенции.

Если теперь мы суммируем результаты исследования русской формальной школой семантических проблем поэзии, то увидим, что, хотя в его рамках и не было создано систематического труда о поэтической семантике, но все же было сделано много свежих и ценных наблюдений и настоящих открытий, объясняющих до того совершенно непонятные вопросы семантической стороны поэзии — вопросы не только лексических значений, но и фразовой семантики и значений более крупных языковых единиц. В поэзии предметные отношения слов, предложений и целого высказывания могут быть приглушены, ослаблены, могут даже совсем отсутствовать, и это весьма благодарная почва для семантического исследования. Результаты такого исследования важны для развития семантических изысканий в целом. Но мало того, исследование на поле поэтической семантики дает много ценных идей не только для общего языкознания, но и для более широкого круга проблем, нежели языкознание, то есть общей науки о знаках, семиологии. Формалисты, например, уделяли значительное внимание таким ключевым проблемам поэтической семантики, как время или пространство в поэзии, они обратили особое внимание на то, что и время, и пространство здесь тоже относятся к поэтической форме, что речь идет не просто о голых категориях времени и пространства, как они рассматриваются в поэтиках, но об их переносе в языковые, поэтические средства. Как время в грамматике не является абстрактным поэтическим понятием, но прежде всего языковым фактом, так и поэтическое время может восприниматься только как компонент поэтической формы. Если мы переведем произведение из одного вида искусства в другое, напр. перенесем роман на сцену или на кинополотно или превратим его в картину или музыкальное произведение, то мы сможем наблюдать, как специфические конвенции одной знаковой системы непременно заменяются иными конвенциями другой знаковой системы. Мы замечаем, например, как различается категория времени или пространства в литературе, в театре, в кино, в изобразительном искусстве и т. д. Так мы осмысливаем проблемы сравнительной семиологии, то есть противопоставляем и сравниваем отдельные знаковые системы, или языки — *Sprachen*, в терминах со-

временной логики. Это семантическое исследование было необычайно плодотворным, ибо раскрыло необходимость восприятия отдельных семантических структур в рамках данной знаковой системы, напр. данного вида литературы или данной литературной школы. «Время» в лирике коренным образом отличается от времени в эпосе, время в поэзии классицизма от времени в романтической или реалистической поэзии и т. п. Чем больше в поэзии был подчеркнут, открыт, актуализирован знак и чем больше в ней была приглушена и ослаблена связь с предметом, тем более благодарным полем она была для формального исследования автономности знака! Потому для Шкловского столь привлекательным материалом стало «Сентиментальное путешествие» Стерна, умышленно построенное как роман, потому Эйхенбаум начал свое исследование поэтических формальных средств с разбора гиперболического, плакатно показательного гротеска Гоголя¹³³. Именно по той же причине обнажение средств создания формы в экспериментальных произведениях Хлебникова дало мне возможность произвести анализ слова, абстрагированного от отдельных его компонентов, а именно — поэтического слова, освобожденного от отношения к предмету, от значения и, наконец, от внутренней и внешней формы, то есть анализ слова, редуцированного до простой совокупности звуков. Вполне естественно, что в начале анализу подвергался самый наглядный материал. Однако как только были освоены новые методы анализа, начались попытки имманентного формального разбора и таких поэтических произведений, где, как казалось, решающим фактором является связь с предметным миром, воспроизведение действительности и т. п., в общем, элементы внепоэтические, внеэстетические. Однако и при анализе подобных случаев, например реалистического романа, выяснилось, что и в них имеется художественное единство, целостная система формальных средств, короче говоря — если речь идет о произведении художественной литературы, о поэтическом произведении, то ведущей неизбежно является эстетическая функция, даже если ее ведущая роль сознательно заслоняется.

[VII]

Темой прошлой лекции было возникновение и становление формальной школы в годы мировой войны и русской революции. Я отметил ее органическую связь с художественными течениями того времени, с общим состоянием и современной ей проблематикой языкознания и литературоведения. Я охарактеризовал первый этап развития форма-

лизма как эпоху ярко выраженного интереса к звуковой стороне поэзии, что тесно связано с тем, что на звуковой стороне поэзии было легче всего продемонстрировать независимость эстетической функции от функции информативной. Еще одним завоеванием формализма было именно изучение смысловой стороны поэзии — то есть, с одной стороны, семантики поэтического слова, с другой — сюжетного построения. Впервые в истории литературоведения смысловая сторона поэтического слова и всего поэтического произведения была столь четко и последовательно воспринята как компонент знака, а не как компонент обозначаемой действительности. Тем самым было преодолено распространенное отнесение смысловой сферы к проблемам содержания, сообщения, и тем же самым было преодолено поверхностное восприятие формы, т. е. отношение к ней как всего-навсего к шелухе, в которую обернуто содержание. Формальная школа понимает знак как единое целое. Это понимание открыло ряд новых перспектив для науки. Как только поэтическое слово было воспринято как целостный знак, сразу же возникла необходимая предпосылка для сравнительного анализа поэзии и иных видов искусства. Каждое искусство является знаковой системой; конечно, у каждого есть свои специфические, неизвестные вне данного искусства особенности, ибо каждое искусство имеет иной знаковый материал, который используется по-своему. В каждом искусстве есть свои обязательные, неизбежные конвенции, неизбежные потому, что без них невозможно художественное восприятие, без них не может быть понято художественное произведение. У каждого искусства есть собственная семантика, в каждом искусстве есть особое соотношение между значением и внешней, воспринимаемой чувствами стороной. Особыми являются отношение звуковой и семантической стороны поэтического слова, цвета и значения в живописи, звука и значения в музыке, изображения предмета и значения в кино и т. д. Различны, например, законы изображения времени в поэзии, в музыке, на сцене, в изобразительном искусстве, в кино. В каждом искусстве есть и свой собственный набор знаковых функций. Например, музыка, как и слово, имеет выразительную, экспрессивную функцию, но в отличие от слова не имеет функции номинативной, назывательной. То есть экспрессивная функция приобретает в музыке несравнимо большую независимость и значение, нежели в поэзии. Основным отличием поэзии от таких видов искусства, как, например, музыка, является еще и тот факт, что эстетическая функция не является обязательной функцией языкового выражения: материал поэзии — слово может, таким образом, быть использован (и преиму-

щественно используется) и с иными, нехудожественными целями, тогда как музыкальные средства употребляются прежде всего, да по сути почти исключительно, в художественных целях. Или различие иного вида: звуки — это единственный материал для построения слов, из звуков складываются знаки, у звуков нет никакой другой функции, в то время как цвет — составной компонент знака в живописи, но это не единственная функция цвета, цвет стола не имеет никакого отношения к знаковости. Я привел эти примеры, чтобы показать, что понимание знака как единства и искусства как знака позволяло осуществить широкий сравнительный анализ всех видов искусства. Этот сравнительный анализ, предоставляющий важный материал для семиологии, науки о знаках, имел большое значение и непосредственно для науки о поэзии. В первые годы существования формальной школы шли жаркие дебаты о том, можно ли проблему поэзии как искусства и используемых в ней формальных средств свести к лингвистической проблеме. То есть имеем ли мы право редуцировать научную проблематику поэзии до проблемы языка в его эстетической функции, или же в поэтической форме есть элементы внеязыковые, элементы, которые нельзя считать только развитием языкового материала, элементы, для которых язык — всего лишь случайная форма реализации, одна из форм реализации?

Попытки сравнительного разбора отдельных искусств сделали возможным разрешение этого спора. Да, не все в поэзии — специфически языковые явления, свойства исключительно языка. В поэтической форме, например в сюжетной конструкции, есть элементы, которые могут быть абстрагированы от слова и перенесены, например, в кино, это такие средства создания формы, которые не имеют в себе ничего специфически лингвистического, но представляют собой общесемиологическую проблему.

Таким образом, целостное понимание знака помогает включить поэтику в искусствоведение или в еще более широкий круг научных проблем, а именно в семиологию, науку о знаках. Но это целостное понимание знака имеет и другое следствие. Знак, в особенности знак языковой — это единство, знак поэтического языка — единство особенное. Эта особенность выражается в том, что в поэзии слово из средства превращается в самостоятельную, самобытную, ведущую ценность. Возникает вопрос, можем ли мы при анализе этого самостоятельного единства искусственно дробить его на отдельные компоненты и отдельно исследовать звуковую сторону, грамматическую сторону, лексикологическую сторону так, будто поэтическое произведение — это

механическая совокупность, случайное скопление этих компонентов. Формалисты должны были сразу же понять, что это неверный подход. Конечно, при этом они использовали и западный опыт, прежде всего немецкой школы гештальтпсихологии (*Gestaltpsychologie*), т. е. современной психологической школы, которая подчеркивала, что единое произведение — это не просто сумма качеств, содержащихся в его составных частях; оно непременно обладает качествами, характерными именно для целостного произведения, для единства как такового (*Gestaltqualitäten*), но отсутствующими в его компонентах. Эти качества, детерминирующие целое, коренным образом определяют и даже видоизменяют и отдельные компоненты этого целого.

Каковы же отношения между собой отдельных языковых компонентов в художественном произведении? Каково отношение звуковой стороны к семантической? Схемы, принятые лингвистикой для выражения отношений звуковой стороны к семантической в практическом языке, не могли быть автоматически перенесены на язык поэтический, раз уж именно тезис о принципиальном отличии поэтического языка стал отправной точкой формализма. Конечно, гораздо легче было констатировать различия, нежели точно определить и сформулировать, в чем, собственно, это различие заключается.

Во втором «Сборнике по теории поэтического языка», 1917, лингвист Якубинский опубликовал работу «Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках»¹³⁴. Этот труд должен был проиллюстрировать различия между звуковой стороной языка практического и поэтического. Якубинский отмечает склонность практического языка к диссимиляции одинаковых плавных согласных и выясняет, что в поэтическом языке кумуляция одинаковых плавных часто создается намеренно. Заключение исследователя звучит так: практический язык избегает кумуляции одинаковых плавных согласных, тогда как поэтический язык, напротив, аккумулирует их. Это характерное подтверждение наивного эмпиризма, присущего формальной школе на первом этапе ее существования. В книге «О чешском стихе» (1923)¹³⁵ я исправил эту формулировку Якубинского в том смысле, что и в поэтическом языке, как и в языке практическом, может существовать диссимиляция плавных согласных, или, напротив, она может отсутствовать и в практическом, и в поэтическом языках, но как эта диссимиляция, так и ее отсутствие имеют в поэтическом и практическом языках различный характер — в поэтическом языке каждое явление, в т. ч. диссимиляция плавных согласных, имеет свою цель, свою задачу, тогда как в языке практическом у каждого явления

есть свои причины. Это суждение стало прогрессом по сравнению с мнением, приведенным выше, ибо в нем было справедливо отмечено отличие поэтического языка с учетом его специфических задач. Однако по отношению к языку практическому здесь еще высказывались традиционные взгляды о том, что его нельзя понимать телеологически, но только каузально. Лишь позже была найдена точная формулировка: задачи обоих языков — практического и поэтического — а таким образом и задачи их звуковой стороны — различны.

Различными целями характеризуется и отношение языковой стороны к семантической в поэтическом языке. Как отдельные компоненты поэтического языка становятся из простых механических средств самостоятельными ценностями, так и взаимоотношения отдельных компонентов актуализируются, становятся осязаемыми, превращаются в осязаемый элемент, существенный компонент произведения.

Был, например, поставлен вопрос, имеет ли право на существование традиционная натуралистическая метрика, которая понимает стих как чисто акустическую и артикуляционную, то есть фонетическую, ценность, полностью отделяет проблемы ритма от семантической стороны и прямо рекомендует исследователю занять по отношению к стиху позицию иностранца, который слышит речь, но не понимает ее. Формальная школа, напротив, показала на богатом материале сопоставлений, что мы никогда не осознаем с точки зрения звучания никакие звуки, ни один язык, родной или совершенно нам незнакомый, чисто акустически. Звуковой строй языка для нас — прежде всего система звуковых противопоставлений, служащих для различения значений слов, и с точки зрения этой создающей смысл звуковой системы, с точки зрения своих языковых навыков мы оцениваем чужой, незнакомый язык. В нашем новом чувстве языка есть иерархия звуковых ценностей в соответствии с ролью, которую они играют в данном языке, уровнем их участия в различении значений и т. п. Эти звуковые ценности имеют, соответственно, различные значения в ритмической структуре стиха.

Таким образом, просодия должна отталкиваться не от фонетики, которая предлагает натуралистическое, акустическое и артикуляционное описание звукового состава языка, но от фонологии, которая рассматривает звуки с точки зрения их функции в языке. Как фактор создания ритма в стихе используются даже такие компоненты семантической стороны языка, которые даже не всегда явно, эмпирически проявляются в речи. Таким компонентом являются словоразделы. Словораздел, то есть граница словесных единств, часто вообще

не проявляется акустически, но, тем не менее, играет важную роль в стихе. Для ритмического членения стиха очень важно, относим ли мы слоги к одному словесному единству и ощущаем ли их как связанные друг с другом или нет. Я упомянул о том, что уже Брюсов отмечал существенность границ слов для ритма, однако лишь формалисты, прежде всего Томашевский, обратили надлежащее внимание на этот фактор в своих исследованиях ритма («О стихе», 1929¹³⁶, «Русское стихосложение», 1923¹³⁷). Последовательное построение метрики на фонологической основе, то есть в свете вопроса, какую функцию имеют в языке просодические элементы, использованные в стихе, я попытался осуществить в книге «О чешском стихе», 1923 (Zákl., 1926¹³⁸). Брик в своей работе «Ритм и синтаксис» (Новый Леф, 1927)¹³⁹ и отчасти Жирмунский в книге «Композиция лирических стихотворений»¹⁴⁰, 1921, ищут связь ритмики и строфики с синтаксисом. Брик находит в стихе определенные постоянные синтаксические конструкции, устойчивые словосочетания, неразрывно связанные со стихотворным ритмом, называет их «ритмико-синтаксические фигуры» и предостерегает от искусственного абстрагирования стиха от фразы, ритмических проблем от синтаксических. Как мы видим, формалисты шаг за шагом преодолевают натуралистическое представление о звуковой стороне поэтического произведения, все более четко осознают, как тесно она связана в языке со стороной смысловой, так что минимальный сдвиг на одном участке непременно вызывает сдвиг на другом участке. И формалисты в своей работе на эмпирическом материале все более последовательно обращают внимание на эту проблему. Если, например, поэт противопоставляет два слова со звуковой точки зрения, напр. в рифме, то это не может быть чисто, так сказать, звуковая, акустическая проблема, ибо дело здесь в словах как целостных знаках, словах, а не бессмысленной последовательности звуков. Если мы сближаем их, приводим в какую-то связь, сравниваем с точки зрения звука, то на нас воздействует их функциональная родственность, а именно — родственность формы, корня, синтаксическая или семантическая в особенности; то, что у этих слов с точки зрения значения родственного, общего, рифмой еще более подчеркивается и фиксируется. Однако я могу срифмовать слова функционально разнородные — напр. «тела — хотела»; «тела» — это родительный падеж существительного, «хотела» — прошедшее время глагола, синтаксические функции этих слов различны и т. д. Разумеется (впрочем, на фоне их звуковой родственности, подчеркнутой рифмой), мы резко воспринимаем и это функциональное несходство обоих слов. То есть

мы видим, что рифма, казалось бы, чисто звуковое явление, в действительности актуализирует все компоненты звуковой структуры. То же самое происходит и со средствами чисто эвфоническими, например при повторе групп звуков. Эрбен: *Jedna vrba hrbatá* («Одна верба горбатая»). Звуковое сходство здесь усиливает связь между словами, в данном случае между эпитетом и именем, возникает то, что формалисты называют «звукообразное сочетание»; эвфоническое средство тяготеет к игре слов, к каламбуру.

Формальная школа

[VII (конец) — VIII]

Таким образом, мы все еще на границе звука и значения. В этом смысле новаторской является также книга Эйхенбаума «Мелодика стиха», 1922¹⁴¹. Автор убедительно полемизирует с натуралистически ориентированными трудами школы Зиверса¹⁴² о мелодике стиха. Для Зиверса мелодика — сугубо звуковой аспект. Зиверс изучает, собственно, декламацию стиха, мелодика же является основным компонентом декламации. Эйхенбаум, напротив, доказывает, что мелодику стиха нельзя искусственно отделять от его синтаксической конструкции. Основным элементом синтаксической конструкции является интонация. Интонация, синтаксический элемент, с одной стороны, и метрические и строфические факторы, с другой стороны, воздействуют друг на друга. Если метрические единицы перекрываются с синтаксическими, интонационными единицами, присваивают себе интонацию как ритмообразующий элемент, повторение интонации, перекрывающееся с повторением определенных метрических единиц, становится ритмическим импульсом, то возникает определенная метрическая инерция, соответствующая ритмической инерции. Таким образом, при чтении стиха мы ожидаем воспроизведения в определенных местах определенной интонационной конструкции — и если она, вопреки ожиданиям, не появится, то возникает ощущение обманутого ожидания, когда мы остро ощущаем противоречие между синтаксической и стихотворной конструкциями. Это противоречие выявляет, обнажает оба компонента — синтаксический строй как таковой и стих как таковой. Наряду с подобными примерами, где противоречие между метрическим и синтаксическим членением — всего лишь исключение, существуют случаи последовательного отличия обоих факторов. Однако, как бы то ни было, синтаксическая проблематика должна быть отправным пунктом при исследовании мелодической структуры стиха. Указанная работа Эйхенбаума, его книги, посвященные разбору поэтических произведений двух русских поэтов — Лермонтова (1924)¹⁴³ и А. Ахматовой (1923)¹⁴⁴ и современная им новаторская работа Тынянова «Проблема стихотворного языка» (1924)¹⁴⁵ выдвинули существенную проблему т. н. доминанты, то есть ведущего компонента поэтического произведения, компонента, который управляет остальными компонентами этого произведения, определяет и трансформирует их, связывает их в единое целое, орга-

низует произведение как целостность. В поэтическом языке такой доминантой, таким организующим компонентом является поэтический ритм¹⁴⁶ — и Тынянов в упомянутой книге тонко демонстрирует, как этот основной структурный фактор стиха воздействует на остальные его компоненты, как он изменяет их и как вследствие этого каждый языковой элемент в рамках стиха принципиально отличается от того же элемента в рамках прозы. Тынянов анализирует главным образом компонент, который, как кажется, не связан с ритмом, а именно — семантику стихотворного произведения¹⁴⁷, и убедительно доказывает, что в действительности эти два компонента тесно связаны, показывает, как изменяются положение слова, взаимоотношения слов и наше отношение к словам, если они выступают в стихе, то есть как деформируется семантика стиха по сравнению с семантикой прозы.

Мы дали краткую характеристику первых трех этапов формалистских исследований. Лозунгом первого этапа было исследование звуковых аспектов художественного произведения, второго — включение в поэтику проблем значения, третий этап соединил эти аспекты в неделимое целое. При этом особенно актуальным было понятие доминанты. В следующий раз, т. е. 6 июня, в заключительной лекции я расскажу о значении этого понятия для дальнейших исследований формальной школы, а также попытаюсь кратко охарактеризовать кризис этой школы и рассмотреть и оценить критические замечания, высказанные в ее адрес в современном российском литературоведении.

[VIII]

В прошлый раз я остановился на понятии, которое я считаю одним из важнейших и наиболее разработанных в русской формальной школе, то есть на понятии доминанты. Я определяю доминанту как ведущий компонент произведения, который управляет остальными компонентами поэтического произведения, определяет и трансформирует их. Именно доминанта обеспечивает целостность структуры. Доминанта определяет специфику произведения. Специфической чертой поэтической речи является именно ее стихотворность, то есть стихотворная форма, стих. Казалось бы, это тавтология: стих есть стих. Однако мы не должны упускать из виду, что элемент, который определяет специфику данной разновидности языка, становится ее обязательным, незаменимым элементом и доминирует над всей структурой, не может быть представлен вне ее, он господствует над ней, подчиняет себе остальные ее элементы и воздействует на них.

Но стихотворение само по себе — тоже не однородное понятие, неделимая целостность. Стихотворение — это тоже система ценностей, которая, как и любая система ценностей, имеет свою иерархию, то есть ценности высшего и низшего порядка. Во главе этой системы ценностей — доминанта, без которой в рамках данной эпохи и данного художественного направления понять и оценить стихотворение невозможно. Например, в чешской поэзии XIV века неизменным элементом стиха была рифма, но не силлабическая схема, существовали стихи с неравным количеством слогов, т. н. «безразмерные стихи», которые, тем не менее, воспринимались как стихотворения. Существование же стихотворения без рифмы было в ту эпоху невозможным. В чешской реалистической поэзии 2-й половины XX века, напротив, рифма — факультативный компонент стиха, тогда как силлабическая схема — обязательный, необходимый элемент, без которого стих — не стих, и именно с этой точки зрения свободный стих осуждался как недопустимая аритмия. Для чеха, возвращенного на современном свободном стихе, стих не должен непременно обладать ни рифмой, ни силлабической схемой, однако обязательным компонентом стиха является интонационное единство, доминантой стиха становится интонация. Если сравнить урегулированный стих древнечешской «Алексаидры»¹⁴⁸, рифмованный стих эпохи реализма и современный рифмованный урегулированный стих, то во всех трех случаях мы находим одни и те же компоненты — рифму, силлабическую схему, интонационное единство, — но разную иерархию ценностей. В каждом случае выступают разные незаменимые, специфические элементы, и именно эти специфические элементы, эти доминанты становятся ведущими, определяют роль и место в структуре остальных элементов. Однако доминанту можно обнаружить не только в поэтическом произведении некоего поэта и не только в поэтическом каноне, в совокупности норм данной поэтической школы, доминанта существует также в искусстве данной эпохи, рассматриваемом как особое единство. Например, бесспорно, что в искусстве Возрождения доминантой, вершиной, квинтэссенцией эстетических критериев эпохи было изобразительное искусство, и именно на изобразительное искусство ориентировались остальные искусства и оценивались в соответствии со степенью близости к нему. В искусстве романтизма наибольшее значение придавалось музыке, и, например, романтическая поэзия ориентируется на музыку, романтический стих стремится к музыкальности, интонация стиха имитирует музыкальную мелодию. Эта ориентация на иную доминанту, внешнюю по отношению к художественному произведению,

принципиально меняет звуковую, синтаксическую и образную структуру стиха, его метрические и строфические свойства, его композицию. В реалистическом искусстве доминантой становится литературное творчество, и тем самым снова меняется иерархия литературных ценностей. Более того, если при оценке художественного произведения исходить из понятия доминанты, то определение художественного произведения по сравнению с иными совокупностями культурных ценностей принципиально меняется. Например, отношения поэтического произведения и иных языковых высказываний приобретают значительно большую определенность. Отождествление художественного произведения с эстетической или (с учетом материала определим точнее) поэтической функцией характерно для эпохи, провозглашающей самодостаточное, чистое искусство, *l'art pour l'artismus* (искусство ради искусства) [От фр. *L'art pour l'art* 'искусство для искусства' и суффикса *-ismus* 'изм']. На раннем этапе развития формальной школы еще можно наблюдать явные следы такого отождествления. Но это отождествление, бесспорно, ошибочно — художественное произведение не ограничивается лишь эстетической функцией, оно обладает массой иных функций, и его задачи зачастую тесно соотносятся с философией, публицистикой и т. д. Поэтическое произведение, таким образом, не исчерпывается эстетической функцией, но и эстетическая функция в то же время не ограничивается художественным произведением. В речи оратора, в повседневном разговоре, в газетной статье, в рекламе, в научном труде могут решаться в том числе эстетические задачи. И в них проявляется эстетическая функция, и здесь часто выступает слово само по себе, а не просто в качестве средства коммуникации. Несколько подобных примеров я привел в статье, опубликованной в альманахе «Кмена» «Расписание литературы» (*Jízdní řád literatury*).

Противоположностью этой откровенно монистической позиции является механистическая позиция, которая признает множественность функций поэтического произведения и оценивает это произведение, осознанно или неосознанно, как механическое скопление функций. Поскольку поэтическое произведение имеет и информативную функцию, оно порой воспринимается приверженцами указанной позиции как непосредственный историко-культурный, социально-политический или биографический документ. Этим точкам зрения — одностороннему монизму и одностороннему плюрализму — противопоставлена позиция, совмещающая в себе понимание множественности функций поэтического произведения и целостности произведения, то есть,

иными словами — той функции, которая объединяет и детерминирует художественное произведение, а именно — доминанты художественного произведения, эстетической функции, поэтичности. С этой точки зрения поэтическое произведение не может расцениваться ни как произведение, выполняющее исключительно эстетическую функцию, ни как произведение, выполняющее ее наряду с другими функциями. Художественное произведение с этой точки зрения — такое словесное произведение, такое языковое высказывание, в котором эстетическая функция является доминантой. Конечно, показатели того, как реализуется эстетическая функция, тоже непостоянны. Тем не менее в каждом конкретном поэтическом каноне, в той или иной совокупности переходящих поэтических норм существуют обязательные элементы, без которых произведение не может быть определено как поэтическое.

Определение эстетической функции как доминанты художественного произведения позволяет также обнаружить иерархию отдельных языковых функций в поэтическом произведении. Внутренняя связь знака, выполняющего только практическую (коммуникативную) функцию, с предметом минимальна, и потому знак как таковой значит мало, тогда как экспрессивная функция требует более непосредственного, тесного отношения между знаком и предметом и, следовательно, большего внимания к внутренней структуре знака. Язык эмоциональный, выполняющий прежде всего экспрессивную функцию, как правило, ближе к поэтическому языку, направленному именно на знак как таковой, этот эмоциональный язык, как правило, ближе к поэтическому языку, чем язык практический. Язык поэтический и язык эмоциональный часто пересекаются, из-за чего их порою отождествляли, но это ошибочная точка зрения. Если доминантой языкового высказывания является эстетическая функция, то в нем хотя и могут использоваться многочисленные средства, характерные для экспрессивного языка, но они будут подчинены ведущей функции произведения, видоизменены доминантой.

Учение о доминанте оказало большое влияние на представления формальной школы о литературной эволюции. При развитии поэтической формы имеет место не столько исчезновение одних элементов и появление других, сколько сдвиги во взаимоотношении отдельных компонентов системы, смещение доминанты. В рамках данной совокупности поэтических норм вообще или, в особенности, в рамках совокупности поэтических норм, действующих для данного поэтического жанра, элементы, изначально бывшие второстепенными, становятся основными, даже основополагающими, обязательными

элементами, и наоборот — изначально основополагающие элементы становятся элементами второго порядка, факультативными. Еще в ранних работах Шкловского поэтическое произведение определялось как всего лишь набор приемов, а эволюция поэзии представлялась как простая смена одних приемов другими. По мере дальнейшего развития формализма появляется верный взгляд на поэтическое произведение как на совокупность приемов, как на закономерную систему приемов, как на иерархию приемов. Поэтическая эволюция есть сдвиг в этой иерархии. Изменяется иерархия формальных средств в рамках данного поэтического жанра, изменяется иерархия поэтических форм и одновременно распределение приемов между отдельными жанрами. Жанры, которые первоначально были как бы второстепенными, подчиненными формами поэзии, теперь выходят на первый план, канонические же жанры оттеснены на периферию.

В многочисленных работах формалистов под этим углом зрения разбираются отдельные периоды истории русской литературы: Гуковский изучает эволюцию поэзии XVIII века¹⁴⁹, Тынянов, Эйхенбаум и их многочисленные ученики — развитие русской поэзии и прозы первой половины XIX века¹⁵⁰, Виноградов — русскую прозу, начиная с Гоголя¹⁵¹, Эйхенбаум — эволюцию прозы Толстого в контексте современной русской и европейской прозы¹⁵². Картина истории русской литературы принципиально меняется, она становится несравнимо богаче и одновременно цельнее, синтетичнее, закономернее, нежели *membra disjecta* предыдущих литературных школ. Но проблемы эволюции не ограничиваются историей литературы. Возникают также вопросы изменения во взаимоотношениях отдельных видов искусств, причем особенно плодотворным оказывается исследование смежных областей, напр. исследование такой периферийной области между живописью и поэзией, как иллюстрация, или анализ такой пограничной области между музыкой и поэзией, как романс.

Наконец возникает и вопрос изменений во взаимоотношениях искусства и смежных областей культуры и, прежде всего, во взаимоотношениях литературы и иных языковых высказываний... И здесь особенно показательной становится подвижность границ, изменение содержания и объема отдельных областей. И с этой стороны особый интерес для исследователя представляют промежуточные жанры, которые в отдельные эпохи оцениваются как явления внелитературные, внепоэтические, а в другие эпохи, напротив, играют важную роль в литературе, ибо содержат именно те элементы, на которых строится художественная литература, в то время как в канонических

формах эти элементы отсутствуют. Такими переходными жанрами являются, например, различные виды интимной литературы — письма, дневники, записные книжки, путевые заметки и т. п., которые в определенный период, например в русской литературе середины первой половины XIX века, играли важную роль в общей системе литературных ценностей. Иными словами, постоянные сдвиги в системе художественных ценностей означают постоянные сдвиги при оценке отдельных художественных явлений. То, что с точки зрения старой системы не замечали или порицали как несовершенство, дилетантство, аномалию или даже провал, то, что называли ересью или недостойным подражанием, с позиций новой системы (принимается) может быть воспринято как позитивная ценность. Критика эпохи реализма упрекала творчество поздних русских романтических лириков позднего романтизма — Тютчева, Фета — в ошибочности, небрежности и т. д. Тургенев при публикации этих стихотворений существенно откорректировал их ритм и стиль, чтобы усовершенствовать их и приблизить к бытовавшему тогда канону. Тургеневская редакция стала канонической, и только в наше время оригинальные тексты были реабилитированы, восстановлены и признаны в качестве первого шага к новому пониманию поэтической формы. Реалист Ян Крал отвергал поэзию Эрбена и Челаковского¹⁵³, считая ее ошибочной и слабой, тогда как современная эпоха превозносит в их стихах именно то, что согласно реалистическому канону считалось ересью. Произведения великого русского композитора конца прошлого столетия Мусоргского не отвечали бытовавшим тогда требованиям к инструментовке, и виртуоз тогдашних канонов Римский-Корсаков последовательно переработал их в соответствии с принятыми в то время правилами. Однако новое поколение извлекло на свет новаторские ценности, сохранившиеся благодаря дилетантской неискушенности Мусоргского, но вытесненные редактурой Корсакова, и освободила от его исправлений такие произведения, как «Борис Годунов».

Сдвиг, изменение в отношениях отдельных художественных компонентов стал ключевой проблемой формальных исследований. И в этом аспекте исследования формалистов на поле поэтического языка являются новаторскими для лингвистических исследований в целом, ибо они побуждали к преодолению пропасти между диахроническим, или историческим, методом и методом синхроническим, или временного среза. Именно формальные исследования наглядно продемонстрировали, что сдвиг, изменение — это не только истори-

ческое констатирование, (вначале было *a*, потом *a* сменило *al*), но и синхроническое явление, непосредственно переживаемое, сдвиг — это основная художественная ценность. Читатель стихотворения, созерцатель картины и т. п. явственно ощущают два положения: традиционный канон и новое художественное явление как отход от канона. Именно на периферии традиции воспринимается новизна, одновременное следование традициям и уход от них создают сущность каждого нового искусства. Эта проблема была детально разобрана и тонко проработана в работах формалистов.

Ошибки:

1) сдвиг как единственная ценность художественного произведения, динамизм произведения как монополярный принцип (Тынянов «Литературный факт», «О новой эволюции» — переиздано в «Архивисты и новаторы», 1929);

2) сдвиг как самодостаточная ценность, механистический взгляд на развитие.

А по А: дальнейшее отрицание — это упрощенный взгляд на моды: это носили в прошлом году, в этом году будут носить совсем другое. Не было осмыслено, что отрицание этого второго этапа, т. н. отрицание отрицания неизбежно будет иметь общие пункты с А, даже если оно не может быть тождественно А, проблема возрождения, традиционализма, изменение, самодвижение

пафос изменений, более широкий контекст

социально-культурные проблемы

культура как целостность

вторжения извне? нет

связанные компоненты (как будто освобождается размер стиха (схема), появляются сдвиги в звуковой или синтаксической стороне, изменяется отношение

философская неясность формализма

кризис в особенности с 1924 года

«Печать и революция», 1924

попытки интерпретации художественной литературной формы как прямой надстройки на социально-экономическом базисе и механистического объяснения динамики формы социально-экономическим развитием

Арватов «Социологическая поэтика», 1928¹⁵⁴

попытки редукции проблематики, связи литературы с другими социальными областями в форме наивной зависимости литературы от

рынка, проблематика литературного предложения и спроса (потребления)

Гриц и Тренин «Литература и коммерция»¹⁵⁵

Много интересного материала, на который наука ранее не обращала внимания

отдельные интересные мысли, но в целом — регресс

приближения к структурному пониманию искусства, которые мы наблюдали в учении формалистов о доминанте, остались неиспользованными в вопросах включения искусства в высшие структуры.

Искусство как целое и компонент сдвигов во взаимоотношении отдельных компонентов.

Это был смысл критической кампании против формалистов, которая особенно усилилась в конце прошлого десятилетия, и, несмотря на низкий уровень большинства попыток критического анализа, в нем заключалось здоровое ядро этой кампании.

Следствием стало преждевременное и действительное достойное огорчения уменьшение интереса к поэтической форме, который так многообещающе формировался и взрастил ряд квалифицированных молодых сотрудников. В то же время этот застой формализма был обусловлен не только вторжениями извне, но и теми внутренними противоречиями, к которым пришли формальные исследования. Формализм оказался неспособным усвоить последовательную диалектическую концепцию развития искусства и его взаимоотношений с остальными компонентами социальной жизни.

Шкловский «Мастерство и стиль в романе Льва Толстого “Война и мир”»¹⁵⁶

«Матвей Комаров»¹⁵⁷

«Чулков и Левшин»¹⁵⁸

Эйхенбаум «Толстой» — 2 тома¹⁵⁹

Виноградов «Художественная проза»¹⁶⁰

«Поэтика», «Русская речь», «Язык Пушкина»¹⁶¹

«Русская проза», «Русская поэзия»

Наиболее характерные представители: форма как специфицирующий компонент литературного произведения, без теоретической проблемы самостоятельности формы, но поставлены гораздо более механистически

Балухатый «Проблемы драматургического анализа»¹⁶²

Гиппиус «Гоголь»¹⁶³

Волков «Сказка»¹⁶⁴

Пропп «Композиция сказки»¹⁶⁵

Скафтымов «Поэтика и генезис былин»¹⁶⁶

Ярхо «Нем-слав-чапушка»¹⁶⁷

Ars poetica¹⁶⁸

Шпет «Эстетические фрагменты»¹⁶⁹

(включение проблем, поставленных формалистами, в рамки феноменологии Гуссерля)

Обзор формализма в свете современной философской проблематики —

Энгельгардт «Формальный метод в истории литературы»¹⁷⁰

Краткий эклектичный обзор

Жирмунский v Zfsl Ph. I — «Formprobleme in d. russ. Lit-wiss-ft.»¹⁷¹

Библиографические обзоры

Томаш «Теория литературы», 1927¹⁷²

Балухатый «Теория литературы, критическая библиография I»¹⁷³

Штокмар¹⁷⁴

Обзоры с попыткой критики

Ефимов «Формализм в русском литературоведении» Смол., 1929¹⁷⁵

Медведев «Формальный метод в литературоведении» 1928¹⁷⁶, 2. 1934¹⁷⁷

многочисленные попытки критики

наиболее интересный — Волошинов «Слово в жизни и слово в поэзии». Звезда, 1926¹⁷⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Mukařovský, Jan: *Máchův Máj. Estetická studie*. Filosofická fakulta University Karlovy, Praha 1928. См. также: Mukařovský, Jan: *Kapitoly z české poetiky*, том 3. Svoboda, Praha 1948.

² Mukařovský, Jan: *K problémům českého symbolismu. Poezie Karla Hlaváčka*. In: *Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et Circuli linguistici Pragensis sodalibus oblata*. Pražský lingvistický kroužek, Praha 1932, с. 118—125. Переработанная версия в: *Kapitoly z české poetiky*, т. 2. Svoboda, Praha 1948.

См. также предисловие к книге: Hlaváček, Karel: *Žalmy*. Melantrich, Praha 1934. Перепечатано в: *Kapitoly z české poetiky*, т. 2. Svoboda, Praha 1948.

³ Mukařovský, Jan: *Eufonie Theerovych Výprav k já*. In: *Listy filologické* 58, 1931, № 2/3, с. 167—186 и № 4/5, с. 326—328. См. также Mukařovský, Jan: *Kapitoly z české poetiky*, т. 2. Svoboda, Praha 1948.

⁴ Fischer, Otokar: *Duše a slovo*. Melantrich, Praha 1929.

⁵ Jiráť, Vojtěch:

O smyslu formy: studie o otázkách formy v díle českých básníků. Václav Petr, v Praze 1946.

Dva překlady Fausta. Rozbor slohu Jaroslava Vrchlického a Otokara Fischera. František Borový, v Praze 1930.

Platens stil: ein Beitrag zum Stilproblem der nachromantischen Lyrik. Nakladatelství filosofické fakulty university Karlovy, Praha 1933.

Portréty a studie. Odeon, Praha 1978.

⁶ См. Шкловский, Виктор Борисович: *О теории прозы*. Федерация, Москва 1929.

⁷ Polívka, Jiří: *Slovanské pohádky I*. Slovanský ústav, Praha 1932.

⁸ Wollman, Frank:

Dramatika slovanského jihu. Nákladem Slovanského ústavu, Praha 1930.

Bulharské drama. Filosofická fakulta University Komenského, Bratislava 1928.

Juljusz Slowacki; teokratické řešení vůdcovského problému. Academie, Bratislava 1927.

Slovesnost Slovanů. Vesmír, Praha 1928.

Slovinské drama. Filosofická fakulta University Komenského, Bratislava 1925.

Srbochorvatské drama; přehled vývoje do války. Filosofická fakulta University Komenského, Bratislava 1924.

Zeromski a Reymont: k slovanskému individualismu. Akademie, Bratislava 1926.

⁹ Wollman, Frank: *Njegošův desaterec*. In: *Slavia IX*, 1930.

¹⁰ Šklovskij, Viktor Borisovič: *Teorie prózy*. Přel. B. Mathesius. Praha 1933.

¹¹ Podhorski-Okołów, Leonard:

O rymowaniu. In: Skamander V, 1925, c. 26—39.

W obronie 'nowych rymów'. In: Skamander VI, 1926, c. 109—115.

Białoruś. *Poezje*. L. Chominski, Wilno 1924.

Realia Mickiewiczowskie. Państwowy Instytut Wydawniczy, Kraków 1952.

¹² Wóycicki, Kazimierz:

Forma dźwiękowa prozy polskiej i wiersza polskiego. Warszawa 1912.

Polski osmiozłogowiec trocheiczny; przyczynek do systematyki wiersza polskiego. Nakładem towarzystwa naukowego Warszawskiego, Warszawa 1916.

Stylistyka i rytmika polska: podręcznik dla szkoły i samouków. Wyd. 7. Gebethner i Wolff, Warszawa 1927.

Rytm w liczbach: z 28 tablicami. Wilno 1938. Jal-reprint, Würzburg 1978.

¹³ Groot, Albert Willem de:

Der antike Prosarhythmus. Zugleich Fortsetzung des Handbook of antique prose-rhythm. Bouma's Boekhuis, Groningen 1967 (reprint wydání z roku 1921).

A handbook of antique prose-rhythm. J. B. Wolters, Groningen 1919.

¹⁴ Трубецкой, Николай Сергеевич: «Хожение за три моря» Афонасия Никитина как литературный памятник. Версты, Париж, I, 1926, с. 164—186. См. также в Trubetzkoy, Nikolaj: *Three Philological Studies*. Michigan Slavic Materials № 3, Ann Arbor 1963. См. также *Afanasij Nikitin's Journey Beyond the Three Seas as Work of Literature*. In: *Readings in Russian Poetics*, MIT Press 1971. См. также в Ильин, И. П.: *Семиотика, коммуникация, стиль. Сборник обзоров*. Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР, Москва 1983, с. 437—461.

¹⁵ Jagodič, R.: *II międzynarodowy zjazd slawistów, Księga referatów II*. Warszawa 1934.

¹⁶ Орлов, Александр Сергеевич: *Об особенностях формы русских воинских повестей*. Москва 1902.

¹⁷ *Слово о полку Игореве*. 2-е изд., доп. Издательство Академии наук, Москва 1946.

Библиографию А. С. Орлова см.: Асафова Н.: *Академик А. С. Орлов. Библиография его произведений и литературы о нем*. Москва 1947 («не разыскана»; ротатор). См. также:

Древняя русская литература XI—XVI веков. Ленинград 1937, 1939, 1945.

Мысли об изучении литературы русского средневековья. Известия Академии наук СССР. Отдел литературы и языка, № 2, 1947.

Литературоведение русского средневековья. Известия Академии наук СССР, Отдел литературы и языка, № 6, 1945.

¹⁸ Перетц, В. Н. (Перец, Володимир): *Слово о полку Игоревім: пам'ятка феодальної України-Руси XII віку*: Вступ. Текст. Комент. Київ 1926. См. также *Очерки по истории поэтического стиля в России*. Журнал Министерства народного

просвещения, Санкт-Петербург 1905. См. также *Историко-литературные исследования и материалы, т. III*. Санкт-Петербург 1902.

¹⁹ Ржига, Вячеслав Федорович: *Композиция Слова о полку Игореве* // *Slavia*, гош. IV, sešit 1, v Praze 1925, с. 44—62. *Проблема стихосложения Слова о полку Игореве* // *Slavia*, гош. VI, sešit 2 а 3, v Praze 1927, с. 352—379. *Слово о полку Игореве*. Academia, Москва 1934. Список его работ см. в статье Гудзий, Н. К.: *В. Ф. Ржига (некролог)*. Труды отдела древнерусской литературы, т. 17, 1961.

²⁰ Судя по конспективной пометке Р. О. Якобсона, он собирался рассмотреть активизировавшуюся в 1930-е годы благодаря работам А. Мазона и его группы дискуссию вокруг подлинности «Слова о полку Игореве». В этой дискуссии он участвовал начиная с 1932 г. и занимал позицию сторонников безусловной подлинности памятника. Его работы об этой проблеме собраны в томе «Избранных сочинений»: Roman Jakobson: *Selected Writings*. Vol. 4. Slavic Epic Studies. The Hague; Paris, 1966. Об идеологической подоплеке этой борьбы для Якобсона см. также примечание 5 к вступительной статье Т. Гланца.

²¹ Виноградов, Виктор Владимирович:

О ритмических компонентах в собственном жизнеописании протопопа Аввакума (O rytmických prvcích ve vlastním životopise protopopa Avvakuma). Русская речь, 1923, с. 266—285.

Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. Государственное учебно-педагогическое издательство, Москва 1934.

²² См. Polívka, Jiří: *Slovanské pohádky I*. Slovanský ústav, Praha 1932.

²³ См. Фаминцын, Александр Сергеевич: *Скоморохи на Руси*. Алетейя, Санкт-Петербург 1995.

Власова, Зоя Ивановна: *Скоморохи и фольклор*. Алетейя, Санкт-Петербург 2001.

Кошелев, Владимир Васильевич: *Скоморохи: аннотированный библиографический указатель 1790—1994 гг.* Лики России, Санкт-Петербург 1994.

²⁴ «Сказка сказкой, — говорил он, — а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать — надо бы сделать чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке. Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!»

В. Даль: *Воспоминания о Пушкине* // *Пушкин в воспоминаниях современников*. Москва 1974, с. 224.

²⁵ Кошанский, Николай Федорович:

Общая риторика. Типография медицинского департамента Министерства внутренних дел, Санкт-Петербург 1829 (второе, переработанное издание там же, при Императорской Академии наук, 1830).

Частная риторика. Издательство Императорской Академии наук, Санкт-Петербург 1832.

Ручная книга древней классической словесности (Johann Joachim Eschenburg). Санкт-Петербург 1816.

Начальные правила русской грамматики. Для благородных воспитанников Университетского Пансиона. 2-е изд., В Унив. Тип. Москва 1814.

²⁶ Остолопов, Николай Федорович: *Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым*, ч. 1—3. В типографии Императорской Российской Академии, Санкт-Петербург 1821. (См. также переизд. W. Fink, München 1971.)

²⁷ Востоков, Александр Христофорович (Александр Вольдемар Остенек): *Опыт о русском стихосложении (1812)*. 2-е изд., значительно пополненное и исправленное. Перепечатано в морской типографии, Санкт-Петербург 1817. Первое издание — в журнале «Санкт-Петербургский вестник, издаваемый Обществом любителей словесности, наук и художеств» 1812, ч. 2, № 4, апрель, с. 39—68; № 5, май, с. 168—206; № 6, июнь, с. 271—288.

²⁸ В журнале «Современник» (1836, т. 1) была анонимно опубликована статья Гоголя под названием «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», содержащая, кроме прочего, упрек критикам, которые не ответили на вопрос «...что такое французская современная литература, отчего, откуда она произошла, что было поводом неправильного уклонения вкуса и в чем состоял ее характер?» (Гоголь, Николай Васильевич: *Полное собрание сочинений*, Изд-во АН СССР, Ленинград 1952, т. 8, с. 172). На эту статью отреагировал А. С. Пушкин в своем отклике, напечатанном в 3-м томе «Современника» (1836) и названном «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной». В этой статье Пушкин изменил первоначальный смысл формулировки Гоголя и сделал его последователем М. Е. Лобанова, который действительно считал, что новая волна во французской литературе 30-х гг. XIX века (Eugène Sue и др.) — прямое следствие июльской революции. Пушкин пишет буквально так: «Мы не полагаем, чтобы нынешняя раздражительная, опрометчивая, бессвязная французская словесность была следствием политических волнений» (Пушкин, Александр Сергеевич: *Полное собрание сочинений в 17 томах*. Ленинград 1949, т. 12, с. 70).

См. также статью Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии, и в чем ее особенность» (1846).

²⁹ Белинский, Виссарион Григорьевич: *Просодическая реформа // Телескоп*, т. XXVII, № 9, Москва 1835, с. 145—146.

³⁰ См. замечания Белинского по стилистике напр. в третьей, четвертой, шестой, десятой и одиннадцатой статьях о Пушкине (*Полное собрание сочинений в 13 томах*, т. VII); в статье «Русская литература в 1844 году» (т. VIII, с. 448—474), в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (т. X, с. 296 и след.), и др.

³¹ Шишков, Александр Семенович: *Разсуждение о старом и новом слоге Российского языка*. Санкт-Петербург 1803.

³² Аксаков, Константин Сергеевич. *Опыт русской грамматики*, ч. 1. Москва 1860 // *Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова*, т. III. Москва 1880; *К. С. Аксакова сочинения филологические*, ч. 1. Москва 1875.

³³ Некрасов, Николай Петрович. *О значении форм русского глагола* (Санкт-Петербург 1865), *Царскосельская рукопись* (Санкт-Петербург 1872), *Очерк сравнительного учения о звуках и формах древнего церковно-славянского языка* (Санкт-Петербург 1889), *К вопросу о значении А. С. Пушкина в истории русского литературного языка* (Журнал Министерства Народного Просвещения; 1887); *Наблюдения над языком Лаврентьевской летописи* (Известия отделения русского языка и словесности Академии Наук, 1896—1898).

³⁴ См. статью «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят» (1862) // Толстой, Л. Н.: *Полное собрание сочинений в 90 томах*. Москва ГИХЛ 1936, т. 8, с. 301—324.

³⁵ Распространенная формулировка утилитарных взглядов «нигилистов» 1860-х, идущая от иронических слов их оппонента Достоевского (статья «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», 1864): «Отселе вы должны себе взять за правило, что сапоги во всяком случае лучше Пушкина, потому что без Пушкина очень можно обойтись, а без сапогов никак нельзя обойтись, а следственно, Пушкин — роскошь и вздор».

³⁶ Скабический, Александр Михайлович: *История новейшей русской литературы 1848—1890*. Тип. Газеты Новости, Санкт-Петербург 1891. 3-е изд. (1848—1892) Издание Ф. Павленкова, Санкт-Петербург 1897, 5-е изд. (1848—1903), Тип. Товарищества Общественная польза, Санкт-Петербург 1903.

³⁷ См. в главе «Тверь» пассажи о злоупотреблении ямбом и о помехах в развитии русского стихосложения. Ср. изречения Радищева о Василии Кирилловиче Тредьяковском в *Путешествии*, а также статьи «Памятник дактило-хореическому витязю» и «Апология Тилемахиды и шестистопов».

³⁸ Гиппиус, Василий Васильевич: «Чернышевский — стиховед» // *Н. Г. Чернышевский. Сборник. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания*. Нижне-волжское областное научное общество краеведения, Саратов 1926, с. 73—91. См. также *От Пушкина до Блока*. Ленинград 1966, с. 276—294. Гиппиус со ссылкой на Плеханова реабилитирует интерес Чернышевского к теории стиха. Его статистические методы при определении наиболее подходящего размера (побеждает дактиль, амфибрахий и анапесты), основанные на критике ямба как слишком немецкого размера, автор тем не менее провозглашает наивными и проистекающими из характерных для той эпохи представлений о научности. Одновременно он добавляет, что отношение ударности к естественному языку разработали спустя 60 лет после Чернышевского Б. В. Томашевский и др. О естественности русского размера с точки зрения Чернышевского см. также: Гиппиус, В. В.: «Неизданная статья Чернышевского» // *Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи*. Саратов 1928.

³⁹ Плеханов, Георгий Валентинович:

Г. В. Плеханов — литературный критик: новые материалы. Журнально-газетное объединение, Москва 1933.

Искусство и литература. Государственное издательство художественной литературы, Москва 1948.

Литература и критика: Сборник статей. Новая Москва, Москва 1922.

Письма без адреса (особенно 2 и 3) // *Сочинения.* Государственное издательство, Москва 1923—1928, т. XIV, 1925, с. 36—73.

⁴⁰ См. Ленин, Владимир Ильич: *Философские тетради (1929—1930).* Издательство политической литературы, Москва 1973, с. 129: «Форма существенна. Сущность сформирована».

⁴¹ Литературная газета 30 авг. 1934, Якобсон в рецензии на «Библиографию работ о стихосложении» М. П. Штокмара (*Slavia*, год. XIII, 1934—1935, с. 417) ссылался на выступление Н. И. Бухарина 28.08.1934 на Первом всесоюзном съезде советских писателей, в котором «Бухарин справедливо настаивал на огромной разнице между формализмом, который, поскольку он смешивал специфику искусства с его полной независимостью от всего жизненного общественного контекста, подлежит преодолению, и формальным анализом, который “в высокой степени полезен”, а сейчас, когда нам нужно “овладеть техникой”, повсюду абсолютно необходим».

См. Доклад Н. И. Бухарина о поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР: «Нужно понять со всей отчетливостью огромную разницу между формализмом в искусстве, который должен быть решительно отвергнут, формализмом в литературоведении, который точно так же неприемлем, и анализом формальных моментов искусства (что отнюдь не есть еще формализм), анализом, который в высокой степени полезен, а сейчас, когда нам нужно “овладеть техникой” повсюду абсолютно необходим». Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. Москва 1934, 1990, с. 485.

⁴² Кирпотин, Валерий Яковлевич: *Радикальный разночинец Д. И. Писарев.* Прибой, Ленинград 1929, Советская литература, Москва 1934.

⁴³ Бем, Альфред Людвигович (ред.): *Жизнь и смерть. Сборник памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова* / Под ред. А. Л. Бема, Ф. Н. Досужкова, Н. О. Лосского. 2 тома. Прага 1935—1936.

⁴⁴ Одинец, Дмитрий Михайлович: *Возникновение государственного строя у восточных славян.* Современные записки, Париж 1935.

⁴⁵ Шахматов, Мстислав Вячеславович: *Исполнительная власть в Московской Руси.* Русский свободный университет в Праге, Прага 1935.

⁴⁶ Младограмматики — школа индоевропейцев, основанная в Германии в конце XIX века и провозглашающая, в частности, непреложность действия фонетических законов в развитии языка. К ней принадлежат Герман Остгоф (Herman Osthoff), Герман Пауль (Hermann Paul), в Швеции — Адольф Норен (Adolf Noreen), в Италии Клементе Мерло (Clemente Merlo), в Чехии Йозеф Янко (Josef Janko).

⁴⁷ Schleicher, August: *Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft. Offenes Sendschreiben an Herrn Ernst Hackel*, 2. Aufl. Bohlau, Weimar 1873.

⁴⁸ Rousseau, Jean-Jacques: *Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes (1755)* (цит. по изд. Gallimard, Paris 1988): «Il ne m'appartient

pas, et grâce au ciel, il n'est pas nécessaire de vous parler des égards que peuvent attendre de vous des hommes de cette trempe, vos égaux par l'éducation, ainsi que par les droits de la nature et de la naissance; vos inférieurs par leur volonté, par la préférence qu'ils devaient à votre mérite, qu'ils lui ont accordée, et pour laquelle vous leur devez à votre tour une sorte de reconnaissance».

⁴⁹ Meillet, Antoine.

⁵⁰ Фортунатов, Филипп Федорович.

⁵¹ Baudouin de Courtenay, Jan Niecisław / Бодуэн де Куртене, Иван Александрович.

⁵² Якубинский, Лев Петрович:

«О звуках стихотворного языка» // *Сборники по теории поэтического языка*, вып. I. Петроград 1916, с. 16—30. См. также в: *Поэтика. Сборники по теории поэтического языка*. Петроград 1919, с. 37—49.

«Осуществление звукового единообразия в творчестве Лермонтова» // *Сборники по теории поэтического языка*, вып. II, Петроград 1917, с. 63—70.

«О поэтическом глоссемосочетании» // *Поэтика. Сборники по теории поэтического языка*. Петроград 1919, с. 7—12.

«Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках» // *Сборники по теории поэтического языка*, вып. II, Петроград 1917, с. 15—23. См. Также в: *Поэтика. Сборники по теории поэтического языка*. Петроград 1919, с. 50—57.

«Звуковые повторы» // *Сборники по теории поэтического языка*, вып. 3, Поэтика, 18-я государственная типография, Петроград 1919.

«Откуда берутся стихи» // *Книжный угол*, № 7, Петроград 1921, с. 21—25.

См. также: Якубинский, Л. П.: *Язык и его функционирование: Избр. работы* / Отв. ред. А. А. Леонтьев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. Москва 1986.

⁵³ Поливанов, Евгений Дмитриевич:

Статьи по общему языкознанию: Избранные работы. Москва 1968.

Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // *Всеобщее языкознание*, 1963, № 1.

О метрическом характере китайского стихосложения // *Доклады Российской Академии наук*, серия В, окт. — дек. 1924.

⁵⁴ Zubatý, Josef: *Studie a články*. Česká akademie věd a umění, v Praze 1945—1954.

⁵⁵ Král, Josef:

Beiträge zur griechischen Metrik. Nákladem Filosofické fakulty University Karlovy, v Praze 1925.

O prosodii české. Nakladatelství České akademie věd a umění, v Praze 1923—1938.

Výbor z korespondence filologa Josefa Krále. Univerzita Karlova, Praha 1989.

⁵⁶ Корш, Федор Евгеньевич. Его библиография см. в книге Дмитриев, Н. К.: *Ф. Е. Корш*. Москва 1962.

⁵⁷ Zielinski (Zelinskij), Thaddaeus (Tadeusz):

Die Behandlung gleichzeitiger Ereignisse im antiken Epos. Dietrich, Leipzig 1901.

Das Clauselgesetz in Ciceros Reden. Grundzuge einer oratorischen Rhythmik. Dietrich'sche Verlagsbuchhandlung, Leipzig 1904.

Der constructive Rhythmus in Ciceros Reden: der oratorischen Rhythmik zweiter Teil. Dietrich, Leipzig 1914.

Die Antike und wir. Vorlesungen. Dietrich'sche Verlagsbuchhandlung, Leipzig 1911.

Po co Homer? Swiat antyczny a my. Wydawn. Literackie, Kraków 1970.

Náboženství starého Řecka. Melantrich, Praha 1930.

Сказочная древность: античный мир. Культура, Москва 1994.

⁵⁸ Корш, Федор Евгеньевич, Korsch, Th.: *De versu Saturnio.* Mosquae 1868.

⁵⁹ См. «Опыт ритмического объяснения древне-индийского эпико-дидактического размера sloka's» // Древности восточные, Труды восточной комиссии Московского археологического общества, т. 2, вып. I, Москва 1896, с. 133—162.

⁶⁰ «Значение темпа в греческой ритмике» // Филологическое обозрение, т. IV, кн. 2. Москва 1893, с. 153—167.

«Новейшая теория дохмия» // Филологическое обозрение, т. V, кн. 2, отд. I. Москва 1893, с. 95—129.

Двогласия в древне-греческом языке с физиологической точки зрения. Варшава 1902.

⁶¹ *Римская элегия и романтизм.* Москва 1899.

⁶² *Очерк персидского стихосложения.* Москва 1901.

⁶³ *Древнейший народный стих турецких племен.* Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XIX, вып. II—III, Санкт-Петербург 1909.

⁶⁴ *Различие между персидским и арабским стихосложением.* Древности восточные, Труды восточной комиссии Московского археологического общества. Москва 1913.

⁶⁵ *Происхождение десятисложного стиха южных и западных славян.* Санкт-Петербург 1905.

Введение в науку о славянском стихосложении // Статьи по славяноведению, 2-е изд., Санкт-Петербург 1906.

⁶⁶ См. «О русском народном стихосложении» // Известия ОРЯС (Отделения русского языка и словесности) Академия наук, ч. 1, кн. 1, 1896, с. 1—45; ч. 2, кн. 2, 1897, с. 429—500. См. также: Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук, Санкт-Петербург 1901.

⁶⁷ «Основное время в ритмике» // Филологическое обозрение, т. XV, кн. 1, отд. I, Москва 1898, с. 13—45.

⁶⁸ Срезневский, Измаил Иванович:

Русское слово: избранные труды. Просвещение, Москва 1986.

Памятники и образцы народного языка и словесности. В типографии Императорской академии наук, Санкт-Петербург 1852—1855.

Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных песен. Известия академии наук по Отделению русского языка и словесности, т. IX, вып. 5, Санкт-Петербург 1860—1861, с. 345—366.

⁶⁹ Зелинский, Ф.: «О синтагмах в древней греческой комедии» // Журнал Министерства народного просвещения, Санкт-Петербург 1883, апрель, с. 133—242; май, с. 243—309; июнь, с. 311—368.

Софокл. *Царь Эдип*. Царское село 1892.

Софокл. *Трахинянки*. Санкт-Петербург 1898.

Из жизни идей. Т. II, 3-е изд., Санкт-Петербург 1911.

⁷⁰ Zielinski (Zelinskij), Thaddaeus: *Die Behandlung gleichzeitiger Ereignisse im antiken Epos*. Leipzig 1901.

⁷¹ Белый, Андрей: *Символизм; книга статей*. Мусaget, Москва 1910.

⁷² Herbart, Johann Friedrich: *Sämtliche Werke in chronologischer Reihenfolge (1887—1912)*. Reprint Scientia, Aalen 1964 (1989).

⁷³ Steinthal, Heymann:

Abriss der Sprachwissenschaft. Harrwitz und Gossmann, Berlin 1871.

Kleine sprachtheoretische Schriften. G. Olms Verlag, Hildesheim, New York 1970.

⁷⁴ Lazarus, Moritz: *Geist und Sprache, eine psychologische Monographie*. Berlin 1878.

⁷⁵ «Мысль и язык» // Журнал Министерства народного просвещения, 1862; 2-е изд., посм. Типография Альфреда Дарре, Харьков 1892.

⁷⁶ Lotze, Hermann:

Grundzüge der Psychologie. Dictate aus den Vorlesungen. S. Hirzel, Leipzig 1881.

Grundzüge der Ästhetik; Dictate aus den Vorlesungen. S. Hirzel, Leipzig 1884.

⁷⁷ Потебня, Александр Афанасьевич: *Из записок по русской грамматике*. Издательство книжного магазина Д. Н. Полуехтова, Харьков 1888. Переиздания Москва, 1941, 1958.

⁷⁸ Объяснения малорусских и сродных народных песен. Тип. Земкевича и Ноаковского, Варшава 1883—1887.

⁷⁹ *Из записок по теории словесности: поэзия и проза, тропы и фигуры, мышление поэтическое и мифическое, приложения*. Издательство М. В. Потебни, Паровая типография М. Зильберберг, Харьков 1905.

⁸⁰ *Вопросы теории и психологии творчества* / Под ред. Б. А. Лезина. Харьков 1907—1923.

⁸¹ Шкловский, Виктор Борисович: *Потебня* // Сборники по теории поэтического языка, вып. 3, 18-я Государственная типография, Петроград 1919.

⁸² Иванов, Вячеслав Иванович:

Борозды и межи: опыты эстетические и критические. Изд. Мусагет, Москва 1916.

Лик и личины России: эстетика и литературная теория. Искусство, Москва 1995.

⁸³ Брюсов, Валерий Яковлевич:

«О русском стихосложении» // Александр Добролюбов: *Собрание стихов*. Изд. Скорпион, Москва 1900.

Краткий курс науки о стихе: лекции, читанные в Студии стиховедения в Москве 1918 г. Алтиона, Москва 1919.

Основы стиховедения. Курс В.У.З. Части I и II. Общее введение. Метрика и ритмика. 2-е изд., Гиз, Москва 1924. *On prosody*. Prideaux Press, Letchworth 1971.

⁸⁴ Durdík, Josef:

Všeobecná aesthetika. I. L. Kober, v Praze 1875.

Poetika, jakožto aesthetika umění básnického. I. L. Kober, v Praze 1889.

⁸⁵ Vossler, Karl:

Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft; eine sprachphilosophische Untersuchung. C. Winter, Heidelberg 1904.

Geist und Kultur in der Sprache. C. Winter, Heidelberg 1925 (München 1960).

⁸⁶ Marty, Anton:

Zur Sprachphilosophie: Die «logische», «lokalistische» und andere Kasustheorien. M. Niemeyer, Halle 1910.

Über den Ursprung der Sprache. Minerva, Frankfurt/Main 1976.

⁸⁷ Husserl, Edmund:

Ding und Raum: Vorlesungen 1907. F. Meiner, Hamburg 1991.

Logische Untersuchungen. Max Niemeyer, Halle 1900 (Tübingen 1968, den Haag 1975).

⁸⁸ «Avšak na př. slova lidové písně jsou zřídka kdy metaforami, a co je v nich často lyrické působivosti a síly! ...» (Erban, Karel: «О метафорах» // *Naše řeč*, роč. 19, 1935. s. 37.)

⁸⁹ Тихонравов, Николай Саввич:

Сочинения. Изд. М. и С. Сабашниковых, Москва 1898.

Памятники отреченной русской литературы (1863). Mouton, The Hague 1970; Variorum Reprints, London 1973.

⁹⁰ Перетц, Владимир Николаевич:

Из лекций по методологии истории русской литературы: История изучений. Методы. Источники. Киев 1914.

Список его работ см. в кн: Перетц, В. Н.: *Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв.* Москва — Ленинград 1962.

⁹¹ Буслаев, Федор Иванович:

О литературе. Исследования, статьи. Художественная литература, Москва 1990.

Русская народная поэзия. В типографии товарищества Общественная польза, Санкт-Петербург 1861. Mouton, The Hague 1969.

Народная поэзия: исторические очерк. Типография Императорской Академии наук, Санкт-Петербург 1887.

Древне-русская народная литература и искусство. В типографии товарищества Общественная польза, Санкт-Петербург 1861. Mouton, The Hague 1969.

Исторические очерки русской народной словесности и искусства. В типографии товарищества Общественная польза, Санкт-Петербург 1861. Mouton, The Hague 1969.

Русская хрестоматия: памятники древней русской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями и с словарем. 9-е изд., Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, Москва 1904, Mouton, The Hague 1969.

⁹² Buckle, Henry Thomas: *History of civilization in England.* J. W. Parker and son, London 1857—1861 (См. также Ungar, New York 1964).

⁹³ Benfey, Theodor:

Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange des 19. Jahrhunderts mit einem Rückblick auf die früheren Zeiten. J. G. Cotta, München 1869.

Über das Verhältniss der ägyptischen Sprache zum semitischen Sprachstamm. F. A. Brockhaus, Leipzig 1844.

Vedica und linguistica. Strassburg 1880.

Kleine Schriften. H. Reuther, Berlin 1890—1892.

⁹⁴ Schuchardt, Hugo Ernst Mario:

Romanisches und Keltisches. Gesammelte Aufsätze von Hugo Schuchardt. R. Oppenheim, Berlin 1886.

Schuchardt, the neogrammarians, and the transformational theory of phonological change; four essays. Athenäum Verlag, Frankfurt/M. 1972.

Slawo-deutsches und Slawo-italianisches von Hugo Schuchardt. W. Fink, München 1971.

Das baskische und die Sprachwissenschaft. Hölder-Pichler-Tempsky, Leipzig 1925.

⁹⁵ «Мы предложили историю образования, культуры, общественной мысли, насколько она выражается в поэзии, науке и жизни». (Отчеты о заграничной командировке, 1863) // Веселовский, Александр Николаевич: *Историческая поэтика.* Ленинград 1940, с. 397.

⁹⁶ Веселовский, Александр Николаевич: *Историческая поэтика.* Ленинград 1940 (с предисловием и примечаниями В. М. Жирмунского), а также переиздания The Hague 1970, Москва 2004 и 2008; издание с комментариями В. В. Мочаловой (Москва 1989); издание, подготовленное И. О. Шайтановым (Москва 2006).

⁹⁷ «История литературы напоминает географическую полосу, которую международное право освятило *res nullius*, куда заходят охотиться историк культуры и эстетик, эрудит и исследователь общественных идей» // *Историческая поэтика*, Ленинград 1940, с. 53.

⁹⁸ Энгельгардт, Борис Михайлович: *Александр Николаевич Веселовский*. Петроград 1924 (переиздание *The Hague, Paris 1970*).

⁹⁹ Веселовский, Александр Николаевич: *Собрание сочинений*, т. 1, 2. Изд. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, Санкт-Петербург. 1913.

¹⁰⁰ Веселовский, Александр Николаевич: *Южно-русские былины*. Типография Императорской академии наук, Санкт-Петербург 1881—1884.

¹⁰¹ Аничков, Евгений Васильевич: *Весенняя обрядовая песня на Западе и у Славян*. Санкт-Петербург 1903—1905, № 1—2. См. также его книги

Язычество и древняя Русь. Санкт-Петербург 1914.

История и теория эстетики. Харьков 1915.

Новая русская поэзия. Берлин 1923.

Православие и культура. Берлин 1923.

Западные литературы и славянство: Очерки в 12 томах. Прага 1926.

¹⁰² Батюшков, Федор Дмитриевич: *Сказание о споре души с телом в средневековой литературе*. Санкт-Петербург 1891. См. также его книгу

Критические очерки и заметки. Санкт-Петербург 1900.

¹⁰³ Шишмарев, Владимир Федорович: *Лирик и лирики позднего средневековья; очерки по истории Франции и Прованса*. Париж 1911. См. также:

Александр Веселовский и русская литература. Ленинград 1946.

История итальянской литературы и итальянского языка. Ленинград 1972.

¹⁰⁴ Евлахов, Александр Михайлович: *Введение в философию художественного творчества*. Варшава 1910.

¹⁰⁵ Толстой, Лев Николаевич: *Что такое искусство*. Санкт-Петербург, Лондон 1898.

¹⁰⁶ Андреевский, Сергей Аркадьевич:

См. его анализ эмоциональной окраски русского ямба и хорей (трохея) в предисловии к переводу «Ворона» Эдгара Алана По // *Вестник Европы* 1878, № 3, с. 121.

¹⁰⁷ Страхов, Николай Николаевич: *Заметки и Пушкине и других поэтах*. Санкт-Петербург 1888.

¹⁰⁸ Штокмар, Михаил Петрович: *Библиография работ по стихосложению*. Москва 1933.

¹⁰⁹ См. напр.:

«Новое открытие в стихосложении, Изучение стихосложения продолжается (Письмо в редакцию)» // *Русское слово* 315, 317, 15/XI, 17/XI, Москва 1901, с. 3.

«Великий ритор. Жизнь и сочинения Dĕcima Magna Avsonija» // Русская мысль, кн. III, март, Москва 1911, с. 1—48.

Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. Изд. Skorpio, Москва 1912.

Опыты по метрике и ритмике, по эвфонии и созвучиям, по строфике и формам. Изд. Геликон, Москва 1918.

«Смысл современной поэзии. Отрывки» // Художественное слово, временник Лито Н.К.П. Изд. Наркомпроса, кн. II, Москва 1920.

«Miscellanea: Кое-что о рифме» // Москва № 4, Москва 1920, с. 14—15.

¹¹⁰ См. напр.: Белый, Андрей:

«Александр Блок. Земля в снегу» // Критический обзор VI (XI), Москва 1908, с. 33—36.

«Вячеслав Иванов» // Русская литература XX века (1890—1910), вып. VIII, изд. Мир, Москва 1916, с. 114—149.

«Поэзия Блока» // Ветвь, сборник Клуба московских писателей, Москва 1917.

«О художественной прозе» // Горн. Изд. Московского пролеткульта, кн. II—III, Москва 1919, с. 49—55.

«О ритме» // Горн. Изд. Московского пролеткульта, кн. V, Москва 1920, с. 47—54.

Глоссология. Поэма о звуке. Изд. Эпоха, Берлин 1922.

¹¹¹ Анненский, И. Ф.:

«Бальмонт — лирик» // Анненский, И. Ф.: *Книга отражений.* Санкт-Петербург 1906.

«О современном лиризме» // Аполлон, № 1, с. 12—42; № 2, с. 3—29. Санкт-Петербург 1909.

¹¹² Ноэтический — прилагательное от ноэзис, термина феноменологии Гуссерля. Гуссерль употребляет «ноэтический» как пару к «ноэматический»; «ноэматический» — относящийся к смыслу переживаемого, в то время как «ноэтический» — относящийся к тому, что собственно переживается, к «материи» переживания, в отличии от ее «формы».

¹¹³ См. Горнфельд, Аркадий Георгиевич: «Научная глоссология» // Парфенон I, Петербург 1922, с. 61—70.

¹¹⁴ Белый, Андрей: *Луг зеленый. Книга статей. 1910.* Нью-Йорк 1967.

¹¹⁵ Белый, Андрей: *Жезл Аарона (О слове в поэзии)* // Скифы, сб. I, Санкт-Петербург 1917.

¹¹⁶ Белый, Андрей: *Ритм как диалектика и «Медный всадник».* Исследование. Изд. Федерация, Москва 1929.

¹¹⁷ Белый, Андрей: *Мастерство Гоголя.* Государственное издательство художественной литературы, Москва, Ленинград 1934. Москва 1996.

¹¹⁸ Брюсов, Валерий Яковлевич: «Об одном вопросе ритма. По поводу книги А. Белого Символизм». Аполлон № 11, Санкт-Петербург 1910, с. 52—60.

¹¹⁹ Брюсов, Валерий Яковлевич: *Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения*. Гиз, Москва — Ленинград 1929.

¹²⁰ Брюсов, Валерий Яковлевич: *Краткий курс науки о стихе. № 1. Частная метрика и ритмика русского языка*. Изд. Альциона, Москва 1919.

¹²¹ См. рецензию: Якобсон, Роман Осипович: «Брюсовская стихология и наука о стихе» // Научные известия Академического центра Наркомпроса, сб. Второй, Гиз, Москва 1922.

¹²² Иванов, Вячеслав Иванович: *По звездам*. Изд. Оры, Санкт-Петербург 1909.

¹²³ Иванов, Вячеслав Иванович: *Борозды и межи*. Изд. Мусагет, Москва 1916.

¹²⁴ Иванов, Вячеслав Иванович: *К проблеме звукообраза у Пушкина* // Московский пушкинист, II, изд. Федерация, Москва 1930.

¹²⁵ Бальмонт, Констант(ин): *Поэзия как волшебство*. Изд. Скорпион, Москва 1915. См. также изд. Задруге, Москва 1922.

¹²⁶ См. Марков, Владимир: *Манифесты и программы русских футуристов*. Мюнхен 1967.

Markov, Vladimir: *Russian Futurism: A History*. Berkeley 1968.

¹²⁷ Бродский, Николай Леонтьевич (ред.): *От символизма до «Октября»*. Новая Москва, Москва 1924.

¹²⁸ Шкловский, Виктор Борисович: *Воскрешение слова*. Санкт-Петербург 1914.

¹²⁹ Шкловский, Виктор Борисович: «О поэзии и заумном языке» // Сборники по теории поэтического языка, вып. 1, Петроград 1916, с. 1—15. См. также // Поэтика, Сборники по теории поэтического языка, Петроград 1919, с. 13—26.

¹³⁰ Якобсон, Роман Осипович: *Новейшая русская поэзия. набросок первый*. Виктор Хлебников. Прага 1921.

¹³¹ Конспективно намечены явления, предвосхищавшие заумную поэзию (внимание на которые обратил с этой точки зрения, в частности, сам Якобсон). К чему относится заключительная помета «До свидания», неясно.

¹³² Brentano, Franz Clemens:

Psychologie vom empirischen Standpunkt. Leipzig 1874.

Untersuchungen zur Sinnespsychologie. Leipzig 1907.

¹³³ Эйхенбаум, Борис: *Литература. Теория, критика, полемика*. Изд. Прибой, Ленинград 1927.

¹³⁴ Якубинский, Лев Петрович (См. также выше): «Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках» // Сборники по теории поэтического языка, вып. II, Петроград 1917, с. 15—23. См. также: Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Петроград 1919, с. 50—57.

¹³⁵ Якобсон, Роман Осипович: *О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским*. Сборники по теории поэтического языка общества ОПО-ЯЗ. Берлин — Москва 1923.

¹³⁶ Томашевский, Борис Викторович: *О стихе. Статьи*. Изд. Прибой, Ленинград 1929.

¹³⁷ Томашевский, Борис Викторович: *Русское стихосложение. Метрика*. Academia, Петербург 1923. См. также «Русское стихосложение» // Томашевский Б. *Краткий курс поэтики*. Гиз, Москва — Ленинград 1928.

¹³⁸ Jakobson, Roman Osipovič: *Základy českého verše*. Odeon, Praha 1926.

¹³⁹ Брик, Осип М.: «Ритм и синтаксис. (Материалы к изучению стихотворной речи)» // Новый Леп № 3, с. 15—20; № 4, с. 23—29; № 5, с. 32—37; № 6, с. 33—39. Москва 1927.

¹⁴⁰ Жирмунский, В. М.: *Композиция лирических стихотворений*. Изд. Опыз, Петербург 1921.

¹⁴¹ Эйхенбаум, Борис: «Мелодика стиха» // *Летопись Дома литераторов*, № 4, 20ого декабря, с. 2—3, Петербург 1921. См. также Б. Э.: *Сквозь литературу. Сборник статей*. Academia, Ленинград 1924.

Мелодика русского лирического стиха. Изд. Опыз, Петербург 1922.

¹⁴² Sievers, Eduard:

Altgermanische Metrik. L. Niemeyer, Halle 1893.

Grundzüge der Lautphysiologie: zur Einführung in das Studium der Lautlehre der indogermanischen Sprachen. Leipzig 1881, New York, Wiesbaden 1980.

Metrische Studien. Leipzig 1901—1919.

Rhythmisch-melodische studien; vorträge und aufsätze. Heidelberg 1912.

¹⁴³ Эйхенбаум, Б.: *Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки*. Гиз, Ленинград 1924.

¹⁴⁴ Эйхенбаум, Борис: *Анна Ахматова. Опыт анализа*. Петербург 1923.

¹⁴⁵ Тынянов, Юрий Николаевич: *Проблема стихотворного языка*. Academia, Ленинград 1924.

¹⁴⁶ «Ритм как конструктивный фактор стиха» // Тынянов Ю. *Проблема стихотворного языка*, с. 7—47.

¹⁴⁷ «Смысл стихотворного слова» // Тынянов Ю. *Проблема стихотворного языка*, с. 48—120.

¹⁴⁸ «Алекса́ндреида» — анонимное чешское произведение XIV в. *Die alttschechische Alexandreis mit Einleitung und Glossar* (herausgegeben von Reinhold Trautmann). Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, Heidelberg 1916; более современное издание: František Svejkský (ed.). *Československá akademie věd*, Praha 1963.

¹⁴⁹ Гуковский, Григорий Александрович:

«Von Lomonosov bis Děržavin» // *Zeitschrift für slavische Philologie* II, Heidelberg (1926).

Русская поэзия XVIII в. Ленинград 1927.

Очерки по истории русской литературы XVIII века. Москва — Ленинград 1936.

Русская литература XVIII века. Москва 1939.

¹⁵⁰ Тынянов, Юрий: *Архаисты и новаторы.* Изд. Прибой, Ленинград 1929.
Эйхенбаум, Борис: *Сквозь литературу.* Сборник статей. Academia, Ленинград 1924.

¹⁵¹ Виноградов, Виктор Владимирович:

Этюды о стиле Гоголя. Academia, Ленинград 1926.

Гоголь и натуральная школа. Образование, Ленинград 1925.

Эволюция русского натурализма; Гоголь и Достоевский. Academia, Ленинград 1929.

Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя: избранные труды. Москва 1990.

Поэтика русской литературы. Москва 1976.

¹⁵² Эйхенбаум, Борис: *Молодой Толстой.* Изд. З. И. Гржебина, Москва—Берлин 1922.

¹⁵³ Král, Josef: *O prosodii české.* Nakladatelství České akademie věd a umění, v Praze 1923—1938.

¹⁵⁴ Арватов, Борис Игнатьевич: *Социологическая поэтика.* Изд. Федерация, Москва 1928.

¹⁵⁵ Гриц, Теодор Соломонович, Тренин, Владимир Владимирович: *Словесность и коммерция: Книжная лавка Смирдина.* Федерация, Москва 1929.

¹⁵⁶ Ср.: Шкловский, Виктор Борисович: *Лев Толстой.* Молодая гвардия, Москва 1963.

¹⁵⁷ Шкловский, Виктор Борисович: *Матвей Комаров, житель города Москвы.* Прибой, Ленинград 1929.

¹⁵⁸ Шкловский, Виктор Борисович: *Чулков и Левшин.* Издательство писателей в Ленинграде. Ленинград 1933.

¹⁵⁹ Эйхенбаум, Борис Михайлович: *Лев Толстой.* Прибой, Ленинград 1929.

¹⁶⁰ Виноградов, Виктор Владимирович: *О художественной прозе.* Государственное издательство, Москва 1930.

¹⁶¹ Виноградов, Виктор Владимирович: *Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка.* Academia, Москва — Ленинград 1935.

¹⁶² Балухатый, Сергей Дмитриевич: *Проблемы драматургического анализа.* Вопросы поэтики, вып. 9, Ленинград 1927. См. также W. Fink, München 1969.

¹⁶³ Гиппиус, Василий Васильевич: *Н. В. Гоголь. Материалы и исследования,* т. 1—2. Москва — Ленинград 1936.

¹⁶⁴ Волков, Роман Михайлович: *Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки,* т. 1, Одесса 1924.

¹⁶⁵ Пропп, Владимир Яковлевич: *Морфология сказки*. Academia, Ленинград 1928 (Москва 1969, Санкт-Петербург 1996).

¹⁶⁶ Скафтымов, Александр Павлович: *Поэтика и генезис былин*. Москва — Саратов 1924 (Саратов 1994).

¹⁶⁷ Jarcho V. J.: «Organische Struktur des russischen Schnaderhüpfels (Častuška). (Mit ausblicken auf das deutsche Schnaderhüpfel)» // *Germanoslavica* 1/2, 1935, Jg. III, Н. с. 31—64.

¹⁶⁸ Ярхо, Борис Исаакович: *Простейшие основания формального анализа*. *Ars poetica* I, Москва 1927.

¹⁶⁹ Шпет, Густав Густавович: *Эстетические фрагменты*. Москва 1922.

¹⁷⁰ Энгельгардт, Борис Михайлович: *Формальный метод в истории литературы*. Москва 1927. См. также В. Финк, Мюнхен 1971.

¹⁷¹ Жирмунский, Виктор Михайлович: *Formprobleme in der russischen Literaturwissenschaft*. *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1924.

¹⁷² Томашевский, Борис Викторович: *Теория литературы. Поэтика*. Государственное издательство, Москва — Ленинград 1928.

¹⁷³ Балухатый, Сергей Дмитриевич: *Теория литературы. Аннотированная библиография*. Изд. Прибой, Ленинград 1929.

¹⁷⁴ Штокмар, Михаил Петрович: *Библиография работ по стихосложению*. Государственное издательство художественной литературы, Москва 1933. Ярхо, Борис Исаакович: «Ритмика так наз. романа в стихах» // *Ars Poetica* II. Стих и проза. Сборник статей. Изд. ГАХН, Москва 1928, с. 9—36.

¹⁷⁵ Ефимов, Николай Иванович: *Формализм в русском литературоведении*. Смоленск 1929. Срав. также: *Социология литературы. (Очерки по теории историко-литературного процесса и по историко-литературной методологии)*. Смоленск 1927.

¹⁷⁶ Медведев, Павел Николаевич: *Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику*. Ленинград 1928. См. также Hildesheim — New York 1974, «Серебряный век», New York 1982, Лабиринт, Москва 2003.

¹⁷⁷ Медведев, Павел Николаевич: *Формализм и формалисты*. Ленинград 1934.

¹⁷⁸ Волошинов, Валентин Николаевич. Кроме указанной статьи, проблематики различия между практическим и поэтическим языком касается также его работа «О границах поэтики и лингвистики» (1930). См. Волошинов, Валентин Николаевич: *Статьи*. Лабиринт, Москва 1996.

Томаш ГЛАНЦ

ФОРМАЛИЗМ ЯКОБСОНА

1935

Курс лекций под названием «Формализм и современное русское литературоведение» Роман Якобсон готовил в 1935 году для Университета Масарика в Брно, где он работал в 1930-е годы сначала как доцент, а позже как экстраординарный профессор. Тетради с рукописью лекций на чешском языке — часть архива редактора «Избранных трудов» Якобсона и его библиографа Стивена Руди, а машинописную копию лекций с ошибками и опечатками Якобсон прислал или привез в Чехословакию, по-видимому, в 1960-е годы¹. Текст отличается специфичностью жанра — это не предназначенный для публикации конспект, который, однако, за некоторыми исключениями, представляет собой связный текст. О серьезном отношении к этой заготовке самого автора свидетельствует и тот факт, что спустя несколько десятилетий он позаботился о машинописной перепечатке текста, внес в него правку и передал чешским коллегам. Тем не менее, это черновой текст, без сносок, в нескольких случаях состоящий лишь из черновых замечаний, о точном содержании которых можно лишь догадываться. Целью публикации является попытка реконструировать главный ход мыслей, некоторые из которых уникальны по содержанию и детальности изложения, а также в сносках перечислить предполагаемые источники, на которые Якобсон ссылается или намекает, явно не опираясь на точные цитаты. Избранный нами текстологический метод ближе к воспроизведению уникальной рукописи, чем к созданию печатного текста, но

---

¹ Копия, которая позволила мне впервые ознакомиться с текстом, была любезно предоставлена Мирославом Червенкой, литературоведом, профессором Карлова университета, который лично общался с Якобсоном и полемизировал с ним о теории стиха (*Der versologische Band von Jakobsons Selected Writings. (Bemerkungen eines Bohemisten.) // Wiener slawistischer Almanach, т. 7, 1981 г.*). Позже, благодаря моральной поддержке и помощи Стивена Руди, я смог работать и с оригиналом рукописи, хранящимся к тому моменту в его квартире в Нью-Йорке.

явные ошибки были исправлены, а способы цитирования названий и применяемые сокращения унифицированы.

Якобсон анализирует ряд приемов и явлений, образующих в своей совокупности краткую субъективную энциклопедию формалистских — и структуралистских — рассуждений о литературе. Он щедро употребляет термин «структура» — а в заключение выводит «структуралистское понимание искусства». Приближаясь с разных сторон к структурализму, Якобсон не использует прямо это наименование, хотя очевидно, что этот метод, который принято считать явлением истории гуманитарных наук после Второй мировой войны², в середине 30-х гг. был уже сформирован.

Лекции являются уникальной попыткой комплексного обзора к тому времени уже канонизированного формального метода, который, однако, сами формалисты-структуралисты ни в Москве, ни в Праге не успели или не захотели подытожить. Не исключено, что одной из причин могла быть надежда на продолжение коллективной разработки нового применения формализма. Об этих планах известно из переписки Якобсона с Шкловским конца 20-х гг. Безусловно, именно в первой половине 30-х гг. в научном творчестве Якобсона наблюдаются мотивы генерализации, попытки определить обобщающие выводы в разных областях, которыми он занимался. Именно к первой половине 1930-х гг. относятся статьи о фонологических языковых связях и евразийском языковом союзе³ (1931), геополитической лингвистике, или взаимосвязи советской и западной науки (1935). В этот период возникают также принципиальные, с методологической точки зрения, работы о самоубийстве и поэтике Маяковского (1931), о структуре русского глагола, о музыковедении (1932), о кино (1933), а также манифест «Что такое поэзия» (1934) и исследование метонимии у Пастернака (1935), содержащее дихотомию метафоры и метонимии, парадигматики и синтагматики. Но попытки систематической разработки формалистско-структуралистского понятийного аппарата не было.

В брненских лекциях Якобсон намечает две оси расширения концепции, опирающейся на формализм в его московской (Московский

---

² См., напр., François Dosse: *Histoire du structuralisme. Le champ du signe, 1945—1966*, vol. 1, Paris 1991.

³ Лидер евразийского движения Петр Савицкий стал в 1938 г. крестным отцом Якобсона, крещение состоялось за несколько месяцев до эмиграции Якобсона в Скандинавию.

лингвистический кружок) и пражской (Пражский лингвистический кружок) редакциях. Одна ось — временная, и для нее важно распространение на всю историю славянской культуры. Вторая ось — пространственная, территориальная. В изложении Якобсона принципиальна «автокефальность», самодостаточность славянской культуры, если не ее первенство и преимущества по сравнению с Западом⁴. Его лекции важно рассматривать также в литературно-историографическом аспекте; ведь с конца 1920-х гг. среди формалистов (Шкловский, Тынянов) обсуждалась именно разработка «собственной» истории литературы. Якобсон мимоходом представляет в своих лекциях единую версию истории русской литературы от византийского средневековья⁵, скоморохов и «Слова о полку Игореве»⁶ до своих современников, Маяковского и Хлебникова.

Кроме обозначенных трех векторов (извечный формализм, славянский формализм и формализм как основа истории литературы и культуры) текст лекций также можно воспринимать минималистски — как историю русской науки о стихе. Важным источником и стимулом вдохновения Якобсону послужила составленная Михаилом Штокмаром библиография работ по стиховедению (1933 г.), на которую он написал подробную рецензию⁷. Очевидно, эта работа побудила его к размышлениям о том, каким образом ранее писали о стихе и его формальных аспектах, и о том, насколько возможно из формально ориентированных описаний русского стиха составить единую линию, дискретный ряд, кульминацией которого стала бы программа русского формализма.

Отмечая отдельные черты якобсоновского изложения формального метода, читатель попадает в герменевтическую коллизию, при-

---

⁴ «Чтобы обосновать это наше утверждение, мы должны рассмотреть исторические предпосылки, возникновение и развитие русского формализма, его сущность в сравнении с новыми западными направлениями, его методологические и конкретные литературно-исторические завоевания и его дальнейшую судьбу».

⁵ «Мы знаем, какой вершины расцвета, какой рафинированности достигло развитие художественных форм в Византии». Здесь и дальше цит. по настоящему изданию Лекций.

⁶ Полемику вокруг датировки «Слова...» Якобсон с начала 1930-х гг. воспринимал как идейную или идеологическую борьбу, подробности см. в статье Х. Барана и Е. В. Душечкиной «Вокруг “Слова о полку Игореве”: из переписки Р. О. Якобсона и А. В. Соловьева» // Славяноведение, 4, 2000, с. 50—78.

⁷ «Slavia», XIII, 1934—1935, с. 416—431.

сущую любому обращению с историческим материалом: с одной стороны — императив, требующий анализировать происхождение и оригинальный (контекстуальный) смысл отдельных идей, понятий, тенденций и всей системы мышления автора, с другой стороны — груз более поздних интерпретаций, диктующий или предлагающий определенные типы прочтения. Разумеется, что оба эти требования могут учитываться только как идеальные императивы, в действительности возможно лишь сочетание контекстуального детерминизма с дистанцией по отношению к контексту. При прочтении эксплицитная семантика текста встречается с его имплицитным уровнем, с подтекстами и контекстом.

Одной из идейных систем координат, важных для некоторых размышлений Якобсона 1930-х гг., необходимо считать евразийство, подробно анализировавшееся, включая роль в нём Якобсона, особенно начиная с 90-х гг. XX века⁸. В 1931 г. выходит работа Якобсона «К характеристике евразийского языкового союза», в которой лингвистика переплетается с политикой и даже расовой доктриной: «Изучение расового коэффициента крови выясняет существенное антропологическое отличие народов Евразии от европейцев и азиатов»⁹. Якобсон с начала 20-х гг. сотрудничает с Н. Трубецким (специалистом по евразийской культуре в целом) и П. Савицким (географом Евразии, автором термина «месторазвитие») над теоретическим обоснованием противостояния «олатиниванию». Разделение согласных по принципу твердости — мягкости и монотония должны стать основой геополитической доктрины, в рамках которой Россия понимается не только как своеобразный «мир сам по себе», но и как основа для многонационального, межконтинентального геокультурного пространства с собствен-

---

⁸ См. напр. «Из писем Н. С. Трубецкого к Р. О. Якобсону о проблемах евразийства» в Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. Москва 1992, № 1, с. 59—66. Подробный анализ Патрика Серю см. в его книге *Structure et Totalité: Les Origines intellectuelles du structuralisme en europe centrale et orientale*. Paris 1999 (русский перевод: *Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе: 1920—30-е гг.* Москва 2001). Евразийский вектор своего мышления Якобсон развивает в статье 1929 г. «Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik», опубликованной в журнале *Slavische Rundschau*, 1, 1929, с. 629—646. Перепечатано в кн.: Роман Якобсон: *Тексты, документы, исследования*. Москва 1999. Комментарий к этой статье см. в журнале *Новое литературное обозрение*, 23, 1997 (Н. С. Автономова, М. Л. Гаспаров: «Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры, 1929—1953»).

⁹ Roman Jakobson: *Selected Writings*. Phonological Studies, 3. ed., 2002, с. 147.

ной ментальностью. Этот мир кириллицы (его основа — русские, т. е. восточнославянские, языки), отличный от «романско-германского» мира Запада и стоящий выше европейского индивидуализма, просвечивает и в лекциях Якобсона о формализме, где Россия и Запад — разные, во многом враждебные миры¹⁰. В лекциях Якобсона евразийство не упоминается, но геополитический подход несомненен. Особенно в первой части лекций мы находим несколько формулировок, выдвигающих на первый план западнославянское восприятие формализма¹¹, в то время как «Запад», «западная наука» или даже европейские сказки ставятся на низшую качественную ступень — особенно по сравнению с русскими. С евразийской точки зрения становятся более понятными как ссылки Якобсона на православие, так и (беглые) цитаты из Ленина и Бухарина. Религией евразийцев было православие, выдвигающее «соборность», коллективное самосознание в противовес индивидуалистическому римско-католическому христианству. Евразия считалась «коллективной личностью» и представляла собой «гармоничное органичное целое», которое должно было быть поддержано соответствующим государственным образованием (евразийцы поддерживали как революцию, так и государственные интересы СССР, хотя не считали себя ни большевиками, ни сталинистами). Патрик Серио в своей книге «Структура и целостность» указывает, что Якобсон даже пытался при помощи теории «фонологического языкового союза» доказать «онтологическое существование Евразии, иными словами, СССР, как естественных, территориальных единств, “составляющих Целое”»¹².

---

¹⁰ Автономова и Гаспаров (см. выше) пишут по этому поводу в связи с соавторством Якобсона и Трубецкого: «Неприязнь к Западу у Трубецкого и Якобсона была общей, но первому он был неприятен как причина революции, а второму как помеха революции (...). За первым стоял аристократический православный национализм, за вторым — революционный, авангардистский и еврейский космополитизм; для первого Восток — его главная неиндоевропейская научная специальность, для второго — разве что скифский резерв мировой революции (...). То, что для Трубецкого было трагедией, для Якобсона стало тактикой и стратегией».

¹¹ «Вклад русской формальной школы во все эти области настолько значителен и серьезен, что эта школа, естественно, по праву, принадлежит к тем явлениям новой российской науки, которые пробудили живой интерес в современной мировой науке. Этот интерес очевиден главным образом в западнославянских странах».

¹² Патрик Серио: *Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе: 1920—30-е гг.* (1999, русский перевод: Москва 2001, с. 111).

В политике евразийцы выступали за идеократическое государство, управляемое одной партией, и отрицали неконтролируемые факторы, такие как свобода печати или частная собственность, отрицали демократию как «разрушение личности». Подобные позиции в брненских лекциях Якобсона никак не проявляются. Но четко высказан другой аспект евразийства — антидарвинистский пафос, а также более широкий протест против западноевропейской научной методологии. Биологическая терминология и аргументация евразийских структуралистов Трубецкого, Якобсона и Савицкого, по мнению Серио, опирается на значительные работы современников, например, на «Номогенез» Л. С. Берга (1922 г.). Там — как и в книге Данилевского «Дарвинизм» (1885 г.) — отрицание концепции Дарвина аргументируется тем, что развитие не происходило дивергентно от общего предка, а напротив, конвергентно, от неродственных организмов на основании аналогий и сродства. Поэтому мы говорим о территориально-телеологической точке пересечения взглядов евразийцев (ориентация на территорию, цель и целое).

По-видимому, именно телеологический императив послужил для Якобсона мотивацией к попытке связать в своих лекциях разнородные явления и этапы русской культуры в одно целое и создать могучий «мост» от византийского средневековья¹³ через Ломоносова, Пушкина и Чернышевского к Андрею Белому, Потебне и трудам и речам Ленина и Бухарина. Такая комплексная систематизация русской культуры показывает, что в ее истории содержатся поддающиеся расшифровке, формулируемые смысл и цель. Одновременно подтверждается, что явления, никак не связанные между собой генетически и исторически, например, «Слово о полку Игореве», «Житие протопопы Аввакума, им самим писаное» XVII века и новаторское письмо русских футуристов, с точки зрения телеологической конвергенции оказываются родственными.

Якобсон в лекциях о формализме предлагает изложение, противоречащее расхожим клише относительно формализма.

Автор расходится с собственными прежними позициями и отправными положениями формализма. В то время как ранний формализм обращал мало внимания на «исторические корни» (как сказал бы Пропп) исследуемых явлений, в конце 1920-х гг. произошел сдвиг. Достаточно сравнить метод изложения первой монографии Якобсона

---

¹³ «⟨...⟩ древнерусская музыка и древнерусская литература достигли зрелости в области формы и создали ценности мирового значения».

«Новейшая русская поэзия», изданной в 1921 г. в Праге, с формализмом в его лекциях 1935 г., чтобы обнаружить значительный «historic turn» («исторический поворот») в его мышлении. В лекциях проявляется исторический радикализм или даже исторический национализм автора: формализм объявляется исключительно русским культурным наследием прошлого, плодом русской истории. Начало свое он берет в Византии. Оттуда внимание к семантике формы переняло русское средневековье, в литературе и иконописи. Последовало преемственное развитие до 20-х гг. XX века — непрерывная последовательность художественных и филологических концептов, непосредственно связанных с тезисами, сформулированными ОПОЯЗом в его декларациях второй половины 1910-х гг., развитыми Шкловским, Бриком, Томашевским, Жирмунским, Якубинским и другими. К этому канону принадлежат Аввакум, Ломоносов, Пушкин, Белинский, Фет, Тютчев, Гоголь, Чернышевский, Белый, теоретики во главе с Веселовским и Потебней, а также Бухарин с Лениным с их выступлениями на филологические темы. Якобсон при помощи ретроспективной историзации формализма стремится канонизировать его в русской истории — как с научной, так и с идеологической точки зрения.

Изложение Якобсона содержит имплицитный конфликт с модернистским пониманием формализма. В то время, когда читались лекции, никакого устоявшегося изложения не существовало, если, конечно, не считать критической работы Бахтина / Медведева «Формальный метод в литературоведении»¹⁴, изданной в 1928 г. Но еще до историографической обработки формализма к его несомненным источникам можно было отнести модернистскую эстетику, испытавшую влияние западных течений; футуристическую поэзию — формирующуюся под влиянием и в противоречии с итальянским футуризмом; кубистическую перспективу, теорию относительности, абстрактную живопись. В лингвистике — понимание языка Соссюром как системы и обращение к синхронии, затем — Московский лингвистический кружок и ОПОЯЗ (включая все разногласия), в философии — феноменология (подробно тесной связью Якобсона и Гуссерля занимался уже в 70-е гг. Элмар Холенштайн), кризис историзма. Якобсон упоминает в своих лекциях все эти явления, но они для него являются не ис-

---

¹⁴ П. Н. Медведев «Формальный метод в литературоведении», 1928. Известно об участии в написании этой работы М. М. Бахтина, ряд исследователей даже приписывает ее Бахтину целиком.

точником формализма, а скорее его сопровождением. Источник имеет диахронический характер, он уходит корнями в историю.

Лекции отсылают также к обстоятельствам их прочтения и к восприятию Якобсона в Чехословакии, которое было неоднозначным не только в силу индивидуального отношения к нему и к его работам, но и в связи с его резко меняющимися биографическо-историческими обстоятельствами. В начале 30-х гг. Якобсон, уйдя с поста пресс-атташе в советском представительстве, претендует на профессорское место в Брненском университете, и, таким образом, впервые рассматривается с точки зрения чехословацкой научно-административной системы, что приводит к возникновению отчетов и характеристик, публикуемых в приложениях. Дальнейшие поворотные пункты отношения к Якобсону известны — 1938 (нацистская оккупация и эмиграция Якобсона), 1945 (призывы из Брно к возвращению и опасения Якобсона по поводу ареста НКВД, предостережение о вероятности которого поступило от И. Эренбурга), 1948 (последовательная советизация научной жизни после коммунистического путча), 1956 (Якобсон начинает легально посещать советский блок как американский славист русского происхождения), 1968 (смена либеральной культурной политики в Чехословакии после советской оккупации) и 1989 (начало неподцензурной рецепции Якобсона). Документы начала 30-х гг. разрушают расхожий миф о Якобсоне в межвоенной Чехословакии как об интернациональной интеллектуальной идиллии. В демократической среде Праги и Брно, где переплелись чешская, немецкая и еврейская культуры, где читали лекции Эйнштейн и Гуссерль, куда приезжали гости с Запада и с Востока, Якобсон нашел близких друзей среди наиболее значительных представителей местного авангарда, таких как, например, Ярослав Сейферт, Витезслав Незвал, Владислав Ванчура и Карел Тейге. Он стал одним из основателей Пражского лингвистического кружка (1926) и за счет чешского министерства иностранных дел¹⁵ ездил на конференции по Европе. Однако более детальный анализ обнаруживает и другую картину. Работу Якобсона в Брненском университете сопровождало неприятие тамошних профессоров, отраженное в публикуемых в настоящем издании документах в жанре “*votum separatum*”

---

¹⁵ Обстоятельства попыток организовать визит президента Чехословакии Масарика в СССР описывает М. Ю. Сорокина в статье «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика—Якобсона». In *Memoriam*. Исторический сборник памяти А. И. Добкина. С.-Петербург — Париж 2000, с. 116—142.

(«особое мнение»). Противники Якобсона использовали как политическую, так и научную аргументацию. Политические аргументы касались сотрудничества Якобсона с советским представительством в период 1921—1928, которое возбуждало подозрения в том, что он шпион¹⁶. Якобсон не провозглашал себя приверженцем коммунизма, но в то же время и не отвергал его, как подчеркивал один из его оппонентов. С многочисленными представителями русской эмиграции в Чехословакии он за редкими исключениями не встречался. Тем более что СССР до 1934 г. не был официально признан Чехословакией, его официальный представитель, прибывший в страну в самом начале 20-х гг. с миссией Красного креста по репатриации солдат и проработавший много лет в отделе печати советского представительства¹⁷, вызывал недоверие, а во время визита к нему Ю. Тынянова даже и пристальный интерес полиции¹⁸. Только в 1937 г. Якобсон отказывается от советского гражданства и становится гражданином Чехословакии¹⁹.

Атаке оппонентов подвергалась, однако, не только политическая, но и профессиональная репутация Якобсона, хотя оба аспекта, безусловно, взаимосвязаны. *Votum separatum* Франтишека Худобы обрушивается прежде всего на статью Якобсона «О современном чешском пуризме»²⁰, опубликованную в 1932 г. Наряду со ссылками на некорректное обращение с цитатами и неверную оценку чешских лингвистов Йозефа Зубатого и Яна Гебауэра, налицо и ксенофобские нападки на Якобсона-иностранца, который якобы не имеет языкового чутья по отношению к чешскому языку, даже не знает его толком, но все же позволяет себе делать замечания противникам его германиза-

¹⁶ См. Т. Гланц: «Разведывательный курс Якобсона». В кн.: *Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования*. Москва 1999, с. 354—363.

¹⁷ См. В. Л. Генис: «Якобсон, конечно, возмутится...» // Вопросы истории 2008/12, с. 120—125. Генис В. Л.: *Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920—1933): Опыт документального исследования в 2-х книгах*. Кн. 1: «Бежал и перешел в лагерь буржуазии...» (1920—1929). Москва 2009, с. 507—513.

¹⁸ Vévoda, Rudolf: «Muž, který byl nepohodlný aneb od agenta III. Internacionály k agentovi KGB» // *Střední Evropa* 1996/64, с. 65—75. II. 1996/65, с. 88—100.

¹⁹ О. Малевич: «Роман Якобсон по-чешски» // *Русская литература* 2007, № 1, с. 111.

²⁰ «O dnešním brusičství českém». В кн.: *Spisovná čeština a jazyková kultura*. Praha 1932, с. 85—122.

ции²¹. Якобсон защищает принцип гибридизации как органическое языковое явление, которое современная лингвистика избавила от каких-либо негативных коннотаций, и отрицает пуризм как наивный и насильственный подход. Проф. Беер в своем отклике на назначение Якобсона нападает на его публицистическую статью «Романтическое всеславянство — новая славистика»²². В ней Якобсон пропагандирует структуралистскую славистику, которая, по его мнению, приходит на смену позитивизму конца XIX века и находится в резком противоречии с более старым «гей-славянством» (т. е. славянским ура-патриотизмом — этим термином насмешливо обозначали торжество славянской взаимности во времена национального возрождения славян). Это понимание, в представлении проф. Беера, является не чем иным, как нападками на славные традиции славянской славистики и на саму дисциплину как таковую.

Парадокс заключается в том, что Якобсон, начало работы которого в университете Масарика сопровождалось нападками за слишком «интернациональные» или «антинациональные» и универсальные взгляды в научной работе, после своего назначения профессором прочел курс, который был ориентирован именно на национальное и славянско-«патриотическое» понимание традиций формализма. Якобсон в своих лекциях проводит деинтернационализацию русского формализма, описывает это направление исследования как миссию, распространяющуюся из России по всему миру и подчеркивает, что наиболее последовательно ее приняли западные славяне.

К миссионерской риторике Якобсон вернулся в 1969 г. в своем «Тосте» (*Řípitek*²³), закрывая в разгар напряженной политической ситуации (во время своего последнего визита в Чехословакию) пражскую конференцию о Константине Философе, с которым он сравнивает себя в своей речи. «И я тоже пришел откуда-то с Востока...», — говорит Якобсон, приравнивая миссию, принесшую в Великую Моравию письменность, к миссии русского формализма, идущей из России на Запад. Чешские и польские ученые выступают в лекциях

---

²¹ «...поражает неуместной резкостью, а порою и скрытой насмешкой, с какой этот иностранец, только недавно кое-как научившийся говорить по-чешски, говорит о современном чешском языке и о стремлении некоторых чешских филологов к его чистоте и совершенству».

²² «Romantické všeslovanství — nová slavistika» // *Čin* 1929, № 1, 31 октября, с. 10—12.

²³ R. Jakobson: *Poetická funkce*. Praha 1995, с. 17—19.

в роли апостолов или миссионеров новой веры. Территориально-аксиологический акцент не обошел даже сказки, как было уже сказано выше: Якобсон подчеркивает, что русские сказки формально более совершенны и проработаны, чем сказки каких-либо других народов, и равнодушные по отношению к формализму, критика его либо недостаточное или ошибочное восприятие описывается как конфликт Запада и Востока.

Здесь мы сталкиваемся с явлением, которое повторяется и на других этапах карьеры Якобсона: с несовпадением научного и идеологического дискурсов. Точная научная аргументация проявляется как деидеологизирующая, одновременно с ней развивается альтернативный, идеологизирующий тип якобсоновской аргументации или мышления, могущий поставить под сомнение или вывернуть наизнанку и сведения, содержащиеся в его же научном труде. Такие априорные критерии может установить система взглядов евразийства в 20—30-е гг. или идеи национального сопротивления чехов против немцев во время Второй мировой войны (в книге «Мудрость древних Чехов», 1943²⁴). В какой степени его научные работы создавались под влиянием определенных идеологических и политических систем, это вопрос тем более сложный, что по отношению к научным дисциплинам, которыми Якобсон занимался (фонология, стиховедение, семиотика, медиевистика или невролингвистика) общественные идеологемы кажутся на первый взгляд внешними.

Тенденциозность изложения Якобсона возможно наглядно проанализировать риторически — путем подробного исследования его манеры обращения с некоторыми выражениями или отдельными словами. Текст лекций написан простым, информативным языком, передающим сведения о личностях, произведениях, терминах и течениях, выражающих осмысление литературы, опирающееся на анализ формальных аспектов литературного письма. Однако одновременно с предметным содержанием представлен и латентный слой текста, скрытая семантика, которую передает конкретное использование отдельных слов или выражений, будь то прямые наименования или метафоры, их повторение или количество появлений.

При чтении, ориентированном на первичное содержание, мы воспринимаем побочные значения только как некий «шум», сопровождающий основное семантическое воздействие текста. Этот шум, однако,

---

²⁴ *Moudrost starých Čechů*. New York 1943.

можно воспринять и более субстанционально, как относительно самостоятельный параллельный уровень изложения, своеобразно комментирующий главный поток текста и модифицирующий его, иногда даже полемизируя с первичными значениями.

Как пример можно привести лексемы *boj* (бой, борьба) и *výboj* (импульс, завоевание, достижение), часто встречающиеся в работах Якобсона чехословацкого периода и имеющих основополагающее значение²⁵. Простой список употреблений определенных слов и словосочетаний в наброске лекций о формализме показывает, что в языковом мышлении автора *boj* — основа культурной динамики, перводвигатель всех процессов. Становление смысла происходит путем борьбы. *Výboj*, т. е. импульс, используется Якобсоном также в милитаризованном смысле, как нападение, *výpad* (вылазка, выпад), хотя часто речь идет о процессах, в общем-то, ненасильственных. На идее «борьбы» базируется тыняновский концепт эволюции, который цитирует Якобсон: борьба утверждает канон по отношению к прежней традиции. Боевой характер авангардистов в искусстве и в модернистском мышлении ретроспективно проецируется и на прошлое, а в перспективе борьбы описываются и процессы XVII и XIX веков. Явления поэтические и политические (или социальные) параллельны по отношению друг к другу и, стало быть, соизмеримы именно с точки зрения их боевой направленности. Отношение литературы к действительности у Якобсона также диктуется правилами борьбы. С понятием *boj* связан *výboj* — в первичном значении «вооруженная акция, направленная на завоевание определенной территории или достижения иной военной стратегической цели». В переносном смысле *výboj* означает интеллектуальную инициативу, творческий импульс, значительное влияние и т. п.

В начале лекций «завоеванием» называется влияние, которое формализм оказал на область гуманитарных наук, то есть происхо-

---

²⁵ Эскиз анализа выразительных средств Якобсона на материале брненских лекций был мною впервые представлен в 2002 году на конференции в Crêt-Bérard, посвященной эпистемологии языка в 20-х и 30-х гг. XX века в Советском Союзе. См. Tomáš Glanc: Le lexique du linguiste: la langue des cours de R. Jakobson sur le formalisme russe (1935). In: *Le discours sur la langue en URSS à l'époque stalinienne (épistémologie, philosophie, idéologie)*. Institut de linguistique et des sciences du langage. Cahier № 14, p. 121—132. Édité par Patrick Sériot. Université de Lausanne 2003. Более ранняя версия анализа лекций Якобсона представлена в статье: Tomáš Glanc: Formalismus forever. Roman Jakobson 1935. In: *Prager Strukturalismus. Methodologische Grundlagen (Prague Structuralism. Methodological Fundamentals)*. Herausgegeben von Marek Nekula. Heidelberg 2003, s. 105—119.

дит перечисление специальностей, на которые наиболее повлиял формализм²⁶. Если завоевание характеризует внешнюю судьбу или дистрибуцию формализма, мы можем одновременно сказать, что тем же принципом руководствуется и его внутренняя динамика²⁷. Завоевание как новаторское изобретение на уровне теории — такое понимание формализма совершенно бесспорно. Конечно, достойным внимания кажется ретроспективная проекция такой «завоевательности» на исторический план, где формализм становится своеобразным средством изменения в развитии, повторяющимся пунктом «изменения парадигмы». И именно так звучит пассаж, в котором Якобсон со ссылкой на принцип достижения мотивирует свое желание заниматься историей русской культуры и ролью, которую в ней сыграл формализм в разных его видах. Культура здесь снова разделяется на «свою» и «чужую». Против антагонистов формалистской ориентации поперек истории стоят «наши» — из рядов русской и иностранной культуры, причем в ряду иностранных союзников фигурировали прежде всего чехи (Мукаржовский, Фишер, Йират), то есть «западные славяне».

Оппозиция «мы» / «они» предполагает или имплицитно определяет способ научной коммуникации и развития специального мышления. Якобсон с большой эрудицией описывает контекст филологической дискуссии отдельных эпох, излагает содержание как русских, так и западноевропейских лингвистических, философских и литературоведческих концепций. Более пристальное внимание он уделяет способу структурирования контекста, показывает достойную внимания тактику апроприации (присвоения). Например, Веселовский, один из наиболее европейски ориентированных профессионалов русской теории литературы XIX века, в представлении Якобсона осваивает на Западе новейшие завоевания, которые потом привозит

---

²⁶ «Формальная школа добилась наибольших завоеваний и внесла больше всего новых идей в русскую историю литературы и фольклористику, в общее литературоведение и общее языковедение, и, наконец, в теорию искусства, т. е. в учение об искусстве в целом, а также в тот широкий круг наиболее актуальных и в то же время наиболее сложных проблем, который сейчас называют “философия знака”, или “семиология”, или “семиотика”, или “учение о знаке”».

²⁷ «Еще одним завоеванием формализма было именно изучение смысловой стороны поэзии — то есть, с одной стороны, семантики поэтического слова, с другой — сюжетного построения».

обратно, в свою национальную культуру, действуя как своего рода разведчик²⁸.

Подобно лексическому пучку *boj /vúboj* мы могли бы проанализировать и иные семантические гнезда — такие, как «идеология», «Запад», «диалектика», «славяне» и т. п.

Характерно также обращение Якобсона со словом *obrazoborectví* (иконоборчество). Это понятие известно по борьбе вокруг табу на изображение сакральных фигур и событий и почитание этих изображений, которая шла преимущественно в VIII—IX вв. Оно снова актуализируется именно в русском авангарде, где становится синонимом диверсии новой эстетики по отношению к прежнему буквализму, вере в то, что явления реального мира можно и необходимо изображать как можно точнее в соответствии с их объективным, зримым обликом. «Зоркое видение» (зорвед) Михаила Матюшина, кубизма и последующих направлений отвергает этот принцип. Иконоборческий принцип означает диверсию и отрицание предметности искусства, декларацию беспредметности нового — часто абстрактного — искусства.

Этот диверсионный потенциал иконоборчества не актуален для Якобсона в 1930-е годы. Всюду, говоря об «иконоборчестве», он приписывает этому понятию отрицательные действия. В одном месте, которое уместно процитировать дословно, «иконоборческий» выступает как прямой синоним «антиформального»: «достаточно вспомнить лишь такие типичные “иконоборческие”, непосредственно направленные против искусства явления, как эссе Толстого “Что такое искусство?”. Критика была в руках младшего поколения, и это была критика откровенно антиформальная, иконоборческая». Таким образом, в отношении к иконоборчеству, ставшему в своей секуляризированной версии авангардом эстетики, Якобсон возвращается на позиции «огосударственной церкви», защищающей от еретиков свои святыни (в нашем случае — выросшие из иконоборческой революции).

---

²⁸ «Уже в студенческие годы он оказывается под влиянием таких характерных представителей тогдашних новых идеологических направлений, как напр. философ Фейербах или Бокль, автор “Истории цивилизации в Англии”, и во время своего долгого пребывания на Западе осваивает новейшие достижения (*vúboje*) натуралистического сравнительного языкознания и проникается его идеями, становится последователем немецкого исследователя Бенфея, который пытался применить эти лингвистические открытия (*vúboje*) в литературоведении».

При исследовании словоупотреблений важна не столько механическая частотность повторения, сколько семантическая направленность определенных видов метафор, латентная интенция высказывания, скрытая в выборе лексики. Трудности такой интерпретации очевидны. Чтобы получить детально обоснованный результат, в нашем распоряжении должна быть максимальная совокупность сведений: как автор использовал отдельные метафоры во всем своем творчестве, какую роль играли эти выражения в лексиконе той эпохи и у отдельных авторов, какова общая роль метафорического высказывания в исследованной целостности и т. п. Тем не менее именно по отношению к конспекту лекций, в котором сочетаются приемы письменного научного текста с устной речью, риторически-семантический анализ продуктивен, он указывает на теневой пласт имплицитных значений, на косвенное содержание текста.

В плане персоналий Якобсон в своих лекциях о формализме особенно подробно рассматривает прежде всего творчество трех авторов, которых провозглашает предшественниками формальной школы: Александра Веселовского, Александра Потебню и Андрея Белого. Почему именно им он посвящает повышенное внимание и как они представлены? Труды Белого, Потебни и Веселовского Якобсон цитировал и в других своих работах²⁹. Однако это были,

---

²⁹ Приведем яркие примеры: глубокое знакомство Якобсона с поэзией и эссеистикой Белого доказывают цитаты в монографии о чешском стихе (1923, SW V, 34, 105), в той же работе Якобсон приводит и суждения Веселовского об эпитете (с. 107) Белого, «Ритм как диалектика» он цитирует также в статье *The Statue in Puškin's poetic mythology*, написанной на чешском языке в 1937 г. (SW V, 260), роман Белого *Котик Летаев* служит для сравнения с поэтическим языком Маяковского в первой монографии Якобсона *Новейшая русская поэзия* (Praha 1921, SW V, с. 314). Словами о *Символизме* Белого открывается Введение к 5 тому SW (с. 569), а несколько упоминаний о нем встречается и в *Диалогах* с Кристиной Поморской, впервые изданных в Париже в 1980 г. Упоминание о книге Белого *Мастерство Гоголя*, которую Якобсон высоко ценил, появляется в *An Unknown Album Page by Nikolaj Gogol'* (1972, SW III, с. 694), Белый и Потебня мелькают в примечаниях к статье *The Kernel of Comparative Slavic Literature* (1953, SW VI, с. 17, 47, 63). Работу Потебни о «*Слове о полку Игореве*» Якобсон упоминает в нескольких местах своего объемного труда, написанного в 1948 г., *La Geste du Prince Igor'* (SW IV), в том же труде также указываются ссылки на работу Веселовского «Новый взгляд на «*Слово о полку Игореве*» 1877 г. Потебня в связи с тем же литературным памятником цитируется и в статье 1973 г. о соколе в мифах, известной под английским названием *When a Falcon Has Molted* (SW VII, 323). Еще чаще Якобсон ссылается на работу Потебни

как правило, беглые упоминания. Ни в одной из своих работ Якобсон не предлагает более полного изложения концепций филологов, оказавших влияние не только на него, но и на целое поколение мыслителей о языке и литературе, сформировавшего свои взгляды на основе критики авторитетов конца XIX и начала XX века. Именно лекции Якобсона о формализме предлагают отрывки монографического характера о мыслителях, на которых, по его мнению, опирались формалисты.

Прежде всего предлагается реабилитация идей Александра Потебни, чье вырванное из контекста выражение о том, что поэзия — это мышление образами, формалисты подвергли резким нападкам (наиболее известна филиппика Шкловского в монографии «Искусство как прием»). В других своих работах Якобсон цитирует Потебню как скрупулезного знатока фольклора, мифологии или «Слова о полку Игореве». Однако в лекциях он обширно излагает его концепцию языка и литературы. При этом он проводит границу между самой знаменитой работой Потебни «Мысль и язык» (1862 г.), в связи с которой подчеркивает, что она еще несет на себе сильную печать психологизма той эпохи, в которую ее создавал двадцатипятилетний автор — и между его работами позднего периода, например «Из записок по теории словесности» (опубликована в 1905, посмертно), которая возникла несколько десятилетий спустя первой книги. Здесь Якобсон видит основное открытие в тезисе о том, что поэзия имеет принципиальное значение для лингвистического исследования и наоборот — ее изложение беспомощно без профессионального лингвистического

Объяснения малорусских и сродных песен, изданную в 1887 г. в Варшаве, напр., в статье *Slavic Epic Verse* (SW IV, с. 427), в изначальной версии (1952) названной *Studies in Comparative Slavic Metrics*. Исследования Потебни по фольклору мы находим в библиографии к статье *The Slavic God Veles' and his Indo-European Cognates* (1969, SW VII, с. 47), статья Потебни о символах в народной поэзии (1860) цитируется в медиевистском труде *Silesian-polish Cantilena Inhonesta* (1935, SW VI, с. 762). Другая мимолетная цитата из Потебни появляется в работе *Gengo to bunka*, опубликованной в Японии в сборнике *Kotoba no uchu* в 1967 г. Оригинальное английское название ее — *Language and Culture* (SW VII, с. 111). Грамматические заключения Потебни приводятся в *Beitrag zur Allgemeinen Kasuslehre, Contributions to the General Theory of Case* (1936, SW II, с. 23), в «Значении русской филологии для богемистики» (1938, SW VI, с. 795) и, разумеется, в статье *Kruszewski's Part in the Development of Linguistic Science*, написанной изначалью по-польски в 1967 г. (SW II, с. 430), так же как и в статье «Похвала Константина Григорию Богослову» (1970, SW VI, с. 214).

анализа. «Поэзия — это высшее проявление языка», — подытоживает Якобсон исследования Потебни.

Одновременно Якобсон находит у Потебни предвосхищение понимания поэтической функции как ориентации языка на самого себя — «высказывания с установкой на выражение». «Идеалом слова является его автономия, полноправие, то есть как можно больший расцвет, как можно большая реализация, максимальная актуализация его внутренней формы и звуковой формы». Кажется, что эту «внутреннюю форму», центральное понятие мышления Потебни, Якобсон или не вполне отчетливо понимает, или тенденциозно излагает. Ведь Потебня не говорил об отношении слова с его второстепенными значениями, о синонимии, омонимии и т. п., как следует из парафразы Якобсона, а о связи содержания мысли с сознанием³⁰.

Веселовского и его поэтику Якобсон критикует за множество проявлений позитивизма и излишнюю зависимость от представления о естественных науках как идеале любого научного исследования. Но одновременно он считает его основоположником будущего литературоведения, ибо находит у него вопрос об имманентном предмете литературоведения и исходную точку для формальной дифференциации литературного материала. Якобсон пишет:

«Большая заслуга Веселовского в том, что он понял существенное различие между фабулой поэтического произведения, которая относится к реальности, предметному миру, и сюжетом, который является компонентом художественной формы; сюжет — это одно из средств создания формы литературного произведения. Только в работах Веселовского 1890-х гг. это суждение, не менее важное для современной науки, нежели открытие Потебней того, что значение — это компонент знака, развивается в полной мере».

Андрей Белый представлен в лекциях менее систематически, чем Потебня и Веселовский, но из отдельных упоминаний становится ясным, что его концепция слова канонизирована как предпосылка для авангардных экспериментов в области языка и, соответственно, для формализма. Таким образом, в середине 30-х гг. освоение теории Белого формализмом кажется более радикальным, чем более известная оценка Якобсоном Белого как стиховеда — см. напр. формулировку конца 1970-х гг.: «...именно труд Андрея Белого впервые пролил свет

---

³⁰ О восприятии теории внутренней формы формалистами ср. Сергей Зенкин: «Русская теория и интеллектуальная история» // Новое литературное обозрение, 2003, № 61.

на природу русского четырехстопного ямба, разнообразие его акцентных вариантов, а также на те значительные изменения, которые этот излюбленный русский размер претерпел с восемнадцатого до начала двадцатого века. Белый обнаружил различные и до него никем не подмеченные особенности этого размера и поставил целый ряд более широких проблем»³¹.

Одновременно с переоценкой авторитетов, номинально внешних по отношению к формалистскому канону, у Якобсона с позиций 1935 года имеет место и самокритика, обозначение слабых мест формалистской программы. Якубинский в лекциях упрекается в наивном эмпиризме, свойственном, по мнению Якобсона, всему раннему периоду формализма. Здесь просвечивает продолжение более тонкой полемики из ранней монографии Якобсона «О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским», Прага 1923, с. 17 (на тему экспрессивной выразительности скопления плавных в поэтическом языке). На совести Шкловского — неправомерное упрощение учения Потебни. Из текста лекций очевидно также разочарование Якобсона в распаде формализма (ОПОЯЗа) как сплоченного научного сообщества, последовавшем после неудачных попыток в конце 1920-х гг. подвести итоги предыдущему этапу деятельности и продолжить ее. В переписке с Шкловским Якобсон говорит о кризисе не формализма, а формалистов, о фатальном разброде³². Его «посмертная» ретроспек-

---

³¹ Roman Jakobson: *Selected Writings. On Verse. Its Masters and Explorers*. Hague, Paris 1979, с. 569. См. также в кн. *Избранные работы*. Москва 1985, с. 239.

³² В. Шкловский: *Гамбургский счет*. Москва 1990, с. 519. «По-настоящему работа формалистов должна была только начаться, и это не в смысле детализации и сотых примеров и не в смысле поры для суммирующих учебников, а просто — раньше работали на ощупь, это для всех нас были годы учебы, а теперь, когда проблемы стали обнаженно ясны, — вдруг разброд. Страх перед проблемой, нелепое желание объяснить один ряд другим, т. е. игра: Где ключи? Там поищи. — Словом, канцелярская отписка. Исторически все это понятно. Но обидно. (...) А хуже всего разброд. Ведь сила нашей науки была именно в этой футуристической глыбе слова Мы. А разброд воистину фатальный. Всех видов: расхождения принципиальные, личные, территориальные. И уходы, которые вовсе не означают кризис метода, для этого нет никаких симптомов, напротив, переключка с методами новаторов всех научных областей сегодняшнего дня — об этом я говорил в Праге с Груздевым, и кажется, это произвело на него большое впечатление, — переключка показывает, что путь был верный, вполне отвечающий пафосу всех сегодняшних наук. Уходы от формализма означают

тива формализма в 1935 г. является канонизацией того направления, у которого больше не было синхронного коллективного присутствия на научном поприще³³. Однако больше, чем личные недостатки отдельных исследователей, Якобсона беспокоит недостаточная диалектичность многих формалистских концептов.

Якобсон в тридцатые годы был увлечен противостоянием «диалектического материализма» и «слепого эмпиризма», как он говорит в лекциях. Примером диалектики для него служит соотношение идеи и знака в слове, в языке. В символизме, по его мнению, «содержание и форма сливаются в высшее неделимое диалектическое единство». Диалектики касается и само заключение лекций. Здесь лектор как будто (по крайней мере, частично) переходит на современный ему марксистский жаргон, на языке которого проводились кампании против представителей формалистского мышления. «Формализм, — говорит здесь Якобсон, — оказался неспособным усвоить последовательную диалектическую концепцию развития искусства и его взаимоотношений с остальными компонентами социальной жизни».

Диалектическое понимание личностей и отдельных систем мышления проявляется в бинарной оппозиции, ставшей для Якобсона каркасом механизма изложения. Характерны места, где автор обобщает главные черты символизма или футуризма и задается вопросом, насколько эти предпосылки, эти «художественные идеологии», как он выражается, были благоприятны для развития науки о поэтической форме. И тут же отвечает на свой риторический вопрос: «И да, и нет».

Если общий смысл *dialektiké* — это искусство дебатов, а *dialektos* изначально означало «речь, беседа», то диалектика Якобсона опирается скорее на метод диалектического материализма, который ввел в русский дискурс Георгий Плеханов, опираясь на Гегеля Иосифа Дицгена, ученика Фейербаха, Маркса и Энгельса. В этом понимании ключевой характер имеет конфликт и его трехчастный характер (тезис — антитезис — синтез).

не кризис формализма, а кризисы формалистов. Кризисы типично подколесинские». Роман Якобсон: *Тексты, документы, исследования*. Отв. ред. Х. Баран и С. И. Гиндин. Москва 1999, с. 121—124.

³³ Виктор Шкловский в письме Якобсону 1929 (о Тынянове): «Теперь относительно Опояза. Юрий приехал от тебя совершенно разагитированный, и он всецело за восстановление коллективной научной работы. Я, конечно, тоже за, так как это дело моей жизни и один я работать не умею». Ibid., с. 127—128.

Якобсон в своих лекциях канонизирует диалектический материализм как оптимальный мыслительный фундамент для изучения «проблем формы»: диалектический материализм, по его мнению, «считает форму в соответствии с учением Гегеля основной частью диалектики мышления, и в основе своей имеет, как заявляют его ведущие идеологи, больше точек соприкосновения с классиками идеалистической философии, нежели с учением механистического материализма». Тот, в свою очередь, развивается в среде нацизма: «Наибольшее количество прямых следов механистического материализма сохранилось в современной официальной немецкой идеологии».

Якобсон в своей версии истории формализма представил литературоведческую концепцию не (только) как аналитический метод, а как целостное «мировоззрение». Это выражение (в чешском оригинале “světový názor”) повторяется в тексте семь раз. Задача этого тома — представить это мировоззрение в его редакции 1935 года и снабдить его материалами, сопутствующими восприятию публикуемой рукописи.

ДОКУМЕНТЫ

Приведенные ниже документы сохранились в архиве Фелицитас Вюншовой, биография которой приведена после вступления. Часть материалов относится к деятельности Якобсона в Университете Масарика, где, как показывают эти документы, он был принят неоднозначно, а назначение Якобсона доцентом, внештатным, а позже и штатным профессором сопровождалось многочисленными спорами и условностями, до сих пор в полном объеме не обнародованными. В то время как колебания Якобсона по поводу возвращения в Брно после Второй мировой войны подробно описаны в книге Марии Гавранковой и Йиндржиха Томана «Квадрилог» (Marie Havránková, Jindřich Toman *Quadriolog*, Karolinum, Praha 2001), подробности относительно статьи, содержащей нападки на Якобсона в газете «Руде Право» (Rudé právo) в 1958 году, как и статья П. Сгалла из журнала «Творба» (Tvorba), на новом этапе оценки творчества Якобсона (после 1990 года) не издавались и таким образом представляют ценное свидетельство о судьбе творчества Якобсона и его профессиональной репутации в Чехословакии 1960-х годов. Третий пласт документов касается визитов Якобсона в Чехословакию в конце 1960-х годов, где, в частности, Томаш Пекный взял у него интервью для журнала «Студент» (Student) (журнал вскоре прекратил существование, и интервью вышло в издании «Наука и жизнь» — Věda a život). В архивных материалах сохранились как первоначальный текст интервью, явно представляющий собой расшифровку звукозаписи, так и собственноручная правка Якобсона, которая, как показывает сопоставление текстов, касается не только стилистической, но и содержательной стороны. Позже редакцией журнала были внесены мелкие исправления. Таким образом, все три версии представляют документ своей эпохи, который свидетельствует одновременно об автоцензуре, о содержании редакционной правки (например, в названии интервью) и о том, каким образом незадолго до вторжения советских войск Якобсон хотел выразить свои взгляды в Чехословакии того времени.

Фелицитас Вюншова (Felicita Wünschová, 1913—1986)**(Биографические наброски, сделанные по воспоминаниям проф. Александра Стиха)**

Фелицитас Вюншова была дочерью музыковеда Вюнша, ее мать была немкой. Вюншова росла в Брно, где в 30-е годы изучала богемистику и германистику, ее преподавателями в Университете Масарика были Иржи Травничек, Богуслав Гавранек, Роман Якобсон, германистику она изучала у Антонина Беера. Диссертацию защитила непосредственно перед закрытием чешских высших учебных заведений в 1939 году. Во время войны Вюншова работала в Остраве учительницей в средней школе, конец войны провела в Брно. В 1946 году Б. Гавранек пригласил ее в только что организованный Институт чешской литературы, где она занималась исследовательской и редакторской деятельностью. В 1952 году, когда была создана Чехословацкая академия наук, она стала секретарем VIII отделения «Язык и литература», во главе которого стояли Иржи Травничек и китаист Ярослав Прушек (там она проработала до 1962 года). В начале 60-х годов при реструктуризации отделов возник новый отдел языкознания во главе с лингвистом Яромиром Беличем, соучеником Вюншовой по Брненскому университету. Вюншовой пришлось оставить свое место, потому что она отказалась вступить в Коммунистическую партию. Ярослав Прушек принял ее на полставки в Институт востоковедения, полставки она получала также при помощи Богуслава Гавранека как научная сотрудница Института чешского языка. Секретарем Института в 1963 году становится Александр Стих (он проработал там до 1967 года), с которым Вюншова тесно сотрудничала. После Милоша Докулила директором института стал Карел Горалек, который в начале 70-х годов во время режима «нормализации», последовавшего за вторжением советских войск, уволил Вюншову. Инициатором этой санкции был Антонин Долейши, сотрудник центрального комитета Коммунистической партии Чехословакии, с которым Вюншова была знакома по президиуму Академии наук, где он в конце 60-х годов работал секретарем одного из членов президиума (Вюншова исполняла функции секретаря Ярослава Прушека). После этого она работала библиотекарем стоматологического отделения поликлиники на Карловой площади. Она продолжала переписку с Романом Якобсоном и хранила у себя связанные с ним материалы. После ее смерти они при любезном посредничестве доктора Йиржины Таборской были переданы в архив Пражского лингвистического кружка.

ПРИЛОЖЕНИЕ XIV

Копия

Господин Роман Якобсон в своей прежней деятельности, касающейся русского языка, проявил себя отличным наблюдателем и проницательным толкователем теории современного языка, но также подробно занимался некоторыми вопросами исторического развития русского языка. Он ищет новые возможности исторических разысканий, сочетая их с новыми воззрениями на фонологические системы, чем вносит вклад в сравнительно-историческую фонологию. В последней его работе «*Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée a celle des autres langues slaves*» дана замечательная попытка проникнуть таким способом в самые начатки развития русского языка, которая привела его также к описанию некоторых явлений праславянского и иных славянских языков. Излагая специальные вопросы отдельных языков и отдельных периодов, он, обладая обширными знаниями по теории языкознания, опирается на общеизвестные сведения о языковом развитии. Из его литературной деятельности известно, что его интересы не исчерпываются специфическими проблемами одного языка.

Таким образом, не может быть сомнений в хорошей научной подготовке г-на Якобсона к стезе академического преподавателя.

Прага, 27 мая 1930 г.

О. Гуйер³⁴
собственноручно

---

³⁴ Олдржих Гуйер (Oldřich Hujer), языковед, профессор Карлова университета. Занимался сравнительным индоевропейским и славянским языкознанием, историей и диалектологией чешского языка.

Уважаемый господин профессор!

Министерство иностранных дел отвечает на Ваши вопросы следующим образом:

К 1. Р. Якобсон приехал в Прагу в июле 1920 года в качестве сотрудника советской миссии Красного Креста. В октябре 1920 года советская миссия сообщила, что он уволился со службы. Невозможность найти средства к существованию заставила его в конце 1921 года принять временную, по договору, должность пресс-секретаря советского представительства. Этот пост он занимал до 1 ноября 1928 года, когда был освобожден советским представительством от должности и уволен.

К 2. В течение всего периода работы в советской миссии Красного Креста и позднее в советском представительстве отношение господина Якобсона к нашему государству было положительным. Напротив, министерство может констатировать, что не знает ни одного случая нелояльности господина Якобсона; его отношение к нашему народу и государству становилось все более теплым, в последние годы оно было откровенно дружественным. Министерству также известны факты, когда господин Якобсон стремился принести пользу нашему государству и принес ее. При работе пресс-секретарем он главным образом заботился о распространении правдивых сведений о нашем государстве не только в СССР, но и в других странах.

К 3. По указанным причинам министерство иностранных дел не стало бы накладывать вето на предложение назначить его преподавателем по договору в любом чехословацком университете, напротив, оно готово рекомендовать его кандидатуру, если в этом будет необходимость и если Университет Масарика выразит подобное намерение.

К 4. В министерстве иностранных дел нет никаких сведений о позиции министерства относительно заявления господина Якобсона о принятии его на философский факультет Карлова университета. Если по отношению к подобному заявлению некоторым из сотрудников была выражена отрицательная позиция в телефонном разговоре или иным образом, министерство может констатировать, что к этому не было никаких существенных причин, кроме элементарной осторожности, не опирающейся на конкретные факты.

От имени министра:
Д-р К. Крофта³⁵
собственноручно
Приложение II.

---

³⁵ Камил Крофта (Kamil Krofta), историк и дипломат. С 1918 г. работал в Карловом университете в качестве профессора чехословацкой истории, в особенности истории Словакии, с 1920 г. — на дипломатической службе в Ватикане, Вене и Берлине. Занимался чешским религиозным развитием предбелогорского периода. С 1927 г. — заместитель министра иностранных дел Эдварда Бенеша и его ближайший сотрудник.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Декану философского факультета Университета Масарика в Брно.

Настоящим подтверждаю содержание нашей с Вами беседы от 1 октября 1932 года: я являюсь гражданином СССР. Мои личные документы и сведения о работе после окончания университета затребовало министерство образования и народного просвещения для рассмотрения предложения профессорского совета по университетскому образованию философского факультета Университета Масарика о моем назначении профессором по договору, чтобы удостовериться в правдивости моего *curriculum vitae*, и они до сих пор в министерстве.

С глубочайшим уважением,
Д-р Р. Якобсон собственноручно
2. X. 32

Votum separatum (Особое мнение)

Тон, о котором справедливо говорил профессор Худоба на последнем собрании коллектива, в статье г-на д-ра Якобсона «О нынешнем чешском пуризме» (*Spisovná čeština a jazyková kultura*, с. 85—122³⁶) действительно имеет место. Необходимо вернуться к этому и обратить внимание еще на несколько аспектов этого научного самовыражения. Кажется, общеизвестно, что в последнее время в разных контекстах возникает отрицание «выспренних, но бессмысленных слов научного жаргона», каковой и г-н д-р Якобсон использует в невероятном количестве: «Рационализация обучения» (88), «селекция языкового материала» (92), «лексический европеизм» (96), «языковая инфляция» (98) «период дефляции», «стилистические планы языка» (101), «современная универбизация» (112), «язык интеллектуализированный», «тенденция к номинализации» (113), «относительные предложения, которые наряду с курсивом и другими типографическими средствами, так сказать, анонсируют иерархию отдельных сообщений, газетной заметки» (114), «иерархия языковых функций» (116). Не похоже, чтобы «пустое словоблудие», о котором, в связи с первой работой Якобсона, говорил проф. Травничек³⁷ в «Листы филологичке» (*Listy filologické* 49, 246), покинуло г-на д-ра Якобсона за эти годы.

Методы работы, которые мы находим в труде г-на д-ра Якобсона, кажутся невероятными всякому, кто сам занимается наукой. Г. Якобсон рассказывает (89), что «младограмматическая школа в языкознании ... принципиально исключала понятие нормы из науки о языке» и еще несколько раз [повторяет] в нескольких вариантах. Тем не менее известно, что главный теоретик из объединившихся в т. н. школу младограмматиков, т. е. Г. Пауль³⁸, полвека назад в своих *Prinzipien der Sprachgeschichte* рассказывал о нормах т. н. *Gemeinsprache*, о нормах литературного и письменного языка, о возникновении норм, их взаимоотношениях и т. д.; без сомнения, у него нашлись бы и многие «открытия» последнего времени. В I томе *Indogermanische Forschungen* (1892) мы читаем перевод

---

³⁶ *Spisovná čeština a jazyková kultura*, Melantrich, Praha 1932, с. 85—22.

³⁷ Франтишек Травничек (František Trávníček) — автор Словаря чешского языка (1937) и Грамматики литературного чешского языка (*Mluvnice spisovné češtiny* 1948, 1949), профессор, в 1948—1959 ректор университета Масарика в Брно.

³⁸ Герман Пауль (Hermann Paul) — немецкий германист, лингвист. В своей книге *Prinzipien der Sprachgeschichte* («Принципы истории языка») изложил теоретические и методологические принципы младограмматической школы в языкознании.

труда Нореена³⁹ *Über Sprachrichtigkeit*⁴⁰ (95—157) и далее в том же томе замечания самого переводчика Юханссона⁴¹ *Zu Noreens Abhandlung über Sprachrichtigkeit*⁴² (I, 232—255). А если бы г. Якобсон взял в руки хотя бы популярную брошюрку нашего Коваржа⁴³ от 1885 года «О младограмматической школе» (*O škole mladogramatické*), то вышел бы на правильный путь и увидел бы, что и Остгоф⁴⁴, с трудом которого (1883) он знаком из вторых рук, из статьи 1931 года, по которой он неправильно приводит номер страницы, прекрасно знал, что «есть языковая неправильность» (89), чему Якобсона не научили его младограмматические учителя. Но к чему ходить так далеко? Гебауэр⁴⁵ ведь был младограмматиком (его противники называли его грамматику не иначе как «нормальной»), и все-таки согласно суждениям нашего первейшего знатока «как никто иной в свою эпоху имеет заслуги перед литературным языком» (Травничек в предисловии к 4 изданию «Практической грамматики» (*Příruční mluvnické*)), т. е. перед нормой.

Г-н д-р Якобсон говорит о том, что «Ф. Травничек метко характеризовал в “Нашей Речи” автономность поэтического языка» (с. 115), но что «редакция несправедливо отвергла его позицию». Если вы заглянете в *Наше ржеч* (*Naše řeč* V, 206), то прочтете: «Редакция Н. Р. сходитя во всем с изложением автора, она не согласна только в двух принципиальных вещах»; то есть отвечает на вызов Травничека, который написал: «Я допускаю, что могут существовать и иные взгляды на этот вопрос, а потому приветствовал бы, если бы редакция НР выразила свое мнение» (206).

---

³⁹ Адольф Нореен (Adolf Noreen) — шведский лингвист, профессор Уппсальского университета (1887—1919), исследователь исторической грамматики скандинавских языков.

⁴⁰ «О языковой правильности».

⁴¹ Арвид Юханссон (Arwid Johansson) — шведский германист, профессор Манчестерского университета.

⁴² «О языковой правильности».

⁴³ Эмануэл Коварж (Emanuel Kovář) — чешский этнограф и лингвист. Один из организаторов Чехословацкой этнографической выставки в 1895 году.

⁴⁴ Герман Остгоф (Herman Osthoff) — немецкий лингвист, один из основателей школы младограмматиков в индоевропеистике.

⁴⁵ Ян Гебауэр (Jan Gebauer), филолог, автор «Исторической грамматики чешского языка» (*Historická mluvnická jazyka českého* 1894), «Древнечешского словаря» (*Slovník staročeský* 1901), критик подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей, профессор Карлова университета и директор Славянского семинара. Посмертно была издана его работа «О жизни и трудах Фомы Штитного» (*O životě a spisích Tomáše ze Štítneho* 1923).

Дело — как и в прочих случаях — не в сути, но в том, насколько точно г-н д-р Якобсон пересказывает и передает свои источники.

Г-н д-р Якобсон также говорит о немецком Sprachverein⁴⁶ (121). Однако прежде — две внешние, но характерные вещи. Г. Якобсон цитирует текст НР и позже говорит: «далее идет прямая ссылка на *Verdeutschungewörterbücher*⁴⁷». Читатель, подумавший, что ссылка принадлежит изданию *Naše rječ*, ошибся бы, ибо на эти *Verdeutschungewörterbücher* ссылается постановление австрийского министерства образования, которое НР приводит в полном объеме. Далее в примечании г-н д-р Якобсон указывает, что НР «в хвалебных выражениях» цитирует «публицистическое выступление за очищение чешского языка». Пикантно, что г-н д-р Якобсон умолчал, что это выступление принадлежит газете «Право лиду» (*Právo lidu*), и нет ничего недостойного в том, что его цитировали «в хвалебных выражениях», ибо речь шла о серии действительно прекрасных статей, автором которым был, кажется, Г. Винтер⁴⁸ (кто же виноват в том, что «автономность» поэтического языка иллюстрирована, например, стихом «*To sníc rak, bylo blaze jí*», хотя его сочинитель в предисловии «выставлен полубогом»). Но это всё второстепенные замечания. Что говорит г. Якобсон о Sprachverein? Это «легендарный Sprachverein, против языковой политики которого, односторонней и шовинистской, уже не однажды выступали передовые немецкие ученые и писатели». Так знаток, который стремится к научному познанию, говорить не может и ради научной справедливости должен хотя бы упомянуть о том, что хорошего он сам сделал для культуры языка. Я ученик одного из наиболее радикальных противников Sprachverein, проф. Г. Бута (G. Booth), и при всем уважении и благодарности должен отметить, что в смысле шовинизма он намного превосходил Sprachverein, чьи здоровые стремления поддерживали как раз те умеренные из герма-

---

⁴⁶ Общенемецкое языковое объединение (*Allgemeiner deutscher Sprachverein*) существовало в 1885—1943 годах, преследовало пуристические цели (борьбу с иностранными заимствованиями) и обращалось к «национально сознательным немцам» во всех странах Европы. Его основателем был искусствовед Герман Ригель. Прекратило существование при нацистском режиме после того, как Гитлер лично высказался против языкового пуризма.

⁴⁷ Термин, буквально означающий «онемечивающие словари» — объяснительные словари иностранных слов, предлагающие также исконно немецкие аналоги.

⁴⁸ Густав Винтер (*Gustav Winter*) — социал-демократический журналист, корреспондент «Права Лиду» (*Právo lidu*) в Париже, участвовал в Сопротивлении, переводчик К. Чапека на французский язык. Погиб при бомбежке Лондона.

нистов. Даже знакомство с популярными пособиями Хирта⁴⁹ «Этимология» и *Geschichte* побуждало бы к более осторожной стилизации, коль скоро путь к первоисточникам долог и труден. Читал ли г-н д-р Яacobсон хоть однажды 14-е письмо Лессинга о языке Виланда со словами «solche Worte... erwecken auch dem einem Ekel, der nichts weniger als ein Puriste ist»⁵⁰? Неужели Лессинг был «шовинистом» и вёл «языковую политику»? Догадывается ли кто-то — не будем углубляться слишком далеко в прошлое — что слова, к примеру, Schauspieler (Acteur), Abgrund, Gegensatz (Antithese), Beweis (Argument), Lebensbeschreibung (Biographie), Feldzug (Campagne), Handbuch (Compendium), Augenblick (Moment), Tonkünstler (Musikus), Lehrstuhl (Kathedr)⁵¹ появились в XVIII веке? Кто догадывается, что автором слов Umlauf, Entwurf (Konzept), Stelldichein, Bittsteller, Lehrgang, folgerecht, Feldkrämer (Markentender)⁵² был сто лет назад лексикограф, в свое время высмеянный и до сих пор не оцененный по достоинству — Кампе⁵³? Кто догадывается о новизне слов «ingeschrieben», Eilbote, postlagernd, Fahrschein — Fahrkarte (Billet), Bahnsteig, Abteil⁵⁴ и ста других? Об их истории писал Штейернагель⁵⁵. Закончу цитатой из Хирта: «Jedes Volk, das etwas auf seine Sprache hält, wird nach Reinheit streben und das Kauderwelsch abzulegen versuchen»⁵⁶.

⁴⁹ Германн Хирт (Hermann Hirt) — профессор (в Лейпциге, с 1912 года в Гессене) санскрита и сравнительного языкознания, занимался индоевропейской компаративистикой, прежде всего историей ударения.

⁵⁰ «Такие слова... вызывают отвращение у того, кто менее всего является пуристом».

⁵¹ Слова из исконно германских корней со значением ‘актер’, ‘бездна’, ‘противоположность’, ‘доказательство’, ‘жизнеописание’, ‘военный поход’, ‘учебник’, ‘мгновение’, ‘музыкант’, ‘кафедра’; здесь и далее в скобках после некоторых из них приведены заимствованные слова с тем же значением.

⁵² ‘Оборот’, ‘проект’, ‘свидание’, ‘проситель’, ‘учебный курс’, ‘(логически) последовательный’, ‘маркитант’.

⁵³ Иоахим Генрих Кампе (Joachim Heinrich Campe) — немецкий лингвист и педагог, учитель Гумбольдтов, пуристически ориентированный автор словарей.

⁵⁴ ‘Заказное (письмо)’, ‘курьер’, ‘до востребования’, ‘проездной билет’ (два синонима), ‘платформа, путь (на вокзале)’, ‘купе’.

⁵⁵ Карл Штейернагель (Carl Steuernagel) — профессор университета в Галле, а затем во Вроцлаве, после Второй мировой войны работал в Грайфсвальде. Гебраист.

⁵⁶ «Каждый народ, которому важен его язык, будет стремиться к его чистоте и попытается избежать всяческой абракадабры».

По мнению г-на д-ра Якобсона, «изгнание германизмов — это скорее демонстрация, нежели истинное разнемечивание языка» (118—119). «Демонстрация» против кого, позвольте спросить? «То есть это факт языковой политики... эту политику нельзя назвать политикой националистической, более удачным термином был бы расизм» (119), говорит далее г-н д-р Якобсон. Что касается слова «расизм», г-ну д-ру Якобсону действительно стоило бы быть разборчивей в выражениях. Здесь г-н д-р Якобсон еще сдержанно отзывается о языковой политике, но вот до чего он доходит в другом месте. В «Лева фронта» (*Levá fronta*) он пишет: «наступление нового поколения филологов» знаменует «борьбу науки против ее шовинистского искажения», то, что предпринимала редакция *Наше ржеч* — «фашизм в языкознании» (*Levá fronta*, октябрьский номер за 1932 год, с. 11). Покажем на практике, как в действительности обстоит дело с высказываниями господина Якобсона. Наш передовой знаток чешского языка Ф. Травничек, критикуя чешский язык г-на д-ра Якобсона за такие выражения, как «*neodvisle od toho (искусств., досл., нем.), familiérní, bezprostředně, velkotovárna (малоунопр.), přirozeně*»⁵⁷ (*Listy fil.* 49, 246), допустил демонстрацию, занимаясь языковой политикой, поддерживал расизм; а упрекая его в таких ошибках, как «*jich význam, “Otcí i děti” Turgeněva, dle terminologie Fortunatova*» [*их значение, «Отцы и дети» Тургенева, по терминологии Fortunatova*. — Правильно по-чешски должно быть: *jejich význam, Turgeněvovy Otcové a děti* (или транслитерация *Otcy i děti*), *dle Fortunatovské terminologie*. — Прим. пер.], забыл, что, по мнению г-на д-ра Якобсона, «против малограмотности нельзя воевать механическими списками ошибок», что «перечень таких ошибок — задача корректора, а не специального издания» (с. 88). А упрекая его в германизмах, забыл, что, по мнению г-на д-ра Якобсона, «должен доказать, что они по фонологическому или грамматическому строю противоречат структурным законам современного чешского языка» (94)!

По мнению г. Якобсона, «призрак германизации остался в прошлом» (120). Может быть, да, а может быть, и нет, о подобном пророчестве могут быть разные мнения. Однако перед г-ном Якобсоном предстают новые призраки.

Г-н д-р Якобсон сообщает (121), что в 1-м выпуске *Наше Ржеч* интересно освещены функции пуризма, и вычитывает в программной редакционной статье, что якобы «требуется разрыв между современной жизнью и языком». Это же несправедливо приписывается и Зубатому. Что тут вы-

⁵⁷ Во всех упоминаемых случаях предметом критики является слишком тесная связь с немецкими выражениями, которая в ту пору считалась недостатком с точки зрения «чистоты» чешского языка. Для современного носителя чешского эти формы воспринимаются не как германизмы, а скорее как устаревшие или даже совершенно нейтральные (*bezprostředně, přirozeně*).

читал г-н д-р Якобсон — его личное дело. Но затем он продолжает буквально так: «Борьба против связи языка с действительностью сознательно вводится в рамки инвектив против современной культуры вообще» и своей ссылкой (I, 65) вызывает у каждого, кто поверит д-ру Якобсону, впечатление, что так поступает *Наше Ржеч* и ее редакция. Доказательством этих «инвектив против современной культуры вообще» является такая цитата: «Мы цивилизовали Прагу, а после и провинцию сплошными “кино...” и “био...” [приставка, синонимичная по значению “кино...”: *biograf* = *kinoteatr*. — *Прим. пер.*]; театр, словесность, газеты мы заполнили щеко-чущим флиртом и пикантным “остроумием”, переводами сомнительного качества; парижские кафешантаны стали десятой музой нашего искусства, и странно, что нас до сих пор не покинули прежние девять; Прага и за ней провинция с удовольствием одновременно рушили наши старые памятники архитектуры, сооружая вместо них большей частью чудовища; в Праге мы выстроили новый район, который весь без разбора может служить новым Берлином или новым Пештом; новые языковые формы, безвкусные до грубости искажения распространялись из Праги в провинцию» (121). Продолжение «так что, например, в одном нашем прекрасном городе уже называют дом Сметаны “Сметаком” [продуктивная в разговорной речи модель сокращения от *Smetanův dům* — “дом Сметаны”, *Smetak* — дословно “метла”. — *Прим. пер.*]» и т. д. г-н д-р Якобсон уже не цитирует. Знаете ли вы, кто этот враг «современной культуры вообще», чье имя г-н Якобсон замалчивает? Это образец культурного чеха, открытого миру, которому факультет несколько лет назад послал приветственный адрес, — не кто иной, как Франтишек Таборский⁵⁸. И о подобной манере вводить в заблуждение кто-то будет утверждать, что она не оскорбительна?

Факультет будет решать, идти ли ему с Таборским «против культуры» или с г-ном д-ром Якобсоном и его культурой.

Я приоткрыл дверь в научную мастерскую г-на д-ра Якобсона, разобрав его научное выступление. И мне этого достаточно.

---

⁵⁸ Франтишек Таборский, псевд. Гостивит (*František Táborský, pseud. Hostivít*) — поэт, относивший себя к патриотам чешской, моравской и валашской (Моравская Валахия — историческая область на востоке Моравии, у словацкой границы) культуры, публицист и переводчик с русского и польского языка, собиратель народного искусства. Критиковал первое издание Словаря чешского языка Ваша и Травничека (*Vášův a Trávníčkův slovník českého jazyka*) за то, что в нем нет слова «бабычка» (*babučka*), уменьшительно-ласкательного от названия его любимого дерева — полевого клена (*babuka*). Автор этнографической книги «Русава. Жизнь валашской деревни» (*Rusava. Život valašské dědiny*). Под влиянием теоретика славянской взаимности Гинека Бабички (*Hynek Babička*) пропагандировал идею славянства. Почетный доктор Брненского и Оломоуцкого университетов.

Мы привыкли, что научные сотрудники выражаются тем осторожнее и опасливее, чем к более широкому кругу читателей они обращаются, это неременная услуга читателю, который не видит ошибок в суждениях, произнесенных ученым. Тем более этой осмотрительности или, если угодно, ответственной сдержанности должно быть в журналистской статье, вышедшей из-под пера ученого. Г-н д-р Якобсон, судя по его действиям, придерживается противоположного мнения. И вот мы подошли к статье в «Чине» (Čin (1929, 10—12)) «Романтическое всеславянство — новая славистика». И снова дело не во взглядах на славянство, на всеславянство и его романтику, а в тоне. Читая слова «для риторики в духе “Гей, славяне” не оставалось места даже в приветственных и торжественных речах, разве что если оно звучало как забавный анахронизм в приветствии какого-нибудь представителя славистики из Калифорнии», я узнаю голос «непредвзятого наблюдателя». Насколько я знаю, Жунковичи⁵⁹ или Кусаки⁶⁰ научные съезды славистов не посещали, так что кого имеет в виду г-н д-р Якобсон, пусть выясняют те, кого это касается. Но я знаю о другом выступлении, которое было сделано представителем «новой славистики», провозглашавшим, что филологию нужно воспитывать в духе марксизма-ленинизма; то, что на него никто не прореагировал, будем считать проявлением гостеприимства, а «новую жизнь свободного народа» обходили молчанием из сочувствия и с учетом отношения «с в о б о д н о г о» ученого — к е г о п р а в и т е л ь - с т в у. Мы знаем, что не в Калифорнии, а в другой стране запрещают и изымают из печати праславянскую грамматику. Откликнется ли г-н д-р Якобсон на этот факт «новой славистики» хотя бы так, как он поучает у нас? Куда бы попал — нет, не в Калифорнии, а в той другой стране — человек, который против этого и других фактов выдвигал бы обвинения в «демонстрации», «расизме», борьбе «против культуры вообще»? Не буду говорить, где бы он оказался. А у нас он выдвигается на должность в университете (je v habilitačním řízení).

Брно, 24 января 1933 года

д-р. Антонин Б е е р⁶¹,
Профессор университета Масарика

---

⁵⁹ Мартин Жункович (Martin Žunkovič) — автор статей о рукописях Вацлава Ганки, исследований в областях «славянских рун».

⁶⁰ Журналист и юрист Алоис Кусак (Alois Kusák).

⁶¹ Антонин Беер (Antonín Beer) — профессор германского языкознания в Университете Масарика, редактор журнала «Наше веда» (Naše věda). В частности автор труда «Три сочинения о видах глагольного действия в готском языке» («Tři studie o videch slovesného děje v gotštině», 1915—1921).

Заключение
о габилитационной (habilitační) работе и прочей научной деятельности
до настоящего момента д-ра Р. Якобсона⁶²

Роман Осипович Якобсон родился 28 сентября (11 октября н. ст.) 1896 г. в Москве, в России, гражданином которой до сих пор и является (СССР). В 1905—1914 гг. учился в классической гимназии, а в 1914—1918 гг. обучался на историко-филологическом факультете Московского университета, где занимался прежде всего изучением русского языка, литературы и фольклора, сравнительной грамматикой славянских языков и общими вопросами языкознания.

В 1918 г. сдал государственный экзамен как «кандидат первой степени филологических наук» и был «оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русского языка и словесности» по предложению проф. Сперанского⁶³ и Ушакова⁶⁴.

10 июля 1920 г. прибыл в Прагу как сотрудник советской миссии Красного креста, в октябре 1920 он оттуда уволился; в учебном 1920/21 г. слушал в Карловом университете лекции по славистике, прежде всего у проф. Гуйера, Травничека и Сметанки⁶⁵ с разрешения каждого из профессоров. В конце 1921 года стал временным пресс-секретарем по договору в советской миссии и пробыл на этой должности до 1 ноября 1928,

---

⁶² Этот текст был опубликован в журнале «Славия» (Slavia) (61, 1992, с. 73—81) со вступлением Милоша Зеленки: Несколько замечаний к габилитации Якобсона в Университете Масарика в 1932—33 годах (Miloš Zelenka: Několik poznámek k Jakobsonově habilitaci na Masarykově univerzitě v letech 1932—1933). См. также «Роман Якобсон и университет Масарика» (Roman Jakobson a Masarykova univerzita), Slavia 63, 1994, с. 383—386.

⁶³ Михаил Несторович Сперанский — русский славист, в 1890 году опубликовал труд «Пергаменные отрывки русских рукописей в Праге» (Русский филологический вестник, № 3), писал об апокрифах (Славянские апокрифические евангелия, 1895), издатель писем Шафарика, с 1906 года профессор русского языка и литературы в Московском университете, с 1921 года член Академии наук СССР.

⁶⁴ Дмитрий Николаевич Ушаков — лингвист, член-корреспондент Академии наук СССР (1939), профессор Московского университета. Занимался общим языкознанием, лексикологией, диалектологией и орфографией.

⁶⁵ Эмиль Сметанка (Emil Smetánka) — чешский филолог, ученик Гебауэра, с 1915 года профессор чешского языка и литературы в Карловом университете. С 1919 года принимал участие в пересмотре Правил чешской орфографии, редактор Практического словаря чешского языка (Příruční slovník jazyka českého). В 1928—1930 гг. редактор Журнала современной филологии (Časopis pro moderní filologii).

когда был уволен оттуда. В самом конце 1928 года стал членом редакции *Slavische Rundschau*. 9 апреля 1930 г. в Пражском немецком университете был удостоен звания доктора философии на основании диссертации «Zur vergleichenden Forschung über die slavischen Zehnsilber»⁶⁶. По решению собрания профессоров философского факультета Университета Масарика 16 июня 1930 г.-н д-р Р. Якобсон по единогласному предложению комиссии, членами которой были проф. Соучек⁶⁷, Травничек и Гавранек⁶⁸, был предложен большинством голосов на должность профессора русской филологии по договору.

Профессиональная деятельность д-ра Романа Якобсона начинается в 1916 году с рецензии на диалектическую карту русского языка, составленную Дурново⁶⁹, Соколовым и Ушаковым, и их обзора русской диалектологии в журн. Этнографическое обозрение 1916, 102—107, однако уже в 1915 году он получил премию Буслаева за работу «Особенности языка Мезенских старин»; в 1915 и 1916 гг. он был отправлен Московской диалектологической комиссией и Этнографическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университе-

---

⁶⁶ «К сравнительному исследованию славянского десятисложного стиха». Jakobson, Roman: «Zur vergleichenden Forschung über die slavischen Zehnsilber». Slavische Studien 5: «Franz Spina zum sechzigsten Geburtstag», ed. by F. Liewehr, 7—20. «Reichenberg: Verlag Gebrüder Stiepel», 1929.

См. также *Selected Writings* IV, 4 (19—37).

⁶⁷ Станислав Соучек (Stanislav Souček) — историк литературы, профессор Брненского университета. Занимался древнечешской литературой, прежде всего творчеством Фомы Штитного, Я. А. Коменского, а также литературой XIX века.

⁶⁸ Богуслав Гавранек (Bohuslav Havránek) — лингвист, славист и богемист. Профессор университета Масарика в Брно и — позже — Карлова университета в Праге. Представитель т. н. Пражской школы (структурализма) в языкознании, в 1952—1964 директор Института чешского языка Чехословацкой академии наук. Автор работ «*Genera verbi в славянских языках*» (*Genera verbi v slovanských jazycích* I 1928, II 1937), соавтор Чешской грамматики (1-е издание, 1951), главный редактор Практического словаря чешского языка (*Příruční slovník jazyka českého* 1935—57) и Словаря литературного языка (*Slovník spisovného jazyka* I—IV 1960—71, 2-е издание в 8 томах, 1989).

⁶⁹ Николай Николаевич Дурново, филолог, славист. Чл.-корр. АН СССР, академик Белорус. АН. Работал в университетах Саратова, Минска, Москвы. В 1924—1929 годах жил в Чехословакии. Занимался диалектологией и историей русского языка. Автор первого русского словаря лингвистических терминов (1924). Вернулся в СССР, где был арестован и расстрелян.

См. также: Фичи Ф.: «Архив Н. Н. Дурново в Праге: (материалы по истории славистики 1924—1927 годов)» // *Славяноведение*, 2005, № 4, с. 96—109.

те изучать диалекты и собирать этнографический материал в различных уездах Московской губернии (ср. Труды МдК, 8, 1918, 3—6 и др.)

В гг. 1917/8 был избран членом Московской диалектологической комиссии; в 1915—1920 гг. он прочел в комиссии и в упомянутом этнографическом отделении Географического общества ряд лекций. Наконец, принимал участие в деятельности Московского лингвистического кружка, основанного в 1915 г., будучи его председателем; во время пребывания в Петрограде принял участие в основании ОПОЯза, общества по изучению поэтического языка.

Работы, возникшие в тот период, вышли только в 1922 г.; на утерянную работу о языке «Песни о полку Игореве» опирается Виноградов в Известиях отделения русс. языка и слов. 24, за 1919 г., на с. 217 н. В том же томе Известий, вышедшем в 1922 г., Шахматов⁷⁰ опубликовал предложенный Якобсоном анализ метрической формы некоторых церковнославянских панегириков из древнерусских памятников (Заметка о древнеболгарском стихосложении) и в журн. Научные известия за 1922 г. (2, 222—240) вышел критический анализ «Брюсовская стихология и наука о стихе».

В первой работе — дополняет труд Соболевского в Сбор. Отдел. 88, 1910 — реконструирует метрически новые остатки древнеболгарского панегирика в древнерусских памятниках, сложенных силлабическим стихом, определил место цезуры в этом стихе и указывает на следы этого стиха в южнославянском двенадцатисложнике. Во второй он анализирует взгляды русских символистов и прежде всего работы Брюсова по метрике, опровергает их приверженность схеме стиха, перенесенной из классической метрики в русскую, подчеркивает необходимость эмпирического исследования русского стихосложения и указывает на несколько примеров такого исследования.

С этой работой тесно связаны две другие работы кандидата, имеющие значение для поэтики и для лингвистики: *Новейшая русская поэзия* 1921, с. 69 и *О чешском стихе* 1923, с. 132. В первой из них при помощи конкретного анализа русской поэзии, прежде всего эпического поэта Велемира Хлебникова, он сделал существенный вклад в создание основных тезисов т. н. формальной школы, учения о формальном средстве и его реализации, определил, что есть поэтический язык, и проанализировал его отношение к языку практическому и эмоциональному. В ней он подробно изучает рифмованные слова в русском

---

⁷⁰ Алексей Алексеевич Шахматов — лингвист, профессор Петербургского университета, академик, председательствовавший в Отделении русского языка и словесности Академии наук. Основоположник исторического исследования русского литературного языка, исследователь диалектов и говоров, занимался славянской прародиной и праязыком. Один из основателей современной текстологии, редактор Словаря русского языка (1891—1916).

языке и наконец определяет место Хлебникова в развитии русской поэзии. Во второй работе он анализирует, с одной стороны, новый чешский стих, при этом он прежде всего стремится найти соотношение между количеством гласного и динамическим ударением и определить их роль в создании значения в отдельных языках (его взгляд на это соотношение поддерживает Трубецкой⁷¹ в ст. *Travaux du Circle lingu. de Prague* 1, 1929, 42).

Обе эти работы Якобсона русские формалисты обычно включают в число основных работ русской формальной школы, срав. Зелинский, *Поэзия как смысл* 1929, Томашевский, *О стихе* 1929, с. 42, Эйхенбаум, *Литература* 1927, с. 121 и 138, Жирмунский *Начала* 1921, 2, 213 и посл. и др.

К русской литературе также имеет отношение диссертация кандидата «Zur vergleichenden Forschung über die slavischen Zehnsilber» (Slav. Studien 1929, 1 n.), в которой он по народному исполнению, записанному в 1915 г., проанализировал северорусскую песню «Путешествие Вавилы» и сравнил ее с точки зрения метрики с духовными эпическими русскими песнями, написанными десятисложным стихом, и с русским литературным пятистопным хореем, далее к ней относится и печальная работа-воспоминание «О поколении, растратившем своих поэтов» (импульсом к ней стало самоубийство Маяковского), которая вышла со статьей Святополка-Мирского⁷² в сборнике *Смерть Владимира Маяковского* (1931, 1—44); в ней кандидат объясняет поэзию Маяковского и его развитие его внутренней жизнью и внешними событиями. В конце концов, сюда же можно отнести и несколько небольших статей последних лет, прежде всего о русском переводчике Гавличкова *Крещения Св. Владимира* (Центральная Европа 1931) и образе Франции в русской литературе в *Slav. Rundschau* 3, 1931.

Поэтическую и прежде всего метрическую форму кандидат изучал и в других славянских литературах: главные характеристические признаки сербского народного стиха, десятисложника, Якобсон определяет в подробной критике работы Вайяна⁷³ в журн. *Byzantinoslavica* 4, 1932, с. 194—202,

---

⁷¹ Николай Сергеевич Трубецкой — лингвист, основатель фонологии и — позже — морфонологии. Работал в Московском университете (1915—1916) и в Ростове (1918), позже — в Вене, член Австрийской академии наук. Один из теоретиков Пражского лингвистического кружка, коллега и близкий друг Якобсона, знаток кавказских языков; в 30-е годы симпатизировал евразийству.

⁷² Дмитрий Петрович Святополк-Мирский — литературовед, с 1920 года в эмиграции, читал лекции в качестве доцента в Лондоне, был активным участником евразийского движения, в 1932 году вернулся в СССР, вступил в Союз советских писателей, в 1937 году был арестован и погиб в ГУЛАГе.

⁷³ Андре Вайан (André Vaillant) — французский лингвист, славист. Автор сравнительной грамматики славянских языков и «Руководства по старославянскому языку». Занимался прежде всего сербохорватским языком.

но прежде всего он обращает внимание на чешскую поэзию. Его «Основы чешского стиха» (1926) преподносят в расширенном виде анализ принципов нового чешского стиха, содержащийся в указанной его работе *О чешском стихе*: он указал в «Основах» на значение словораздела в чешском стихе и особенно на сдвиг кульминации ударения в стихе, пытался установить значение количества гласных для этого сдвига. Критика частично отвергала этот труд, но иногда упрощала идеи Якобсона, не всегда изложенные наиболее ясным образом, до якобы защиты метрической системы стихосложения. О метрике древнечешской поэзии он писал в объемной статье «Старочешские стихотворения», в Славии (1924), и во введениях к изданиям древнечешских памятников «Спор души с телом. Об опасном часе смерти» (*Spor duše s tělem. O nebezpečném čase smrti*) и «Древнейшие чешские духовные песни» (*Nejstarší české písně duchovní*) в *Национальной библиотеке* 4 и 6 (1927 и 1929). Проанализировал прежде всего древнечешские говорные [досл. «непоющиеся». — Прим. пер.] лирические стихотворения, составленные из однорифменных четырехстиший и дал им формальную и метрическую характеристику; он подробно анализирует *Песнь Кунгуты* и стихи «О смертности» и «О богаче» и доказывает, что песни Кунгуты оказали влияние на эти стихи, мнение, которое Якубец — хотя ранее и отвергал — теперь уже принимает, см. его *Историю чешской литературы*, с. 148 и 267. В своих изданиях он отлично указал на ценность и значение древнечешской поэзии; в них и одновременно в нескольких работах, посвященных чешскому языку, он проявил значительные, а порой поразительные знания нашего культурного и языкового развития и современного состояния. И хотя богемист может принять его выводы лишь отчасти, это не умаляет значительной исследовательской ценности и импульсивного значения.

Лингвистические труды кандидата касаются прежде всего русского языка и общих вопросов языкознания. Он открывает их — кроме вышеуказанной старой рецензии — трудом «Влияние революции на русский язык» (1921, с. 32 и *Nové Atheneum* 2). Эта книга, современная работе Мазона⁷⁴, содержит ценные дополнения к материалам Мазона и, по мнению критика

---

⁷⁴ Андре Мазон (André Mazon) — французский славист, историк русской литературы. Читал лекции в Харькове, Страсбурге, Париже, основатель (1921) журнала *Revue des Études slaves*, член Французской академии наук (с 1935 года) и иностранный член Академии наук СССР (с 1928 года). Занимался морфологией русского глагола, русской литературой XIX века, македонским фольклором и «Словом о полку Игореве», в подлинности которого сомневался, за что постоянно становился мишенью критики Р. Якобсона. Здесь речь идет о работе Мазона об изменениях в русском языке советской эпохи «Лексика войны и революции в России», «*Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918)*» (1920), одной из первой на эту тематику.

Травничека в «Листы филологицке» (Listy filologické 49, 245—6), «подчас весьма ценные» изложения, особенно важны в ней наблюдения об изменении ударения. И новые критические обзоры литературы о русском языке за время революции с похвалой указывают на эту небольшую работу, к примеру, Успенский⁷⁵ в «Славии» 1931, 283 и Яшуньский⁷⁶ в Праце филологицке (Práce filologické XV, 1, 1931), который часто указывает, что Якобсон справедливо исправляет теоретические построения Мазона (с. 196 и далее).

В 1927 г. вышла отдельным изданием *Фонетика одного северно-великорусского говора* (Прага 1927); это анализ фонетического состояния диалекта Рогачевской области Дмитровского уезда Московской губернии, составленный по материалу, который автор собрал самостоятельно в 1915—1916 гг.; чувствуется хорошо подготовленный диалектолог.

На сегодняшний момент наиболее объемная работа «*Remarques sur l'évolution phonologique du russe*» вышла в Праге 1929, 118 (Travaux du CLP 2). Эту работу он предложил в качестве габилитационной (habilitační) работы.

В этой работе он применяет теоретические основы фонологии к развитию русской фонетики от праславянского периода до разделения на современные группы диалектов и одновременно проверяет на том же материале эти основы и теоретически их прорабатывает. Работа существенна и интересна как своей теоретической стороной, так и конкретным решением многих спорных вопросов славянской и русской лингвистики. Впервые в ней принципы фонологического понимания фонетики данного языка применены к историческому развитию; автор старается обосновать фонетические изменения целесообразностью и необходимостью с точки зрения системы данного языка, например, он убедительно показывает, как изменения, произошедшие в результате утраты слабых явлений, связаны с переходом праславянской слоговой палатализации в палатальную корреляцию согласных и в утрату фонологического различия между гласными переднего и заднего ряда [дословно: «*препалатальными и постпалатальными гласными*». — Прим. пер.] Таким образом, он попытался прагматически объединить и объяснить факты развития праславянской и русской фонетики с единой теоретической точки зрения. При этом он привнес и новые решения отдельных фактов развития языка, некоторые из которых получают всеобщее признание; наиболее успешно, по нашему мнению, он решает возникновение праславянских дублетов типа *član* — *člen*, превращение начального Е в О в русском языке, которому уже посвящено много теоретических работ; решение кандидата принимает вместо своего Дурно-

⁷⁵ Федор Иванович Успенский — русский византист, академик.

⁷⁶ Саломон Яшуньский (Salomon Jaszuński) — польский лингвист.

во (см. Введение 225), одновременно он справедливо отвергает прежние объяснения (Шахматова и Дурново) о диссимилиационном типе аканья в сев.-рус. и ю.-великорус. диалектах и сам объясняет этот тип как следствие изменения мелодической корреляции в динамическую тоновую корреляцию. С некоторыми его воззрениями члены комиссии не согласны, кроме того, многие выводы сам автор в позднейших работах переформулировал. Но это несогласие в частности или дальнейшее развитие исследований не умаляют положительной исследовательской ценности этой работы Якобсона. Эта работа, хотя и была подготовлена в части практики блестящими трудами Шахматова и Дурново и — в части теории — работами Трубецкого, тем не менее является их серьезным продолжением и существенно обогащает как русскую лингвистику, так и теоретические исследования языка. Об этой работе вышли многочисленные рефераты, большей частью благоприятные, кроме замечания Мазона в *RÉSL* (10, 19, 30, 104), которое, однако, не подкрепило общеприятные суждения против работы ни одним конкретным примером. Благоприятно отозвались лингвист Мейе⁷⁷, слависты Ван Вейк⁷⁸, С. Карцевский⁷⁹, Теньер⁸⁰ (см. о них в документе «Предложение комиссии об открытии кафедры русской филологии и ее занятие частным доцентом и профессором по договору проф. д-ром Романом Якобсоном», с. 193) и др., последний — Поливанов⁸¹ в «Славии» (11, 1932, 141—146).

Комиссия единогласно признает эту работу совершенно удовлетворяющей требованиям к габилитационной (*habilitační*) работе.

---

⁷⁷ Антуан Мейе (Antoine Meillet) — французский индоевропеист, профессор Collège de France. Автор «Введения в сравнительное изучение индоевропейских языков».

⁷⁸ Николас ван Вейк (Nicolaas van Wijk) — голландский лингвист, славист.

⁷⁹ Сергей Иосифович (Осипович) Карцевский — русский лингвист, в начале 1920-х годов жил в Чехословакии, член Пражского лингвистического кружка, позже — основатель Institut d'Études slaves в Женеве.

⁸⁰ Люсьен Теньер (Lucien Tesnière) — французский лингвист, славист, автор книги «Основы структурного синтаксиса» и работ по русскому языку, во многом опередил науку своего времени.

⁸¹ Евгений Дмитриевич Поливанов — лингвист, знаток восточных языков (японского, китайского, узбекского и др.), литературовед (занимался фольклором), ученик Л. В. Щербы и Бодуэна де Куртене. Один из основателей ОПОЯЗа. Профессор петроградского (с 1919), а в 1920-е годы, когда был сослан в Среднюю Азию, Ташкентского (Самаркандского), а позже — Киргизского (Фрунзе) университета. Теоретик советского языкознания, противник учения Н. Я. Марра. Арестован в Средней Азии и расстрелян.

После этой работы Якобсон опубликовал дальнейшие добавления к изучению звуковой структуры славянских языков, прежде всего русского; это работы *К характеристике евразийского языкового союза* (1931 в Париже) и статьи в *Travaux du CLP. IV: «Betonung und ihre Rolle in der Wort — und Syntagmahonologie: Über die phonologischen Sprachbünde»*⁸² и программная статья *Prinzipien der historischen Phonologie*⁸³. В первой работе он указал на общие признаки, объединяющие фонологическую систему русских языков [так в оригинале. — *Прим. пер.*] с другими языками европейской части России и Сибири без дальнего Востока: монотонию и тембровую корреляцию согласных, и пытается определить возникновение этих общих признаков. В указанной статье об ударении он весьма удачно анализирует типы ударений «южнославянского политонического острова» и указывает на зависимость места ударения в штокавском диалекте от качества мелодического ударения.

Кроме этих многочисленных фонологических работ, он опубликовал и исследование в области морфологии в сборнике в честь Матезиуса «*Charisteria*» (*Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario: a discipulis et Circuli linguistici Pragensis sodalibus oblata*, Pragaе 1932, с. 74—84), где он анализирует прежде всего русский императив и видит в его агглютинативном типе принципиальное отличие от образования остальных форм глагола.

Наш кандидат затронул и вопросы фольклора в своей статье в сбор. *Donum natalicium Schrijnen 1929, 900—913* в журн. *Lud slowiański* (2, 1931, В 230—3), написанной совместно с П. Богатыревым⁸⁴, а также, в нескольких работах, историю научного исследования языка. Также ему принадлежат многочисленные исследования и обзоры (в *Slavia, Indogerm. Jahrbuch, Slav. Rundschau* и др.).

Во всей своей научной работе до настоящего момента кандидат проявил себя отличным теоретиком и чутким наблюдателем конкретных фактов; он отличается широтой кругозора и интересов, способностью к абстрактному мышлению и синтетическому восприятию. Хотя можно сказать, что иной раз его работам не хватает более ясной формы и что абстрактное мышление часто ведет его к одностороннему взгляду на факты, тем не

---

⁸² «Ударение и его роль в фонологии слова и синтагмы. О фонологических языковых союзах».

⁸³ «Принципы исторической фонологии».

⁸⁴ Петр Григорьевич Богатырев — этнолог и фольклорист, пионер семиотики и функционального структурализма, близкий друг и соавтор Р. О. Якобсона. Занимался исследованиями национального костюма, народным театром (прежде всего словацким), написал книгу о магических ритуалах в Закарпатье (Париж, 1929), сборник его чешских статей см. *Связи творчества (Souvislosti tvorby)* (1971).

менее их нельзя упрекнуть в отсутствии значительной исследовательской ценности. Потому, по единогласному мнению комиссии, кандидат проявил способность к самостоятельной исследовательской работе, прежде всего в области русской филологии. Его практические знания чешского языка, необходимые для работы в чешском университете, довольно приличны и известны всем членам комиссии по собственному опыту.

Учитывая научную ценность габилитационной (*habilitační*) работы и прочей научной деятельности д-ра Романа Якобсона, комиссия единогласно предлагает профессорскому корпусу допустить кандидата к дальнейшей габилитации.

В Брно 21 октября 1932

Б. Гавранек собственноручно
Фр. Травничек собственноручно
Ф. Волльман⁸⁵ собственноручно

---

⁸⁵ Франк (наст. имя Франтишек) Волльман (Frank, vl. jm. František Wollman) — славист, историк литературы. Работал профессором университета Коменского в Братиславе, занимался сравнительным исследованием славянских литератур (*Slovesnost Slovanů*, 1928), развитием славянских программ и драматургией на южнославянских языках.

Votum separatum

Господин д-р Роман Якобсон претендует на габилитацию в русской филологии; но, поскольку он хочет читать лекции в чешском университете, где обучение ведется на чешском языке, и, кроме того, поскольку дисциплина научной работы не может или, по крайней мере, не должна быть принципиально иной, если автор научной работы вмешивается в другое ответвление своей специальности, нежели то, которое он хочет преподавать — особенно если, как в этом случае, речь идет только о двух разных ответвлениях славянской филологии — необходимо пристально приглядеться к взглядам господина Якобсона, которые он выразил в статье «O dnešním brusičství českém» [«О современном чешском пуризме» далее «О пуризме». — *Прим. пер.*], вышедшей в книге «Spisovná čeština a jazyková kultura» [«Литературный чешский язык и языковая культура» далее «Лит. чеш. яз...». — *Прим. пер.*] (Прага, 1932 год, издало акц. общество «Melantrich», с. 85—112).

1. Манера, в которой г-н д-р Якобсон выражается в этом споре с журналом *Наше ржеч*⁸⁶ о чешском языке, его характере и потребностях, поражает неуместной резкостью, а порою и скрытой насмешкой, с какой этот иностранец, только недавно кое-как научившийся говорить по-чешски, выражается о современном чешском языке и о стремлении некоторых чешских филологов к его чистоте и совершенству. Хотя он и льстит основателю и многолетнему главному редактору *Наше ржеч* покойному профессору Йозефу Зубатому⁸⁷, называя его «гениальным маэстро на ниве чешской филологии», в действительности он подрывает его усилия по очищению языка и уважение к ним. Например, он цитирует отрывок из речи проф. Зубатого после назначения его ректором (*Naše řeč*, IV, с. 8): «Нам неважно, верно ли это модное слово или нет, нам достаточно, что оно отличает нас от простого люда» так, будто этот отрывок может быть подтверждением его взглядов на «стихийную потребность» современного создания новых слов или на социальную и языковую «дифференциацию чешского общества». (Лит. чеш. яз..., 97—98). Хотя в примечании он подчеркивает, что говорит только о «собственных лингвистических наблюдениях», а не об «эмоциональной оценке этих фактов», которая якобы является в речи Зубатого «элементом субъективным», однако смысл того, что в действительности сказал проф. Зубатый и что он потом напечатал в NR, совершенно иной, нежели может казаться после того, что написал д-р Якобсон. Вот слова

---

⁸⁶ *Naše řeč* (*Наш язык*), журнал, посвященный чешскому языку, выходит с 1916 г.

⁸⁷ Йозеф Зубатый (Josef Zubatý), лингвист, индоевропеист, индолог и балтист, профессор Карлова университета. Исследователь чешского глагола (*Studie a články*, 1945—1954).

проф. Зубатого: «Нам неважно, верно ли это модное слово или нет, нам достаточно, что оно отличает нас от простого люда. И если мы должны очистить богатое наследие наших предков, язык чешский, который дал нам в дар Господь, если мы должны поднять его из грязи, куда его повергла злая судьба и наша собственная вина, теперь самое время, чтобы все мы, кто может, приложили и здесь руки к творению; а может тот, кто желает, а желать здесь должен каждый верный сын чешской нации! Народ наш пронес это наследие через ужасы прошлых эпох нашего национального воскрешения, сохранил его, несмотря на ошибки нашей новой словесности, до нашего освобождения; добрый гений наш в языке братьев-славян, оторванных от нас на тысячелетия, открыл нам новый источник очищения: великие события, которые мы пережили, открывают будущность в мире славянских языков, в которых мы можем видеть, как можно столько вещей выражать иначе, нежели выражает язык, который до вчерашнего дня был единственным нашим примером. Еще не все потеряно: но предстоит колоссальная работа, чтобы передать дорогое наследие нашим потомкам чистым» (Naše řeč VI, 8).

Для этой «колоссальной работы», которая, по мнению увековеченного «гениального маэстро на ниве чешской филологии», предстоит чешским филологам, «чтобы передать дорогое наследие (т. е. наш родной язык) нашим потомкам чистым», у господина д-ра Якобсона припасена пренебрежительная улыбка или ухмылка. Видимо, в соответствии с царящими на его родине взглядами он провозглашает, что «нас, лингвистов, никогда не учили, что есть языковой изъян» (Лит. чеш. яз..., с. 89), а «перечень ошибок» у чешских писателей, которые неправильно пишут по-чешски, считает «задачей корректора, а не специального издания» (там же, с. 88), как будто это специальное издание (т. е. NR) предназначено только для теоретического изучения языка или языков, а не **практического** познания и совершенствования чешского языка, ради которого данный журнал был создан. Он настойчиво утверждает, что «призыв к борьбе против прижившихся германизмов (в чешском языке) **не может быть научно обоснован**», коль скоро «заимствованные германизмы литературного языка» якобы «являются таким же показателям культурного прошлого, как, например, близкое родство чешского романтизма с немецким или зависимость идеологии чешского национального возрождения, и прежде всего идеи славянства от немецкой философии» (там же, с. 117); далее — «**попытка чуждаться германизмов — скорее демонстрация, нежели действительное разнемечивание языка**», что «**таким образом, это есть факт языковой политики, и можно поставить вопрос о ее правомерности**» и что «эту политику необходимо обозначить как политику националистическую; более подходящим термином был бы расизм. Ведь германизмы преследуются исключительно из-за своего пусть даже отдаленного происхождения. Их преследуют, даже если они стали привычными для чешского языко-

вого чутья, так что человек, не искушенный в этимологии, с удивлением узнает, что этим словам нередко отказывают в праве жительства» (там же, с. 118—119) «Лозунг борьбы против германизмов» якобы «имел во времена Австрии и теперь абсолютно различное значение». Тогда чешской интеллигенции и всему народу грозила постоянная опасность постепенной германизации. Теперь же «призрак германизации» якобы «в прошлом». И т. д. (там же, с. 119—120).

Д-р Якобсон — иностранец и чужак — едва научился чешскому языку и чешского языкового чутья иметь не может и не имеет, как показывают некоторые его работы, коих не правил чешский специалист, в отличие от статьи «О современном чешском пуризме» (проф. Гавранек), забывает, что мы, чехи — не немцы, говорящие по-чешски, — и что нам не безразлично, будет ли наш язык убогой чешско-немецкой тарабарщиной, как недавно назвал проф. Травничек слабый чешский язык некоторых наших учёных-естественников.

Он также забывает, что не его право и не его дело вмешиваться подобным образом в наши усилия по очищению и шлифовке родного языка. Подобного вторжения не приняла бы ни одна культурная нация, которая как нация стоит хоть чего-нибудь, даже если бы смелый иностранец владел ее языком гораздо лучше, чем господин д-р Якобсон владеет чешским, и навязывал ему свои взгляды мягче, нежели делает он.

2. И с точки зрения педагогической и профессиональной нельзя избавить г-на д-ра Якобсона от существенных упреков. Понятно, что он, пишущий с большей охотой по-немецки, хотя и выдающий себя за русского, предпочел бы выражать свои мысли совершенно онемеченным чешским языком, который бы соответствовал мнению, что «современная лингвистика не имеет права противопоставлять органическому развитию языка гибридизацию как механическое вторжение извне», каковой «наивный(!) пред-рассудок, давно преодоленный(!) социальными науками и биологией(!), к сожалению(!), прочно укоренился в NR (Лит. чеш. яз., с. 92, примеч. 10). Однако нам, чешской профессуре чешского университета Масарика, не может быть безразлично, будет ли дана возможность такому иностранцу в качестве университетского педагога распространять *ex cathedra* подобные взгляды, подрывать уважение и выставлять на смех усилия наших предшественников и нас самих, имеющих в сто раз больше языкового чутья к своему родному языку, нежели он, и, кроме того, не только имеющих право, но и обязанных защищать его от вредителей, хотя уста лицемерных низкопоклонников и <называют> одного из передовых его блюстителей и очистителей «гениальным маэстро на ниве чешской филологии». Господин д-р Якобсон может проявлять **собственное** «лингвистическое развитие» любым «смешением языков» как можно более «очевидно» (Лит. чеш. яз..., с. 92), но не имеет права требовать от нас руководствоваться им в нашем собственном языке.

Сам способ, какой он использует для подтверждения своих, казалось бы, очень точных наблюдений, заставляет усомниться в методах его научной работы. Напр., на с. 102 «Лит. чеш. яз...» он упрекает д-ра Иржи Галлера⁸⁸, одного из редакторов «Naší řeči», что слово **docíliti** [*книж. добиться, достигнуть*] он заменяет словом **dosáhnouti** [*1. достать; 2. достичь, дойти...; 3. достичь, получить*], то есть не различает двух слов различного значения. Но на с. 114 он упрекает NR, что журнал осуждает «замену по значению» слов **záhy** [*в скором времени, рано*] и **brzy** [*1. скоро, вскоре; 2. рано*], ибо, по его мнению, «оба значения часто сливаются», хотя проф. Зубатый, к которому здесь апеллирует Якобсон (с. 100, примеч. 20) — при том не по праву — ясно указал (NR, IV, с. 145—147), что значения слов **záhy** и **brzy** не являются одинаковыми, но различными. «Вывод из всего этого таков, — писал Зубатый, — что если мы решительно хотим использовать слово **záhy**, то следует употреблять его по-чешски, т. е. там, где вместо него мы без изменения смысла можем сказать *zavčas* [*вовремя*], иначе удовольствуемся простым чешским *brzy* (или *brzo*)». Короче говоря, «научная» совесть господина Якобсона очень упруга: она растягивается и сокращается в соответствии с сиюминутными потребностями.

Или: на с. 113—114 «Лит. чеш. яз...» он упрекает И. Галлера, что у него «особенно явно... проявляется недостаток функционального подхода в размышлениях... о языке деловом и публицистическом». Однако если перечитать статью Галлера (NR, XIV, 189—196), то можно заметить, что ее автор пеняет на множество слов и выражений, механически созданных по немецким образцам, напр., **dobropis** [*запись в кредит счета, нем. Gutachten, рекомендация, отчет...*], **přibjednávka** [*дополнительный заказ*], **protiúčet** [*встречный счет, встречное требование, Gegenrechnung*], **protivzorek** [**образец, посланный взамен. — Здесь и далее: германизмы, помеченные звездочкой (*), в совр. чеш. яз. понятны, но малоупотребительны*], **protistrana** [*другая, противная сторона (при заключении договора и т. п.)*], **plnoplechové zboží** [**продукция, целиком сделанная из жести*], **mimokolekcové zboží** [**товар, не включенный в коллекцию*], **pršiplášť** [*дождевик, плащ от дождя*], **supermazání** [**мазь высокого качества*], **biopředstavení** [**киносеанс*], **proti hotovému zaplacení** [*в обмен на наличный платеж, после оплаты наличными*], **bezvýlohová zásilka** [**бесплатная посылка*] и т. д. Но из всего этого множества часто дрянных слов г-н д-р Якобсон выбирает удобный пример — выражение **přicházeli v úvahu**

⁸⁸ Иржи Галлер (Jiří Haller) — филолог, с 1931 г. преподаватель чешского языка и языковой нормы в Карловом университете и член редакции журнала *Naše řeč*, издал книгу «Описание и анализ народного говора в пяти подржипских селах» (*Popis a rozbor lidové mluvy v pěti podřipských obcích*, 1932).

[*принимать во внимание*] ⟨...⟩, выражает д-ру Галлеру свое неудовольствие и спешит дальше. Такая критика и «наука» дешево стоит.

Или: на с. 105 «Лит. чеш. яз...» он упрекает «NR» (приведу один пример из множества подобных) в том, что этот журнал «требует, чтобы писали **pevný** [*прочный, крепкий, стабильный, твердый, непоколебимый*] вместо **neochvějný** [*незыблемый, непоколебимый, стойкий*]], притом в скобках ссылается на с. 135. I. номера «NR». Там действительно осуждается слово **neochvějný** как «калька с немецкого *unerschütterlich*, т. е. крепкий, сильный». Но г-н д-р Якобсон предпочитает молчать о том, что в том же номере на с. 253 указана причина, из-за которой отвергнуто слово **neochvějný**: «Не стоит нас поучать — мы знаем, что и **neochvějný**, **nedvojsmyslný** [*недвуслысленный*] — слова, допустимые в чешском языке: но нам неприятна нынешняя привычка заменять каждое немецкое слово чешским, примыкающим к нему как можно ближе... Так создается новый стиль, который есть не что иное, как немецкий язык, чуть-чуть окрашенный под чешский, живой пример того, что мы перестаем думать по-чешски...» К господину д-ру Якобсону, разумеется, это не относится, ибо он и не начинал думать по-чешски; однако он имеет смелость поучать чехов и чешский язык с высоты своего удобного «смешения языков» и «лингвистического развития».

Очень «дешевая» также его отсылка (на той же с. 105) к «чешскому лингвисту Гебауэру, который написал, видимо, наиболее тонкое лингвистическое исследование об отрицании⁸⁹», поскольку Гебауэр в своем исследовании в «Филологических записках» (*Listy filologické*⁹⁰) (X, с. 240—275) хотя и обращается к отрицанию в чешском языке и обращает внимание даже на такие отрицания, как *čerta*, *d'asa*, *kata*, **blázna** [р. п. ед. ч. существительных «черт», «дьявол», «палач», «чокнутый» — междометия со значением отрицания, соответствующие по смыслу русскому «черта с два!»]. — *Прим. пер.*] и т. п., только об отрицании, выраженном приставкой **bez-**, он не упоминает ни слова: а в этом все и дело, ибо д-р Якобсон упрекает в указанном месте «сегодняшних чешских пуристов» и конкретно NR в том, что они утрачивают «понимание особых функций отрицательных характеристик в языке», поскольку выразили «требование, чтобы несколько форм с “bez-” были заменены словом **marný** [*1. напрасный, тщетный; 2. пустой*] (**bezúčelný** [*бесцельный, бесполезный, тщетный*], **bezvýsledný** [*безрезультатный, бесплодный*], **bezúspěšný** [*безуспешный, безрезультатный*]...)]. Из того, что Ян Гебауэр в 1883 году написал «возможно, наиболее тонкое

⁸⁹ «Об отрицании, прежде всего древнечешском» (*O negaci, zvláště staročeské*) // *Filologické listy* 1883.

⁹⁰ Орган Союза чешских филологов, первый чешский журнал по языкознанию, выходил с 1874 г.

лингвистическое исследование об отрицании», вовсе не следует, что все слова, которые начинаются приставкой отрицания *bez-*, являются в современном языке совершенно правильными, даже если некоторые из них мы находим в русском или других славянских и неславянских языках. Какая здесь логика? Немаловажно, что сам Гебауэр в своем «тонком лингвистическом исследовании» «особой функции характеристики отрицания» не уделил приставке *bez-* даже чуточки внимания; он не исследовал ее с этой точки зрения и позже, в своем «Синтаксисе» (*Skladba*), изданном проф. Ф. Травничеком (с. 638—673). Конечно, формулировки, которые использует г-н д-р Якобсон, покажутся непосвященному читателю весьма учеными и самоуверенными. Однако это ученость, свойственная скорее агитаторам, нежели людям науки.

Ученым такого толка я не доверяю. Поэтому у меня нет доверия и к г-ну д-ру Якобсону. И поскольку, как я сказал вначале, научный характер и рабочая дисциплина должны проявляться в каждом серьезном выступлении истинного научного сотрудника, у меня нет доверия и к тем работам г-на Якобсона, которые посвящены русскому языку или литературе.

Дать в руки человеку подобного толка духовную власть, какую дает университетским доцентам «*venia legendi*», было бы, по моему глубокому убеждению, весьма недальновидно как с научной точки зрения, так и с позиции нравственности.

По этим причинам я вынужден голосовать против предложения утвердить д-ра Романа Якобсона приват-доцентом философского факультета Университета Масарика.

Брно, 24 января 1933 г.

Ф. Худоба⁹¹
собственноручно

---

⁹¹ Франтишек Худоба (František Chudoba), филолог, переводчик с английского языка, историк литературы, с 1920 г. профессор английской литературы в Университете Масарика в Брно. Автор книг «Поэты, пророки и борцы» (*Básníci, věštcí a bojovníci* 1915), «Книга о Шекспире» (*Kniha o Shakespeareovi* 1941) и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ IX

Votum separatum

После обсуждения кандидатуры г-на д-ра Р. Якобсона я напоминаю, что не доверяю ему не только как ученому, но и как человеку, с одной стороны, из-за его насмешливой заносчивости, с которой он пишет — будучи иностранцем! — о чешском языке и наших стремлениях к его чистоте, с другой стороны, из-за его личной «смелости». Он не хочет ни открыто признаться в своем большевизме, ни отказаться от него, чтобы, как сказал его личный друг проф. Б. Гавранек, его не постигла какая-нибудь неприятность или несчастье, хотя другие, как подчеркнул проф. Ф. Новотный⁹², так поступили — другие, истинные русские, которые понесли за свои убеждения гораздо большие телесные и душевные страдания, нежели г-н д-р Якобсон может себе представить. Мне также кажется странным, что советское правительство до сих пор не приказало ему вернуться в Россию, как несколько лет назад оно распорядилось относительно проф. Дурново, который и по сей день живет в России с семьей в крайней нужде. Если проф. Б. Гавранек недоволен тем, что я называю его близким другом д-ра Якобсона, то пусть вспомнит о том, что я сам однажды обратил его внимание на то, что он совершенно по-другому вел себя, когда мы обсуждали другого кандидата (д-ра Я. В. Седлака⁹³), к которому он не испытывал такого расположения, как по отношению к д-ру Роману Якобсону. Тогда он без лишних раздумий упрекал и жестоко карал за каждую мелочь, тогда как теперь, когда речь идет о д-ре Якобсоне, он защищает и такие его недостатки, которые осудил бы любой сторонний критик. Я не знаком лично с предыдущим кандидатом и не знаком с ним лучше, чем с г-ном д-ром Якобсоном, которого сегодня я увидел впервые,

---

⁹² Франтишек Новотный (František Novotný), с 1920 г. профессор классической филологии Университета Масарика в Брно. Своим образцом считал Фаддея Францевича (Тадеуша) Зелинского. Новотный переводил Платона и исследовал его труды, писал о ритме в античной прозе и считался в этом смысле учеником Йозефа Краля, автора монографии о чешской просодии, которую Якобсон резко критиковал в своей книге «О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским» (1923, перевод на чешский язык под заглавием «Основы чешского стиха» 1926). Новотный принимал участие в составлении Латинско-чешского словаря (1919, 1935) и защищал в открытых дискуссиях классическое образование в средних школах.

⁹³ Ян Войтех Седлак (Jan Vojtěch Sedlák) — чешский литературный критик, историк и редактор, поэт. Основывался на позитивизме, позже на него оказал влияние эстетический психологизм В. Дильтея.

но разительное отличие в отношении проф. Гавранека к прежнему кандидату и к кандидату сегодняшнему так бросается в глаза, что я не могу не задуматься об этом и не могу объяснить это иначе, нежели его близкой дружбой с д-ром Якобсоном.

Брно, 21 марта 1933 года

Ф. Худоба
собственноручно

ПРИЛОЖЕНИЕ X

Касательно выступления проф. Худобы заявляю от своего имени и от имени остальных членов комиссии: мы осознаем, что добросовестно исполнили свою научную и административную задачу, порученную нам советом; потому мы решительно протестуем против пассажа в особом мнении проф. Худобы о личной дружбе и предвзятости наших суждений как беспочвенного и оскорбительного.

Референт комиссии обнародовал критику трудов Я. В. Седлака в научных журналах, но при его габилитации он вовсе не был ни членом, ни референтом комиссии.

Б. Гавранек собственноручно
Ф. Травничек собственноручно
Франк Волльман собственноручно

Votum separatum

По моей просьбе квалификационная комиссия установила гражданство д-ра Романа Якобсона. Д-р Роман Якобсон является гражданином СССР⁹⁴.

Необычные условия, которые возникли в России после революции, различным образом повлияли на жизнь русской интеллигенции и прежде всего русских ученых. Из тех, кто остался в России, часть пользуется большей или меньшей свободой, в соответствии с тем, насколько они приспособились к программе правящей партии; многие были казнены, а иные находятся в заключении. Из тех, кто живет вне России, некоторые были высланы из России, однако большая часть отправилась в эмиграцию добровольно, чтобы укрыться от новой власти.

Д-р Якобсон не принадлежит ни к одной из вышеприведенных категорий. Он долгие годы живет за границей своего государства, но не является ни беженцем, ни эмигрантом. По моему мнению, при рассмотрении заявления д-ра Романа Якобсона о назначении его преподавателем необходимо принять во внимание эти факты и его гражданство, пусть даже в правилах квалификации прямо об этом не сказано, именно потому, что речь идет об СССР. В правилах, определяющих процедуру габилитации, не упоминается и не может упоминаться о случае, при котором бы у нас о назначении на должность доцента ходатайствовал гражданин государства, которое официально не признано нашим государством, с которым у нас нет дипломатических отношений⁹⁵ и с которым отсутствуют нормальные культурные связи. Однако самым главным является то, что между нашим государством и СССР нет взаимности в таких аспектах, как учеба и преподавательская деятельность. Невозможно представить себе, чтобы член нашего чехословацкого представительства был на основании заявления принят доцентом в один из университетов советской России, притом исключительно после проверки его научных способностей.

По моему мнению, взаимность между государствами — весьма важный фактор, и к нему следует прислушиваться не только в практических интересах, но главным образом в интересах национальной гордости.

По указанным причинам я не могу проголосовать за то, чтобы г-ну д-ру Роману Якобсону была предоставлена *venia legendi* в нашем университете.

Брно, 24 января 1933 года

Ф. Новотный собственноручно

---

⁹⁴ Якобсон получил чехословацкое гражданство 21 октября 1937 года.

⁹⁵ Дипломатические отношения с СССР были установлены 9.06.1934, 16.05.1935 был подписан чехословацко-советский союзнический договор.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Votum separatum проф. д-ра Ант. Беера

В заключительной части своего особого мнения, поданного 2 года назад против предложения назначить профессором на договорной основе г-на Р. Якобсона, который тогда как раз получил в Немецком университете в Праге степень доктора философии, я обращал внимание на то, что грядут тяжелые в финансовом смысле времена. Так и случилось. Также я спрашивал тогда, почему д-р Якобсон не пытается пройти габилитацию. Теперь, спустя два года, происходит и это. Я никак не могу понять, почему г-н д-р Р. Якобсон теперь хочет возместить то, чего не сделал тогда, т. е. получить габилитацию до представления к профессуре.

Я не могу избавиться от впечатления, что это попытка конъюнктурная, когда после решения профессорского совета на прошлом заседании нет надежды на назначение внештатным профессором человека, принадлежащего не к высокообразованной русской эмиграции, которой гражданская и научная несвобода не позволяет находиться в Союзе Советских Республик, но к тем, которые провели 2 срока на службе торгового представительства государства, нашей республикой de jure не признанного. Мне хотелось бы, чтобы перед избранием комиссии соответствующими лицами был разрешен вопрос отношения др. Романа Якобсона к нашей республике, т. е. вопрос его гражданства. Он был нерелевантен при предложении договорной профессуры, но не при габилитации. Причины очевидны.

Договорный доцент в результате выборов может быть призван к участию в официальных независимых (автономных) процедурах, может заседать в преподавательском корпусе и принимать участие в переговорах. Разве можно вообразить себе, чтобы гражданин иного, к тому же непризнанного государства, присутствовал на официальных заседаниях, которые могут иметь весьма приватный, даже щекотливый с международной точки зрения характер? Не может ли случиться конфликт?

Итак, я предлагаю, чтобы вопрос о том, является ли г-н д-р Якобсон гражданином нашего государства, был прояснен в министерстве образования и народного просвещения, а до того момента голосование комиссии было отложено.

Брно, 16 июня 1933

Д-р А. Беер собственноручно

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

На вопрос проф. Беера по поводу мнения комиссии о статье Р. Якобсона «Романтические всеславянство — новая славистика» (*Romantické všeslovanství — nová slavistika*) в Чине (Čin) комиссия отвечает, что эта статья объемом в две страницы, написанная в 1929 году, была знакома ей при составлении реферата о прежней научной деятельности кандидата, который она предоставила в прошлый раз корпусу профессуры, тем более что к этой же статье апеллировал проф. Беер еще против предложения назначить Р. Якобсона профессором по договору. Конечно, в реферате она не указана отдельно, поскольку это не научная статья, а двухстраничная заметка «по случаю», рассказывающая о первом Съезде славянских филологов.

В указанной статье Р. Якобсон констатирует с некоторым журналистским фразерством и линейным упрощением, что времена риторики в духе «гей, славяне!» были окончательно вытеснены позитивистской славистикой конца прошлого столетия и что эпоху этой позитивистской славистики теперь сменила славистика новая, структурная. Тем, что Якобсон осуждает ура-патриотическую риторику и романтическое славянство — не впервые у нас и не один он — он не осуждает тем самым ни славянство, ни славистику, но отлично осознает то, что подчеркиванием структурного метода исследования объект славистического исследования не меняется, но, напротив, становится цельным и углубляется, как видно и из методических рассуждений Якобсона, которые одновременно с этой статьей вышли в *Slavische Rundschau* (I, 639); ср. напр. это место: «Die Sache ist die, dass die slavischen Fragen nicht nur im genetischen, sondern auch im funktionalen Aspekten betrachten werden können»⁹⁶.

Потому комиссия не видит в этой заметке в Чине ни малейшей причины к тому, чтобы менять однозначное заключение своего сообщения о научной деятельности и пригодности Р. Якобсона.

Б. Гавранек собственноручно
Ф. Волльман собственноручно
Фр. Травничек собственноручно

---

⁹⁶ «Речь о том, чтобы вопросы славистики могли изучаться с точки зрения не только их генетических, но и функциональных аспектов».

Приложение

На возражения проф. Ф. Худобы и А. Беера о статье Якобсона «О нынешнем чешском пуризме» (O dnešním českém brusičství) отвечает референт комиссии от имени комиссии и от имени остальных богемистов философского факультета следующее:

Комиссия прежде всего обратила внимание на тот важный факт, что статья Р. Якобсона «О нынешнем чешском пуризме» не имеет отношения к специальности, по которой должен получить габилитацию кандидат, то есть русской филологии, и на то, что это статья полемическая. Хотя она не считает ее во всех частях бесспорной, но не может не признать, что в подавляющей части она верно указывает на слабости излишнего пуризма нынешнего руководства *Наше ржечи*.

Потому комиссия не видит в указанной статье ни по существу, ни в методическом смысле, ни по-человечески причин к тому, чтобы пригодность Р. Якобсона к научной деятельности могла быть взята под сомнение при габилитации по русской филологии.

Б. Гавранек собственноручно
Ф. Волльман собственноручно
Фр. Травничек собственноручно

С настоящим заявлением комиссии согласились также богемисты, не вошедшие в комиссию:

Ст. Соучек собственноручно
Арне Новак собственноручно

Копия

22 июня 1933 года

Министерству образования и народного просвещения в Праге

Передавая акт об утверждении д-ра Р. Якобсона, позволю себе добавить к нему нижеследующее:

1. Частные мнения упрекают в некоторых обстоятельствах, которые не имеют прямого касательства к габилитации на нашем факультете.

Это прежде всего вопрос гражданства г-на утверждаемого, научной взаимности между нашей республикой и СССР и научной свободы в СССР. Согласно действующим правилам утверждения от 1888 г. и согласно дополнениям и уточнениям, принятым нашим министерством образования и народного просвещения нет ни нужды, ни возможности принимать во внимание эти вопросы. Потому профессорский корпус в заседании 16 июня 1932 года, не принимая во внимание эти обстоятельства, квалифицированным большинством принял решение не отвергать а priori прошение д-ра Р. Якобсона, но начать процесс утверждения, и избрал габилитационную комиссию.

Сюда же относится выраженное проф. Худобой недоумение по поводу того, что советское правительство до сих пор не приказало д-ру Якобсону вернуться в Россию (см. приложение IX).

2. В голосе проф. Худобы (прил. VII) говорится (п. 1), что д-р Якобсон «только недавно кое-как научился говорить по-чешски». Напротив, комиссия, 5 июня 1930 подавшая корпусу предложение о договорной профессуре Якобсона, утверждает, что Якобсон «приобрел довольно хорошие практические знания литературного чешского языка и, таким образом, способен читать лекции по-чешски и без подготовки рассуждать по-чешски о специальных предметах».

Я заявляю, что это суждение комиссии в полном объеме верно; г-н кандидат внимательно следит за нашей духовной жизнью, много пишет и читает лекции на чешском языке и занимается чешским языком и в теоретическом ключе.

В том же голосе (пункт 2) говорится, что д-р Якобсон «предпочитает писать по-немецки». Из подробного габилитационного реферата ясно следует, что лишь небольшая часть его специальных работ написана по-немецки, но большинство по-чешски, по-русски или по-французски. Г-н кандидат хотя и пишет регулярно по-немецки в *Slavische Rundschau*, но иначе и быть не может, раз уж этот журнал выходит только на немецком языке.

3. Что касается формальных подтверждений заявления д-ра Якобсона, о которых говорит последний *votum separatum* (приложение VI), то уже некоторое время назад профессорскому корпусу было объявлено, что эти до-

кументы находятся в министерстве образования и народного просвещения для предложения кандидата на профессорскую должность на договорной основе.

4. В частном мнении по поводу предложения на договорную професуру проф. Беер в форме вопроса потребовал, чтобы д-р Якобсон получил габилитацию. Когда д-р Якобсон осуществил это, то проф. Беер (прил. I) называет это «конъюнктурной попыткой». Я отмечаю здесь, что г-н д-р Якобсон прошел габилитацию по желанию комиссии, которая предложила его в качестве профессора по договору. Хотя комиссия подробно мотивировала, что габилитация не нужна для назначения профессором по договору — см. директиву деканата от 4 октября 1931, № 1632/31-B-I-, однако сочла нужным призвать кандидата удовлетворить желание, выраженное профессорским корпусом.

5. К собранию обстоятельств, связанных с личностью д-ра Р. Якобсона, я позволю себе с разрешением проф. Гавранека предъявить копию двух писем нашего министерства иностранных дел, посланных проф. Гавранеку по его просьбе (Приложение XII и XIII). Оба письма были в свое время прочитаны корпусом профессуры и, разумеется, были важным критерием для составления мнения о личной стороне как предложения о профессорской должности по договору, так и предложения на *venia docendi*.

6. Частные мнения вообще прямо и конкретно не указывают на научную деятельность г-на д-ра Якобсона в области русской филологии, в которой корпус предлагает ему доцентуру. Только проф. Худоба упоминает в конце своего голоса (прил. VI), что «не может доверять и тем работам г-на Якобсона, которые посвящены русскому языку и литературе». Это суждение, однако, не опирается на критический анализ работ кандидата по русской филологии, но исходит лишь косвенно из критической статьи «О нынешнем чешском пуризме». Здесь мне хотелось бы отметить, что подобное перенесение неуместно, потому что статья о пуризме имеет совершенно иной характер, критический и полемический, нежели работы по русской филологии, которые являются позитивно творческими, и что проф. Худоба не вполне правильно понимает статью о пуризме. Как богемист, довольно подробно занимавшийся этими или другими вопросами, я не могу, с одной стороны, согласиться со всем, что утверждает г-н д-р Якобсон, но с объективных позиций я считаю эту статью серьезной попыткой решения некоторых вопросов языкового пуризма. Ср. заявление всей габилитационной комиссии, к которому присоединились богемисты проф. Новак и Соучек (прил. VIII).

Лишь отдаленно касается деятельности проходящего габилитацию в области русской филологии вопрос проф. Беера о статье в *Чине*. См. к этому ответ комиссии (прил. VII).

Габилитационная комиссия заявила: «Мы осознаем, что добросовестно исполнили свою научную и административную задачу» (прил. X). Ее

критичное, но в целом положительное суждение о научной деятельности д-ра Р. Якобсона вполне подтверждает выдающийся специалист Карлова университета проф. О. Гуйер в отзыве, который потребовала от него комиссия, предлагающая д-ра Якобсона профессором по договору. Этот отзыв касается научной деятельности д-ра Якобсона до мая 1930 и содержит также и рецензию на его труд «Remarques...», предложенный Якобсоном в качестве габилитационной работы. См. прил. XIV.

Ф. Т.

и. о. декана

Копия

22 июня 1933 г.

848/32-Р.

Министерству образования и народного просвещения в Праге

Доктор филологии (Phdr.) Роман Якобсон,
признание *veniae docendi* по русской филологии

18 листов + доктор. диплом + 20 книжных
(18 listin + doktor. diplom + 20 knižních)

Господин доктор философии Роман Якобсон 3 июня 1932 года предъявил преподавательскому корпусу заявление о назначении его доцентом (*veniae docendi*) русской филологии. Его заявление на заседании профессорского комитета было 16 июня 1932 всеми голосами, кроме одного (19-1) передано комиссии в составе проф. Гавранека, Травничека и Волльмана. Проф. Беер подал особое мнение (*votum separatum*) против решения комиссии (см. приложение I).

Одновременно профессорский корпус поручил декану выяснить гражданство д-ра Якобсона. Это было исполнено 2 октября 1932 года, как видно из приложенной копии заявления д-ра Якобсона (см. приложение II).

Габилитационная комиссия подала сообщение на заседании 24 октября 1932 г.; она предложила профессорскому комитету, чтобы он принял работу Якобсона «*Remarques sur l'évolution phonologique du russe*» в качестве габилитационной работы и чтобы его допустили к дальнейшему процессу утверждения (см. приложение III).

Голосование о предложении комиссии было отложено до того момента, когда комиссия ответит на вопрос проф. Беера о выступлении Якобсона о славянской филологии в *Чине*. Одновременно было решено, что комиссия включила в свое предложение пассаж о том, что д-р Якобсон является гражданином СССР.

По поводу предложения комиссии профессорский комитет голосовал на заседании 24 января 1933 года. На голосовании присутствовало 23 члена преподавательского корпуса и предложение комиссии о том, чтобы д-р Якобсон был допущен к продолжению процедуры габилитации, было принято 13 голосами против 8 (2 бюллетеня не заполнены). Профессора Новотный, Беер и Худоба подали свои особые мнения (см. приложения IV, V, VI).

На этом заседании габилитационная комиссия также подала мнение о статье Якобсона в *Чине* (см. приложение VII) и о статье в сборнике «Литературный чешский язык и языковая культура» (*Spisovná čeština a jazyková kultura*), о котором упоминали в своих частных мнениях профессора Беер и Худоба.

К выступлению комиссии о статье Якобсона в сборнике «Литературный чешский язык» присоединились также богемисты проф. Соучек и Новак (см. прил. VIII).

На заседании профессорского корпуса 21 марта 1933 года д-р Якобсон сдавал коллоквиум. Комиссия была удовлетворена его коллоквиумом и предложила профессорскому составу допустить д-ра Романа Якобсона до габилитационной лекции. Предложение комиссии было принято 15 головами, против предложения было подано 6 голосов, 3 бюллетеня были незаполненными. В голосовании приняли участие все присутствующие члены профессорского корпуса (24).

Одновременно было принято предложение, чтобы кандидат читал лекцию на тему «Структура русского императива».

Профессор Худоба во время этого заседания представил свой *votum separatum* к процессу габилитации (см. приложение IX), в ответ на который от имени всей комиссии выступал проф. Гавранек (X).

Лекция, которую прочел д-р Роман Якобсон 13 июня 1933 года, была признана комиссией удовлетворительной, и предложение комиссии о том, чтобы д-р Роман Якобсон был признан *venia docendi* русской филологии, было принято квалифицированным большинством 14 голосов против 5. 1 бюллетень был незаполненным (голосовал 21 член).

Профессоры Достал, Беер, Худоба, Новотный подали к этому решению *votum separatum* (см. приложение XI).

Ф. Т.

Передано 23 июня 1933

Фр. Травничек

Votum separatum.

После вопроса профессора Худобы на собрании совета 13 июня 1933, подтвердили ли бывший декан (замещающий декана по состоянию его здоровья) проф. Ярник⁹⁷ или нынешний декан проф. д-р Травничек к началу габилитации г-на д-ра Р. Якобсона сведения, указанные в заключительном абзаце частного мнения нескольких профессоров, поданного на собрании 13 июня 1933 года, стало очевидным, что никто из них этого не исполнил и что у них нет никаких письменных официальных свидетельств ни о рождении г-на Якобсона, ни о его учебе в средней школе и экзамене на аттестат зрелости, ни о его работе после окончания высшего учебного заведения. Потому нижеподписавшиеся считают процесс габилитации г-на д-ра Якобсона нелегитимным.

Брно, 13 июня 1933 г.

Ф. Худоба
Е. Достал⁹⁸
Ф. Новотный

По причине позднего вручения откладываю ad acta.

Фр. Травничек

Печать:

Деканат философского факультета
университета Масарика
Получено: 23 июня 1933.
Номер: 891/33-Р. Приложений 0

В приложении к черновику протокола о собрании 13 июня проф. Худоба утверждает, что он требовал протоколирования вышеуказанного заявле-

---

⁹⁷ Хертвик Ярник (Hertvík Jarník), профессор романской филологии, специалист по румынскому языку, его диалектам и румынской письменной культуре, занимался, в частности, галицизмами в румынском языке.

⁹⁸ Евжен Достал (Eugen Dostál), историк искусства, занимавшийся преимущественно средневековьем, книжной миниатюрой эпохи Карла IV и Вацлава IV; профессор университета в Брно. Строго придерживался позитивистской методологии, направленной на проблемы генезиса искусства. Автор книг «Чехия и Авиньон» (1922) и «Иллюминированные рукописи святоякубской библиотеки» (1926). Занимался реорганизацией охраны памятников культуры в Моравии.

ния. В замечаниях коллеги Гавранека, составлявшего протокол, этого нет. Не отметил этого и я, хотя и делал записи по ходу заседания совета. Допускаю, что колл. Х. действительно требовал протоколирования. И признаю, что текст своего заявления он написал карандашом еще на собрании на 4 странице первоначальной версии вотума № XI. Там можно заметить явные следы того, что что-то было стерто. Однако этот вотум принял коллега Достал. Там стояла подпись отсутствующего члена совета проф. Урбанека⁹⁹, и потому я отказался принять его в том виде, в каком он был предложен. А передал он мне его спустя несколько дней после собрания. Однако текст заявления проф. Х. в нем отсутствовал; перед передачей документа он был стерт. Меня даже не поставили в известность, что будет подано еще и это новое особое мнение.

Текст заявления проф. Худобы был подан мне только 23 июня, притом как новая записка, обособленная от вотума XI.

Новое особое мнение подписано коллегами Досталом и Новотным, хотя они на совете вовсе не требовали протоколирования. С этой точки зрения их мнение тоже не удовлетворяет условиям.

Ф. Т.

---

⁹⁹ Рудольф Урбанек (Rudolf Urbánek), историк. Занимался прежде всего эпохой правления Иржи из Подебрад и историей гуситства, общины Чешских братьев и чешского гуманизма. Автор книги Подебрадская эпоха, т. I—IV.

Предложение комиссии

об открытии кафедры русской филологии и об ее руководстве приват-доцентом и профессором по договору проф. д-ром Романом Я к о б с о н о м

Научная необходимость в русской филологии и ее необходимость как самостоятельной научной дисциплины не вызывает сомнений. Потребность в филологии отдельных национальных целостностей — помимо филологии групповых единств, к которым относится славянская филология — считается общепринятой. Тем более оправдано существование самостоятельного филологического исследования и обучения при таком значительном культурном и экономическом единстве, как русское единство (восточнославянское), равно как и при существовании общей германистики — исследования английского языка и литературы. Филологические специальности, касающиеся русистики, стали самостоятельными вскоре после развития славянской филологии, с одной стороны, благодаря самостоятельному положению русского культурного развития и благодаря близким лингвистическим и этнографическим отношениям с неславянскими и неиндоевропейскими народами, в прошлые времена живущими в Российской Империи и в настоящее время в Советском Союзе, с другой стороны, благодаря значительной и объемной научной работе, проведенной в этих отраслях.

Однако в том, чтобы на нашем факультете была представлена такая специальность, как русская филология, есть конкретная потребность, не только с научной, но и с практической точки зрения. Потому по предложению совета уже почти в самом начале существования факультета была создана профессура по русской литературе по договору, с 1923 года на эту должность был назначен проф. Серг. Вилинский¹⁰⁰, а с 1925 г. наш факультет добивается открытия договорной профессуры русского языка, или русской филологии, сначала предложениями от 7.2.1925 и 7.XII.1926 о назначении Н. Дурново, а позже предложением от 16.VI.1930 о назначении Р. Якобсона (принято только 1.X.1934 г.).

В этих проектах также была подробно обоснована необходимость русской филологии; так, прежде всего, на собрании совета 7.XII.1926 было подробно обосновано, почему необходимо подробное знакомство с развитием русского языка для каждого научного изучения чешского языка и прежде всего его восточных диалектов, в том числе и для необходимой подготовки кандидатов по чешскому языку для средней школы, и указано, что необходимость глубокого научного знакомства и изучения русского языка в наших университетах проистекает из вхождения Подкарпатской Руси в

¹⁰⁰ Сергей Григорьевич Вилинский — профессор русской литературы.

наше государство. С практической стороны русская филология необходима не только с точки зрения образования в Подкарпатской Руси, но и с учетом образования в наших землях, для того чтобы философский факультет был способен подготавливать специалистов по русскому языку, которые необходимы для обучения русскому языку, введенному как факультатив в этом учебном году в реальных училищах и гимназиях и уже давно принятому как предмет в средних экономических учебных заведениях.

В упомянутых проектах было также указано на то, что для понимания литературного русского языка и русской культуры вообще важно и знакомство с церковнославянской литературной и языковой традицией в России и изучение этнографии, которое согласно русскому пониманию современной филологии (а для нас — и для понимания русской жизни) важнее, чем народоведение западных народов; далее, что в русской науке были глубже, чем где-либо в другой, разработаны вопросы, пограничные между языкознанием и историей литературы, и поэтому гораздо более подходит определение соответствующей дисциплины как гуманитарная филология.

Все эти причины логически подводят к тому, чтобы кафедра русской филологии стала одной из основных филологических кафедр и на нашем факультете. Представление этой специальности всего лишь профессорской должностью по договору было по сей день вынужденной мерой, которая своей временностью и возможностью легких изменений не гарантирует удовлетворительного представления ни одной из важных специальностей. Считать такое положение дел достойным русской филологии было бы несправедливой недооценкой этой филологической специальности по отношению к филологиям других национальных единств, недооценка — даже не принимая во внимание научного значения русской филологии — тем более непонятная и с практической точки зрения, потому что понимание российской специфики — общепризнанная культурная и экономическая потребность нашего государства, а русский язык теперь наконец становится одним из основных предметов в средней школе.

Потому комиссия единогласно предлагает, чтобы вместо одного места профессора по договору (профессора русской филологии) была открыта кафедра русской филологии. Такое предложение комиссия может вынести тем более, что в предложении ресистематизации, поданной советом в прошлом году, учтено расширение славянских кафедр на одну единицу и, далее, потому что наш факультет имеет для ее занятия подходящего кандидата, приват-доцента Р. Якобсона, получившего звание доцента на нашей кафедре в 1933 году по русской филологии, до сих пор единственного доцента по этой специальности и родственным специальностям в чехословацких университетах вообще, который прежде, еще в 1930 году, был предложен факультетом в качестве профессора по договору по той же специальности.

Роман Осипович Якобсон родился 28 сентября (11 октября нового стиля) 1896 в Москве, Россия, и до сих пор является гражданином этой страны. В 1905—1914 он учился в классической гимназии, а в 1914—1918 гг. учился на историко-филологическом факультете Московского университета, где в 1918 году сдал государственный экзамен как «кандидат первой степени филологических наук» и был «оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русского языка и словесности» по предложению проф. Сперанского и Ушакова. В 1920 году (10 июля) прибыл в Прагу как сотрудник советской миссии Красного креста; в октябре 1920 года он оттуда уволился и в учебном 1920—1921 году слушал в Карловом университете лекции по славистике. В конце 1921 года он стал временным референтом по договору советского представительства и пробыл на этой должности до 1 ноября 1928 года, когда был уволен оттуда. В самом конце 1928 года он стал членом редакции *Slavische Rundschau*. В 1930 году (9 апреля) он был объявлен в пражском немецком университете доктором философии на основании диссертации «*Zur vergleichenden Forschung über die slavischen Zehnsilber*».

Решением философского факультета университета Масарика от 16.VI.1930 кандидат по единогласному предложению комиссии, членами которой были проф. Соучек, Травничек и Гавранек, был предложен большинством голосов на должность профессора русской филологии по договору. Преподавательский корпус того же факультета на единогласное предложение комиссии, членами которой были проф. Соучек, Травничек и Волльман, ответил на его заявление о признании доцентом (габилитации) русской филологии его в учеб. году 1933/34, и его габилитация была подтверждена 5.9.1933. В 1933/34 учебном году он читал лекции как частный доцент. В 1934 году (1.X) он был назначен профессором по договору и с 1934/35 учебного года читает лекции пять часов в неделю и ведет семинары по русской филологии. В учебном 1936/37 году по единогласному предложению совета ему были даны полномочия читать три часа в неделю лекции из области древнечешской литературы.

Профессиональная деятельность кандидата начинается уже во время его пребывания в России; там в 1915—1920 гг. он работал в Московской диалектологической комиссии в этнографическом отделении Географического общества, в московском лингвистическом кружке и в Опоязе; кроме рецензии на карту диалектов русского языка Дурново, Соколова и Ушакова, которая вышла в журнале «Этнографическое обозрение» в 1916 году¹⁰¹, его работы по этому периоду были опубликованы позже, лишь в 1922 году,

---

¹⁰¹ Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков: «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» // *Этнографическое обозрение*, с. 102—107, 109—110.

а именно в Известиях отдел. рус. языка (24, 1919, вышел 1922) «Заметка о древне-болгарском стихосложении»¹⁰², которое анализирует метрическую форму некоторых церковнославянских панегириков из древнерусских памятников, и в журн. «Научные известия» (2, 222—240) «Брюсовская стихология и наука стихе»¹⁰³, в которой он анализирует взгляды русских символистов на стихотворный размер.

Из остальной его богатой и содержательной деятельности между его приездом в Чехословакию в 1920 году и процедурой реабилитации, посвященной прежде всего к русской лингвистике, русскому литературоведению и вопросам древнечешской и новочешской метрической формы, мы кратко касаемся лишь важнейших работ, ибо эта деятельность была подробно описана в заключении об реабилитационной (*habilitační*) работе. Это прежде всего две книги по поэтике, имеющие немалое значение и для лингвистики: *Новейшая русская поэзия*¹⁰⁴ 1921, с. 69 и «О чешском стихе»¹⁰⁵ 1923, с. 132; обе эти работы обычно причисляют к основным трудам русской формальной школы; в первой из них на конкретном анализе русской поэзии, прежде всего стихотворений Хлебникова, он строит основные тезисы т. н. формальной школы и определяет признаки поэтического языка, во второй пытается найти взаимоотношения между динамическим ударением и долготой и определить их роль в создании значения в отдельных славянских языках. Из области русской литературы к ним можно добавить указанную докторскую диссертацию кандидата, в которой он проанализировал северорусскую песнь «Путешествие Вавилы», и работу-воспоминание о Маяковском «О поколении, растратившем своих поэтов», которая вышла в сборнике «Смерть Владимира Маяковского»¹⁰⁶ (1931, с. 1—44).

¹⁰² Якобсон, Роман: «Заметка о древне-болгарском стихосложении». Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук 1919 г. (вышло 1923) 24:2, 351—358.

¹⁰³ Якобсон, Роман: «Брюсовская стихология и наука о стихе». Научные известия Академического центра Наркомпроса РСФСР, Сборник 2-й: философия, литература, искусство, 222—240. Москва, Государственное издательство 1922.

¹⁰⁴ Якобсон, Роман: «Новейшая русская поэзия. набросок первый. Виктор Хлебников». Прага 1921, Типография Политика. См. также *Selected Writings V*, 17 (299—354).

¹⁰⁵ Якобсон, Роман: «О чешском стихе — преимущественно в сопоставлении с русским». Сборники по теории поэтического языка 5, Берлин — Москва: ОПОЯЗ-МЛК. См. также *Základy českého verše*. Praha, Odeon 1926.

¹⁰⁶ Якобсон, Роман: «О поколении, растратившем своих поэтов» // Р. Якобсон, Д. Святополк-Мирский: «Смерть Владимира Маяковского» 1931, 7—45. Берлин, Petropolis Verlag 1931. См. также *Selected Writings V*, 18 (355—381).

Из лингвистических работ можно назвать прежде всего три крупные: специальная диалектологическая работы с 1927 года «Фонетика одного северно-великорусского говора»¹⁰⁷, основанная на собственном материале автора, собранном в 1915 и 1916 гг., которая доказывает, что перед нами хорошо подготовленный диалектолог, далее «Remarques sur l'évolution phonologique du russe», вышедшие в 1929 году¹⁰⁸ (с. 188) и работа *К характеристике евразийского языкового союза*, вышедшая в 1931 году¹⁰⁹ (с. 59). Первая из них, «Remarques», в 1932 году предложенная в качестве габилитационной работы, применяет теоретические основные принципы фонологии к развитию русской фонетики с праславянского периода до разделения на нынешние диалектологические группы и одновременно проверяет и практически прорабатывает на материале эти принципы; это первая попытка исторической фонологической работы. Во второй, к которой тесно тематически примыкают две его статьи в *Travaux du CLP IV* (1932)¹¹⁰, он указал на общие признаки фонологической системы русских [восточнославянских. — Прим. пер.] языков с другими языками европейской России и Сибири без Дальнего Востока: монотонию и тембровую корреляцию согласных — и пытается определить возникновение этих общих признаков.

В отчете о габилитации (*Habilitační zpráva*) первая из этих работ «Remarques» оценена как внесшая существенный вклад как в русскую лингвистику, так и в теоретические исследования языка, при этом авторы отчета могли опереться на благосклонные мнения, высказанные о ней Мейе, ван Вейком, С. Карцевским и Теньером. Теперь комиссия может дать ее дальнейшую оценку. Sommerfelt (Sommerfelt) пишет в (*Norsk Tidsskrift* (V, 1932)): «l'ouvrage de M. Jakobson est un effort de synthèse remarquable. Il doit être du par tous ceux qui veulent se faire une idée du point de vue de l'école phonologique qui est destinés à avoir une grande influence sur la linguistique de demain»¹¹¹. В 1934 году ван Вейк констатирует в (*Indogerm. Forschungen*

---

¹⁰⁷ Якобсон, Роман: «Фонетика одного северно-великорусского говора с намечающейся переходностью». Прага 1927 (написано в 1916). См. также *Selected Writings I*, 36 (571—613).

¹⁰⁸ Jakobson, Roman: «Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves». TCLP 2, 1929. См. также *Selected Writings I*, 4 (7—116).

¹⁰⁹ Якобсон, Роман: «К характеристике евразийского языкового союза». Париж, Издание Евразийцев 1931. См. также *Selected Writings I*, 7 (144—201).

¹¹⁰ Jakobson, Roman: «Prinzipien der historischen Phonologie». TCLP 4, 1931, 247—267. «Projet de terminologie phonologique standardisée». TCLP 4, 1931, 309—323.

¹¹¹ «Труд г. Якобсона стремится к достойному вниманию синтезу. Он принадлежит к исследователям, разрабатывающим идеи, сформулированные с

(52)): «vor einigen Jahren hat R. Jakobson der Phonologischen Entwicklung des Russischen eine Monographie gewidmet: Remarques... er hat darin neue Wege gezeigt, wie man Sprachgeschichte studieren soll»¹¹². На работу Якобсона часто опирается и дальнейшее лингвистическое исследование русского языка: ван Вейк прежде всего в Славии 13 (Slavie 13 (1934/5, s. 661)) в статье о русском яканье¹¹³ и яканье и в (Sbor. Matice sloven. 14 (1936, s. 50)¹¹⁴. Дурново ссылается на нее в своей работе в сборнике I съезда славистов, 522, Трубецкой в статье в сборнике Милетича (1933, с. 267)¹¹⁵ и др.

Вторая работа — уже хотя бы по той причине, что написана по-русски — не получила такой известности и распространения; ван Вейк (De nieuwe taalgids XXV s. 288) характеризует ее как пионерскую работу огромного значения, и, несмотря на протест некоторых славистов — Мазона и Лер-Сплавиньского¹¹⁶ — она получила подтверждение у польского тюрколога Ковальского¹¹⁷ (в ст. «Turcs et la langue de la Bulgarie du Nord-Est», с. 22 и др.), и благодаря ей кандидат был приглашен на пленарную лекцию о языковых союзах; в ней его задачей было объяснить эти отношения со звуковой стороны, а в содокладе известного романиста К. Санфелда¹¹⁸, исследователя балканских языков — с грамматической и лексической точки зрения.

позиций фонологической школы, которая в современной лингвистике оказывает большое влияние».

¹¹² «Несколько лет назад Р. Якобсон посвятил свою монографию (Remarques...) фонологическому развитию русского языка и открыл в ней новые пути изучения истории языка».

¹¹³ N. van Wijk: «Zue Entwicklungsgeschichte des Akanje und Jakanje». Slavia 13 (1934—35), с. 650—664.

¹¹⁴ N. van Wijk: «Zur Vorgeschichte der čechoslovakischen und serbokroatischen Vokalsysteme». Sborník Matice Slovenskej 14, 1936, с. 48—55.

¹¹⁵ Sbornik v čest' na Prof. L. Miletič, 198—117. Sofia, Izdanie na Makedonskija Naučen Institut 1933.

¹¹⁶ Тадеуш Лер-Сплавиньский (Tadeusz Lehr-Splawiński) — польский славист, работал в университетах Черновцов, Познани, Львова и Кракова, занимался грамматикой славянских языков, полабским языком, польским литературным языком, количеством праславянской интонации, праславянскими носовыми, диалектологией украинского языка.

¹¹⁷ Ежи Ковальский (Jerzy Kowalski) — польский филолог, работал во Львовском университете.

¹¹⁸ Йенс Кристиан Сандфелд (Jens Kristian Sandfeld) — датский лингвист и литературный исследователь, романист, профессор Копенгагенского университета.

В период после габилитации наш кандидат опубликовал по русской лингвистике, кроме критических статей, анализирующих нынешнее состояние проблем великорусской, украинской и белорусской языковой культуры и новой русской лексикографической работы (в 1934, с. 324—343¹¹⁹ и 1936, с. 80—90), также исследование «Les Enclitiques slaves», представленное на III международном съезде лингвистов в Риме в 1933 г. (Atti del Congresso... 384—390¹²⁰): в нем он решает вопрос, почему был нарушен закон Ваккер-нагеля о положении энклитик в русском языке, и объясняет это явление фонетическим развитием русского языка, сравнивая его с развитием положения энклитик в западнославянских языках и в болгарском языке (выводы из этой работы принимает шведский славист Гуннарсон в книге *Studien über die Stellung der Reflexiva im Russischen*¹²¹). Далее, в 1936 г. появилась объемная работа о русской падежной системе «Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre Gesamtbedeutungen der russischen Kasus» в *Travaux du CLP VI*, с. 240—294, также отдельный оттиск, с. 50. В этой работе Якобсон успешно полемизирует с русскими теориями, которые отрицают существование общих значений падежей, как указывают А. Потебня и А. Пешковский¹²², и предлагает критический анализ новейших работ о падежной системе не-славянских языков, прежде всего римские лекции Дойчбайна¹²³ и работы Л. Ельмслева¹²⁴ (*La catégorie des cas*, 1935). Далее автор стремится выделить методологические принципы исследования общих значений падежей, анализируя их взаимные отношения в парах, из которых потом складывается целая падежная система, и четко проводит при этом границу между вопросами морфологии и синтаксиса. Затем путем конкретного анализа отдельных падежей в современном литературном русском языке и их разнообразного употребления он приходит к точной формулировке их значения и к новой основанной на противопоставлениях системе русских падежей.

---

¹¹⁹ Jakobson, Roman: «Slavische Sprachfragen in der Sovjetunion» // *Slavische Rudnschau* 6, 1934, 324—343.

¹²⁰ Jakobson, Roman: «Les enclitiques slaves». *Atti del III Congresso internazionale dei linguisti*, Roma, 1933, 384—390. Florence, Tipografia Enrico Ariana 1935. См. также *Selected Writings II*, 3 (16—22).

¹²¹ Gunnar Gunnarson: *Studien über die Stellung des Reflexivs im russischen*. Uppsala, A.-B. Lundequistka Bokhandeln, 1935.

¹²² Александр Матвеевич Пешковский — русский языковед, профессор Московского университета. Занимался прежде всего синтаксисом, автор книги *Русский синтаксис в научном освещении* (1914).

¹²³ Макс Дойчбайн (Max Deutschbein) — немецкий англист, профессор в Лейпциге, Халле, Марбурге.

¹²⁴ Луи Ельмслев (Louis Hjemslev) — датский лингвист. Представитель копенгагенской школы структурализма.

Следствия его анализа можно применять и к вопросам сравнительной морфологии, как сам автор намекает в нескольких экскурсах, напр. в экскурсе о падежной системе сербохорватского языка, о системе в отдельных неславянских языках на территории России и о падежной системе праславянского двойственного числа, который он удачно сравнивает с некоторыми явлениями нынешних великорусских диалектов.

Новые сведения приносят прежде всего разделы, посвященные отдельному значению русского родительного падежа — как приименного, так и приглагольного, изложение отношения творительного и дательного падежей к именительному и винительному как «падежей косвенных к падежам прямым» по отношению к действию, причем дательный выражает затронутость действием, тогда как винительный — нет, то есть его значение определяет исключительно синтаксический контекст (ср. яркие примеры на с. 268). Этим в его работе объясняются русский творительный падеж предикативный и особенно русский творительный падеж сравнительный как часть русской падежной системы, а не как формы, выражающие лексически-семантические значения. Впервые эта работа анализирует грамматическую роль т. н. второго родительного и предложного падежа единственного числа в русском языке, которые до сих пор считались только формальными морфологическими вариантами, или их значения определялись только в их отдельных синтаксических функциях; показывает тесную связь обеих этих падежей и определяет их место в русской системе склонения, как и дальнейший ряд признаков, который подробнее определяет значение основных падежей, дательного и предложного. Наконец, рассматриваемая работа анализирует все типы синкретизма падежей в русском языке и указывает, как он связан с самой системой русских падежей.

Также в своей работе автор несистематически обращается к некоторым важным вопросам русской морфологии, таким как грамматический род, сочетания падежей с предлогами, числительные и т. п.

Эта работа предлагает синхронический анализ данной падежной системы, но при этом показывает, как именно русский язык — в отличие от чешского и сербохорватского — нигде не нарушил падежные отношения праславянской системы.

Его анализ, несмотря на то что в своей краткости он не всегда ясен, комиссия считает в целом весьма удачным и новаторским, обогащающим русскую лингвистику и науку о языке вообще; значение этой работы не меньшее, чем «Remarques» того же автора. Трубецкой пишет о этой работе в *Sbor. Matice slov. XV.* — «Der bahnbrechende Aufsatz R. Jakobsons „Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre...“ eröffnet eine neue Ära in der Forschung der Deklinationssysteme. Es ist das erste Beispiel wirklich ganzheitlichen Betrachtung eines konkreten Kassystems». («Пионерская статья Якобсона „К общей теории падежей...“ открывает новую эру изучения системы скло-

нения. Это первый пример действительно цельного изложения конкретной падежной системы».)

Наконец, к работам по русскому языкознанию принадлежит и указанная лекция на IV международном съезде лингвистов («Sur la théorie des affinités des langues»¹²⁵), которая опиралась прежде всего на материалы русского языка и его отношения к другим языкам России, и статья «Спорный вопрос древнерусского правописания»¹²⁶, написанная для сборника Белича¹²⁷, где он доказывает, что и лигатура Д»ЖЧ в южнорусских памятниках, и Д»ЖГ в севернорусских есть явление не диалектное, а орфографическое.

К работам по русской литературе принадлежит прежде всего статья «Болгарский пятистопный ямб в сопоставлении с русским»¹²⁸ в Сборнике Милетича (*Sborníku Miletičově* 1933, s. 108—117), в которой он анализирует отношение новоболгарского стиха к его русским образцам; далее «Randbemerkungen zur Prosa des Dichters Pasternak» в *Slav. Rundschau* 1935, s. 357—374¹²⁹, где он определяет характерные черты прозы Пастернака и ее место в новой русской литературе, и два критических обзора, прежде всего подробная и дополняющая рецензия на «Библиографию работ по стихосложению» Штокмара в *Slavia* XIII, 1934, с. 416—431¹³⁰), и небольшой критический обзор новых русских и западных публикаций о древнерусской литературе в *Slav. Rundschau* 1936, 255—262¹³¹.

---

¹²⁵ Jakobson, Roman: «Sur la théorie des affinités phonologiques des langues» *Actes du IV Congrès International des Linguistes, Copenhagen, 1936*, 48—58. Copenhagen, Einar Munksgaard 1938.

¹²⁶ Якобсон, Роман: «Спорный вопрос древнерусского правописания (d“žg, d“žč)». Jakobson, Roman: «Spornyj vopros drevnërusskogo pravopisanija (d“žg, d“žč)». In: *Zbornik lingvističkih i filoloških rasprava A. Beliču*, 39—45. Belgrade, Mlada Srbija 1937. См. также *Selected Writings I*, 12 (247—253).

¹²⁷ Белич, Александр (Belič, Alexandr) — сербский языковед, профессор Белградского университета. Президент Сербской Академии наук (с 1937 года), иностранный член Академии наук СССР, основатель Белградской лингвистической школы. Занимался диалектологией и сравнительной грамматикой славянских языков.

¹²⁸ Якобсон, Роман: «Болгарский пятистопный ямб в сопоставлении с русским» // *Sbornik v čest' na Prof. L. Miletič*, 198—117. Sofia, Izdanie na Makedonskija Naučen Institut 1933. См. также *Selected Writings V*, 3 (135—146).

¹²⁹ См. также *Selected Writings V*, 22 (416—432).

¹³⁰ М. П. Штокмар «Библиография работ по стихосложению» // *Slavia* 13, 1934, 416—431.

¹³¹ Jakobson, Roman: «Neues zur Geschichte der altrussischen Literatur». *Slavische Rundschau* 8, 1936, 255—262.

Наконец, достойны упоминания здесь его новаторские работы о структуре древнечешского стиха, прежде всего первый полный анализ его в статье «Древнечешский стих» (*Verš staročeský*) в Чехословацкой властиведе (*Čsl. vlastivěda III 1934*, с. 429—459¹³²), этот анализ дополняют три статьи в журнале «Слово а словесност» (*Slovo a slovesnost*) («Древнечешский стих и Рукописи», «Чешский стих тысячу лет назад», «Рассуждение о поэзии гуситского периода») (*Staročeský verš a Rukopisy, Český verš před tisíci lety*, 1935, с. 46—55¹³³ и «Úvaha o básnictví doby husitské», 1936, с. 1—21¹³⁴); об указанной статье Гуйер написал в «Листы филологицке» (*Listy filologické 1935 (73)*) — в связи со статьей Мукаржовского — «они основаны на современных взглядах о сущности стихотворного сочинения и, конечно же, в своей целостности являются совершенно новым в нашей литературе».

Пропустив некоторые мелкие общие работы по славянской метрике, укажем хотя бы на успехи в области филологической редакции и интерпретации, которую кандидат осуществил в работе «Силезская (силезско)-польская cantilena inhonesta начала XV века» (*Slezská /Slezsko/-polská cantilena inhonesta ze začátku XV. stol. (Národ. věst. čsl. 1934, s. 31)*); эту работу можно характеризовать словами Брюкнера¹³⁵ (*ZslPh*¹³⁶. XII, 1935, 171): «ein geradezu ausgezeichnete Beitrag... Jakobson hat ihn (den Text)... neu herausgegeben und glänzend gedeutet... Ein wesentlicher Beitrag zur mittelalterlichen slesischen Literatur, allseitig erklärt»¹³⁷.

Вся прежняя научная деятельность Р. Якобсона до габилитации и после нее была связана с различными отраслями русской филологии и славистики вообще и вопросами общей лингвистики, в них были выдвинуты новые проблемы и новые решения важных и сложных вопросов; решения его, хотя благодаря своей новизне и необычности порой наталкивались на

¹³² Jakobson, Roman: «Verš staročeský» // *Československá vlastivěda 3: Jazyk*, vyd. O. Hujer, 429—459. Praha, Sfinx B. Janda 1934, См. также *Selected Writings VI*, 23 (417—465).

¹³³ Jakobson, Roman: «K časovým otázkám nauky o českém verši: I. Staročeský verš a rukopisy»; II. «Český verš před tisíci lety» // *Slovo a slovesnost* 1, 46—53. См. также *Selected Writings VI*, 16 (347—354).

¹³⁴ Jakobson, Roman: «Úvahy o básnictví doby husitské» // *Slovo a slovesnost* 2, 1936, 1—21. См. также *Selected Writings VI*, 3 (704—737).

¹³⁵ Александер Брюкнер (Alexander Brückner) — польский славист, профессор Берлинского университета, также занимался балтистикой.

¹³⁶ *Zeitschrift für slawische Philologie*.

¹³⁷ «исключительно выдающийся труд. Якобсон переиздал и блестяще прокомментировал текст... Это основополагающая работа для изучения средневековой силезской литературы, многосторонне объясненная».

сопротивление, кажутся, в особенности спустя долгое время, научно плодотворными и в целом удачными и часто открывают новые пути для исследований в области славистики.

Свои обязанности академического преподавателя, и как приват-доцент, и как профессор по договору, он исполнял все шесть семестров со рвением и действительной пользой. Он читает лекции по-чешски, притом на хорошем чешском языке. Он также усердствовал о пополнении библиотеки семинара.

Поскольку подходящего чешского кандидата не имеется, комиссия единогласно видит в приват-доценте и профессоре по договору нашего факультета не просто подходящего кандидата для занятия необходимой кафедры русской филологии, но и действительное научное преимущество для нашего факультета в случае, если его назначение осуществится. Поскольку кандидат до сих пор является гражданином не Чехословацкой республики, а Советского Союза, комиссия в соответствии с директивами Министерства образования и народного просвещения от 6.8.1924, № 6865/24 pres. от 27.X.1926, № 121.527/26 и от 23.V.1930, № 58.181/30 и в соответствии с практикой, как установлено и сформулировано в примечаниях к этим директивам в распоряжениях Гавелки-Плахты, потребовала от кандидата заявление, что он готов получить чехословацкое гражданство и что сделает все необходимое для этого, и потому комиссия предполагает, что при осуществлении его назначения будет действовать в соответствии с действующими указаниями и практикой в подобных случаях.

Потому комиссия единогласно предлагает, чтобы д-р Р. Якобсон, частный доцент и профессор русской филологии по договору нашего факультета, был назначен экстраординарным (*mimořádným*) профессором русской филологии нашего факультета и ему было назначено обыкновенное, соответствующее должности содержание и обыкновенное учебное поручение по его специальности, и чтобы ему было вверено ведение соответствующего семинара.

В Брно 9. XI. 1936

Бог. Гавранек, собственноручно
Франк Вольман, собственноручно
Фр. Травничек, собственноручно

24 марта 1948 года под номером 784/48 преподавательский корпус обновил свое предложение назначить проф. Якобсона штатным профессором; предложение коллектива поддержал АВНФ¹³⁸ философского факультета.

В конце 1948 года в соответствии с директивой МШВУ¹³⁹ от 22 октября 1948 года за № 213.000 при сотрудничестве с комитетом действия факультет провел ревизию всех предложений о назначении преподавателей на философском факультете. В сообщении, поданном МШВУ 17 декабря за № 3309/48, преподавательский корпус настаивает на проведении назначения экстраординарного профессора русской филологии д-ра Романа Якобсона ординарным профессором той же специальности в университете Масарика.

Поскольку факультету не известны обстоятельства, которые повлияли бы на изменение нынешней позиции относительно назначения экстраординарного профессора д-ра Романа Якобсона ординарным профессором, предлагается, чтобы предложение было оставлено на стадии рассмотрения.

---

¹³⁸ Комитет действия Народного фронта (Akční výbor Národní fronty).

¹³⁹ Министерство образования, науки и искусства.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ИСКУССТВА
№. 87.705/51-IV/8

Прага, 26 февраля 1951

Деканат философского факультета Университета Масарика
Брно

Брно — Университет Масарика — философский факультет — проф.
д-р философии Роман Якобсон — прекращение трудовых отношений.

Министерство образования, науки и искусства согласно положениям § 20 закона № 66/5Р Собрания законов от 17 мая 1950 с 31 мая 1945 без увольнения завершает трудовые отношения с доктором философии Романом Якобсоном, профессором указанного факультета, пребывающим в отпуске на неопределенный срок, ибо его более невозможно считать благонадежным по следующим причинам:

Названный профессор самовольно оставил свою службу и с мая 1945 года не осуществляет ни преподавательскую деятельность, ни прочие обязанности, проистекающие из его назначения экстраординарным профессором. Кроме того, он проявил неприязненное отношение по отношению к народно-демократической республике ЧСР, чехословацкому народу и народно-демократическому правительству тем, что не вернулся на родину из Нью-Йорка, хотя был обязан сделать это немедленно после освобождения нашей страны в мае 1945 года.

Тем самым он допустил грубое нарушение своих профессиональных и трудовых обязанностей и обязанностей гражданина государства народной демократии.

От имени министра
д-р Валоух
собственноручно

Руде Право (Rudé právo), 26 апреля 1958 года, ВЛ. ШТЕПАНЕК

ГДЕ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

Не так давно на адрес одного чехословацкого ученого пришла книга из США со странным названием *Генезис коммунистического господства. Политическая оппозиция в СССР. Первая фаза 1917—1922*¹⁴⁰. Не менее странно и содержание этой книги, выпустил которую не какой-нибудь делец или бизнесмен, а Гарвардский университет в США.

Автор — Леонард Шапиро — пытается доказать, что Ленин и партия большевиков отделились от марксизма, что Советский Союз — это не государство нового типа, а «деспотическая тирания». Он также открыто признается, почему написал эту поджигательскую книгу: «Нынешний курс холодной войны требует антисоветских научных работ».

Наш научный сотрудник был задет тем, что ему была послана настолько несерьезная публикация, «которую нельзя использовать в научной работе, ибо она является антинаучной “сборной солянкой”». Он пишет: «Я убедился, что это пропагандистский материал против народно-демократического строя у нас и против СССР. Я считаю своим долгом отказаться от этой посылки».

ПРОТИВ ВОЛНЫ ПЕННОЙ ГРЯЗИ

Так же реагировали на подобные посылки антисоветских и антисоциалистических брошюр, троцкистских изданий, журналов и книг, пропагандирующих реакционные направления всех видов в философии и искусстве, другие работники науки и искусства. Например, к нам была послана книга *Национальный коммунизм и народная революция в Европе*, где в качестве главного источника информации рекомендуются выступления Имре Надя¹⁴¹, журнал одной группы американских троцкистов *Partisan revue* и т. п. Это всего лишь примеры. Посылок такого рода, особенно в последнее время, приходило великое множество.

Напрашиваются вопросы: почему и каким образом на нас нахлынула эта пенная грязная волна, особенно в последнее время? Кто за ней стоит?

---

¹⁴⁰ Leonard Bertram Schapiro: *The origin of the Communist autocracy; political opposition in the Soviet state, first phase, 1917—1922*. London School of Economics and Political Science (University of London), London 1955.

¹⁴¹ Имре Надь (Imre Nagy) — венгерский коммунистический политик и государственный деятель. В 1924—1944 был в эмиграции в СССР. В 1953—1955, а потом снова в 1956, во время венгерских событий — председатель правительства. В 1958 году приговорен к смертной казни и казнен.

На первый взгляд кажется, что на эти вопросы ответить несложно. Прилив подобной «научной и искусствоведческой литературы» с Запада мы можем наблюдать уже давно. С тех пор, как империалистическая пропаганда начала свой «почтовый проект», предприятие, при помощи которого — после провала известных акций с воздушными шарами — путем писем и посылок хотят привести в беспокойство народ, поколебать его веру и привнести всевозможные нездоровые и даже враждебные взгляды прежде всего в среду деятелей науки, воздействовать на них давно известными поджигательскими сплетнями.

В этой акции чувствуется рука всяческих эмигрантов-изменников, реакционных политиков ряда стран, шпионских центров и прочих «деятелей» Запада. В ней можно найти и руку господина профессора Романа Якобсона, который отправляет некоторые посылки непосредственно от своего имени и, кроме того, злоупотребляет уважением к таким учреждениям, как Колумбийский университет, где он преподавал ранее, или Гарвардский университет, где он работает в настоящее время.

КТО ТАКОЙ РОМАН ЯКОБСОН?

Сейчас он профессор славистики в США. Кроме того, он сотрудничает с американскими органами в качестве эксперта по СССР и Восточной Европе. И по их заданию он также предпринял в 1957 году две поездки в ЧССР. Первую — в январе, непосредственно после событий в Венгрии, чтобы прояснить ситуацию в интеллектуальной среде. Послан был именно он, поскольку предполагалось, что он мог оказать определенное влияние в научных и артистических кругах, где до оккупации у него были обширные знакомства.

Конечно, Якобсон — это не какой-нибудь обычный агент. Это довольно известный научный работник, который не только что, а давным-давно положил свои способности и знания на службу борьбы против научного социализма в области науки и искусства. После Первой мировой войны он жил в Чехословакии непосредственно до оккупации. Когда он увольнялся из советского торгпредства (будучи еще советским гражданином), то отказался вернуться в СССР, хотя ему было предложено место профессора в Саратовском университете. Уже тогда он был в близкой связи с рядом сотрудников чехословацкой буржуазной разведывательной службы. Позже он также был по рекомендации министерства иностранных дел назначен профессором славистики в г. Брно.

Интересно, что когда Якобсон принимал решение, остаться ли ему в ЧСР, то он советовался с чехословацкими сотрудниками разведывательных служб, чье мнение оказалось для него решающим. Во времена рекомендации на профессорскую должность об этом тайно

сообщил Й. Э. Шром¹⁴², сотрудник разведки министерства иностранных дел:

«Якобсон в последние три года несколько раз обращался ко мне за советом, не вернуться ли ему в СССР. Я каждый раз советовал ему не возвращаться... Он не был и не стал коммунистом и не желал вступать в партию. Он — по его словам — не позволил втянуть себя в коммунистический поток».

Якобсон всегда пытался производить впечатление научной объективности. После Первой мировой войны он также работал в «Пражском лингвистическом кружке», большинство членов которого, замечательных языковедов, благопристойно стремилось к прогрессивной науке. Эмигрант Якобсон, однако, мощно применял здесь формалистские теории, служащие исключительно для поддержания буржуазной идеологии. Позже Якобсон был в тесной связи с несколькими руководителями троцкистских группировок.

С. К. Нейманн назвал его в литературном журнале «Народная культура» тайным антисоветским наушником и белогвардейцем от литературы. Это было после публикации статьи Якобсона в новогоднем номере газеты «Лидове Новины» в 1938 году, где Якобсон изощренно клеветает на Советский союз.

Вот из таких корней политически произрастал Роман Якобсон. И стал «расти» еще быстрее, когда его «пересадили» — то есть когда он после оккупации ЧСР уехал в скандинавские страны и наконец окончательно пустил корни в США. Он был близко знаком с Губертом Рипкой¹⁴³. Для него уже после Мюнхенского сговора он получал подробные сведения о СССР. Благодаря своему закадычному другу Якобсон и позже поддерживал связи с разведывательной службой. В то время Рипка оценивает в одном письме его опыт в этом деле и пишет прямо: «Посылаю тебе отдельный документ о том, что ты наш сотрудник. Очень прошу тебя, чтобы ты внимательно следил за реакцией на Россию и Германию в скандинавских странах. Каждое сведение об этом для нас необычайно ценно».

---

¹⁴² Йозеф Эдвард Шром (Josef Edvard Šrom) — писатель и политический деятель, до этого — инженер Черноморской железной дороги на Кавказе, в 1924—1931 был секретарем чехословацкого представительства в Москве. Автор книг «Советская Россия» (Sovětské Rusko, 1924) и «В империи Сталина» (V říši Stalinově, 1929). Казнен за участие в покушении на Гейдриха.

¹⁴³ Губерт Рипка (Hubert Ripka) — журналист, политик и историк. 1930—1938 — редактор отдела зарубежной политики газеты *Лидове новины*. Один из первых организаторов чехословацкого зарубежного сопротивления во время Второй мировой войны, 1941—1945 государственный министр иностранных дел в Лондоне, руководил собственным вещанием BBC. После установления коммунистической диктатуры эмигрировал в США, где читал лекции по международной политике и современной истории Центральной Европы.

И вот в службе тогдашнего эмигрантского правительства в Лондоне Якобсон охотно руководил целой сетью информаторов, и его сообщения, сохранившиеся в архивах, прямо-таки источают антисоветскую предвзятость. Он развивал «теории» о фашизации советского режима, предлагал, чтобы иностранные державы активно помогали Финляндии в борьбе против СССР.

Позже он стал и непосредственным сотрудником военной разведки эмигрантского правительства. Ее руководитель в одном сообщении в ноябре 1941 года говорит буквально следующее: «Сегодня я послал Якобсона в Осло с приказом, чтобы он писал сюда водой (то есть тайнописью), наладил связь с домом и доставлял пришедшие вещи».

Якобсон — космополит до мозга костей — после окончания Второй мировой войны так и не вернулся в ЧСР. Ему было совершенно несложно заделаться американцем, да и от других предложений он тоже не отказался.

НЕ ТОЛЬКО НАУЧНАЯ МИССИЯ

Разумеется, американским официальным организациям вряд ли удалось бы найти более подходящую персону для определенного вида сотрудничества. Многочисленные знакомства Якобсона с работниками науки и культуры в ЧСР, его официальная репутация политически нейтрального ученого и прежде всего его все более растущая готовность вполне квалифицировали его. И вот на конференции славистов в январе 1957 года в Прагу приехал Якобсон с супругой — официально в качестве делегатов от США, но на самом деле с миссией — узнать ситуацию в среде чехословацкой интеллигенции. Во время визита супруги Якобсоны назначили более чем сто личных встреч со старыми знакомыми.

Якобсон действовал крайне осторожно; он расспрашивал о чем только можно, но свои взгляды, свою политическую позицию не раскрывал. Только после возвращения в США он разработал план действий по идеологическому воздействию на чехословацкую интеллигенцию. Прежде всего он рекомендовал посылать кроме обычных книг также «подходящую» литературу некоторым специалистам, но не в известные библиотеки и научные учреждения, ибо — по мнению Якобсона — там устроились коммунисты, и литература бы не прошла.

И действительно, скоро после отъезда Якобсона из ЧСР — как мы уже сказали вначале — из США стало приходить множество разнообразной литературы. Один наш ученый сказал об этом так: «Я предполагал, что Якобсон, будучи ученым, пришлет мне действительно ценные научные публикации, а не книги антигосударственного характера».

В прошлом году Якобсон снова оказался в ЧСР. Он был официально приглашен по собственной его просьбе Чехословацкой академией наук на

конференцию коменологов, которая произошла осенью, а также на осмотр находок в Микулчицах. В конференции коменологов он почти не участвовал, но зато снова договаривался о многочисленных личных встречах. Во время второй поездки он должен был выяснить реакцию — отзывы на присланную литературу. Он также пытался под видом налаживания научных контактов заинтересовать молодых ученых прямой связью с посольством США в Праге. Однако Якобсон кое-что упустил из виду. То, что планы повлиять на нашу интеллигенцию не только в области научных работ (как он сам предполагал), но и на сотрудников других научных специальностей, безнадежны.

Во время обоих визитов Якобсон встречался с некоторыми личностями, имеющими дурную славу — например, с профессором Йозефом Боровичкой¹⁴⁴, который в 1950 году был осужден на несколько лет, потому что посылал Губерту Рипке за границу сообщения шпионского характера, или с Яном Горским¹⁴⁵, который во время войны и после войны был секретарем Рипки и после 1948 года провел несколько лет в заключении за враждебную деятельность.

Конечно, первый визит Якобсона заранее воспринимался многими представителями нашей научной интеллигенции почти что как сенсация. И, конечно же, сначала он производил на многих впечатление солидного ученого. Он постоянно подчеркивал дружеское расположение к Советскому Союзу и говорил о хорошем приеме, который был оказан ему там при недавнем визите. Он оказался достаточно дальновидным, чтобы не распространять у нас клевету о советских академиках, как он вскоре сделал на Западе.

По прошествии времени отношение к Якобсону у нас становилось все более трезвым, и сегодня многие видят в его деятельности только рекламу Америки и стремление всячески поддержать американскую реакционную пропаганду, с которой он сросся. С научной точки зрения участие Якобсона в обеих конференциях многого не дало. И то, что теперь приносят его бандероли, тем более открывает глаза нашим ученым и артистам, которые, впрочем, всегда открыты искреннему и равноправному расширению дружеских связей с другими странами.

---

¹⁴⁴ Йозеф Боровичка (Josef Borovička) — профессор университета Масарика в Брно, историк, сотрудник Чехословацкого государственного исторического издательского института, последователь Т. Г. Масарика. Занимался архивным делом, писал для Научного словаря Отто (Ottův slovník naučný) Автор книги *Десять лет чехословацкой политики* (Deset let československé politiky, 1928)

¹⁴⁵ Ян Горский (Jan Horský) — во время войны старший лейтенант (nadporučík) запаса, в 1942—1945 годах сотрудник эмигрантского Министерства иностранных дел в Лондоне. В 1956 году вышел на пенсию.

Работы Сталина о языкознании и пражский лингвистический структурализм¹⁴⁶

Год, прошедший с момента опубликования гениальной работы И. В. Сталина *Марксизм и вопросы языкознания* принес нашей науке прекрасные плоды. Если говорить о нашей науке, то пока что она не проработала ценные указания товарища И. В. Сталина в полном объеме, что тормозит ее путь вперед. В связи с тем, что полное развитие нашего языкознания возможно только в научной дискуссии, критике и самокритике, сегодня мы публикуем дискуссионную статью, критикующую структурализм в нашей науке.

РЕДАКЦИЯ

Сегодня, когда работа товарища И. В. Сталина о языкознании осветила нам путь к строительству марксистского языкознания, мы стоим перед задачей критически оценить научное направление, которое доминировало в нашей лингвистике в ее прошлую эпоху, то есть так называемый п р а ж с к и й с т р у к т у р а л и з м. Эта школа была ведущим направлением нашего языкознания в тридцатых и сороковых годах, прежде чем у нас распространилось «новое учение» Марра, с которым структурализм известным образом связан.

Позже, перед выступлением товарища И. В. Сталина, в эпоху, когда многие из нас совершенно ложно считали марризм путем к марксистскому языкознанию, было уже понятно, что необходимо как-то определиться со своим отношением к пражскому структурализму. Однако марризм, который просто отвергал структуралистский метод, не мог предложить конкретную и действенную критику структурализма, поскольку в основах марризма содержалась не меньшая в у л ь г а р и з а ц и я, нежели в структурализме, поскольку марризм с его антинаучным методом, догматизмом и упрощением не мог увлечь наших ученых и привести их к марксистскому языкознанию, но только в область гадания на «четыре элемента».

Потому у нас до сих пор, несмотря на ошибочность структуралистского метода, в качестве пособий для высших учебных заведений используются работы структуралистской школы, такие как сборники «Литературный чешский язык и языковая культура (Spisovná čeština a jazyková kultura)», «Чтение о языке и поэзии (Čtení o jazyce a poesii)» и др.

По всем этим причинам сегодня остро встает необходимость критически и самокритически рассмотреть взгляды структурализма в свете статей Сталина и в сегодняшней борьбе с ошибочными теориями структурализма и марксизма найти путь к марксистскому языкознанию.

¹⁴⁶ Tvorba, номер 28, 1951, серия XX.

* * *

Структурализм начинается у нас после Первой мировой войны, то есть в ту эпоху, когда капиталистический строй у нас был уже в явно упадочном состоянии, когда буржуазная идеология начала разлагаться и наука, в особенности мещанская гуманитарная, служила лишь для искусственного поддержания власти буржуазии, к ее оправданию или к отвлечению внимания от классовой борьбы. Тогда буржуазия стремилась любыми средствами увести передовых ученых от революционной пролетарской идеологии и от усердного и правдивого исследования реальности и запутать их всевозможными идеалистическими теориями, которые на первый взгляд, возможно, выглядели «революционно» и якобы приносили новые методы научного исследования, однако на деле служили лишь для поддержки буржуазной идеологии.

В такой ситуации во времена буржуазной республики оказалась часть тогдашней левой интеллигенции, члены которой честно стремились к передовой науке и культуре, но были еще неспособны в своих работах определиться на марксизм-ленинизм.

Так, большую часть членов «Пражского лингвистического кружка» составляли замечательные прогрессивные языковеды, искренние приверженцы идей социализма. Это большинство искренне считало, что и структурализм стоит в резкой оппозиции по отношению к буржуазной идеологии, бурно протестовало против фашизма и стремилось к сотрудничеству с советской наукой. Однако в «Пражский лингвистический кружок» проник и чуждый источник, прежде всего эмигрант-антисоветчик, космополит и тайный троцкист, истинный злой гений нашего языкознания, Роман Якобсон, который одурачил и свел на путь порока многих наших замечательных языковедов, который исполнил в лингвистике ту же роль, что Карел Тейге в литературоведении и критике.

Роль Якобсона как главного столпа структурализма наглядно демонстрирует, что в своей сущности лингвистический структурализм представлял в науке один из пресловутых «модных» -измов, которые под прикрытием прогрессивной риторики действовали как изощренное идеологическое орудие для дезориентации замечательных выходцев из левой интеллигенции, для борьбы со взглядами рабочего класса, диалектическим материализмом. В своей сущности лингвистический структурализм есть не что иное, нежели род идеализма, то есть буржуазная идеология. И это идеалистическое направление Якобсон пытался привить нашему языкознанию под заголовком «объективного», «непартийного» отношения к научной и философской работе!

Почему идеалистическая теория оказалась способной распространиться среди наших лучших языковедов?

Члены «Пражского лингвистического кружка» видели отдельные недостатки исторически-сравнительного метода языкознания, которые про-

явились прежде всего в работах младограмматической школы. Младограмматическая школа односторонне ограничила исследование развития языка поиском отдельных фонетических изменений. Подобному механическому расчленению структуры языка члены «Пражского лингвистического кружка» противопоставили именно «структурную» позицию, то есть провозгласили, что «язык есть система противопоставлений, которые обусловлены своей взаимосвязью».

Это понимание языка как системы взаимообусловленных противопоставлений на первый взгляд кажется «диалектическим», и именно это позволило нашим лингвистам обмануться, стремясь к передовому направлению. В действительности речь идет совершенно не о применении диалектического материализма, а об идеалистических элементах гегельянства. Связь структурализма с идеализмом проявляется и в том, что пражский структурализм часто говорил — и открыто тоже — о применении феноменологии Гуссерля в языкознании, в другой раз указывал на свою прямую связь с логикой Карнапа и с иными идеалистическими течениями.

Структурализм стремился видеть языковые явления в их взаимосвязи, однако сосредоточивал свое внимание только на этих связях, только на взаимоотношениях языковых явлений. Он переоценивал эти внутренние отношения в языке, тогда как связи между развитием языка и историей общества не считал основополагающими. Он не видел даже тесной связи языка с мышлением. Часто он считал развитие языка «имманентным», то есть протекающим прежде всего из самого языка, а не из так называемой «внеязыковой реальности». Так описывал развитие языка Роман Якобсон в своих работах об исторической фонологии. Структурализм, подобно своему предшественнику, швейцарскому лингвисту Фердинанду де Соссюру, провозглашал слова и формы в языке «автономными знаками», то есть значками, не зависимыми от мышления и от исторических условий. Это очевидно метафизическая, не совместимая с диалектикой позиция.

Ясно, что такая позиция с самого начала противоположна тому, что указывает И. В. Сталин в своих статьях о непосредственной связи языка с мышлением и о том, как развитие языка необходимо изучать в нераздельном единстве с историей народа, который является творцом и носителем этого языка. И. В. Сталин как раз указывает, что отрывать мышление от языка могут только идеалисты.

Очень важна критика структурализма, проделанная профессором Тбилисского университета Чикобавой. Профессор Чикобава показал, что структурализм означает уход от исследования развития языка и что одной из важнейших задач современного языкознания является именно защита исторической точки зрения. Хотя структурализм признавал необходимость исследования развития языка, но принципиально различал исследование развития языка от исследования языковой структуры, отрывал развитие языка от истории общества. Несмотря на то что структурализм рассуждал

о языке как об общественном явлении, он тем не менее не мог прийти к правильным выводам, потому что рассматривал развитие общества не в материалистическом ключе, но под влиянием вульгарного социологизма.

С этим связан и тот факт, что на пражских лингвистов оказала значительное влияние эстетическая школа Шкловского, формализм, принесенный в Прагу Р. Якобсоном. Влияние формальной школы вело к отождествлению методов языкознания с методами исследования литературоведческого и эстетического вообще, то есть в конце концов к смешению языка с культурой. И. В. Сталин в своей статье «Марксизм и вопросы языкознания» обращает внимание на принципиальное различие между языком и культурой. Однако структурализм не замечал этого различия. Он провозглашал любой вид искусства системой языковых «знаков». Для исследования всех «знаков» была выдвинута новая «наука», семиотика. Ее составные части составляли языкознание, эстетика и науки об отдельных областях искусства.

Это смешение языка с культурой было вредоносным как для науки об искусстве, так и для языкознания. Именно это смешение вело также к стиранию специфики языка и специфики искусства, к тому, что структурализм подготовил почву для восприятия основного заблуждения Н. Я. Марра, который провозглашал язык частью идеологической надстройки, и таким образом тоже смешивал его с областью культуры. В статье «Марксизм и вопросы языкознания», которая раскрывает вульгаризаторство Марра, И. В. Сталин исходит прежде всего из открытия, что язык — не составная часть надстройки, что недопустимо смешивать язык с надстройкой и забывать о различии между языком и культурой.

Маразм мещанской идеологии, ее отклонение от реальности и реакционная классовая окраска проявлялись в нашем языкознании как отзвук прежде всего, с одной стороны, подъемом буржуазного национализма и шовинизма, с другой — безродным космополитизмом, который приспособлял науку и культуру интересам империалистов.

Большинство добросовестных сотрудников «Пражского лингвистического кружка» в то время стремилось бороться с национализмом и космополитизмом. Известен тот факт, что борьба «Пражского лингвистического кружка» против пуризма в начале тридцатых годов (см. сборник «Литературный чешский язык и языковая культура» «Spisovná čeština a jazyková kultura», 1932) принесла в нашу культурную жизнь много положительного при отстранении неоправданных пуристических запретов и ограничений.

Структурализм против требований чистоты языка выдвигал «функциональную» позицию, т. е. хотел основать заботу о литературном языке на задачах этого языка в обществе и на потребностях, которые происходят из этого. Однако его позиция была неверна в вопросе о том, что именно является задачей языка: структурализм не понимал, что «служить обществу как целому в качестве орудия общения людей, средством, орудием, при

помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания» (Сталин: *Марксизм и вопросы языкознания*, с. 34). Структурализм учил, что функции языка различны в разных его проявлениях, он утверждал, что недопустимо «привносить в различные цели в отдельных случаях или в различные функции литературного языка оценочную иерархию, которая ставила бы одну функцию над другой» («*Spisovná čeština a jazyková kultura*», с. 257). Так, к примеру, в художественных произведениях язык, согласно структурализму, играет совершенно иную роль, нежели в обычном разговоре. В художественном произведении якобы не идет речь о сообщении, как о воздействии формой произведения; главной функцией языка здесь называется функция эстетическая, а язык художественных произведений, «поэтический язык», таким образом, якобы разительно отличается от языка разговорного, «сообщающего». Такие теории, ошибочность которых после статей Сталина нам очевидна, способствовали распространению упадочнических поэтических направлений и безыдейности литературы.

Р. Якобсон усиленно стремился втянуть наших языковедов в воды космополитичного презрения к родному языку. Он всячески умалял наш язык, подчеркивал, что чешский язык как язык разговорный не так развит, как английский или французский и т. п. Этим временно заразились и некоторые добросовестные патриоты в нашем языкознании, которые дошли до умозаключений, что ради заботы о чешском языке «нам надо ревностно учиться за границей».

При этом некоторые структуралисты не знали, что нужно учиться дома, тому чешскому языку, которым говорит народ, что работу над литературным языком нужно направить в соответствии с его потребностями, заботиться прежде всего о ясности и понятности языка. Справедливо писал тогда С. К. Нейманн о структуралистах, которые «отдают честь языку обильному и изысканному», что «они — дети своей декадентской эпохи. Противники этой эпохи и этого общества предпочитают язык сильный, язык ясный, точный, понятный и добросовестный».

Р. Якобсон устремил структуралистов к засорению нашего языка множеством ненужных иностранных слов, пропагандировал неуважение к языку классиков и к языку народа. В конце концов, его теории ничем не отличались от взглядов космополита Карела Тейге, который тоже говорил об «автономности» языкового знака, о «самостоятельности», об «особом назначении» поэтического языка, апеллируя непосредственно к Р. Якобсону, и который тоже пришел к тому же выводу в вопросе иностранных слов. Якобсон и Тейге выразили свое космополитическое кредо в полемике против тов. Лад. Штоллы, который в своей статье «От слов к речи» («*Od slov k řeči*») защищал национальный характер языка. Тогда Тейге написал против тов. Лад. Штоллы: «Если я могу использовать интернациональный тер-

мин там, где чешского нет, почему мне запрещается использовать его там, где существует более или менее подходящее чешское слово...» (К. Teige, *Od internacionálních slov k internacionální řeči*, Odeon, 1929). В этой полемике Тейге открыто говорил о том, что распространение международных слов в европейских языках — начало создания какого-то «общественного международного языка» и что «обязанность космополитических интеллектуалов — сближать национальные языки посредством международных слов».

Огромное большинство тех наших лингвистов, которые временно находились под влиянием структурализма, конечно же, так и не приняли эту программу национального нигилизма, программу американизации всех народов, программу злобы и ненависти к народу и нации. Тем не менее структуралистская теория действительно «оставляла открытые двери» таким взглядам, стремящимся к лишению культуры национальной самобытности.

Р. Якобсон продвигал космополитизм в наше языкознание и иначе, прежде всего путем рапповского отвержения традиций чешского языкознания, под влиянием которого некоторые структуралисты отвергли из-за ошибок младограмматической школы весь историко-сравнительный метод и не интересовались даже традицией народного возрождения.

Якобсон стремился ориентировать наше языкознание на проблемы, несущественные для практики, и разрабатывать их не вполне понятным образом, и таким образом превратить Пражский лингвистический кружок в элитарную группу, отрезанную от жизни и потребностей народа. Это влияние проявилось и в том, что некоторые структуралисты на долгое время сосредоточились на работе в области фонетики, что принесло практически ничтожные результаты. При этом именно здесь, в звуковой стороне языка, использовалась структуралистическая и функциональная позиция. Отдельные звуки речи были исследованы не только с физиологической и акустической стороны, но и прежде всего как части языка, служащие выражению мыслей. Так была создана фонология, которая считает основным звуковым элементом языка фонему, т. е. единицу звука, служащую для различения слов и форм. Конечно, и фонология в том виде, в каком ее разработала пражская школа, страдает схематичностью и превращает фонетику в какую-то неподвижную и неизменную систему (я имею в виду прежде всего *Grundzüge der Phonologie*, Praha, 1939 Трубецкого).

Не удалось и попытки применить идеалистические принципы структурализма в области морфологии и синтаксиса. И здесь бросается в глаза схематичность этой позиции. Так напр. Карцевский в своих статьях в «Travaux du Cercle linguistique de Prague» и прочие — хотя они и посвящены синтаксису — не уделяют достаточного внимания тесной связи между языком и мышлением, и их работы основаны на «имманенции» языкового развития.

Идеалистическая основа структурализма и его абстрактная направленность позволили ему в тридцатые годы быстро распространиться в капита-

листических странах. Особенно т. н. копенгагенская школа, теории которой сейчас довольно распространены в лингвистике капиталистических стран, довела до завершения тезис о языке как «системе противоречий, обусловленных лишь своей взаимосвязью». Копенгагенская школа занимается лишь сосредоточенным на себе изучением языка, требуя т. н. «чистой лингвистики», которая не имела бы связи с остальными науками, и не смотрит на язык исторически, совершенно не изучает развитие языка. И даже функция языка понимается здесь не как социологическая роль, как ее понимали пражские структуралисты. В копенгагенской школе язык понимается как совершенно замкнутая система, изучаются взаимосвязи исключительно в рамках этой системы, и эти отношения понимаются идеалистически, как ничем не обусловленные, бесцельные и самоцельные, как игра. И само языкознание тут превращается в самоцельную игру без истинно научного обоснования, подходящую лишь для упадочной буржуазии.

Наибольшее участие в распространении упадочной космополитической идеологии среди наших лингвистов принимал, конечно же, Р. Якобсон, один из главных приверженцев формальной школы, который также принес ее принципы в Прагу. Якобсон как раз провозглашал теорию «имманенции», т. е. самостоятельного, исторически не обусловленного развития литературы и языка и связанные с этим теории о «телеологическом» характере языка, о т. н. «статических закономерностях» — теории, отрицающие основное значение причинно-следственной связи для научного познания действительности и вместо исследования фактов связывающие воедино факты разнородные и связывающие их в «систему» метафизически, без внимания к их возникновению и развитию. Потому Якобсон и очернял марксизм, ибо, по его мнению, марксизм «не разрешает основной вопрос нынешнего этапа в развитии науки», как его якобы разрешает теория «имманенции» и «телеологии».

Именно Якобсон первым делом провозглашал лживое «учение» о принципиальном различии между языком «поэтическим» и «коммуникативным», о различии их «функций», о том, что поэт стремится не выразить идеи, но язык является для него самоцельным эстетическим средством. Эта «теория» Якобсона была рассчитана на распространение декаденции, на отрыв поэтов от жизни народа. А Тейге, который распространял эту «теорию», ссылается непосредственно на слова Якобсона в «Пасмо» (Pásmo (т. I, с. 13—14)): «Как не существует общих правил карточной игры, действующих одинаково в Черном Петре (“ferbl”) и строительстве карточных домиков, так и языковые законы могут быть установлены только для системы, имеющей определенное назначение ... Язык коммуникативный с направленностью на предмет высказывания и поэтический язык, направленные на выражение — две различные, во многом противоположные языковые системы...» Эта жуткая характеристика

языка как карточной игры, «ferbla», была рассчитана на то, чтобы вести поэтов к жонглированию словами, к бессодержательной игре словами, к ликвидации истинной поэзии. И действительно Якобсон далее пишет: «Важной возможностью поэтического неологизма есть **б е с п р е д м е т н о с т ь** ... отношение к предмету может отсутствовать».

О деятельности Романа Якобсона пишет В. Саянов в советском журнале «Знамя» (1951, № 1), где также указывает, как поддержка и восхваление Якобсоном бессмысленных, ничего не значащих «новообразований» формалистических поэтов смыкается с марризмом в части пренебрежения языковыми формами, разработанными народом в течение тысячелетий. Такая позиция, как указывает Саянов, привела к восхвалению непонятной и далекой от народа поэзии формалистических поэтов вроде Хлебникова, чьи стихи Якобсон выдавал за «вершину поэзии».

Характерна для Якобсона его заносчивая позиция «специалиста» мирового уровня, позиция космополита, равнодушно взирающего на народы Европы. С той же заносчивостью и саркастической ненавистью он нападал на С. К. Нейманна. В «Пасмо» он пишет, что С. К. Нейманн «с трогательной тщательностью штопает передовицу газеты “Руде право” (Rudé právo) рифмами Врхлицкого»(!), и к рассказу о «особом характере поэтического языка» добавляет: «Это совершенно не означает отрицать социальную роль поэзии, это значит лишь протест против того, чтобы поэзия превращалась в контрабанду, которая переправляется под предлогом сообщения “правды, необходимой пролетариату”». Этот яростный выпад Якобсона изобличает, на что были направлены и его языковедческие «теории»: на борьбу против того, чтобы поэзия воспевала правду и обращалась к трудящемуся народу.

Таким же надменным и недружелюбным является отношение Якобсона к СССР. Он часто занимал позицию «объективного наблюдателя», «знатока» и «друга» Советского Союза, чтобы снискать доверие наших передовых культурных работников, но при этом уже в 1921 году закончил свою работу о влиянии революции на русский язык такой ничтожной и злобной ложью: «Также некоторые русские названия проникают в европейскую печать... Наиболее употребительно из этих слов “чрезвычайка”. Ведь и террор Великой французской революции одарил европейские языки гильотиной».

Столь же явно его антисоветские взгляды проявляются в статье «О нынешних предпосылках русской славистики» («O dnešních předpokladech ruské slavistiky» (Slavische Rundschau I, r. 1929)), где кроме прочего он пишет, что не может найти различий между произведениями советских писателей (которые он подлым образом поносил) и антисоветским эмиграционным романом белогвардейского генерала Краснова. Таково было лицо политического банкрота и врага-космополита, который пытался развалить нашу науку своими «теориями».

Для личностей вроде Романа Якобсона характерно, что свое последнее прибежище и своих идей он нашел, став наймитом американских империалистов.

Конечно, Якобсону не удалось затянуть наших лингвистов на путь безродного космополитизма. Напротив — большинство членов Пражского лингвистического кружка занимало острейшую антагонистическую позицию как к его политическим взглядам, особенно к его ненависти к СССР, так в конце концов и к его лингвистическим «теориям», его пренебрежению к культурному наследию и национальным традициям. Хотя некоторые наши лингвисты были временно ослеплены структурализмом, хотя они сразу не разглядели истинного лица «теорий» Якобсона, собственно ядро их научной работы было делом патриотическим, научно правдивым и необходимым нашему народу. Потому о Пражском лингвистическом кружке совершенно нельзя говорить обобщениями: тайный враг Якобсон закончит свой путь на свалке истории. Напротив, такие наши почетные лингвисты, как Гавранек, Травничек, Скаличка и прочие, бросили свои великие научные силы на службу борьбы за социализм, за светлое будущее человечества. Это диаметрально различие не случайно. Оно существовало все время деятельности Пражского лингвистического кружка и выражало две совершенно различные классовые позиции.

Большинство представителей Пражского лингвистического кружка, хотя и не осознавало в полной мере вредность структуралистских теорий, тем не менее не поддавалось им, не использовало их для своей работы с фактами, ибо эти теории действительно не происходят из языковых фактов.

Это справедливо, например, по отношению к трудам Вилема Матезиуса, результаты которых, полученные им именно при работе с языковыми фактами, а не с абстрактными идеалистическими теориями, после критической оценки могут быть довольно полезны при теоретическом изучении отношения языка и мышления и при практических вопросах изучения иностранных языков.

Существенная для всего нашего языкознания работа проф. Травничека над словарным запасом чешского языка практически не затронута структуралистскими теориями, напротив, в противоположность структурализму она прочно опирается на богатство нашего национального языка, языка нашего народа.

Работа проф. Гавранека в своей сущности направлена против космополитизма, она проникнута, в резком противоречии к пониманию структурализма, огромной любовью к нашей лингвистической и литературной традиции. Проф. Гавранек совершенно правильно занимался развитием литературного языка в связи с историей народа, нашей лингвистической традицией национального возрождения и языком классиков.

И наконец, В. Скаличка, который в своих ранних работах находился под значительным влиянием структуралистической схематичности, позже на основе обширных знаний языкового материала разработал новое понимание языковой типологии. Он делит языки на основании строения их грамматической структуры, т. е. на основании того, какими средствами соединяются слова в предложении, выражающие различные представления. Это имеет особое значение сегодня, когда согласно указаниям И. В. Сталина подчеркивается значение грамматики как «соборания правил об изменении слов и сочетании слов в предложении» (И. В. Сталин).

* * *

В заключение мы можем сказать, что отдельные члены Пражского лингвистического кружка пришли в своей работе к определенным положительным результатам, которые помогут в дальнейшей научной работе.

Конечно, было бы большой ошибкой делать из этого факта вывод, что наше языкознание совершенно избавлено от всех влияний структурализма. Все еще недостаточно проработанное богатое наследие указаний товарища И. В. Сталина о языкознании свидетельствует о том, что вульгаризаторское понимание структурализма, а позже и марксизма, оставило нам ряд серьезных недостатков, без критического и самокритического преодоления которых наше языкознание не может продвинуться ни на шаг вперед.

Уже вначале мы видели, что идеологической основой структурализма является идеализм, отрывающий язык от мышления и делающий невозможным исследование языка как средства изложения идей. Здесь выявляются остатки метафизического понимания языка как системы немотивированных, автономных знаков, и с этим связано стремление видеть язык как закрытую систему, что ведет к схематичности и идеалистическим теориям о имманентности развития языка. До сих пор полностью не было преодолено структуралистское безразличие к исследованию развития языка. Наша теория литературного языка до сих пор страдала тем, что была разработана без применения исторического материализма. Мы до сих пор полностью не разработали вопрос национального языка и противоречия между общенародным языком и диалектами, как их различает в своей работе И. В. Сталин. Все еще заметно влияние структурализма, который отрывал литературный язык от остальных компонентов национального языка и смешивал язык с культурой. В наших учебниках чешского языка мы найдем неправильные формулировки о т. н. поэтическом языке.

Наше языкознание избавляется от космополитизма, который кормился структурализмом. Потому необходимо отвергнуть идеалистическую структуралистскую отправную точку, поставить языкознание на службу нашему народу и учиться у советского языкознания, основанного на уче-

нии Сталина о языке. Одновременно мы должны освоить метод открытой и непритворной критики и самокритики. Чтобы устранить ошибочные теории структурализма и их пережитки, необходимо, чтобы мы задумались о нашей прежней работе, чтобы осознали ее ошибки и сделали выводы в своей дальнейшей работе.

И. В. Сталин открыл новую главу в истории языкознания. Не каждая наука получила такую прекрасную помощь, такой прочный фундамент, как языкознание.

Работа Сталина о языкознании обязывает нас всех широко развернуть нашу лингвистическую работу, чтобы извлечь огромное богатство из указаний Сталина, чтобы путем критики и самокритики мы построили наше языкознание на основах марксизма-ленинизма.

ПЕТР СГАЛЛ¹⁴⁷

---

¹⁴⁷ Петр Сгалл (Petr Sgall) — языковед и математик. Выпускник философского факультета Карлова университета, с 1959 года работает на математико-физическом факультете, в 1990 году получил звание профессора. Занимается теорией синтаксиса, вопросами разговорного чешского языка, автоматической обработкой естественного языка, актуальным членением предложения в чешском языке. Основоположник чехословацкой алгебраической и компьютерной лингвистики, член Пражского лингвистического кружка.

Структурализм — враг нашего языкознания¹⁴⁸

Проф. д-р ФРАНТИШЕК ТРАВНИЧЕК

В рамках дискуссии о структурализме, начатой статьей тов. Петра Сгалла «Работы Сталина о языкознании и Пражский лингвистический структурализм» сегодня мы публикуем реакцию товарища проф. д-ра Фр. Травничека.

(Редакция)

⟨...⟩

Товарищ Сгалл верно отметил, что наиболее ярим пропагандистом структурализма, организованный центр которого был в Пражском лингвистическом кружке, и связанного с ним эстетического формализма, был у нас Роман Якобсон, который перешел на службу американского империализма. Помимо этого, структурализм проникал к нам из-за границы, прежде всего из Копенгагена, хотя это было и обратным влиянием, ибо Прага из-за ее плодотворности и организованности, без сомнения, имела гораздо более значительную позицию в структурализме.

Якобсон принес к нам и марризм. Перед Второй мировой войной влияние марризма на наше языкознание было совершенно мизерным потому, что работы Марра у нас были почти совершенно неизвестны и недоступны. И в первые годы после мировой войны было, в сущности, так же; чуть только марризм получил большее значение, он был подвергнут прекрасной, сокрушительной критике Сталина. В нашем языковедческом творчестве можно найти некоторые черты, напоминающие марризм, но это скорее отголоски идеализма, в который забрел марризм, как и структурализм. То есть у нас бесспорно преобладал структурализм.

Почему структурализм так широко привился у нас? Потому что прежде индоевропейское языкознание изучало языковые явления изолированно, без учета остальных, и потому структуралистские функциональные взгляды — откуда и изначальное название «функциональное языкознание» — и понимание языка как сложной системы взаимозависимых противоположностей считалось прогрессом. Но в действительности положительные стороны структурализма были затенены, обесценены превалирующими отрицательными сторонами, возникшими в результате неправильного, идеалистического развития принципиального понимания языка как структуры, пренебрежения к диалектическому единству языка и мышления, отрывания языка от мышления, понимания языковых средств как всего лишь знаков, символов и т. п., как сейчас это совершенно ясно после гениальных статей Сталина.

¹⁴⁸ Tvorba номер 37, 1951, выпуск XX.

⟨...⟩

Необходимо уделить особое критическое и боевое внимание структуралистской языковой теории, особенно той, которая была опубликована в журналах или книгах, чтобы далее способствовать разложению нашего научного творчества. Необходимо обратить особое внимание на некоторые структуралистские тезисы, которые резко противоречат сталинскому пониманию языка, но на первый взгляд сходятся с ним или приближаются к нему. Я напоминаю прежде всего тезис об имманентном развитии языка, который не имеет ничего общего с учением Сталина о структуре языка и о внутренних законах развития языка. Объединение этих двух взглядов у наших лингвистов довольно распространено, но оно означает грубую вульгаризацию сталинского учения о языке. Разумеется, Сталин несколько раз упоминает о структуре языка, напр.: «Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох». О внутренних законах развития языка Сталин говорит, напр., так: «Главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка». Однако — и это нужно сказать очень громко — из этого совершенно не следует верность структурализма. Напротив, структурализм производит тезисы, законы о языковой структуре из нее самой, без внимания к ее связи с мышлением и человеческим трудом. Это совершенно ненаучный, чисто идеалистический подход, ибо он рассматривает язык как систему знаков, символов. Однако Сталин требует изучения языка в его диалектическом единстве с мышлением. Под внутренними законами языкового развития Сталин понимает те законы, согласно которым язык составляет средства выражения с той целью, чтобы исполнять свою важную задачу в человеческом обществе, быть «средством, орудием, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания». Эти законы касаются языка, они с этой стороны внутренние языковые законы, но мы не должны забывать о том, что они возникают под влиянием внеязыковых факторов, тех общественных факторов, с которым язык неразрывно связан, то есть мышления и всей деятельности человека. Такое понимание языковых законов, языковой структуры, совершенно противоположно структурализму, структурализм совершенно искажает представление о языке. Здесь недостаточно просто указать на ложную основу структурализма, а необходимо указать на нее на конкретных примерах, путем анализа опубликованных работ об отдельных вопросах, прежде всего фонологических.

⟨...⟩

⟨...⟩ Необходимо осознать, что неопределимое значение статей Сталина о языке и языкознании проистекает из их научной доказательности, объективной правдивости. Каждый беспристрастный специалист в области языка совершенно ясно видит эту строгую правдивость, высокий профессионализм, удивительную глубину изложения Сталина, его железную

логику и — тем самым — его совершенную убедительность. Видим мастерство, с которым Сталин подает решение основных вопросов о сути языка, о его месте и значении во всей истории общества. Это объединение политической и научной авторитетности в одной личности есть, конечно же, в истории человечества совершенно уникальное, особое явление. Пусть каждый, кто до сих пор не осознал этого в полной мере, вспомнит эти слова советского языковеда А. С. Чикобавы, известного из дискуссии в московской «Правде» как главного противника Марра: «Такой факт существует в нашей действительности, в первом социалистическом государстве на свете, которым руководит товарищ Сталин, корифей социалистической науки. Мы, советские языковеды, гордимся этим как граждане и как специалисты» . Да, мы, которые долго воспитывались под влиянием буржуазного идеализма, чьей главной, хотя и тайной целью было сделать из нас тростинку, колеблющуюся на ветру, оторвать нас от борьбы за свободу, прогресс, светлое будущее человечества, настроить нас против него, глубоко осознаем прогрессивность и происходящую из нее непреодолимую и необыкновенно творческую силу марксизма-ленинизма, мировоззрения рабочего класса, идей Сталина.

Путем преодоления структурализма — к марксистскому языкознанию¹⁴⁹

Проф. д-р ЯРОМИР БЕЛИЧ¹⁵⁰, декан философского факультета университета Палацкого в Оломоуце

⟨...⟩

Необходимо приветствовать свободную дискуссию, к которой дала импульс редакция Творбы путем публикации статьи Петра Сгалла «Работы Сталина и Пражский лингвистический структурализм» (номер 28, с. 674 и далее). Товарищ Сгалл в своей статье верно обозначил идеалистическую, т. е. откровенно немарксистскую сущность структурализма, и верно раскрыл изоциренно антисоветскую позицию Романа Якобсона, который намеренно уводил наших лингвистов и теоретиков литературы от диалектического материализма, своим учением поддерживал распространение упадочных поэтических направлений и пытался создать из Пражского лингвистического кружка замкнутую группу, оторванную от жизни и представляющую свои взгляды недоступным образом. Однако товарищ Сгалл также верно констатировал, что главными приверженцами нашего структурализма были во времена буржуазной республики в большой степени научные сотрудники из лагеря левой интеллигенции, которые честно стремились к передовой науке и культуре, однако были еще не способны опереться в своей работе на марксизм-ленинизм. Именно это последнее обстоятельство значит, что критика структурализма и открытая дискуссия о неясных проблемах остро необходима, ибо под личиной марксизма легко было бы распространять и ложные взгляды. При этом критика усложняется тем, что наш структурализм не дал общей теоретической работы, на примере которой могли бы быть ясно указаны все его недостатки. Поскольку большая часть его приверженцев работала эклектически, без прочной и единой теоретической основы, ошибочные отправные позиции и неверные структуралистские выводы всячески рассеяны в работах по конкретным вопросам в связи со сведениями правильными, так что необходимо всюду тщательно отделять зерна от плевел. Это наглядно показывает, например, самокритический пассаж о неправильном понимании языка художественных произведений, содержащийся в дискуссионном сообщении товарища

---

¹⁴⁹ Tvorba № 41, 1951, выпуск XX.

¹⁵⁰ Яромир Белич (Jaromír Bělič) — лингвист-диалектолог. Принимал участие в составлении «Словаря литературного чешского языка» (*Slovník spisovného jazyka českého*, 1960—1966), соавтор «Правил чешской орфографии». Во время войны преподавал в реальном училище в Кыйове, позже — в университете Оломоуца, в 1953—1957 году ректор оломоуцкого Высшего педагогического училища. С 1957 года — профессор Карлова университета в Праге.

проф. Травничека, реагирующего на статью товарища Сгалла, и опубликованном в 37 номере «Творбы».

⟨...⟩

Необходимо справедливо признать, что чешские структуралистские исследователи никогда не заходили так далеко, как структурализм копенгагенский, хотя были определенные тенденции к этому, в особенности в некоторых трудах проф. Скалички. Но товарищ Скаличка сам в 1948 году отверг копенгагенское учение. Случай Ельмслева, несмотря на его абсурдность, означает логическое развитие структурализма и наглядно демонстрирует, в какую пропасть провалилось это направление, когда захотело создать комплексную теорию языка; случай Ельмслева в то же время показывает в полном объеме ошибочную, идеалистическую основу структурализма.

⟨...⟩

К критике структурализма¹⁵¹В. СКАЛИЧКА¹⁵²,

Профессор Карлова университета в Праге

Структурализм, без сомнения, является детищем первой республики, когда буржуазная наука выходит на путь самоцельной игры и мракобесия, служа правящему классу. И потому также необходимо критиковать структурализм, буржуазное направление, которое имело огромное влияние в языкознании и литературоведении.

〈...〉

Сейчас я разберу работы отдельных научных сотрудников и опишу, какую роль они играли и что в их работах ошибочно, а что еще возможно использовать. Прежде всего упомяну о патриархе нашей науки Вилеме Матезиусе, потом укажу обоим ведущим фонологов, Якобсона и Трубецкого, к ним присоединю двух других значительных ученых, Б. Гавранека и Ф. Травничека, и наконец закончу замечаниями в свой адрес.

〈...〉

Наиболее объемная часть публикаций Пражского лингвистического кружка касается т. н. фонологии, то есть структурной фонетики. Фонология была разработана прежде всего русскими эмигрантами — членами Кружка, Якобсоном и Трубецким. Вклад чешских участников Кружка заключался в многочисленных работах, которые тем не менее являлись лишь применением теории на новом материале (В. Матезеус, Б. Гавранек, В. Трнка и др.) — что, конечно же, не убавляет их ответственности. Именно благодаря фонологии структурализм стал известен в мире. Как теперь нам следует смотреть на него?

〈...〉

Мы сказали, что фонологию разработали прежде всего Трубецкой и Якобсон и что чешские лингвисты лишь применяли ее теорию, что не освобождает их от ответственности. Однако они считали фонологию верной и, работая в других областях, как правило, стремились работать в соответствии с ней. Сегодня мы должны признать, что этот наш путь не был прогрессивным, как нам казалось, что если в нем и было что-то прогрессивное, то совершенно иные компоненты.

〈...〉

---

¹⁵¹ Tvorba č. 42, 1951, roč. XX.

¹⁵² Владимир Скаличка (Vladimír Skalička) — лингвист, член Пражского лингвистического кружка. Изучал в Карловом университете чешский, латынь, венгерский и финский языки, позже основал там кафедру финно-угорских языков. Один из основателей современной типологии языков (различал языковые типы: флективный, интрофлективный, агглютинативный, изолирующий и полисинтетический). В 1946 году назначен первым профессором общего языкознания Философского факультета Карлова университета.

Отклик на статьи в «Творба» (Tvorba) К ДИСКУССИИ О СТРУКТУРАЛИЗМЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ¹⁵³

Уважаемые товарищи!

Дискуссия о структурализме в «Творба» осветила основные теоретические вопросы языкознания и лингвистики и показала, что структурализм — направление упадочное, враждебное марксизму-ленинизму.

Однако я думаю, что наши научные сотрудники не использовали в полном объеме возможности, которые им дала Творба, предоставив для дискуссии трибуну перед столь широкими читательскими массами.

⟨...⟩

Однако мы можем гордиться тем, что уже в эпоху наступления Пражской структуралистской школы у нас раздавался голос, который полностью указал на реакционность и «самоцельность» структуралистского взгляда на язык — голос нашего великого поэта и великого коммуниста С. К. Нейманна, который показал, что рабочий класс и пролетарская революция требуют не сложного и рафинированного языка, но «речь ясную, точную, понятную — и добросовестную».

Мы хотим передавать мысли правдивые и полезные, и потому нам нужен не язык, который запутывал бы и затемнял их, но язык точный и добросовестный, в котором понятно, что правда, а что ложь, язык ясный и понятный, который позволит как можно более широкое и простое распространение идей социализма.

Необходимо изменить направление нашего языкознания: нужно, чтобы оно больше ценило слова С. К. Нейманна, который защищал свою позицию от структурализма, от грязных поджигательских выпадов троцкистов Р. Якобсона и З. Каландры. Наше языкознание до сих пор не осознало значения этих слов С. К. Нейманна, и до сих пор не принялось за так пророчески поставленную задачу.

⟨...⟩

Петр Сгалл

¹⁵³ Tvorba č. 2, 1952, роč. XXI.

ТЕЛЕГРАММА

№ доставки 028

Принята 28/IV 09.00

Академику Гавранеку, председателю Чехословацкого комитета славистов
Институт славистики Валентинска 1 Прага

CZ8 INZ2 CZW UW2400 LB CAA 094 CAMBRIDGE MASS 56 27 1800

Требую немедленного и решительного публичного опровержения клеветнических вымыслов поскольку я посылал коллегам исключительно работы по языкознанию и славистике свои и в единичных случаях чужие получив о них однозначную просьбу тчк ожидаю ответа по телеграфу с тем чтобы незамедлительно проинформировать советский и международный комитет

Якобсон, член Международного комитета славистов

Slavic Languages
and Literatures

HARVARD UNIVERSITY
Roman Jakobson
Holyoke 29
Cambridge 38, Massachusetts

May 1, 1958

Dr. Jaroslav Průšek
President of the Section of Language and Literature,
President of the Oriental Institute
of the Czechoslovak Academy of Sciences

Dear Professor Průšek:

I had the honor to be the guest of the Czechoslovak Academy of Sciences in January and September, 1957 and the papers I delivered on both of these occasions found friendly appraisal in the publications of the Academy.

Herewith may I ask you and your colleagues to defend me against the journalistic slander which was launched against me in Prague a few days ago and which evoked an atmosphere of insult and disgust in such leading American cultural institutions as Harvard University, Massachusetts Institute of Technology, and the American Academy of Arts and Sciences. Despite all my efforts to promote and develop scholarly relations between our two countries, opinions begin to be strongly voiced that such slanderous attacks prove the impossibility of cultural exchange and tourism. I have in mind the communication of the CTK reproduced in American newspapers according to which the Czech newspapers charged that Professor Jakobson is «misusing the scientific authority of Harvard University by sending scientists in Czechoslovakia inciting publications which have nothing in common with science». This story is a stupid and slanderous invention. During 1957 I sent to a few Czechoslovak scholars who gave or sent me their academic publications, several philological books and papers by me. None of these publications has the slightest connection with political problems. All of them belong uniquely to the fields of general linguistics, Slavic philology, literary history, and medieval studies. All of these works were noted and reviewed in academic periodicals of the Soviet Union where most of them found laudatory appraisal. In exceptional cases and only upon request did I send to Czechoslovak scholars single American academic publications — namely Pike's and Fant's manuals of phonetics, Urban's book on theory of language, two university press historical books requested in March, 1957, by Dr. Valenta for the Slavic Institute, a catalogue of the Picasso exhibition, and to you personally Menge's study about the prehistoric Slavic migrations. Most of these items were sent in 1957. During 1958 I was in Poland as the guest of the Polish Academy of Sciences and took part in the meeting of the International Committee of Slavists for the preparation of the Moscow Congress of Slavists. On my return to Cambridge I have been so busy with preparations for this Congress and with editing the

volume of contributions for this Congress that besides come exceptional cases of sending such of my scholarly publications as the Paleosiberian bibliography and a paper on Arabic emphatic consonants, I have not had time to send my new publications abroad; in particular my contribution to the International Handbook of Phonetics and my study about verse quotations in Old Church Slavonic texts from Great Moravia have not yet been dispatched.

Last fall I was happy to visit on the invitation of the Czechoslovak Academy of Sciences the new Moravian excavations and I am just publishing some of my conclusions on Great Moravian problems in a volume of the Bulgarian Academy of Sciences. On the request of the editors of *Slavia* I had been writing a paper on Old Czech glosses when I received the quoted disgusting communication. I am sure both you and my other Czechoslovak colleagues are taking the necessary measures to stop the harmful slander by irresponsible journalists.

My energetic rebuttal was immediately published by American newspapers: «The accusations were branded as “completely invented and utterly fantastic” by Professor Roman Jakobson one of the world’s leading experts of Slavic languages and literatures: “I would like to see the name of one professor who received a single sentences from me which was not strictly scholarly literature”». The same day, April 27, I cabled the president of Czechoslovak Committee of Slavists, Akad. Havranek with a prepaid answer but have as yet had not reply. May I add that I received an expression of full sympathy from the side of the Czechoslovak Embassy in Washington, D.C. which perfectly knows my activities in favor of Czechoslovak scholarship and culture.

I eagerly await your answer.

Yours sincerely,

Roman Jakobson

Samuel H. Cross Professor of Slavic Languages and Literatures, Harvard University.

Visiting Institute Professor, Massachusetts Institute of Technology.

Fellow of the American Academy of Arts and Sciences.

Member of the Norwegian Academy of Sciences.

Member of the Royal Danish Academy of Sciences.

Member of the Serbian Academy of Sciences.

Member of the International Committee of Slavists.

P. S. I just read in the Boston Herald a Vienna telegram according to which Prague newspapers state that I had sent to a number of scientists and artists such pamphlets as «National Communism» and copies of the partisan Review. The whole story is a filthy invention.

Славянские языки
и литературы

Гарвардский университет
Роман Якобсон
Holyoke 29
Кембридж 38,
Массачусетс

1 мая 1958

Д-ру Ярославу Прушеку,
президенту секции языка и литературы,
президенту Института востоковедения Чехословацкой академии наук.

Уважаемый профессор Прушек,

Я имел честь быть гостем Чехословацкой академии наук в январе и сентябре 1957 года, и доклады, которые я сделал по случаю обоих этих приглашений, были освещены в публикациях Академии дружественным образом.

В данном письме я хотел бы обратиться к Вам и Вашим коллегам с просьбой защитить меня от журналистской клеветнической кампании, которая была развернута против меня в пражской прессе несколько дней назад, вызвав атмосферу негодования и став оскорбительной для таких уважаемых американских культурных учреждений, как Гарвардский университет, Массачусетский технологический институт и Американская академия наук и искусств. Несмотря на все мои попытки развития и укрепления научного сотрудничества между двумя нашими странами, начали раздаваться все более громкие голоса о том, что подобные клеветнические нападки доказали невозможность культурного обмена и туризма. Я имею в виду сообщение ЧТК, перепечатанное американскими газетами, в соответствии с которым чешские газеты утверждают, что профессор Якобсон «злоупотребляет научным авторитетом Гарвардского университета, посылая ученым в Чехословакии подрывные публикации, которые не имеют ничего общего с наукой, и тем самым злоупотребляет научным авторитетом Гарвардского университета». Это утверждение является глупым, оскорбительным вымыслом. В течение 1957 года я послал нескольким чехословацким ученым, которые передавали мне лично или отправляли мне по почте свои научные публикации, несколько своих книг и статей по филологии. Ни одна из этих публикаций не имеет даже намека на связь с политическими вопросами. Все они относятся исключительно к областям общей лингвистики, славянской филологии, истории литературы и медиевистики. Все эти работы были отмечены и отрецензированы в научных журналах в Советском Союзе, и большинство из них было оценено высоко. В исключительных случаях и только после получения соответствующей просьбы я посылал чехословацким ученым отдельные американские научные публикации — а именно, учебники по фонетике Пайка и Фанта, книгу Урба-

на о теории языка, 2 книги по истории, напечатанные в университетских типографиях, по полученной в марте 1957 года просьбе д-ра Валенты из Института славистики, каталог выставки Пикассо, и направленную лично Вам работу Менгеса о доисторических миграциях славян. Большая часть этих работ была послана мною в 1957 году. В 1958 году я был в Польше в качестве гостя Польской академии наук и принимал участие в заседании Международного комитета славистов, посвященном подготовке Съезда славистов в Москве. После своего возвращения в Кембридж я был столь занят подготовкой к этому Съезду и редактированием сборника докладов для этого Съезда, что, не считая исключительных случаев, связанных с посылкой мною таких моих научных публикаций, как «Палеосибирская библиография» и работа об арабских эмфатических согласных, я не имел времени на рассылку своих новых публикаций; в частности, до сих пор не были отправлены мои материалы, опубликованные в Международном руководстве по фонетике, и моя работа о стихотворных цитатах в древних церковнославянских текстах эпохи Великой Моравии.

Осенью прошлого года я имел счастье посетить по приглашению Чехословацкой академии наук новые раскопки в Моравии, и в настоящий момент я публикую ряд моих заключений по проблематике Великой Моравии в сборнике Болгарской академии наук. Я как раз работал по просьбе редакторов журнала «Славия» над статьей о старочешских глоссах, когда узнал о вышеупомянутой отвратительной кампании. Я убежден, что как Вы, так и другие мои чехословацкие коллеги предпринимают необходимые меры для того, чтобы остановить оскорбительную клевету безответственных журналистов.

Мои резкие опровержения были немедленно опубликованы американскими газетами: «Обвинения были названы профессором Якобсоном, одним из ведущих мировых специалистов по славянским языкам и литературам, “полностью выдуманными и абсолютно фантастическими”». «Я хотел бы узнать имя хотя бы одного профессора, который получал от меня хоть одну строчку, которая бы не была полностью посвящена науке». В тот же день, 27 апреля, я направил телеграмму президенту Чехословацкого комитета славистов академику Гавранеку и оплатил ответ адресата, но до сих пор его не получил. Позвольте мне также добавить, что я получил выражение полной солидарности от Посольства Чехословакии в Вашингтоне, которое прекрасно знакомо с моей деятельностью на благо чехословацкой науки и культуры.

С нетерпением ожидаю Вашего ответа.

Искренне Ваш

Роман Якобсон

Профессор славянских языков и литератур (именная профессура Сэмюэла Х. Кросса)

(Samuel H. Cross Professor of Slavic Languages and Literatures), Гарвардский университет,
Приглашенный институтский профессор, Массачусетский технологический институт,
Сотрудник Американской академии искусств и наук,
Член Норвежской академии наук,
Член Королевской академии наук Дании,
Член Сербской академии наук,
Член Международного комитета славистов.

P. S. Я только что прочитал в газете Boston Herald сообщение из Вены, в соответствии с которым пражские газеты утверждают, что я посылал нескольким ученым и деятелям искусства такие памфлеты, как «Национальный коммунизм» и копии Partisan Review. Все эти утверждения являются грязными вымыслами.

ČESKOSLOVENSKÁ AKADEMIE VĚD
sekce jazyka a literatury

2. 7. 1958

Dear Prof. Jakobson

we received both your wire and letter and transmitted them to the proper authorities. The case is under investigation and we shall inform you about the results.

Very sincerely yours

B. Havránek
chairman of the
Czechoslovak
Committee of
Slavicists

J. Průšek
chairman of the
VIIIth section of
the Czechoslovak
Academy of
Sciences.

Prof. Roman Jakobson
Harvard University
Dept. Slavic Languages and Literatures
Cambridge, Massachusetts.

**Чехословацкая академия наук,
секция языка и литературы**

2. 7. 1957

Уважаемый господин профессор,

мы оба получили Вашу телеграмму и письмо и передали их соответствующим организациям. Дело рассматривается, мы будем информировать Вас о результатах.

С уважением

Б. Гавранек,
председатель
Чехословацкого
комитета славистов

Я. Прушек,
председатель
8 секции
Чехословацкой
академии наук

Проф. Роман Якобсон,
Гарвардский университет
Кафедра славянских языков и литератур
Кембридж, Массачусетс

Slavic Languages
and Literatures

HARVARD UNIVERSITY
Roman Jakobson
Holyoke 29
Cambridge 38, Massachusetts

July 16, 1958

Ak. J. Průšek, Chairman of the VIII th Section of the Czechoslovak Academy
of Sciences.

Československá akademie věd, Sekce jazyka a literatury.

Dear Professor Průšek:

In answer to your and Professor Průšek's letter of July third, herewith I
send you my reply to the article in question. I look forward to the promised
communication about the results of the investigation of the article in question.

Yours sincerely,

Roman Jakobson
Member of the International
Committee of Slavistics.

RJ:EP

PS: Please confirm the receipt of these five pages

Славянские языки
и литературы

Гарвардский университет
Роман Якобсон
Holyoke 29
Cambridge 3, Massachusetts

16 июля 1958

Академик Я. Прушек, председатель 8 секции Чехословацкой академии наук

Чехословацкая академия наук, Секция языка и литературы.

Уважаемый господин профессор!

Отвечаю на письмо от третьего июля, посланное Вами и профессором Прушеком и прилагаю свою реакцию на статью, о которой идет речь. С нетерпением жду обещанного Вами сообщения о результатах рассмотрения этой статьи.

С уважением

Роман Якобсон,
член
Международного
комитета славистов

RJ:EP

P. S. Пожалуйста, подтвердите получение этих пяти страниц.

Slavic Languages
and Literatures

HARVARD UNIVERSITY
Roman Jakobson
Holyoke 29
Cambridge 38, Massachusetts

July 16, 1958

To whom it may concern:

Rudé Právo of April 26, 1958 published an article by V. Štěpánek which contains several accusations against me which are all totally slanderous and false.

1) It is not true that I took part in sending subversive political literature to Czechoslovakia or to other Slavic countries. All my sendings were made in my name with the address of my office in Harvard University and contained uniquely philological books and papers, most of them my own scholarly publications and reprints. They were sent uniquely to scholars and to those of them who definitely requested that I sent them philological studies and/or to those who had sent me their own scholarly publications and reprints. All these publications were sent by registered mail and I have all the registered receipts. All were sent uniquely in my name and not as the article insinuates in the name of Columbia and Harvard Universities. Almost all of them were sent in 1957, after my January visit to Czechoslovakia and a few of them after my second, September visit.

Besides philological works there was sent one catalogue of the Picasso retrospective exhibition of 1957 which I promised to a Czech poet. Furthermore during the Prague session of the International Committee of Slavists in January, 1957 a young Communist historian Jaroslav Valenta, aspirant of the Slavic Institute of the Czechoslovak Academy of Sciences was assigned to the Committee as technical help. March 22, 1957, Mr. Valenta informed me by a letter which I still possess that my interview with him will appear in the fourth issue of *Slovanský přehled* and in the same letter asked me to send for him to the Slavic Institute two university press publikations which he stated as being absolutely urgent and necessary for his research and which according to him had not as yet been procured through university exchange. In the letter he quoted the exact titles of both books entirely unknown to me: P. Wandycz, *Czechoslovak-Polish Confederation and the Great Powers*, Indiana University Press, and L. Schapiro, *The Origin of Communist Autocracy, 1917—1922*, Harvard University Press. Since Mr. Valenta was very obliging to the members of the International Committee of Slavists and since I was repeatedly assured in Prague that for scholars, Especially members of the Party, there were no restrictions in receiving Western universities publications whatever their trend, I sent the books to Mr. Valenta to the address of the Slavic Institute April 24, 1957 (registered number 293844). When I met Mr. Valenta by chance in the Slavic institute in September 1957 he told me that unfortunately the books had

not reached him. Thus the affirmation of the paper that «our scholarly worker felt shocked that there was sent to him an unserious publication which cannot be used for scholarly work but which is an unscholarly compilation» sharply contradicts the fact of his request for the particular books and his denial of their arrival.

2) Neither is it true that in January 1957 I was sent by the United States of America to Czechoslovakia nor that this trip had political purposes. I was elected member of the International Committee of Slavists in September 1955 in Belgrad, was invited and took part at the first meeting of this Committee in Moscow in May 1956 and accepted the invitation to the second meeting in Prague in January 1957 after my proposals to the leaders of this Committee to postpone this meeting for a few months were declined.

3) It is not true that while in Prague, I tried to obtain political information. On the contrary, I consistently endeavored to limit myself to scholarly and literary conversations.

4) It is not true that after returning from this meeting, I tried to elaborate a plan of ideological influence on the Czechoslovak intelligentsia by sending «appropriate literature to some specialists». The only attempts which I made were to obtain from Czechoslovak scholars complimentary copies of scientific periodicals which they requested namely The International Journal of American Linguistics, The Journal of the Acoustical Society of America, and Speculum published by the Medieval Academy of America but unfortunately I did not succeed in obtaining such copies. In Czechoslovakia I was asked by scholars and leaders of scholarly libraries to help them in obtaining missing philological literature but besides reprints of my studies in general linguistics and Slavic philology and a few textbooks in phonetics and linguistics, nothing was sent either by me or on my request.

5) It is not true that my invitation to the Comenius Conference of the Czechoslovak Academy of Sciences and to the visit of archeological excavations of Great Moravian monuments was made on my own request. In both cases I was directly approached by the official representatives of the Academy of Sciences during my January 1957 sojourn in Prague. First I proposed to contact some American Comeniologists and only when I learned that most of them could not participate in the Conference did I agree to take part in it since I had studied the works and had written about him. I was also officially invited to the Byzantinists Conference in Prague at the end of October but since I was unable to participate at the conference a special visit to the excavations was kindly proposed and arranged for me. The result of this visit is a study to appear in Romanski Festschrift in Sofia.

6) It is not true that I took only little part at the Comenius Conference. My paper at this conference is characterized in the Bulletin of Information of the International Conference on the Life and Work of Comenius published by the Czechoslovak Academy (November 1957) as «a valuable addition to our

knowledge of Comenius' philosophy of history» p. 9. I attended many papers of this conference and had long and productive discussions with several lecturers.

7) The allegation that I «tried to interest young scholarly workers to be in direct contact with the American embassy» is a pure invention.

8) I do not see why when being a guest of the Czechoslovak Academy of Sciences, I would have no right to meet personal acquaintances from my youth such as Professor Borovička or Mr. Jan Horský whose family used to extend social invitations to me and other professors of our Faculty at Brno University in the thirties. The truth is that on neither of my two visits did I meet Mr. Horský. He actually came to the Hotel Paris where I stayed in January 1957 and left his name at the hotel desk, but at the time I was in the Academy at the lecture of Professor V. V. Vinogradov and we did not see each other. As for Professor Borovička, I met him by chance while sitting in Cafe Slavia with a few [six?] colleagues at the end of my January sojourn. We exchanged greetings. During my second sojourn, I attended the celebration of the eightieth birthday of my former university colleague, Professor Urbánek in the National Museum. On leaving this testimonial, I noticed Professor Borovička among other historians, greeted all of them and ran to a cab to attend the official reception for the members of the Comenius Conference.

9) The allegation of Mr. Štěpánek that my Prague visits were nil as to scholarly activity, may be answered by the statement that during my January sojourn, I took active part, according to the reports in Soviet periodicals, in all the transactions of the International Committee of Slavists; delivered two papers and participated in the discussions of the Conference of Czechoslovak philologists in Olomouc and Prague (the evaluation of these papers may be found in Czech, Russian, and German periodicals); lectured in the Institute of Czech Language of the Czechoslovak Academy of Sciences, had roundtable discussions in the Czechoslovak-Soviet Institute and in the Institute of Czech Language; took active part in the discussions on the Old Church Slavonic dictionary in preparation and a high number of conversations and discussions with Czech scholars on crucial problems of Czech medieval literature, comparative Slavic literature, general linguistics, sound analysis etc.; lectured on the influence of Czech literature on Old Russian literature in Brno University; had a roundtable discussion with Brno's linguists; gave two lectures in the Slovak Academy. During my September sojourn, besides my mentioned activities at the Comenius Conference and the visit to excavations at Mikulčice and Staré Město, I had a roundtable conference in the Institute of Czech Language of the Czechoslovak Academy of Sciences and in Brno University. I did research work in the Prague University Library, the Slavic Library, Kapitulní knihovna, and in the library of the Institute of Czech Literature; visited the Archeological Institute in Prague and in Brno and the Slavic Seminars of Charles University and Brno University; discussed a high number of current problems of Slavic philology and linguistic theory with many colleagues of Charles University, the Slavic Institute of the

Academy of Sciences and Brno University. Six studies in Czech and two in Russian were the result of these two sojourns.

Full of inventions and absurdities is the presentation of my pre-war past. I confine myself to a few examples. For instance, I was actually in friendship with the poet S. K. Neumann and still possess his books with his dedications to me and I translated some of his poems into Russian. To my intimate friend B. Václavek who worked on Neumann's biography I gave material about him and both I and my wife were in friendship with his daughter Soňa Neumannová. When I was in Prague in January 1957, we looked for each other and only by chance did not meet. Even if Neumann and I had polemics several times, the article by Mr. Štěpánek misrepresents them. Our common friends, the late Václavek and the late Sekanina, intervened to reconcile us and Neumann published a declaration in which he retracted his attack against me.

When I was in Norway from September 1939 to April 1940 and worked at Oslo University and at the Institute for Comparative Study of Cultural History, I actually wrote to the people of the Czech government in exile in Paris several letters informing them about the attitude of the Norwegians about Hitler's Germany and to the anti-Hitler fight with which of course I deeply sympathized. These letters stopped with Hitler's occupation of Norway. Štěpánek insinuates that in November 1941, there was sent to me in Oslo from the military information service of the Czech London government an instruction how to write in invisible ink and to organize connection with Czechoslovakia, and that I had a whole net of informers in the service of the London emigrant government. In reality, I left Norway in April 1940 and in November 1941 was doing scholarly work in New York City, having no contact whatever with the protectorate and no political correspondence with the London Czechs. I must add furthermore that if at that time I had cooperated with the London Czechs in their fight against Hitler, it would have been far from dishonorable and that, by the way, at that time there was close allied cooperation between the Czech government in exile and the Soviet Union, a treaty of alliance having been signed in July 1941 by the Soviet Union and the Czech government in exile.

Facts, however, do not exist for the author of this disgusting concoction.

Yours sincerely,

Roman Jakobson
 Member of the International Committee of Slavistics.
 Samuel H. Cross Professor of Slavic
 Languages and Literatures,
 Harvard University.
 Visiting Institute Professor,
 Massachusetts Institute of Technology.
 Fellow of the American Academy of Arts and Sciences.

Славянские языки
и литературы

Гарвардский университет
Роман Якобсон
Holyoke 29
Cambridge 38,
Massachusetts

16. июля 1958

Всем, кого это касается:

26 апреля 1958 года «Руде Право» (Rudé Právo) опубликовало статью Б. Штепанека, содержащую обвинения по моему адресу, которые являются оскорбительными и совершенно лживыми.

1) Неправда, что я принимал участие в рассылке вредительской политической литературы в Чехословакию или иные славянские страны. Все мои посылки были отправлены от моего имени, с указанием моего служебного адреса в Гарвардском университете и содержали исключительно филологические книги и статьи, преимущественно результаты моих собственных научных изысканий и оттиски научных статей. Они были посланы исключительно научным сотрудникам, которые прямо и недвусмысленно попросили меня о том, чтобы я послал им филологические работы, и/или тем, которые прежде посылали мне собственные научные труды. Все публикации были посланы как заказное отправление, и у меня имеются соответствующие квитанции.

Все без исключения посылки отправлялись от моего имени, а не, согласно инсинуациям этой статьи, от лица Колумбийского или Гарвардского университетов, большинство было отправлено в 1957 году после моего посещения Чехословакии в январе, и еще несколько — после моего второго, сентябрьского визита.

Вместе с филологическими работами я послал каталог ретроспективной выставки Пикассо в 1957 году, который пообещал одному чешскому поэту. Далее: во время пражского заседания Международного комитета славистов в январе 1957 году молодой историк коммунизма Ярослав Валента, аспирант Института славистики Чехословацкой академии наук, был назначен техническим помощником комитета. 22.3.1957 господин Валента в письме, которое до сих пор хранится у меня, сообщил мне, что наше с ним интервью выйдет в четвертом номере «Словански Пршеглед» (Slovanský přehled) и одновременно попросил меня, чтобы я послал ему в Институт славистики две университетские публикации, получение которых он считал совершенно срочным и необходимым для своей исследовательской деятельности и которые он до сих пор не мог получить путем межуниверситетского обмена. В письме он точно цитировал заглавия обеих книг, которые были мне совершенно неизвестны: P. Wandycz, *Czechoslovak-Polish Confederation and the Great Powers* (Чехословацко-польская конфедерация

и великие державы), Indiana University Press и L. Schapiro, *The Origin of Communist Autocracy (Происхождение коммунистической автократии)*, 1917—1922, Harvard University Press. Поскольку господин Валента был любезен по отношению к членам Международного комитета и поскольку пражские исследователи неоднократно уверяли меня в том, что никаких ограничений для посылки западных университетских публикаций любого направления не существует, 24.4.1957 я послал указанные книги на адрес Института славистики (регистрационный номер 293844). Когда я встретился с господином Валентой в Институте славистики в сентябре того же года, он сообщил мне, что, к сожалению, не получал книг. Потому утверждение «Наш научный сотрудник был оскорблен тем, что ему была послана легковесная публикация, которую нельзя использовать для научного исследования, ибо она является антинаучной “сборной солянкой”» находится в совершенном противоречии с его просьбой об этих книгах и отрицанием факта получения.

2) Неправда и то, что в январе 1957 года я был послан в Чехословакию Соединенными Штатами Америки, и то, что путешествие преследовало политические цели. Я был избран членом Международного комитета славистов в сентябре 1955 года в Белграде, был приглашен на первый съезд комитета в Москву в 1956 году и принял в нем участие, также я принял приглашение на второй съезд в Праге в январе 1957 года, который был руководством комитета по моему предложению отсрочен на несколько месяцев по сравнению с первоначальным планом.

3) Неправда, что во время пребывания в Праге я пытался получить политическую информацию. Напротив, я сознательно ограничивался общением на научные и литературные темы.

4) Неправда, что после возвращения с конференции я пытался создать план действия по идеологическому воздействию на чехословацкую интеллигенцию путем отправки «соответствующей литературы некоторым специалистам». Единственным моим стремлением было получить для чехословацких ученых бесплатные оттиски научной периодики, которые они просили. Конкретно речь шла о *The International Journal of American Linguistics*, *The Journal of the Acoustical Society of America* и *Speculum*, изданные в *Medieval Academy of America*, но мне, к сожалению, не удалось их найти. Также в Чехословакии исследователи и руководители научных библиотек просили меня о помощи при комплектации недостающей филологической литературы, но кроме оттисков моих статей по общей лингвистике и славистике и нескольких учебников по фонетике и лингвистике не было послано ничего, ни от моего имени, ни по моей просьбе.

5) Неправда, что я получил приглашение на конференцию коменологов и на осмотр археологических находок остатков Великой Моравии по собственной просьбе. В обоих случаях я был приглашен участвовать непосредственно официальными представителями академии наук во время свое-

го визита в Прагу в 1957 году. Сначала я пытался связаться с несколькими американскими коменологами, и только когда выяснил, что большинство из них не сможет участвовать, согласился принять участие, ибо изучал работы Коменского и писал о них. Я также был официально приглашен в Прагу на конференцию по византистике в конце сентября. Поскольку я не мог принять участие в этой конференции, мне было послано любезное специальное приглашение осмотреть археологические находки. Результатом явилась работа, которая вышла в юбилейном сборнике в честь Романского в Софии.

6) Неправда, что я «почти не принял участия» в конференции, посвященной Коменскому. Мой доклад на этой конференции в Информационном бюллетене Международной конференции, посвященной жизни и творчеству Коменского, изданном Чехословацкой академией (ноябрь 1957) назван «ценным вкладом в наши познания о философии истории Коменского» (с. 9). Я внимательно прослушал многие доклады на этой конференции, долго и подробно дискутировал с несколькими докладчиками.

7) Обвинение в том, что я «под видом завязывания научных контактов пытался заинтересовать молодых научных сотрудников прямой связью с посольством США» — чистой воды вымысел.

8) Мне непонятно, почему как гость Чехословацкой академии наук я не имею право встретиться со своими старыми знакомыми, такими как профессор Боровичка или господин Ян Горский, в семье к которых в тридцатые годы был зван не только я, но и многие другие преподаватели нашего брненского факультета. Правда, во время своих визитов я так и не встретился с господином Горским. Господин Горский действительно пришел ко мне в гостиницу «Париж», где я останавливался в 1957 году, и оставил свое имя для связи у администратора, но я тогда был на лекции профессора В. В. Виноградова в академии, и мы даже не увиделись. Что касается профессора Боровички, я встретился с ним случайно в конце своего январского визита в кафе «Славия», где был с несколькими другими коллегами. Мы поздоровались друг с другом. Во время второго визита я посетил празднование восьмидесятилетия моего бывшего коллеги по университету профессора Урбанека в Национальном музее. Когда я уходил с торжества, то увидел господина Боровичку в кругу других историков, поздоровался с ними всеми и побежал к такси, чтобы успеть на официальный прием для участников конференции Коменского.

9) На утверждение господина Штепанека о том, что с научной стороны мое участие не принесло многого, можно ответить заявлением, что во время моего январского визита я, согласно сообщениям в советских изданиях, активно участвовал во всей деятельности Международного комитета славистов; я прочитал два доклада, принимал участие в дискуссиях на конференциях чехословацких филологов в Оломоуце и Праге (оценку их можно найти в чешских, русских и немецких журналах), выступал с лекциями в

Институте чешского языка Чехословацкой академии наук, дискутировал на круглом столе в Чехословацко-советском институте и Институте чешского языка; я активно принимал участие в дебатах по подготовке словаря старославянского языка, дал бесчисленное количество интервью и принимал участие в дискуссиях с чешскими учеными о принципиальных проблемах чешской средневековой литературы, сравнения славянских литератур, общей лингвистики, звукового анализа и прочих; в Брненском университете я читал лекцию о влиянии чешской литературы на древнерусскую литературу; я принял участие в круглом столе с брненскими лингвистами и прочел две лекции в славянской академии. Во время сентябрьского визита я, кроме уже упомянутой деятельности на конференции Коменского и осмотре археологических находок в Микулчицах и Старем Месте, принял участие в круглом столе в Институте чешского языка Чешской академии наук и в Брненском университете. Я работал в Пражской университетской библиотеке, в Славянской библиотеке, библиотеке Капитула собора св. Вита, в библиотеке Института чешской литературы, посетил Археологический институт в Праге и Брно, Славянские семинары в Карловом и Брненском университетах; я дискутировал о ряде современных славистических и лингвистических проблемах со многими коллегами в Карловом университете, в Институте славистики Чехословацкой Академии наук и в Брненском университете.

Результатом двух моих поездок стали шесть работ на чешском языке и две на русском.

Абсолютным вымыслом и абсурдом является характеристика моей довоенной деятельности. Ограничусь несколькими примерами. Например, я действительно прятельствовал с поэтом С. К. Нейманном и до сих пор храню книги, подписанные им. Я перевел несколько его стихотворений на русский язык. Моему близкому другу Б. Вацлавеку, который писал биографию Нейманна, я предоставил ряд материалов о нем. Я и моя жена дружили с его дочерью Соней Нейманновой. Когда я был в Праге в январе 1957 года, мы пытались найти друг друга и только по случайности не встретились. Мы с Нейманном несколько раз спорили, но статья господина Штепанека неправильно интерпретирует эти споры. Наши общие, уже покойные друзья, Вацлавек и Секанина, тогда вмешались и попытались помирить нас. Потом Нейманн выпустил заявление, в котором взял назад свои выпады в мой адрес.

Когда с сентября 1939 по апрель 1940 я был в Норвегии в университете в Осло и в Институте сравнительных исследований культурной истории, я действительно написал членам правительства в эмиграции в Париже несколько писем, в которых сообщал об отношении норвежцев к гитлеровской Германии и об антигитлеровском Сопротивлении, которому я, разумеется, глубоко симпатизировал. Эта переписка закончилась после оккупации Гитлером Норвегии. Штепанек клеветнически утверждает, что в ноябре

1941 года из военной разведки лондонского эмигрантского правительства в Осло была отправлена инструкция, как писать невидимыми чернилами и как наладить связь с Чехословакией, и что у меня была в распоряжении сеть информаторов на службе у лондонского эмигрантского правительства. В действительности я уехал из Норвегии в апреле 1941 года и в ноябре того же года занимался научной работой в Нью-Йорке, не имея никаких контактов с протекторатом и не поддерживая политическую корреспонденцию с чехами в Лондоне. Кроме того, я должен добавить, что сотрудничай я тогда с лондонской эмиграцией при ее борьбе с Гитлером, в этом не было бы ничего бесчестного, и что в то время, кстати, существовало тесное сотрудничество между чешским правительством в изгнании и Советским Союзом на основании союзнического соглашения, подписанного обеими сторонами в июле 1941 года.

Однако для автора этих отвратительных вымыслов фактов не существует.

Искренне Ваш,

Роман Якобсон,
член Международного комитета славистов.
Профессор славянских языков и литератур
(именная профессура имени Сэмюэла Х. Кросса),
Гарвардский университет.
Приглашенный профессор,
Массачусетский технологический институт.
Научный сотрудник Американской академии
искусств и наук.

Первоначальная запись интервью для журнала «Студент» (STUDENT) (не опубликовано).

Пытаюсь позабыть

Интервью с проф. Романом Якобсоном

СТУДЕНТ: Господин профессор, Вы не могли или не хотели возвращаться сюда после Второй мировой войны?

Проф. ЯКОБСОН: После Второй мировой войны, сразу после освобождения Брно, первой телеграммой, пришедшей в Брно, была моя. Я сообщал, что готов вернуться в распоряжение Брненского университета. И получил ответ, в котором меня благодарили за телеграмму и сообщали, что вопрос подтверждения моей профессорской должности будет решен в скорейшем времени. В начале 1948 года я получил сообщение из министерства образования, что вопрос будет окончательно разрешен положительно в ближайшее время. Больше я ничего не услышал. Так что эта история о том, что мне предложили вернуться, а я не вернулся, как принято считать в некоторых кругах, — совершенная чепуха и ложь.

СТУДЕНТ: Значит, в том, что Вы не вернулись, нет Вашей вины?

Проф. ЯКОБСОН: Совершенно никакой, как я сказал, я первым направил в Брно телеграмму — спустя, кажется, пятнадцать минут после восстановления телеграфной связи с городом.

СТУДЕНТ: Господин профессор, каково в настоящее время отношение официальных советских научных и политических кругов к вашему творчеству и к Вам лично?

Проф. ЯКОБСОН: Как Вам известно, ряд моих работ был переведен с английского, а кроме того, я послал некоторые работы в Советский Союз, в различные издания, где они были опубликованы. Сейчас там должно выйти несколько моих статей, а такие, так сказать, программные работы, как *Fundaments of languages*, уже вышли или должны выйти.

СТУДЕНТ: Несколько номеров нашего журнала будет посвящено добровольной и недобровольной чешской эмиграции после 1948 г. Я хотел бы спросить Вас, каково, по-Вашему, различие или каковы, напротив, точки соприкосновения между эмиграцией после 1917 года и эмиграцией из социалистических стран после 1945 г. Какова разница в целях, качестве и перспективах?

Проф. ЯКОБСОН: Мне кажется, что понятие «эмиграция» не целостно. По-моему, существует множество разных групп. Если уж на то пошло,

я себя не считаю эмигрантом. Я довольно долго сотрудничал с советским представительством, и Антонов-Овсеенко¹⁵⁴, когда оказалось, что беспартийного человека нельзя было оставить на работе в представительстве, сказал мне: пожалуйста, я дам Вам возможность продолжать Вашу работу — это была научная и редакционная работа в *Slawische Rundschau*, и мы с Антоновым-Овсеенко остались близкими друзьями. Я считаю его замечательным человеком и замечательным советским государственным деятелем.

СТУДЕНТ: Мне все же хотелось бы вернуться к эмиграции. Каково в настоящее время, по Вашему мнению, значение эмиграции, людей, которые остались за границей т. н. социалистического лагеря из убеждений или из протеста против тоталитарного образа руководства в этих странах.

Проф. ЯКОБСОН: Это невозможно обобщить.

СТУДЕНТ: В какой степени Вы сотрудничаете с Американским обществом наук и искусств?

Проф. ЯКОБСОН: Меня избрали его почетным членом. Мне не довелось побывать на их съездах, они бывали обыкновенно в Нью-Йорке, всегда летом или в конце лета, когда я был в Европе, и я ни разу не смог принять участие в работе. У меня даже в их публикациях ничего не выходило.

СТУДЕНТ: Каково, по Вашему мнению, значение этой организации для науки?

Проф. ЯКОБСОН: Я очень высокого мнения о председателе общества профессоре Уэллеке¹⁵⁵, моем друге и товарище по Пражскому лингвистическому кружку.

---

¹⁵⁴ Владимир Александрович Антонов-Овсеенко — советский государственный деятель, дипломат. Во время Октябрьской революции руководил взятием Зимнего дворца, в 1917—1919 один из организаторов Красной Армии, в 1923 году критиковал Сталина и был обвинен в троцкизме, в 1924—1928 году руководитель советской миссии в ЧСР, позже — в Литве и Польше, в 1934—36 прокурор РСФСР, 1936—1937 генеральный консул в Барселоне. Отозван в СССР, арестован и расстрелян.

¹⁵⁵ Рене Уэллек (René Wellek) — историк литературы. Ученик В. Матезиуса, О. Фишера, Ф. Кс. Шальды, после учебы в Великобритании стал доцентом английской литературы на Философском факультете Карлова университета. В 1938 году переехал в США, преподавал в т. ч. в Йельском университете. Соавтор всемирно известной Теории литературы (*Theory of Literature*), вместе с

СТУДЕНТ: Господин профессор, мне кажется, что чешским студентам, которые учились в пятидесятые годы, было бы интересно ваше мнение о перипетиях некоторых ваших коллег по Пражскому лингвистическому кружку.

Проф. ЯКОБСОН: Об этом сложно судить. Я недостаточно информирован о деталях, научных и ненаучных.

СТУДЕНТ: Я бы все-таки вернулся к этому вопросу. Вы не были удивлены или поражены кем-нибудь из своих коллег по Пражскому лингвистическому кружку?

Проф. ЯКОБСОН: Меня ничего не удивило, потому что такие вещи часто случаются в мировой истории, и особенно в истории современной.

СТУДЕНТ: Господин профессор, мы все воспринимаем как частичную сатисфакцию вручение Вам звания почетного доктора Карлова университета. Я считаю, что эта сатисфакция должна стать полной. Будут ли напечатаны здесь ваши произведения?

Проф. ЯКОБСОН: Да, у меня есть договоры на несколько книг. Они выйдут в разных издательствах. Это будет как книга моих работ о лингвистике, так и публикация, содержащая мои работы по истории чешской поэзии, от Великой Моравии до гуситского периода. Один сборник выйдет также на словацком языке, там будут работы разных лет, а еще о нескольких книгах идут переговоры. В книге по истории чешской поэзии выйдут не только опубликованные работы, но и некоторые труды, которые я писал на протяжении двадцати лет и которые были приняты к печати Чешской академией. Позже я забрал их обратно для проверки, и они так и не вышли.

СТУДЕНТ: Не заходила ли речь о возможности чтения Вами лекций в Пражском университете?

Проф. ЯКОБСОН: Пока мы об этом не говорили. Сейчас я еду в Брно, где послезавтра буду получать звание почетного доктора, а потом в Братиславу в качестве гостя Словацкой академии.

СТУДЕНТ: Не хотели бы Вы в завершение исправить какую-нибудь искаженную информацию, которая распространялась о вас здесь?

Проф. ЯКОБСОН: Любую искаженную информацию я считаю клеветой. Конечно, некоторые наветы повторялись, потому что им верили,

некоторые их создавали и потому не могли верить в них. Мне не хочется думать об этих вещах. Как правило, я стараюсь о них позабыть. У меня здесь столько прекрасных, положительных впечатлений, что все это для меня совершенно неважно.

13. 8. 1968

подготовил Т. Пекный¹⁵⁶

---

¹⁵⁶ Томаш Пекный (Tomáš Pěkný) — выпускник Философского факультета Карлова университета, работал редактором в журналах «Мы», «Студент» (My, Student), в 1968—1970 годах — в издательстве «Млада фронта» (Mladá fronta). Во время режима «нормализации» — мойщик окон, работник насосной станции. С 1990 года сотрудничает с журналами «Респект», «Рош Ходеш» (Respekt, Roš Chodeš) и издательством «Сефер» (Sefer), автор книги *История евреев в Чехии и Моравии (Historie Židů v Čechách a na Moravě, 1993, 2002).*

(Телеграмма)

83

BAR 28/4 2230 LT

**ИНСТИТУТ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА
ВАЛЬДШТЕЙНСКАЯ 14 ПРАГА**

zczc ncz0016 wxb 1232 caa 104

cspr hl urnx 023

cambridmass 23 281351 est hl

It

институт чешского языка вальдштейнская 14 прага

искренне благодарен за приглашение к сожалению из-за болезни вынужден отложить поездку в европу до сентября
якобсон

coll lt 14

Авторизованная Якобсоном версия записи интервью¹⁵⁷.

Пытаюсь позабыть¹⁵⁸

Интервью с проф.¹⁵⁹ Романом Якобсоном

Господин профессор, Вы не могли или не хотели возвращаться сюда после Второй мировой войны?

Проф. ЯКОБСОН: После Второй мировой войны, сразу после освобождения¹⁶⁰ Брно, первой телеграммой, пришедшей в Брно, была моя. Это было, как мне кажется, спустя четверть часа с момента восстановления телеграфной связи. Я сообщал Университету Масарика, что предоставляю себя в его распоряжение. И получил ответ, в котором меня благодарили и сообщали, что вопрос подтверждения моей профессорской должности будет решен в скорейшем времени. Я несколько раз повторял свой запрос, и только в начале 1948 года получил от министерства образования сообщение, что вопрос будет окончательно разрешен положительно в ближайшее время. Больше я ничего не услышал. Так что распространенная в некоторых кругах версия, согласно которой мне предложили вернуться¹⁶¹, а я не вернулся, есть чистой воды вымысел.

Господин профессор, каково в настоящее время отношение официальных советских научных и политических кругов к вашему творчеству и к Вам лично?

Проф. ЯКОБСОН: Как Вам известно, ряд моих трудов был переведен с английского на русский язык¹⁶² и издан в Москве в последние годы; не-

---

¹⁵⁷ Издание журнала «Студент» было прекращено сверху прежде, чем в нем успело выйти интервью, текст был опубликован в декабре того же года в журнале «Наука и жизнь» (№ 12, 1968, с. 705—706). Исправления, отмеченные в сносках, показывают различия между авторизованной Якобсоном версией и публикацией, вышедшей под заголовком «Столько прекрасных впечатлений» (Tolik krásných dojmu).

¹⁵⁸ Заглавие исправлено публикаторами на «Столько прекрасных впечатлений».

¹⁵⁹ ИНТЕРВЬЮ с профессором Романом Якобсоном по случаю вручения ему почетной докторской степени Карлова университета; вопросы не оформлены как чья-то прямая речь, выделены курсивом, ответы Якобсона начинаются с обозначения ПРОФЕССОР ЯКОБСОН.

¹⁶⁰ Стилистическая правка.

¹⁶¹ Стилистическая правка.

¹⁶² в последние годы ряд моих трудов был переведен с английского на русский язык.

сколько работ я написал непосредственно для различных советских изданий, и они были там опубликованы. Я постоянно и близко сотрудничаю с учеными из Советского Союза и восхищен высоким уровнем современной советской лингвистики, поэтики и семиотики, московских исследований в области патологии речи и многих других дисциплин¹⁶³.

Несколько номеров нашего журнала посвящено добровольной и недобровольной чешской эмиграции после 1948 г. Я хотел бы спросить Вас¹⁶⁴, каково, по-Вашему, различие или каковы, напротив, точки соприкосновения между эмиграцией после 1917 года¹⁶⁵. Какова разница в целях, качестве и перспективах¹⁶⁶?

Проф. ЯКОБСОН: Мне кажется, что понятие «эмиграция» не целостно, а очень сложно. Если уж на то пошло, я себя не считаю эмигрантом. Я довольно долго сотрудничал с советским представительством. И Антонов-Овсеенко, когда оказалось, что беспартийного человека нельзя было оставить на работе в представительстве, сказал мне¹⁶⁷: пожалуйста, я дам Вам возможность продолжать Вашу работу — это была научная и редакционная работа в Slawische Rundschau. Я сохранил близкую дружбу с Антоновым-Овсеенко. Это был благородный человек и выдающийся советский государственный деятель¹⁶⁸.

В какой степени Вы сотрудничаете с Американским обществом наук и искусств?

Проф. ЯКОБСОН: Меня избрали его почетным членом. К сожалению, мне не довелось принять участие в их съездах, ибо они происходят обыкновенно в Нью-Йорке летом или в начале осени, когда я бываю в Европе.

Каково, по Вашему мнению, значение этой организации для науки?

Проф. ЯКОБСОН: Я высокого мнения о председателе общества профессоре Уэллеке, моем старом друге, который сотрудничал с нами в Пражском лингвистическом кружке.

¹⁶³ Этого предложения в публикации нет вовсе.

¹⁶⁴ Вводной части вопроса в публикации нет. Предложение начинается словами: «Каково, по Вашему мнению, различие...»

¹⁶⁵ После 1945 года.

¹⁶⁶ Стилистическая правка.

¹⁶⁷ Антонов-Овсеенко сказал мне, когда ситуация была такой, что для беспартийного человека было невозможным оставаться в миссии.

¹⁶⁸ Я сохранил близкую дружбу с ним. Антонов-Овсеенко был благородным человеком и выдающимся советским государственным деятелем.

*Господин профессор, чешским студентам, полагаю, было бы интересно ваше мнение о перипетиях некоторых ваших коллег по Пражскому лингвистическому кружку*¹⁶⁹.

Проф. ЯКОБСОН: Я не могу говорить о вещах, о которых недостаточно информирован.

*Господин профессор, мы все воспринимаем как частичную сатисфакцию вручение Вам звания почетного доктора Карлова университета? Я считаю, что эта сатисфакция должна стать полной. Будут ли издаваться здесь ваши произведения?*¹⁷⁰

Проф. ЯКОБСОН: Да, у меня есть договоры с несколькими издательствами. Выйдет как книга моих теоретических работ, так и публикация, содержащая мои труды по истории чешской литературы, прежде всего поэзии — от Великой Моравии до гуситского периода. Один сборник выйдет также на словацком языке. Там будут работы разных лет. Еще о нескольких книгах идут переговоры. В сборнике работ по истории чешской поэзии выйдут не только опубликованные работы, но и некоторые труды, которые я писал на протяжении двадцати лет и которые были приняты к печати Чешской академией, но не были опубликованы, так как тогда я забрал их обратно для проверки.

Не заходила ли речь о возможности чтения Вами лекций в Пражском университете?

Проф. ЯКОБСОН: Пока мы об этом не говорили. Сейчас я еду в Брно, где послезавтра буду получать звание почетного доктора, а потом в Братиславу в качестве гостя Словацкой академии¹⁷¹.

*Не хотели бы Вы в завершение исправить еще какую-нибудь искаженную информацию, которая распространялась о вас здесь*¹⁷²?

Проф. ЯКОБСОН: Я не люблю вспоминать эти глупые выдумки. За последние десять лет я получил из Чехословакии столько протестов¹⁷³ против клеветы и столько прекрасных проявлений дружбы¹⁷⁴ от ведущих чешских

---

¹⁶⁹ Полагаю, чешским студентам были бы интересны перипетии развития.

¹⁷⁰ Будут ли у нас издаваться Ваши произведения?

¹⁷¹ Этого предложения в публикации нет вовсе.

¹⁷² Которая распространялась о вас в нашей стране.

¹⁷³ Ряд протестов.

¹⁷⁴ И столько проявлений дружбы.

и словацких ученых и писателей, и у меня теперь столько прекрасных и положительных впечатлений, что грешно было бы думать о доносчиках и гонителях из печального прошлого.

13.8.1968

подготовил Томаш Пекный¹⁷⁵

---

¹⁷⁵ 15 августа. Интервью подготовил Томаш Пекный.

ФАКТЫ БИОГРАФИИ ¹⁷⁶

Роман Осипович (в более старых документах Иосифович) **Якобсон**

1896 — родился в Москве (28 сентября по старому, 10 /чаще указывают неточно — 11/ октября по новому стилю). Его отец, Осип Абрамович Якобсон, был инженером, известным купцом, торговал в т. ч. рисом. Мать — Анна Яковлевна Якобсон, урожденная Вольперт. После революции родители жили в Прибалтике, Германии, в Париже, позже — в США.

1901 — родился Сергей Осипович Якобсон, брат Романа Осиповича, который закончил Лазаревский институт, продолжал изучение истории в Гамбурге и Берлине, период с 1933 по 1940 г. провел в Великобритании, где читал лекции в Лондоне, Оксфорде, Кембридже, Ноттингеме и Кардиффе, с 1940 г. жил в США, работал в библиотеке Конгресса в Вашингтоне в качестве специалиста по истории России и Центральной и Восточной Европы и руководителя отделения славистики. Принимал участие в ряде международных конференций и опубликовал множество статей на исторические и политические темы.

1906 — поступает в первый класс Лазаревского института, директором которого в то время был Всеволод Федорович Миллер, знаменитый фольклорист, под чьим влиянием сформировался интерес Якобсона к московскому городскому фольклору.

1908—1910 — пишет стихи, используя выразительные средства современной поэтики — «Эпиграмма», «Воздушный замок. Фантазия», «Квартира холостяка. Подражание М. Горькому» и др.

1910 — выходит книга *Символизм* Андрея Белого, отрывки которой о стихе оказали влияние на Якобсона. Вдохновленный анализом пушкинского ямба, проведенным Белым, во время болезни гепати-

---

¹⁷⁶ Список работ Якобсона содержится в публикации *Roman Jakobson, A Complete Bibliography of his Writings*, compiled and edited by Stephen Rudy, Mouton de Gruyter, Berlin, New York 1990.

том работает над статистическим анализом поэм поэта XVIII века В. К. Третьяковского.

1911 — посещает вернисажи художественного объединения «Мир искусства», принимает участие в похоронах художника В. Серова, где впервые видит В. Маяковского.

1912 — под влиянием тогдашнего секретаря символистского журнала «Золотое руно» и — позже — переводчика футуристических манифестов Маринетти, Генриха Эдмундовича Тастевена, делает перевод сонета С. Малларме *Une dentelle s'abolit* под названием «Кружева истлевают». Посещает выставки группы художников-авангардистов «Бубновый валет», на концерте Рахманинова впервые встречает одного из основателей футуризма Давида Бурлюка.

1913 — посылает несколько своих стихотворений Алексею Елисеевичу Крученых с сопроводительным письмом, где объясняет, что его слово — не «самовитое» (как называли футуристы заумные выражения, освобожденные от конвенционного смысла), но сердце его замирает, разрывается от ориентации на лаконизм и ритмичность. Он обращает внимание Крученых на магические заклинания гностиков, призывает немилосердно разобраться с Маринетти, который жаждет свидания, и заканчивает письмо постскриптумом: «Если возможно, напечатайте в ближайшем сборнике 'Онанизм', хоть без заглавия!». Знакомится с художниками Казимиром Малевичем, Михаилом Ларионовым, Натальей Гончаровой и Павлом Филоновым. Узнает об исследованиях Эйнштейном теории относительности. Посещает выставки группы «Союз Молодежи», поэтические вечера Константина Бальмонта, кабаре «Бродячая собака» и др. В конце года знакомится с Велемиром Хлебниковым. Живет по адресу: Лубянский проезд, дом Стахеева, кв. 10.

1914 — под псевдонимом Роман Ялягров пишет стихи «Прощание слов», «Сколько рассыпал осколков» и др. Пишет В. Хлебникову письмо об экспериментах в поэтическом языке. Закончил престижный Лазаревский институт восточных языков (где редактировал журнал «Мысль ученика», в который помещал и собственные стихи и прозу) и поступил в Московский университет, где сблизился с фольклористом и — позже — семиотиком Петром Григорьевичем Богатыревым (в 1921 году они встретились в Праге, где тот прожил до 1940 г.). В те времена он был также лично знаком с Александром Родченко, Вар-

варой Степановой и другими представителями русского авангарда. После смерти лингвиста Филиппа Федоровича Фортунатова случайно получает принадлежавшую покойному статью Николая Крушевского об ассоциациях по сходству и смежности, которая стала основой его позднейших рассуждений об отношении метафоры и метонимии в языке и искусстве.

1915 — весной вместе с шестью другими студентами Историко-филологического факультета Московского университета основал Московский лингвистический кружок и был его председателем до 1920 г. Изучает труд Гуссерля *Logische Untersuchungen* (Логические исследования). Во время летних каникул в 1915 и 1916 гг. занимается диалектологическими и фольклорными полевыми исследованиями. В 1915 году получил премию имени Ф. И. Буслаева за работу «О языке Мезенских старин» (исследование языка северорусских былин). Слышал в Москве живое чтение былин в исполнении Марии Кривополеновой из Архангельской губернии. Вместе с Алексеем Кручных посетил Казимира Малевича на его даче в Кунцево. Знакомится с Михаилом Матюшиным. Публиковал свои футуристические стихи под псевдонимами Алягров или Ялягров. Его стихотворения вышли в книгах *Заумная гнига* (Москва 1915, датировано 1916) и *Заумники* (Петроград 1922). Позже он описал свои связи с футуристами в воспоминаниях, учтенных Бенгтом Янгфельдтом (Bengt Jangfeldt): «Якобсон-будлетянин», Стокгольм 1992; см. также «Поэзия русского футуризма», Санкт-Петербург 1999 и перевод на английский «Мои футуристические годы» (*My futurist Years*, translated by Stephen Rudy, New York 1997).

1916 — у Осипа Брика знакомится с Виктором Шкловским. Влюблен в Эльзу Каган (позже Триоле), младшую сестру Лили Брик, подруги Владимира Маяковского (в любовный треугольник с ними входил один из основателей формализма и друг Якобсона Осип Брик). Возникает ОПОЯЗ — общество изучения поэтического языка. К его основателям относятся Евгений Поливанов, Виктор Шкловский, Осип Брик, Роман Якобсон, Борис Эйхенбаум.

1917 — Густав Шпет обращает внимание Якобсона на дескриптивную философию языка Антона Марти (Anton Marty). В течение одного семестра он учится на историко-филологическом факультете Петроградского университета, становится членом Диалектологической комиссии Российской академии наук. Посещает лекции линг-

виста А. Шахматова. Знакомится с учением лингвиста Фердинанда де Соссюра при помощи Сергея Карцевского, который учился в Женеве, где работал Соссюр. Анализирует древнерусскую песнь Кириши Данилова «О Горе-Несчастье». Член конституционно-демократической партии (кадет).

1918 — закончил Московский университет и начал работать там же как научный сотрудник. Своими учителями считал прежде всего Н. Н. Дурново, А. А. Шахматова, В. Н. Щепкина и Д. Н. Ушакова. Переводит стихотворение Маяковского «Ничего не понимают» на старославянский язык. Летом в качестве члена Московской диалектологической комиссии принимает участие в заседании Народного комиссариата иностранных дел о границах между Россией и Украиной с лингвистической точки зрения. В связи с этим встречается с влиятельным представителем нового режима Владимиром Фриче и просит его, чтобы вместо гонорара он отправил за границу его родителей, которые вскоре после этого уезжают в Ригу. В их московской квартире позже он укрывал Виктора Шкловского, которого преследовали как эсера — после восстания эсеров в 1918 году. Летом становится секретарем «Литературно-издательской ассоциации художественного общества 'ИМО'» (искусство молодых), в коллегию которой входят О. Брик, В. Маяковский и В. Шкловский.

1919 — написал объемную работу «Новейшая русская поэзия», которая была задумана как введение к собранию сочинений Хлебникова (публикация не состоялась) и представил ее на первом после-революционном заседании Московского лингвистического кружка. В виде книги она вышла в Праге в 1921 году. Происходит сближение Петроградского ОПОЯЗа и Московского лингвистического кружка. Пишет статьи о футуризме и художественной пропаганде, сотрудничает с журналом «Искусство» (вышло 8 номеров). Знакомится с поэзией Бориса Пастернака, которого считает третьим после Хлебникова и Маяковского величайшим русским поэтом своего времени. Весной посещает родителей в Риге, где заболевает тифом. Осенью за уклонение от мобилизации на фронт Гражданской войны ему угрожает преследование как дезертиру. Партнер по покеру устраивает его секретарем Главного топливного комитета и тем самым спасает его.

1920 — становится профессором орфоэпии в Московской драматической школе. Читает лекции в ОПОЯЗе. Осип Брик начинает работать на советскую тайную полицию ЧК/ГПУ. Знакомый из Наркомата

иностранных дел предлагает ему место в первой советской миссии в Ревеле (Таллине) в Эстонии, куда он уезжает на несколько месяцев. После возвращения в Москву получает предложение отправиться в Прагу в качестве переводчика миссии Красного креста, задачей которой была репатриация австро-венгерских военнопленных и завязывание дипломатических отношений. На теплоходе из Таллина в Штеттин, по собственным воспоминаниям, читает поэзию Карела Гинека Махи. 10 июля приезжает в Прагу, в сентябре перестает работать в миссии. Изучает славянскую, прежде всего чешскую филологию в Карловом университете. Один из издателей «Курса общей лингвистики» Соссюра, Альбер Сеше (Albert Sechehaye), посылает ему эту книгу. Якобсон переводит на чешский стихи Хлебникова. Илья Эренбург знакомит его с одним из крупнейших чешских издателей, Отакаром Шторхом-Мариеном (Otakar Štorch-Marien), который позже издает книгу Якобсона *О чешском стихе (O českém verši, 1926)*. Уговаривает Эльзу Триоле переехать в Прагу.

1921 — выходят статьи о дадаизме («Дада» в «Вестнике театра») и «О реализме в искусстве» (O realismu v umění, «Červen»). Якобсон знакомится с поэтом Станиславом Косткой Нейманном, живет в Праге 7, ул. Бельского, 16. Предлагает поэту Ярославу Сейферту (позже — нобелевскому лауреату по литературе) перевести поэму Блока «Двенадцать». Знакомится и с остальными деятелями чешского авангарда. В Праге выходит монография *Новейшая русская поэзия* о поэзии Хлебникова. Якобсон цитирует в ней «Курс общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра. В журнале «Новый путь» (Рига) выходит (6 февраля) хвалебная рецензия с подписью «Л. К.» (Л. Кириллов было псевдонимом Г. О. Винокура, который сотрудничал с этим журналом). Также книгу рецензировало (11 сентября) литературное приложение к газете «Národní listy»; рецензии написали также Виктор Жирмунский, Борис Томашевский и Виктор Виноградов. Пишет статью «Влияние революции на русский язык» (Vliv revoluce na ruský jazyk). Выясняет подробности о возможности осесть в Болгарии — при помощи Николая Трубецкого, который отнесся к поиску места в Софии скептически и посоветовал Якобсону пока не возвращаться в Москву. По рекомендации советского наркома иностранных дел Г. В. Чичерина Якобсон становится сотрудником советской миссии.

1922 — женится на Софье Николаевне Фельдман (1899—1982), студентке-медицке, родившейся в Петербурге. Шкловский публику-

ет «Письмо Роману Якобсону», в котором призывает его вернуться в Советский Союз: «Лучше чинить свою дырявую крышу, чем жить под чужой». В Праге оседает и старший коллега и друг Якобсона языковед Сергей Карцевский. В Москве выходит сборник *Заумники* с его стихотворениями (под псевдонимом Алягров).

1923 — в Берлине выходит монография *О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским*. Сборники по теории поэтического языка общества ОПОЯЗ, Берлин—Москва. Эта монография считается соединением идей «пражской школы», которая вела к основанию Пражского лингвистического кружка, с русским формализмом. Фундаментальную рецензию опубликовал Н. С. Трубецкой (*Slavia* II, 1923—1924), с которым Якобсон сохранял письменную и личную связь до самой его смерти в 1938 (Трубецкой жил в Вене) и русский журнал «Печать и революция» (1923, № 5) — Г. Винокур. Рецензии выходят также в газете «Руль» (2 февраля), «Československá republika» (15 марта) и «Накануне» (15 апреля), позже «Трибуна» (26 апреля 1925). Чешскую версию (*O českém verši*, 1926) рецензировали журналы «Venkov» (12.VIII.26), «Národní listy» (4.VII.26), «Rozpravu Aventina» (май-июнь 1926), «České slovo» (30.V.1926), «Tribuna» (16.VI.26), «Právo lidu» (26.VIII.26). 26 июля в московском еженедельнике «Правда» выходит статья Л. Троцкого «Формальная школа поэзии и марксизм» с нападками на формализм. В июле встречается в Бад-Флинсберге с супругами Бриками и В. Маяковским.

1924 — изучает эпические формы чешской поэзии XIV века. Дружит (в течение всего времени пребывания в Чехословакии) с поэтами чешского авангарда из круга группы «Деветсил» (*Devětsil*), основанной в 1920 году, которая приняла его в почетные члены. Это были прежде всего поэты Витезслав Незвал (*Vítězslav Nezval*), Ярослав Сейферт (*Jaroslav Seifert*), Константин Библи (*Konstantin Biebl*), Йозеф Гора (*Josef Hora*), прозаик Владислав Ванчур (*Vladislav Vančura*), теоретик авангарда Карел Тейге (*Karel Teige*) и художник Йозеф Шима (*Josef Šíma*). Дружил также с Франтишеком Галасом (*František Halas*), Карелом Чапек (*Karel Čapek*), Иваном Ольбрахтом (*Ivan Olbracht*), философом Яном Благославом Козаком (*Jan Blahoslav Kozák*), с творческим костяком (*tvůrcí revuí*) Освобожденного театра (*Osvobozené divadlo*) Яном Верихом (*Jan Werich*) и Иржи Восковцем (*Jiří Voskovec*) и др. В 1924—1928 годах был в тесном контакте с лингвистом Николаем Николаевичем Дурново, который в то время жил в Чехословакии.

1925 — работает руководителем пресс-службы советского представительства в Праге. Посещает Берлин, где встречается с Виктором Максимовичем Жирмунским, который уговаривает его вернуться в СССР. Советскую интеллектуальную среду Якобсон описывает в корреспонденции словом «давление» («útlak»).

1926 — 6 октября был основан Пражский лингвистический кружок — свободное объединение сотрудников в области языкознания — первое собрание состоялось на лекции Генрика Бекера (Henrik Becker) «Der europäische Sprachgeist» (Европейский языковой дух) при участии хозяина Вилема Матезиуса (Vilém Mathesius), Богуслава Гавранека (Bohuslav Havránek), Романа Якобсона, Яна Рыпки (Jan Rypka) и Богумила Трнки (Bohumil Trnka). Позже Якобсон становится заместителем председателя кружка. Вступает в Парижское лингвистическое сообщество. В. Шкловский в своей книге *Третья фабрика* призывает его вернуться в СССР. В Праге выходят «Основы чешского стиха» (Základy českého verše). Среди многочисленных рецензентов — Ярослав Дурих (Jaroslav Duřich), с которым Якобсон стал переписываться и которого в своей корреспонденции назвал «одним из совершеннейших чешских поэтов» («za jednoho z nejdokonalejších českých básníků»).

1927 — выступает в Пражском лингвистическом кружке с лекцией на тему «O hláskoslovném zákonu a teleologickém hláskosloví» (О фонетическом законе и телеологической фонетике). Полемизирует с учением Ф. де Соссюра о диахронии. Национальная библиотека в Праге публикует его медиевистскую статью «Спор души с телом: Об опасном времени смерти» (Spor duše s tělem: O nebezpečném času smrti). В Прагу приезжает в гости Владимир Маяковский.

1928 — участие в Первом международном конгрессе лингвистов в Гааге, вместе с С. И. Карцевским и Н. С. Трубецким представляет тезисы изложения фонологических систем в их исторических изменениях. Виктор Шкловский и Юрий Тынянов пытаются склонить Якобсона к возвращению в СССР в связи с обновлением ОПОЯЗа и формального движения. В Прагу приезжает Григорий Осипович Винокур и выступает в Пражском лингвистическом кружке с лекцией на тему «Лингвистика и филология». Юрий Тынянов посещает Якобсона в Праге, и вместе они пишут статью «Проблемы изучения литературы и языка». В Праге встречается с Ильей Эренбургом.

1929 — в статье «Романтическое всеславянство — новая славистика» (*Romantické všeslovanství — nová slavistika*) характеризует основные черты структурализма. Выходит программный фонологический труд *Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves* (Заметки о фонологической эволюции в русском языке в сопоставлении с другими славянскими языками). Якобсон встречается в Праге с Владимиром Маяковским. В октябре в Праге принимает участие в Первом конгрессе славистов, также выходят шесть тезисов Пражской школы в первом томе *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* — Трудах Пражского лингвистического кружка. Становится членом Института славистики (*Slovanský ústav*), но на его избрание бросает тень консервативная газета «*Národní listy*» в связи с подозрением, что Якобсон находится в Чехословакии в качестве советского шпиона. Становится председателем восточнославянской секции (*Ostslavisches Referat*) журнала *Slavische Rundschau* (1929—1939), который выходил в Берлине. Становится одним из основателей и редактором (до 1939 г.) *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*. Публикует статью «Фольклор как особая форма творчества» (*Folklór jako zvláštní forma tvorby*), написанную совместно с Петром Богатыревым.

1930 — получает степень доктора философии Немецкого университета в Праге. Диссертация носит название «*Über Versbau der serbokroatischen Volksepen*» (О поэтике сербско-хорватского народного эпоса). Участие в Международном фонологическом конгрессе в Праге. Пишет статью «Масарик о языке» (чеш. — «*Jazykové problémy v Masarykově díle*», Проблема языка в творчестве Масарика). Назначение внештатным профессором русской филологии университета Масарика. 1 декабря Пражский лингвистический кружок на организационном заседании становится полноправным обществом (устав был официально одобрен в октябре). Членами-основателями кружка стали Б. Трнка, В. Матезиус, П. Богатырев, О. Гуйер (O. Hujer), Я. Мукаржовский, Й. Рыпка, В. Бубен (V. Buben), Ф. Оберпфальцер (F. Oberpfalcer), Фр. Слотти (Fr. Slotty), О. Фишер (O. Fischer), Л. Копецкий (L. Koreckij), Е. Риппл (E. Rippl), М. Вайнгарт (M. Weingart), Б. Гавранек (B. Havránek), В. Махек (V. Machek) и Г. Ружичич (G. Ružičić); в последующие годы в члены-основатели были включены также П. Буйнак (P. Vujnák) и Й. Курц (J. Kurz).

1931 — занимается фонологией, ритмом в прозе, стиховедением. Публикует статью «К характеристике евразийского языкового союза».

В конце двадцатых и начале тридцатых лет его прежде всего занимают идеи евразийства, телеологии, географических аспектов лингвистики, моделей преодоления дарвинизма и случайность языкового развития. В статье, написанной совместно с П. Г. Богатыревым, формулирует тезис о коллективной цензуре как основной предпосылке существования фольклорного произведения. В конце года переезжает в Брно (Ваврова, 67, позже Барвиче, 27). В Берлине выходит статья о самоубийстве Маяковского («О поколении, растратившем своих поэтов»), которую, по словам Якобсона, Осип Мандельштам назвал «библейскими словами» («biblická slova»), а Богатырев сказал о ней: «Ты никогда не напишешь ничего более сильного и глубокого!» (Nikdy nic silnějšího a hlubšího nenapíšeš!).

1932 — участие в Международном фонетическом конгрессе в Амстердаме. Пишет для Prager Presse статью «Musikwissenschaft und Linguistik» (Музыкальная наука и лингвистика). Публикует труд о русском глаголе «Zur Struktur des russischen Verbums» (О структуре русского глагола).

1933 — опубликовал статью «Úpadek filmu?» (Упадок кино?), мотивированную, кроме прочего, работой над киносценарием совместно с прозаиком Владиславом Ванчурой. Участие в Третьем международном лингвистическом конгрессе в Риме, прием у Муссолини. В начале 1930-х годов и особенно после прихода к власти в Германии НСДАП размышляет о возможном возвращении в СССР. Друзья в Чехословакии отговаривают его от возвращения. В учебном 1933/1934 году работал доцентом (*venia docendi*) по специальности «русская филология» в университете Масарика в Брно. Читает лекции о развитии и фонетическом составе литературного русского языка. В конце года в СССР начинается инсценированное госбезопасностью «дело славистов», которое привело к заключению ряда передовых ученых гуманитарных специальностей. В материалах процесса Якобсон именуется представителем реакционного формализма. Витезслав Незвал посвятил ему свой сборник стихов *Zpáteční lístek* (Обратный билет). Из позднейших изданий он исключил посвящение, равно как и стихотворение «Dopis Romanu Jakobsonovi» (Письмо Роману Якобсону).

1934—1937 — профессор университета Масарика в Брно, назначен вопреки протестам некоторых профессоров (Беер, Худоба, Ф. Новотный — декан философского факультета Университета Масарика до 1933 г., и др.) при поддержке своих последователей Франтишека

Травничека (декана философского факультета УМ с 1933 года) и Богуслава Гавранека. Читает курсы «Сравнительный анализ чешского и русского стиха», «Чешская средневековая поэзия» (формулирует тезис, согласно которому современная поэзия не опирается на средневековое вдохновение, потому что вторая половина XIX века «закрыла дорогу» к средневековью), «Введение в изучение русского языка», «Наброски сравнительной поэтики славянских языков», «Чешская литература раннего средневековья», «Русское склонение».

1935 — по его инициативе в Пражском лингвистическом кружке Эдмунд Гуссерль (Edmund Husserl) читает лекции о феноменологии языка. Пишет о метафорическом и метонимическом полюсах в творчестве В. Маяковского и Б. Пастернака (эти два языковых полюса определил в конце XIX века польский лингвист Николай Крушевский (Nikolaj Kruszewski)). Пастернак реагирует на присланную ему статью пространным письмом, которое не сохранилось. Разводится с Софьей Николаевной Фельдман (которая позже вышла замуж за Пауля Хааса (Paul Haas), погибшего во время холокоста) и тотчас же, 28 июля, в Консульском отделении Полномочного представительства СССР в Чехословакии заключает брак со Сватавой Йозефовной Пирковой (Svatava Josefovna Pírková (1908—2001)), которая принимает фамилию Якобсон-Пиркова (Jakobsonová-Pírková)); лето проводит в Болгарии. Пишет статьи «Геополитическая лингвистика», «Николай Яковлевич Марр» и «Лингвистика» для Научного энциклопедического словаря Отто (*Ottův slovník naučný*). С его предисловием в издательстве «Манес» выходит чешский перевод *Охранной грамоты (Glejt)* Пастернака, выполненный Сватавой Пирковой. Публикует Примечания к творчеству Эрбена («*Poznámky k dílu Erbenovu*»). Во второй половине 1930-х годов возникают наброски работ по фонологии на немецком и французском языках. Читает лекции в университете г. Брно о формальной школе и современном русском литературоведении.

1936 — участие в Четвертом международном лингвистическом конгрессе в Копенгагене. В учебном 1936/37 гг. читает лекции о русском склонении и современном русском литературном языке, в частности — о послереволюционных изменениях русского языка, влиянии сокращений и «революционных процессах в жизни языка» («*revolučních procesech v jazykovém životě*»). Находит огромные различия с языком до Первой мировой войны. Пишет о чешской готической поэзии.

1937 — публикует статью «Скульптура в символике Пушкина» (*Socha v symbolice Puškinově*). Совместно с Альфредом Людвиговичем Бемом редактирует для издательства «Мелантрих» (*Melantrich*) четырехтомный сборник избранных переводов Пушкина. Сотрудничает с Отокарсом Фишером (театральным деятелем, поэтом, критиком и переводчиком, с 1933 — деканом Философского факультета Карлова университета) над переводом и постановкой пушкинского *Бориса Годунова*. Решением от 14 августа указом президента республики Якобсон назначен внештатным профессором русской филологии философского факультета университета Масарика в Брно (проработал там до 1939 г., также как руководитель Славянского семинара — *Slovanský seminář*). Летом в качестве «приглашенного профессора» в Софийском университете читает лекции о кирилло-мефодиевской традиции в истории чешской культуры. 21 октября получает чехословацкое гражданство и одновременно с ним его получает его супруга «Сватавы Йозефа Анна, урожденная Пиркова, род. 19 марта 1908 в Вене» («*Svatava Josefa Anna rozená Pirková, nar. 19. března 1908 ve Vídni*»). Пишет несколько статей о Пушкине.

1938 — по собственным словам, ощущает «лихорадочный прилив новых идей», дважды посещает в Вене князя Николая Трубецкого, близкого друга и коллегу, в особенности в области фонологии. Участвует в сборнике *Torso a tajemství Máchova díla: Sborník pojednání Pražského lingvistického kroužku* (Остов и тайна творчества Махи: сборник рассуждений Пражского лингвистического кружка). Полемизирует в журнале «Слово и словесность» (*Slovo a slovesnost*) с брошюрой К. Биттнера *Deutsche und Tschechen. Eine Erwiderung* (Немцы и чехи: несогласие). Публикует статью «Русские путешествия в будущее» (*Ruské výpravy do budoucna*) о литературных предсказаниях революции. На нападки левого поэта С. К. Нейманна за антисоветскую позицию отвечает обращением в суд и выигрывает дело. Участие в Третьем международном фонетическом конгрессе в Генте. Становится членом Постоянного международного комитета по фонетике (*Stálý mezinárodní výbor pro fonetické vědy*). Использует псевдоним Кнуд Янсен (*Knud Jansen*). В июле умирает Н. Трубецкой. 17 октября по юлианскому календарю Православно-Старокатолический приход Святой Марии Магдалины в Праге выдает свидетельство о том, что Р. О. Я. был окрещен по обряду Святой восточной православной церкви. Его крестным становится Петр Николаевич Савицкий. Позже Якобсон в рубрике «вероисповедание» указывает: «православный».

1939 — в 1939—1940 гг. возникают наброски проектов фонологического атласа, или фонологической географии мира. Публикует в Женеве статью о нулевом знаке. Использует псевдоним Олаф Янсен (Olaf Jansen). Пишет статью «Собака Калин царь» (Sobaka Kalin car), которую посвящает памяти Всеволода Федоровича Миллера, и «Чешская роль в церковнославянской культуре» (Český podíl na církevněslovenské kultuře). Просит о снятии с должности заместителя председателя Пражского лингвистического кружка. После нацистской оккупации Чехословакии уезжает из Брно (официально — в отпуск на неопределенный срок), скрывается в Праге и ждет иммиграционной визы. В его брненской квартире происходит обыск. Студенты Университета г. Брно издают брошюру «Роману Якобсону — привет и благодарность». 21 апреля приезжает через Берлин в Данию по приглашению о чтении лекций как приглашенный профессор Копенгагенского университета. Становится членом Копенгагенского лингвистического кружка и одним из редакторов копенгагенских Acta Linguistica. Сотрудничает с лингвистом Луи Ельмслевом (Louis Hjelmslev). 1 сентября, в первый день Второй мировой войны, приезжает в Норвегию и становится приглашенным профессором Университета в Осло. Сближается с Альфом Соммерфельтом (Alf Sommerfelt). Совместно с семиотиком Харрисом Биркеландом (Harris Birkeland) работает над фонологическими исследованиями размера библейских псалмов.

1940 — в связи с угрозой нацистских бомбардировок Осло в апреле бежит без документов на север и позже в Швецию, его задерживают на границе и подвергают проверке. После этого становится приглашенным профессором университета в Уппсале и членом Норвежской академии наук, получает норвежское гражданство. После начала войны во Франции был арестован его младший брат Михаил, который позже погиб при неизвестных обстоятельствах.

1941 — выходит работа *Kindersprache, Aphasie and allgemeine Lautgesetze* (Детская речь, афазия и всеобщие звуковые законы). Якобсон систематически занимается вопросами языковой патологии. 4 июня приезжает в Нью-Йорк. Среди 18 пассажиров грузового судна Remmaren, идущего из Гетеборга, был также философ Эрнст Кассирер (Ernst Cassirer), с которым он живо дискутировал в течение всех двух недель плавания. Живет на Манхэттене по адресу 205 W 88th Street. Становится членом Американского лингвистического сообщества (Linguistic Society of America) и Женевского лингвистического сооб-

щества (Société genevoise de Linguistique). Дружит с польскими поэтами Юлианом Тувимом (Julian Tuwim), с которым был знаком еще по Праге, Йозефом Виттлином (Józef Wittlin) и Казимежем Верчиньским (Kazimierz Wierciński).

1942 — работает в Faculté des Lettres. École Libre des hautes Études, New York, профессором общей лингвистики, а в Институте восточной и славянской филологии и истории (Institut de Philologie et d'Histoire Orientale et Slave) профессором славянской филологии (1942—1946). Знакомится с Клодом Леви-Строссом (Claude Lévi-Strauss), его коллегами становятся также Жак Маритен (Jacques Maritain), Александр Куаре (Alexandre Kouyé) и другие беженцы из Европы. Читает лекции по фонологии, византийских влияниях в ранней чешской поэзии, общей лингвистике, «Слову о полку Игореве», языке французской и русской революции и др. Одновременно работал для Публичной библиотеки (Public Library) над упорядочиванием коллекции памятников алеутской культуры. Член Ассоциации свободных французов в Соединенных Штатах (Association des Françaises Libres; Association of the Free French in the United States). Сотрудничает с чешским ежедневником New-Yorské Listy.

1943 — в Нью-Йорке выходит книга *Moudrost starých Čechů* (Мудрость древних чехов). Вместе с евангелическим священником Й. Л. Громадкой (J. L. Hromádka), главным редактором газеты New Yorské listy Станиславом Будином (Stanislav Budín) и актером Иржи Восковцем (Jiří Voskovec) участвует в общественной дискуссии о романе Эгона Гостовского (Egon Hostovský) *Sedmkrát v hlavní úloze* (Семь раз в главной роли), который резко критикует за недостаточно прогрессивное изображение чешского интеллектуала, сотрудничающего с нацизмом. Выступает с обращением к 17 ноября — дню памяти чешских студентов, преследованных в 1939 г. в связи с закрытием чешских высших учебных заведений нацистскими учреждениями. Начинает работать в качестве приглашенного профессора лингвистики в Колумбийском университете (Columbia University); занимает это место до 1946 г.

1944 — член-основатель Лингвистического кружка в Нью-Йорке и его журнала Word. Организовал цикл публичных лекций «Чешский вклад в мировую культуру». Вел семинар «Великая Моравия, ее история и письменность (чтение и анализ незнакомых источников)». В двух циклах лекций объединил результаты своего исследования о

чешском языке средневековых пражских евреев. Продолжает работу в Публичной Библиотеке — описание и анализ камчадальских и эскимосских рукописных материалов. Публикует статьи о «Слове о полку Игореве». Назначен приглашенным профессором сравнительного языкознания в Колумбийском университете.

1945 — публикует статью о русской волшебной сказке и статью о национальном возрождении в Европе (в журнале *The Review of Politics*). Начинается его переписка с друзьями и учреждениями в Чехословакии относительно возвращения в Брненский университет. Эти переговоры, в которых чехословацкая сторона всячески старалась пойти ему навстречу и проявляла интерес к его дальнейшей работе, длились до 1951 г. Возможно, что до 1948 г. Якобсон не без оснований считал, что его арестуют советские агенты (возможно, что среди прочих его предупреждал Илья Эренбург), а после 1948 г. опасался нового сталинистского режима.

1946 — работает на новоорганизованной кафедре богемистики им. Масарика в Колумбийском университете (*Thomas G. Masaryk Professor of Czechoslovak Studies*), где проработал до 1949 г. Выступает с торжественной речью о Т. Г. Масарике. Занимается «Словом о полку Игореве», над анализом которого работает уже с начала 40-х гг. Якобсон был ярким сторонником версии о подлинности этого спорного памятника письменности. Выступает на эту тему в Американско-Российской культурной ассоциации (*American Russian Cultural Association*). Пишет речь о главном редакторе *Prager Presse* Арне Лорене (*Arne Laurin*).

1947 — получает французский орден Почетного Легиона. Будучи руководителем (кафедры) славистики в Колумбийском университете, во время своего посещения Чехословакии добивается повышения дотаций для кафедры им. Масарика почти в два раза.

1948 — 19 января министр образования и просвещения подписал проект постановления Правительства Чехословацкой республики о назначении Якобсона штатным профессором университета Масарика. Ян Мукаржовский прекращает с ним все отношения. Летом Колумбийский университет подвергается критике за то, что принял от правительств Польши и Чехословакии финансовые дары на поддержку кафедр *Adam Mickiewicz Chair of Polish Philology* и *Thomas G. Masaryk Chair of Czechoslovak Studies*. Одновременно в печати появляются об-

винения в том, что некоторые сотрудники университета, в т. ч. Якобсон, симпатизируют коммунизму. Студенты в своем письме указывают, что кафедре Масарика финансирует правительство Готвальда, которое сохранило для Якобсона место в Брненском университете. Согласно этому документу, Якобсон сотрудничает с коммунистическим Институтом славистики и защищает просоветскую позицию в своих работах «Мудрость древних чехов» и «Слово о полку Игореве». Якобсон пишет заявление, что коммунизм закрыл ему двери сначала на родину, а потом в Чехословакию, с которой у него в течение нескольких десятков лет сформировались тесные связи. Поэтому никто не может утверждать, что он не осознавал опасности, вытекающей из экспансии этого типа тоталитаризма. Публикует несколько работ о «Слове о полку Игореве». В декабре на проселочной дороге неподалеку от Нью-Йорка его сбил автомобиль и сломал ему обе ноги. Более месяца Якобсон проводит в больнице.

1949 — публикует несколько работ об исторической фонологии. Назначен профессором славянских языков и литератур и общей лингвистики (Samuel Hazzard Cross Professor of Slavic Languages and Literatures and of General Linguistics) в Гарвардском университете (Harvard University), где работает до 1967 г. Переезжает с 404 W 116th Street, New York на 20-A Prescott Street, Cambridge 38, Mass. Становится членом-корреспондентом Финно-угорского общества в Хельсинки (Société Finnougrienne, Helsinki), Датской королевской академии наук, членом Американской академии наук и искусств (The American Academy of Arts and Sciences), Академии медиевистов Америки (Medieval Academy of America). В СССР считается представителем формализма, «наиболее реакционного буржуазного направления», которое должно было в эпоху НЭПа повлиять на советскую интеллигенцию. Характерным в этом смысле назван его переезд в США, в гнездо мирового агрессора.

1950 — назначен почетным членом Международной фонетической ассоциации (International Phonetic Association) в Лондоне, почетным членом Общества исследования мифологии (Société d'Études mythologiques) в Брюсселе и членом Американского акустического общества (American Acoustical Society). Проходит проверку в связи с опасениями перед агентами коммунизма во время т. н. маккартизма. Выступление в его поддержку подписывают Петр Зенкл (Petr Zenkl), бывший председатель национально-социалистической партии, в то

время — председатель Комитета свободной Чехословакии (Council of Free Czechoslovakia) и Губерт Рипка (Hubert Ripka), бывший министр внешней торговли, член того же комитета. Оба подписанта указывают на доверие, которым Якобсон пользовался у Т. Г. Масарика, Яна Масарика, Эдварда Бенеша, ректора Масарикова университета Арне Новака (Arne Novák), министра иностранных дел Камила Крофты (Kamil Krofta) и других представителей демократической Чехословакии, и пишут об опасности, которая грозит Якобсону со стороны коммунистической власти в случае его возвращения в Чехословакию после войны. За Якобсона лично вступается генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр, президент Колумбийского университета и будущий президент США. Якобсон читает лекции на тему «Звук и значение» в различных американских университетах.

1951 — читает лекции о взаимоотношениях психологии, лингвистики и акустики в психоакустической лаборатории Гарварда и в акустической лаборатории Массачусетского технологического института (М.И.Т.), занимается звуковым анализом языка, преимущественно совместно со шведским акустиком Гуннаром Фантом и гарвардским лингвистом Моррисом Халле. Становится членом Акустического общества Америки (Acoustical Society of America). Чехословацкое министерство образования, науки и искусства увольняет его с должности в университете Масарика в Брно.

1952 — публикация статьи «Preliminaries to Speech Analysis» (Предпосылки анализа речи), совместно с Г. Фантом и М. Халле. В течение 1950-х гг. Якобсон занят исследованиями связи структурной лингвистики и теории коммуникации, прежде всего в связи с книгой Норберта Винера *Cybernetics* (Кибернетика) и дальнейшей разработкой этой теории, в которой принимали участие Клод Э. Шеннон и Уоррен Уивер. Получает американское гражданство. Становится заместителем председателя Международной организации современных славянских языков и литератур в Париже.

1953 — опубликовал труд по иудаике «The Sound pattern of Yidish Compared with the Slavic Environment» (Звуковая структура языка идиш в сравнении со славянской средой); Symposium in Honor of J. Joffe, New York. Написал предисловие к книге М. Соучковой (M. Součková: *A Literature in Crisis: Czech Literature 1938—1950* (Литература во время кризиса. Чешская литература 1938—1950)). Становится редактором журнала *Slavic Word*.

1954 — при завершении трехлетнего проекта, ориентированного на описание и изучение современного русского языка, получает грант фонда Рокфеллера на дальнейшие три года работы. Читает лекции в Saint Vladimir's Theological Seminary (Теологическая семинария Св. Владимира) о трудах святых Кирилла и Мефодия.

1955 — выходит работа «Aphasia as a linguistic Problem» (Афазия как лингвистическая проблема). Принимает участие в Третьем международном конгрессе славистов в Белграде. Избран членом Сербской академии наук. Читает лекции в университетах в Загребе (Хорватия), в Любляне (Словения) и в Амстердаме (Нидерланды). Стал членом Международного комитета славистов.

1956 — выходит книга *Fundamentals of Language* (Основы языка, соавтор М. Халле) и статья «Two Aspects of Language and Two Types of Aphasia Disturbances» (Два аспекта языка и два типа афатических нарушений). Становится председателем Американского лингвистического общества, членом редколлегии журнала *Studia Phonetica* и редактором журнала *Studies and Communication*. Его брат Сергей сообщает ему в письме, что возмущен (enraged) сообщением в *The Washington Post* и *New York Herald Tribune* о приглашении Р. Я. в Москву. Сергей выражает надежду, что его брат не будет настолько слеп, чтобы стать инструментом московских гангстеров и жертвой советской пропаганды и что не опозорит себя (disgrace), приняв приглашение. Принимает участие в Международной конференции славистов в Белграде, посещает также Любляну. В качестве представителя американской славистики в Москве, вопреки неудовольствию американских коллег, друзей и родных, принимает участие в первой встрече международного комитета славистов, в Москве, куда он приехал спустя 36 лет, прочитал три лекции, впервые спустя почти 30 лет встретился с Виктором Шкловским и спустя более чем 30 лет с Алексеем Крученых. Полемика и споры со Шкловским переросли позже во вражду, которая длилась до смерти. В честь 60-летнего юбилея выходит книга (с библиографией) *For Roman Jakobson. On the Occasion of His Sixtieth Birthday*, The Hague 1956 (Роману Якобсону. В честь шестидесятилетия).

1957 — выходит статья «Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb» (Шифтеры, глагольные категории и русский глагол); (автором понятия «shifter» был датский лингвист Отто Есперсен (Otto Jespersen)). Становится преподавателем (Institute Professor) Массачусетского Технологического Института (М.И.Т.) и членом редакци-

онного совета журнала *Information and Control*. Принимает участие в Восьмом международном лингвистическом конгрессе в Осло. В сентябре впервые (с 1939 г.) приезжает в Прагу, где принимает участие в Международной конференции по жизни и творчеству Я. А. Коменского. Также выступает с лекциями в Чехословацкой академии наук о еврейских рукописях XI—XIII вв., в Брно (о чешском влиянии на русскую литературу в раннем средневековье), в Оломоуце (о принципах структурного анализа) и в Братиславе (об американской славистике). Выступал на конференциях в Варшаве, Познани, Стокгольме. В М.И.Т. участвует в дискуссии с Нильсом Бором о взаимоотношениях физики и лингвистики. Переписка 1957 года подтверждает отрицательное отношение к бойкоту Четвертого съезда славистов в Москве после советской оккупации Венгрии. В СССР начинается волна публикаций — реакция на статью «К поздней лирике Маяковского» (1956).

1958 — принимает участие в Конференции о поэтическом языке в университете Индианы (*Indiana University*). Осень проводит в Европе: принимает участие в Четвертом международном съезде славистов в Москве, посещает Венгрию, выступает с лекциями в Бухаресте, Софии, Берлине. В Польше принимает участие в конференции «О теории литературы». В газете *Rudé Právo* выходит статья В. Штепанека «Где заканчиваются научные контакты» (*V. Štěpánek, Kde už nejde o vědecké styky*), которая описывает Якобсона как американского агента, который «уже давно положил свои способности и познания на службу борьбе против применения научного социализма в области науки и искусства» («*již dávno dal své schopnosti a vědomosti do služeb boje proti uplatňování vědeckého socialismu v oblasti vědy a umění*»). Якобсон жалуется на статью в Президиум Чехословацкой академии наук и требует опровержения клеветы.

1959 — публикует статью о лингвистических аспектах перевода, переведенную на более чем десять языков. Получив соответствующую стипендию, весенний семестр проводит в Стэнфорде (*Stanford*). Принимает участие в международном симпозиуме («*Zeichen und System der Sprache*») (Знаки и система языка) в Эрфурте. Читает лекции в Варшаве, Кракове, Познани и в университетах Калифорнии. Становится редактором-основателем журнала *The International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Избран членом Польской академии наук. Выходит полемическая рецензия на книгу Шкловского *За и против*, посвященная анализу поэзии В. Маяковского. В Праге выходят мемуа-

ры Витезслава Незвала *Z mého života* (Из моей жизни), автор которых вспоминает о дружбе с Якобсоном в 20—30-х гг.

1960 — выходит статья «Why ‘Mama’ and why ‘Papa’?» (Почему «мама» и почему «папа»?) и статья «Linguistics and Poetics» (Лингвистика и поэтика). Получает стипендию в Стэнфорде, в Центре продвинутых исследований в области наук о поведении (Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences), получает почетную докторскую степень Кембриджского университета (Cambridge University). Принимает участие в Варшавской международной конференции о поэтике. Избран иностранным членом Королевской нидерландской академии наук.

1961 — публикует статью «Linguistics and the Theory of Communication» (Лингвистика и теория коммуникации) и статью «Поэзия грамматики и грамматика поэзии». Получает почетную докторскую степень университетов Чикаго и Осло (University of Chicago, Oslo University). Становится почетным членом Королевской ирландской академии, принимает участие в Четвертом фонетическом конгрессе в Хельсинки и в Двенадцатом международном конгрессе по византистике в Охриде. Читает лекции в Варшаве и Лодзи.

1962 — выходит первый том избранного собрания сочинений (*Selected Writings*) — к настоящему моменту вышло 8 томов. Публикует написанную совместно с Клодом Леви-Строссом статью «“Le Chats” de Charles Baudelaire» («Кошки» Шарля Бодлера). Принимает участие в Девятом международном лингвистическом конгрессе в Кембридже, Массачусетс. Посещает Москву в связи со встречей международного комитета славистов. Становится членом Мужского клуба Еврейского дома престарелых (Men’s Club of the Hebrew Home for the Aged). Разводится со Сватавой Пирковой и спустя пятнадцать дней женится на Кристине Поморской (Krystyna Pomorska, 1928—1986), лингвисте польского происхождения.

1963 — выходит статья «Implications of Language Universals for Linguistics» (Использование языковых универсалий в лингвистике). Получает почетную докторскую степень университета в Упсале и Мичиганском университете (Michigan University). Принимает участие в Пятом международном съезде славистов в Софии. Читает лекции о фонологии и поэтике в Бухаресте, об афазии в Будапеште и Варшаве, о Бертольде Брехте в Берлине.

1964 — ведет (совместно с Ф. Дворником (F. Dvornik)) симпозиум о миссии Кирилла и Мефодия в Центре византистики Думбартон-Оакс, Вашингтон (The Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, Washington, D.C.). Выходит статья «On Visual and Auditory Signs» (О визуальных и звуковых знаках). Принимает участие в конгрессе по антропологии и этнологии в Москве, посещает Ленинград, принимает участие в стиховедческой конференции в Варшаве, панельной дискуссии ЮНЕСКО в Париже, читает лекции в Лингвистическом кружке в Копенгагене, в Стокгольме и в Упсале. В Бостоне принимает участие в международной конференции об армянском языке.

1965 — публикует статью «Der grammatische Bau des Gedichts von V. Brecht "Wir sind sie?"» (Грамматическое построение стихотворения Б. Брехта «Кто они?»). Становится консультантом Департамента общественных наук (Department of Social Sciences) ЮНЕСКО. Выступает с лекциями в Брюсселе, Белграде, Риме, Болонье и во Флоренции, принимает участие в заседании славянского комитета в Вене, семиотическом симпозиуме в Варшаве. Получает звание почетного профессора в Гарварде.

1966 — выходит статья «Quest for the Essence of Language» (В поисках сущности языка) и статья «Grammatical Parallelism and Its Russian Facet». Получает почетную докторскую степень университетов в Нью-Мехико, Гренобле, Ницце. Становится почетным членом Чехословацкого научного и художественного общества (Československá společnost pro vědy a umění; Czechoslovak Society of Arts and Sciences). Посещает Ленинград и Москву, где принимает участие в Девятом международном психологическом конгрессе. Знакомится с рукописями юного Н. С. Трубецкого в Отделе рукописей Библиотеки им. Ленина (Москва). Принимает участие в лингвистическом семинаре в Ленинграде. Посещает Тарту, встречается с представителями тартуской семиотической школы во время летней конференции по знаковым системам. Посещает Грузию (с лекциями в Тбилисском университете) и принимает участие в коллоквиуме по семиотике в Польской академии наук в Казимеже. Читает лекции в Италии. К его семидесятилетию Ладислав Новомеский (Ladislav Novomeský), наряду с Владимиром Клементисом (Vladimír Clementis) один из его ближайших словацких друзей, публикует торжественную статью «S avantgardou a v avantgardě» (С авангардом и в авангарде).

1967 — Публикует статью «Znaczenie Kruszewskiego w rozwoju językoznawstwa ogólnego» (Роль Крушевского в развитии общего языкознания). Работает как приглашенный профессор в Йельском университете (Yale University). Получает почетную докторскую степень университета в Риме и Йельского университета. Посещает Японию, назначен почетным президентом Токийского института языковых исследований (Tokyo Institute for Advanced Studies of Language). Посещает Москву, Варшаву, Загреб, Дубровник, Бухарест и Париж. Получил награду «Golden Key of the National Slavic Honor Society» (Золотой ключ Национального почетного общества славистики). Выходит публикация *To Honor Roman Jakobson* (В честь Романа Якобсона) с библиографией его трудов. Становится консультантом Исследовательской лаборатории электроники в МИТ (Research Laboratory of Electronics), где работает до 1978. В Праге выходит книга вдовы Владислава Ванчуры *Dvacet šest krásných let* (Двадцать шесть прекрасных лет), содержащая воспоминания о дружбе Ванчуры и Якобсона в межвоенный период.

1968 — выпускает (совместно с М. Халле) работу «Phonology in relation to Phonetics» (Фонология по отношению к фонетике). Выступает с лекцией в Карловом университете на Шестом международном съезде славистов о сравнительной индоевропейской мифологии в свете славистики. В Институте чешского языка Чехословацкой академии наук выступает с лекцией о Пражской лингвистической школе и современной лингвистике, в Институте чешской литературы Чехословацкой академии наук выступает с лекцией о чешском литературном авангарде в межвоенный период. Получает (13 августа) почетную докторскую степень Карлова университета, Университета Э. Пуркине в Брно и медаль Словацкой академии наук (21 августа). Посещает и исследует археологические находки в Микулчицах в Моравии. Выступает с двумя лекциями в Словакии. По запискам, адресам и номерам телефона можно определить, с кем Якобсон в Европе встречался и кого искал: К. Леви-Стросс, Эльза Триоле, Эмиль Бенвенист (Emile Benveniste), Филипп Соллерс (Philippe Sollers), Умберто Эко (Umberto Eco), Витторио Страда (Vittorio Strada), Анжело Мария Рипеллино (Angelo Maria Ripellino), А. В. Соловьев, Франтишек Данеш (František Daneš), Любомир Долежел (Lubomír Doležel), Любомир Дюрович (Lubomír Ďurovič), Вратислав Эффенбергер (Vratislav Effenberger), Карел Горалек (Karel Horálek), Йозеф Грабак (Josef Hrabák), Иржи Крамский (Jiří Krámský), В. Ф. Мареш (V. F. Mareš),

Эуген Паулини (Eugen Pauliny), Карел Петрачек (Karel Petráček), В. Скаличка (V. Skalička), Богумил Фантыс (Bohumil Fantys), Павел Трост (Pavel Trost), Йозеф Вахек (Josef Vachek), Фелицитас Вюншова (Felicitas Wünschová), Индржих Халупецкий (Jindřich Chalupecký), Йозеф Филипец (Josef Filipes), В. Морковин (V. Morkovin), Михал Мареш (Michal Mareš), Милан Ромпортл (Milan Romportl), Яна Ондрачкова (Jana Ondráčková), Франтишек Свейковский (František Svejkovský), Зденек Матхаузер (Zdeněk Mathauser), Мирослав Червенка (Miroslav Červenka), Дагмар Кобзова (Dagmar Kobzová), Ладислав Новак (Ladislav Novák), Й. Л. Фукс (J. L. Fuchs), Марие Мадлова (Marie Mádlová), Павел Бенеш (Pavel Beneš), Йозеф Ирасек (Josef Jirásek), Иржи Валох (Jiří Valoch), Иво Осолсобье (Ivo Osolsobě), Олег Сус (Oleg Sus), Абел Крал (Ábel Král), Шимон Ондруш (Šimon Ondruš), С. Волльман (S. Wollman), Л. Новомеский (L. Novomeský), Йозеф Ружичка (Jozef Růžička), С. Хаасова (S. Haasová). Едет в Бразилию, где читает лекции в университете в Сан-Паулу (Sao Paulo) и Рио-де-Жанейро. Работает как приглашенный профессор в Принстонском университете (Princeton University).

1969 — в Праге выходит книга статей *Slovesné umění a umělecké slovo* (Словесное искусство и художественное слово), тираж которой уничтожен по приказу цензуры. Становится заместителем председателя Международной семиотической ассоциации (International Semiotic Association). Получает почетную докторскую степень Загребского университета. Работает приглашенным профессором в Браунском университете (Brown University). Работает приглашенным исследователем в The Salk Institute for biological Studies. В сентябре принимает участие в конференции о Константине Философе в Праге, а также читает лекции в Карловом университете. В зимнем семестре в качестве приглашенного профессора пребывает в Университете Брандейс (Brandeis University).

1970 — выходит статья «Subliminal Verbal Patterning in Poetry» (Подсознательные глагольные модели в поэзии). Становится заместителем председателя Международного общества по фонетическим исследованиям (International Society of Phonetic Sciences). Получает почетную докторскую степень Университета штата Огайо (Ohio State University). В качестве приглашенного профессора работает в Браунском университете. Выступает с лекциями в нескольких итальянских университетах.

1971 — выходит статья «The Dominant» (Доминанта), переведенная с чешской рукописи лекций «О русском формализме и современном русском литературоведении» (Brno 1935). Работает как приглашенный профессор в Йельском университете (Yale University). Становится членом Академии наук Болонского института (Accademia delle Scienze dell'Istituto di Bologna). Принимает участие в конференциях в Риме и Оахтепеке (Оахтерес, Мексика), заседании Комитета славистики в Варшаве и Париже.

1972 — выходит его синтетический обзор «Verbal Communication» (Языковая коммуникация; Jazyková komunikace). Становится почетным членом Королевского литературно-гуманитарного общества в Лунде (Regia Societas Humaniorum Litterarum Lundensis) и Итальянской ассоциации семиотических исследований (Associazione Italiana di Studi Semiotica). Получает почетную докторскую степень Католического университета в Лувене, где пребывает в качестве приглашенного профессора. Дает интервью голландскому телевидению о семиотике, лингвистике и поэтике, а бельгийскому радио — о русском формализме и пражском структурализме. Гостит в Венгерской и Болгарской академиях наук, посещает Португалию (Instituto de Alta Cultura) и Францию (Collège de France).

1973 — публикует статью о романе Солженицына *Август Четырнадцатого*. Пребывает в качестве приглашенного профессора в Нью-Йоркском университете (New York University), становится почетным членом Сицилийского семиотического кружка (Circolo Semilogico Siciliano) и фонетического общества Японии. Принимает участие в седьмом международном конгрессе славистов в Варшаве.

1974 — становится почетным членом королевского антропологического института Великобритании и Ирландии (Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland). Посещает с лекциями Испанию, Италию (конгресс Международной ассоциации семиотических исследований), Швейцарию (Университет Цюриха). Записывает для цюрихского радио четыре лекции на тему «Der Lebensweg eines Sprachforschers» (Жизненный путь исследователя языка). Во время путешествия по Европе госпитализирован с болями в сердце во Франции и позже в Массачусетский госпиталь. Выступает в Гарвардском филологическом клубе (Harvard Philological Club) на тему «Московский университет в мои студенческие годы».

1975 — начинает работать над рукописью статьи «A Glance at the Development of Semiotics» (Взгляд на развитие семиотики). Получает почетную докторскую степень Гарвардского университета и университета в Тель-Авиве, где также читает лекции, и награду Johns Hopkins University Centennial Scholar (к столетию университета Джонса Хопкинса). Выступает с лекциями в Оксфорде, Билефельде (Bielefeld), Кельне и в Дюссельдорфе. Выходит книга *Six leçons sur le son et le sens* (Шесть уроков о звуке и его смысле) и переписка Якобсона с Н. С. Трубецким. Американский комитет славистов оказывается в кризисе после давления представителей молодого поколения, которые отвергают пожизненное членство в Международном комитете славистики. Якобсон отказывается от членства в обеих организациях в 1976 г.

1976 — выступает в Йельском университете с лекцией «N. Trubetzkoy: Then and Now» (Н. Трубецкой: тогда и сейчас), в которой подытоживает научное развитие Трубецкого, в частности, телеологическую концепцию 30-х гг., когда оба ученых, как показывает корреспонденция, искали модель преодоления теории случайности языкового развития и подход, объединяющий синхронию и диахронию. Также читает лекции на тему «Remarks on Structuralism» (Заметки о структурализме) в Католическом американском университете (The Catholic University of America). Пишет предисловие к воспоминаниям Малевича, которые издал в Стокгольме Николай Харджиев (Nikolaj Chardžijev). Публикует труд о шизофрении и поэтическом языке «Ein Blick auf Die Aussicht von Hölderlin» (Взгляд с точки зрения Гёльдерлина). Работает в качестве приглашенного профессора в Бергенском университете (Bergen University), получает почетную докторскую степень Колумбийского университета и президентскую награду к 200-летию Бостонского колледжа. Посещает с лекциями Скандинавию — Лунд, Стокгольм и Осло. Пишет вместе с Линдой Р. Во (Linda R. Waugh) работу «The Sound Shape of Language» (Звуковая форма языка). К его восьмидесятилетию выходит сборник работ *Echoes of his Scholarship* (Отклики его научной работы).

1977 — после смерти Яна Мукаржовского (1975) готовит объемную рецензию на его работы, вышедшие на английском. Собирает материал, в т. ч. статью «Ke kritice strukturalismu v naší literární vědě», *Tvorba* 1951, č. 40 (К критике структурализма в нашем литературоведении), в которой Мукаржовский отказывается от собственных

мнений и принципов, и заявления Ганы Мукаржовской (дочери ученого), которая протестовала против предисловий Уэллека (R. Wellek) и Р. Штайнера (P. Steiner), которые не совпадали с официальным чехословацким портретом идейного развития и мнений Мукаржовского. Становится почетным членом Общества Марка Твена (Mark Twain Society, Kirkwood, Missouri) и иностранным членом гуманитарной секции Финского научного общества (Societas Scientiarum Fennica, Helsinki). Выступает в Бостонском клубе Масарика (Masaryk Club of Boston) со своими воспоминаниями о Т. Г. Масарике. Вместе с шведским славистом В. Янгфельдтом подготавливает книгу воспоминаний о русском авангарде.

1978 — публикует статью «К лингвистической проблематике сознания и бессознательного». Становится почетным членом Нью-Йоркской академии наук (New York Academy of Sciences). Выступает с лекциями в Мюнхене (в университете и в Баварской академии наук) и в Париже — «Tribute to Professor Claude Lévi-Strauss» (В честь профессора К. Леви-Стросса). Редактирует окончательную французскую и английскую версию своей работы «Взгляд на развитие семиотики».

1979 — получает почетную докторскую степень университетов Копенгагена и Льежа и становится почетным членом Семиотического кружка в Торонто (Toronto Semiotic Circle). Читает лекцию о бессознательных языковых факторах в Иерусалиме «Einstein and the Science of Language» (Эйнштейн и наука о языке), Копенгагене «Forty Years of Distinctive Features» (40 лет различительных элементов), Москве «Some Urgent Linguistic Tasks» (Несколько важнейших лингвистических задач), в Тбилиси участвует в Международном симпозиуме по проблемам бессознательной умственной деятельности (The International Symposium on the Problem of Unconscious Mental Activity). Выступает на московском телевидении на тему взаимоотношений между сознательным и бессознательным в языке. Выходит книга, написанная совместно с Линдой Р. Во *The Sound Shape of Language* (Звуковая форма языка). Выступает на вечере памяти своего брата Сергея Осиповича, сотруднике Библиотеки конгресса США, который умер в Вашингтоне.

1980 — выходит статья «Einstein and the Science of Language» (Эйнштейн и наука о языке). Работает как приглашенный профессор в Wellesley College, получает почетную докторскую степень Бохумского университета и университета в Джорджтауне. Национальная

академия деи Линчеи в Риме вручает ему Международную премию Антонио Фельтринелли по филологии и лингвистике (The Antonio Feltrinelli International Prize for Philology and Linguistics). В Милане становится членом Научного комитета фонда Шлезингера (Comitato Scientifico, Fondazione Schlesinger). Выступает с лекциями о нейролингвистике в различных университетах США. В Париже выходят его *Диалоги* с Кристиной Поморской. В частности, возвращается в них к мысли о географически мотивированном языковом родстве, к т. н. теории языковых союзов, которую защищали евразийцы.

1981 — получает почетную докторскую степень Университета Брандайс (Brandeis University) и Оксфордского университета (Oxford University), в Университете Аризоны, Тусон (University of Arizona, Tucson) читает лекцию на тему «Brain and Language» (Мозг и язык), которой занимается в последний период своей жизни.

1982 — пишет предисловие к итальянскому изданию книги Н. С. Трубецкого *Европа и человечество*. 4 апреля умирает его первая супруга Соня. Становится лауреатом премии Гегеля (Hegel-Preis), вручаемой Международным обществом Гегеля (International Hegel Society) и городом Штутгарт (Stuttgart). 18 июля умирает в Кембридже, Массачусетс. 13 сентября состоялась заупокойная служба в Memorial Church, Harvard Yard. Похоронен на кладбище Mt. Auburn в Кембридже. На его могиле выбита надпись: «Роман Яacobсон — русский филолог».

ЛИТЕРАТУРА

- Аввакум Петрович, протопоп: *Житие Аввакума и другие его сочинения*. Советская Россия, Москва 1991.
- Аксаков, Константин Сергеевич: *Собрание сочинений в трех томах*. Москва 1986.
- Андреевский, Сергей Аркадьевич: «Предисловие» // *Вестник Европы* 1878, № 3, с. 121.
- Аничков, Евгений Васильевич: *Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян*. Санкт-Петербург 1903—1905, № 1—2.
- Аничков, Евгений Васильевич: *Западные литературы и славянство*. Очерки в 2 томах. Прага 1926.
- Аничков, Евгений Васильевич: *История и теория эстетики*. Харьков 1915.
- Аничков, Евгений Васильевич: *Новая русская поэзия*. Берлин 1923.
- Аничков, Евгений Васильевич: *Православие и культура*. Берлин 1923.
- Аничков, Евгений Васильевич: *Язычество и древняя Русь*. Санкт-Петербург 1914.
- Анненский, И. Ф.: «Бальмонт — лирик». В кн.: Анненский, И. Ф.: *Книга отражений*. Санкт-Петербург 1906.
- Анненский, И. Ф.: «О современном лиризме» // *Аполлон* 1909, № 1, с. 12—42 и № 2, с. 3—29.
- Автономова, Наталия Сергеевна, Гаспаров Михаил Леонович: «Якобсон, славистика и евразийство: две конъюнктуры, 1929—1953» // *Новое литературное обозрение*, 1997, № 23, с. 87—91.
- Арватов, Борис: *Социологическая поэтика*. Москва 1928.
- Бальмонт, Константин: *Поэзия как волшебство*. Изд. Скорпион, Москва 1915. См. то же: изд. Задруга, Москва 1922.
- Балухатый, Сергей Дмитриевич: *Проблемы драматургического анализа*. Ленинград 1927. См. тоже München 1969.
- Балухатый, Сергей Дмитриевич: *Теория литературы. Аннотированная библиография*. Ленинград 1929.
- Баран Хенрик, Душечкина Елена Владимировна: «Вокруг “Слова о полку Игореве”»: Из переписки Р. О. Якобсона и А. В. Соловьева» // *Славяноведение*, 2000, № 4, с. 50—78.
- Батюшков, Федор Дмитриевич: *Критические очерки и заметки*. Санкт-Петербург 1900.
- Батюшков, Федор Дмитриевич: *Сказание о споре души с телом в средневековой литературе*. Санкт-Петербург 1891.

- Бахтин, Михаил Михайлович / Медведев, П. Н.: *Формальный метод в литературоведении*. Прибой, Ленинград 1928; Серебряный век, Нью-Йорк 1982.
- Белинский, Виссарион Григорьевич: *Избранные эстетические работы*. Искусство, Москва 1986.
- Белинский, Виссарион Григорьевич: *Полное собрание сочинений*. Изд-во Академии наук СССР, Москва 1953—1959.
- Белинский, Виссарион Григорьевич: «Просодическая реформа» // Телескоп, т. XXVII, № 9, Москва 1835, с. 145—146.
- Белый, Андрей: «Александр Блок. Земля в снегу» // Критический обзор VI (XI), Москва 1908.
- Белый, Андрей: «Вячеслав Иванов». В кн.: *Русская литература XX века (1890—1910)*, Москва 1916, с. 114—149.
- Белый, Андрей: *Глоссолалия. Поэма о звуке*. Берлин 1922.
- Белый, Андрей: «Жезл Аарона. (О слове в поэзии)» // Скифы, сб. I, Санкт-Петербург 1917.
- Белый, Андрей: *Луг зеленый. Книга статей*. 1910. Нью-Йорк 1967.
- Белый, Андрей: *Мастерство Гоголя*. Москва, Ленинград 1934. Анн Арбор 1982. Москва 1996.
- Белый, Андрей: «О Художественной прозе» // Горн, кн. II—III, Москва 1919, с. 49—55.
- Белый, Андрей: «О Ритме» // Горн, кн. V, Москва 1920.
- Белый, Андрей: «Поэзия Блока». В альм.: *Ветвь*, сборник Клуба московских писателей. Москва 1917.
- Белый, Андрей: *Ритм как диалектика и «Медный всадник»*. Исследование. Москва 1929.
- Белый, Андрей: *Символизм; книга статей*. Москва 1910.
- Бем, Альфред Людвигович (ред.): *Жизнь и смерть*. Прага 1935—1936.
- Берг, Лев Семенович: *Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей*. Гос. изд-во, Петроград 1922.
- Брик, Осип М.: «Ритм и синтаксис. (Материалы к изучению стихотворной речи)». // *Новый леф* № 3—6. Москва 1927.
- Брюсов, Валерий Яковлевич: *Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней*. Москва 1912.
- Брюсов, Валерий Яковлевич: *Краткий курс науки о стихе: лекции, читанные в Студии стиховедения в Москве 1918 г.* Москва 1919.
- Брюсов, Валерий Яковлевич: «Miscellanea: Кое-что о рифме» // Москва, № 4, Москва 1920, с. 14—15.
- Брюсов, Валерий Яковлевич: «Новое открытие в стихосложении. Изучение стихосложения продолжается (Письмо в редакцию)» // *Русское слово* № 315, 317, 15/XI, 17/XI, Москва 1901.
- Брюсов, Валерий Яковлевич: «О русском стихосложении». В кн.: *Александр Добролюбов: Собрание стихов*. Скорпион, Москва 1900.
- Брюсов, Валерий Яковлевич: «Об одном вопросе ритма. По поводу книги А. Белого *Символизм*» // *Аполлон* № 11, Санкт-Петербург 1910, с. 52—60.

- Брюсов, Валерий Яковлевич: *Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам*. Москва 1918.
- Брюсов, Валерий Яковлевич: *Основы стиховедения: курс ВУЗ*. Москва Госиздат 1924.
- Брюсов, Валерий Яковлевич: «Смысл современной поэзии. Отрывки» // *Художественное слово, временник Лито Н.К.П.* Изд. Наркомпроса, кн. II, Москва 1920.
- Бродский, Николай Леонтьевич (ред.): *От футуризма до октября*. Москва 1924.
- Буслаев, Федор Иванович: *Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Том II: Древнерусская народная литература и искусство*. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза» 1861 [reprint The Hague 1969].
- Буслаев, Федор Иванович: *Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях*. Петроград 1917.
- Буслаев, Федор Иванович: *Народная поэзия: исторические очерки*. Санкт-Петербург 1887.
- Буслаев, Федор Иванович: *О литературе. Исследования, статьи*. Художественная литература, Москва 1990.
- Буслаев, Федор Иванович: *Русская хрестоматия: памятники древней русской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями и с словарем*. 9-е изд., Москва 1904 [reprint The Hague 1969].
- Буслаев, Федор Иванович: *Русская народная поэзия*. Санкт-Петербург 1861 [reprint The Hague 1969].
- Веселовский, Александр Николаевич: *Избранные труды и письма*. Санкт-Петербург 1999.
- Веселовский, Александр Николаевич: *Избранные статьи*. Ленинград 1939.
- Веселовский, Александр Николаевич: *Историческая поэтика (1893)*. Ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Изд. Художественной литературы, Ленинград 1940, The Hague 1970, Москва 1989.
- Веселовский, Александр Николаевич: *Южно-русские былины*. Санкт-Петербург 1881—1884.
- Виноградов, Виктор Владимирович: *Гоголь и натуральная школа*. Образование, Ленинград 1925.
- Виноградов, Виктор Владимирович: *О художественной прозе*. Гос. изд-во, Москва 1930.
- Виноградов, Виктор Владимирович: *Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.* Москва 1934.
- Виноградов, Виктор Владимирович: *Поэтика русской литературы*. Москва 1976.
- Виноградов, Виктор Владимирович: *Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский*. Ленинград 1929.

- Виноградов, Виктор Владимирович: *Этюды о стиле Гоголя*. Academia, Ленинград 1926.
- Виноградов, Виктор Владимирович: *Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя: избранные труды*. Москва 1990.
- Виноградов, Виктор Владимирович: *Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка*. Москва, Ленинград 1935.
- Власова, Зоя Ивановна: *Скоморохи и и фольклор*. Санкт-Петербург 2001.
- Волков, Роман Михайлович: *Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки*, т. 1. Одесса 1924.
- Волошинов, Валентин Николаевич: *Статьи*. Москва 1996.
- Вопросы теории и психологии творчества* (ред. Лезин, Борис Андреевич). Харьков 1907, 1911.
- Востоков, Александр Христофорович: *Опыт о русском стихосложении (1812)*. 2-е изд., значительно дополненное и исправленное. Санкт-Петербург 1817.
- Генис, Владимир Леонидович: «Якобсон, конечно, возмутится...» // *Вопросы истории*, 2008/12, с. 120—125.
- Генис, Владимир Леонидович: *Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920—1933): Опыт документального исследования в 2-х книгах*. Москва 2009. Кн. 1: «Бежал и перешел в лагерь буржуазии...» (1920—1929), с. 507—513.
- Гиппиус, Василий Васильевич: «Неизданная статья Чернышевского». В кн.: *Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи*. Саратов 1928.
- Гиппиус, Василий Васильевич: *От Пушкина до Блока*. Ленинград 1966.
- Гланц, Томаш: «Разведывательный курс Якобсона». В кн.: *Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования*. Москва 1999, с. 354—363.
- Гоголь, Николай Васильевич: *Полное собрание сочинений в 13 томах*. Ленинград 1952.
- Гончаров, Иван Александрович: *Полное собрание сочинений в 20 томах*. Санкт-Петербург 1997.
- Горнфелд, Аркадий Георгиевич: «Научная глоссология» // *Парфенон I*, Петербург 1922, с. 61—70.
- Гриц, Теодор Саломонович: *Словесность и коммерция: книжная лавка Смирдина*. Москва 1929.
- Гудзий, Николай Каллиникович: «В. Ф. Ржига (некролог)» // *Труды отдела древнерусской литературы*, т. 17, 1961.
- Гуковский, Григорий Александрович: *Очерки по истории русской литературы XVIII века*. Москва, Ленинград 1936.
- Гуковский, Григорий Александрович: *Русская литература XVIII века*. Москва 1939.
- Гуковский, Григорий Александрович: *Русская поэзия XVIII в.* Ленинград 1927.
- Данилевский, Николай Яковлевич: *Дарвинизм. Критическое исследование*. Государственная типография, Санкт-Петербург 1885—1889.

- Десницкая, Агния Васильевна: «Против формализма в учении о звуках речи» // Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка 1949, 8, с. 337—342.
- Дмитриев, Николай Константинович: *Федор Евгеньевич Корш*. Москва 1962.
- Добролюбов, Николай Александрович: *Полное собрание сочинений в шести томах*. Ленинград 1934—1941.
- Достоевский, Федор Михайлович: *Полное собрание сочинений в 30 томах*. Наука, Ленинград 1972.
- Евлахов, Александр Михайлович: *Введение в философию художественного творчества*. Варшава 1910.
- Ефимов, Николай Иванович: *Социология литературы. (Очерки по теории историко-литературного процесса и по историко-литературной методологии.)* Смоленск 1927.
- Ефимов, Николай Иванович: *Формализм в русском литературоведении*. Смоленск 1929.
- Жирмунский, Виктор Максимович: *Композиция лирических стихотворений*. Изд. Опыз, Петербург 1921.
- Жуковский, Василий Андреевич: *Собрание сочинений*. Москва 1959.
- Зелинский, Фаддей Францевич: *Из жизни идей*, т. II, 3-е изд. Санкт-Петербург 1911.
- Зелинский, Фаддей Францевич: «О синтагмах в древней греческой комедии» // Журнал Министерства народного просвещения, Санкт-Петербург 1883, апрель, с. 133—242, май, с. 243—309, июнь, с. 311—368.
- Зелинский, Фаддей Францевич: *Сказочная древность: античный мир*. Москва 1994.
- Зелинский, Фаддей Францевич: *Софокл. Царь Эдип*. Царское Село 1892.
- Зелинский, Фаддей Францевич: *Софокл. Трахинянки*. Санкт-Петербург 1898.
- Зенкин, Сергей: «Русская теория и интеллектуальная история» // Новое литературное обозрение 2003, № 61.
- Зоценко, Михаил Михайлович: *Собрание сочинений в 3 томах*. Художественная литература, Ленинград 1986—1987.
- Иванов, Вячеслав Иванович: *Борозды и межи: опыты эстетические и критические*. Москва 1916.
- Иванов, Всеволод Вячеславович: *Избранные произведения в 2 томах*. Москва 1985.
- Иванов, Всеволод Вячеславович: *Избранные сочинения 1920—1930*. Москва 1931.
- Иванов, Вячеслав Иванович: «К проблеме звукообраза у Пушкина» // Московский пушкинист, II, Москва 1930.
- Иванов, Вячеслав Иванович: *Лик и личины России: эстетика и литературная теория*. Москва 1995.
- Иванов, Всеволод Вячеславович: *Собрание сочинений*. Москва 1958—1960.
- Изборник Святослава 1073 г.* Книга, Москва 1983.

- Ильин, Илья Петрович: *Семиотика, коммуникация, стиль. Сборник обзоров.* Институт научной информации по общественным наукам Академии наук СССР, Москва 1983.
- Каверин, Вениамин Александрович: *Собрание сочинений.* Художественная литература, Москва 1980—1983.
- Кирпотин, Валерий Яковлевич: *Радикальный разночинец Д. И. Писарев.* Москва 1933.
- Корш, Федор Евгеньевич: «Введение в науку о славянском стихосложении» // Статьи по славяноведению, вып. 2, Санкт-Петербург 1906.
- Корш, Федор Евгеньевич: *Двоегласия в древнегреческом языке с физиологической точки зрения.* Варшава 1902.
- Корш, Федор Евгеньевич: «Древнейший народный стих турецких племен» // Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XIX, вып. II—III, Санкт-Петербург 1909.
- Корш, Федор Евгеньевич: «Значение темпа в греческой ритмике» // Филологическое обозрение, т. IV, кн. 2, Москва 1893, с. 153—167.
- Корш, Федор Евгеньевич: «Новейшая теория дохмия» // Филологическое обозрение, т. V, кн. 2, отд. I. Москва 1893, с. 95—129.
- Корш, Федор Евгеньевич: «Опыт ритмического объяснения древне-индийского эпико-дидактического размера *śloka*» // Древности восточные, т. 2. Москва 1896.
- Корш, Федор Евгеньевич: «О русском народном стихосложении» // Известия ОРЯС (Отделения русского языка и словесности) АН, т. 1, кн. 1, 1896; т. 2, кн. 2, 1897.
- Корш, Федор Евгеньевич: «Основное время в ритмике» // Филологическое обозрение, т. XV, кн. 1, отд. I. Москва 1898, с. 13—45.
- Корш, Федор Евгеньевич: *Происхождение десятисложного стиха южных и западных славян.* Санкт-Петербург 1905.
- Корш, Федор Евгеньевич: «Разбор вопроса о подлинности окончания Русалки А. С. Пушкина по записи Д. П. Зуева» // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук, т. III, кн. 3, Санкт-Петербург 1898, с. 633—785; т. IV, кн. 1 и 2, Санкт-Петербург 1899, с. 1—100 и 476—588. См. то же: // «Пушкин и его современники: Материалы и исследования», изд. Академии наук, т. I, вып. III, Санкт-Петербург 1905, с. 1—22. Там же: Ф. Е. К.: «План исследования о стихосложении Пушкина и словаря Пушкинских рифм», с. 111—134.
- Корш, Федор Евгеньевич: «Различие между персидским и арабским стихосложением. Древности восточные» // Труды восточной комиссии Московского археологического общества. Москва 1913.
- Корш, Федор Евгеньевич: *Римская элегия и романтизм.* Москва 1899.
- Кошанский, Николай Федорович: *Начальные правила русской грамматики. Для благородных воспитанников Университетского Пансиона.* 2-е изд., Москва 1814.
- Кошанский, Николай Федорович: *Общая риторика.* Санкт-Петербург 1829 (2-е изд., перераб. Там же 1830).

- Кошанский, Николай Федорович: *Ручная книга древней классической словесности (Иоганн Иоахим Эшенбург)*. Санкт-Петербург 1816.
- Кошанский, Николай Федорович: *Частная риторика*. Санкт-Петербург 1832.
- Кошелев, Владимир Васильевич: *Скоморохи: аннотированный библиографический указатель 1790—1994 гг.* Санкт-Петербург 1994.
- Ленин, Владимир Ильич: *Философские тетради (1929—1930)*. Москва 1973.
- Лесков, Николай Семенович: *Собрание сочинений*. Москва 1981.
- Ломоносов, Михаил Васильевич: *Полное собрание сочинений в 11 томах*. Москва 1950—1983.
- Лунц, Лев Натанович: *Вне закона. Пьесы, рассказы, статьи*. Композитор, Санкт-Петербург 1994.
- Лунц, Лев Натанович: *Завещание царя: неопубликованный киносценарий, рассказы, статьи, рецензии, письма, некрологи*. Otto Sagner in Kommission, München 1983.
- Лунц, Лев Натанович: *Родина и другие произведения*. М. Вайнштейн, Иерусалим 1981.
- Малевич, Казимир Северинович: «Роман Якобсон по-чешски» // *Русская литература*, 2007, № 1, с. 111.
- Маяковский, Владимир Владимирович: *Собрание сочинений в 12 томах*. Правда, Москва 1978.
- Марков, Владимир Федорович: *Манифесты и программы русских футуристов*. München 1967.
- Медведев, Павел Николаевич: *Формализм и формалисты*. Ленинград 1934.
- Медведев, Павел Николаевич: *Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику*. Прибой, Ленинград 1928. (Hildesheim — New York 1974, New York 1982, Москва 2003).
- Некрасов и русская литература* (ред. Федор Яковлевич Приима). Наука, Ленинград 1987.
- Некрасов, Николай Алексеевич: *Полное собрание сочинений и писем в 15 томах*. Ленинград 1981.
- Одинец, Дмитрий Михайлович: *Возникновение государственного строя у восточных славян. Современные записки*. Париж 1935.
- Орлов, Александр Сергеевич: *Древняя русская литература XI—XVI вв.* Ленинград 1937, 1939, 1945.
- Орлов, Александр Сергеевич: «Литературоведение русского средневековья» // *Известия Академии наук СССР. Отдел литературы и языка*, № 6, 1945.
- Орлов, Александр Сергеевич: «Мысли об изучении литературы русского средневековья» // *Известия Академии наук СССР. Отдел литературы и языка*, № 2, 1947.
- Орлов, Александр Сергеевич: *Об особенностях формы русских воинских повестей*. Москва 1902.

- Орлов, Александр Сергеевич: *Слово о полку Игореве*. 2-е изд., доп. Изд-во Академии наук, Москва 1946.
- Остолопов, Николай Федорович: *Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым*. 3 т. Санкт-Петербург 1821. См. то же: München 1971.
- Перетц, Владимир Николаевич: *Из лекций по методологии истории русской литературы*. Киев 1914.
- Перетц, Владимир Николаевич: *Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII вв.* Москва, Ленинград 1962.
- Перетц, Владимир Николаевич: *Историко-литературные исследования и материалы*, т. I—III. Санкт-Петербург 1900—1902.
- Перетц, Владимир Николаевич: *Очерки по истории поэтического стиля в России. Эпоха Петра Великого и начало XVIII ст.* Санкт-Петербург 1905—1907.
- Перетц, Владимир Николаевич: *Слово о полку Игоревім*. Київ 1926.
- Писарев, Дмитрий Иванович: *Полное собрание сочинений и писем в 12 томах*. Наука, Москва 2000.
- Писарев, Дмитрий Иванович: *Разрушение эстетики (1865)*. Художественная литература, Москва 1940.
- Плеханов, Георгий Валентинович: *Г. В. Плеханов — литературный критик: новые материалы*. Москва 1933.
- Плеханов, Георгий Валентинович: *Искусство и литература*. Гос. изд-во Художественной литературы, Москва 1948.
- Плеханов, Георгий Валентинович: *Литература и критика: Сборник статей*. Москва 1922.
- Плеханов, Георгий Валентинович: «Письма без адреса» (именно 2 и 3) // Г. В. П.: *Сочинения в 24 томах*. Москва 1923—1927; т. XIV, 1925, с. 36—73.
- Поливанов, Евгений Дмитриевич: «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники» // *Всеобщее языкознание*, 1963, № 1.
- Поливанов, Евгений Дмитриевич: «О метрическом характере китайского стихосложения» // *Доклады Российской академии наук*, серия Б, окт.-дек. 1924.
- Поливанов, Евгений Дмитриевич: «О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других алтайских народностей» // *Краткие сообщения Института народов Азии*, 1967.
- Поливанов, Евгений Дмитриевич: *Статьи по общему языкознанию*. (Избранные работы.) Москва 1968.
- Потебня, Александр Афанасьевич: *Два исследования о звуках русского языка*. Воронеж 1866.
- Потебня, Александр Афанасьевич: *Из записок по русской грамматике*. Харьков 1888. См. то же: Москва 1941, 1958.

- Потебня, Александр Афанасьевич: *Из записок по теории словесности: поэзия и проза, тропы и фигуры, мышление поэтическое и мифическое, приложения*. Харьков 1905. The Hague, Paris 1970.
- Потебня, Александр Афанасьевич: *Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка*. Харьков 1894. The Hague, Paris 1970.
- Потебня, Александр Афанасьевич: *Мысль и язык (1862)*. 2-е изд. Харьков 1892. Киев 1993.
- Потебня, Александр Афанасьевич: *Объяснения малорусских и сродных народных песен*. Варшава 1883—1887.
- Потебня, Александр Афанасьевич: *О мифическом значении некоторых обрядов и поверий*. Университетская типография, Москва 1865.
- Потебня, Александр Афанасьевич: *Слово и миф*. Правда, Москва 1989.
- Потебня, Александр Афанасьевич: *Слово о полку Игореве*. В. И. Исаев, Воронеж 1878.
- Потебня, Александр Афанасьевич: *Теоретическая поэтика*. Москва 1990.
- Поэзия русского футуризма*. Санкт-Петербург 1999.
- Пропп, Владимир Яковлевич: *Морфология сказки*. Ленинград 1928 (Москва 1969, Санкт-Петербург 1996).
- Пушкин, Александр Сергеевич: *Полное собрание сочинений в 17 томах*. Ленинград 1949.
- Пушкин, Александр Сергеевич: *Полное собрание сочинений в 19 томах*. Москва 1994.
- Пушкин в воспоминаниях современников*. Москва 1974.
- Пыпин, Александр Николаевич: *История русской литературы*. Санкт-Петербург 1902—1903 (и 1911—1913). См. то же: The Hague, Paris 1968.
- Радищев, Александр Николаевич: *Полное собрание сочинений*. Москва 1938—1952.
- Радищев, Александр Николаевич: *Путешествие из Петербурга в Москву (1790)*. Санкт-Петербург 1992.
- Ржига, Вячеслав Федорович: «Композиция Слова о полку Игореве» // *Slavia* IV, 1, Praha 1925, с. 44—62.
- Ржига, Вячеслав Федорович: «Проблема стихосложения Слова о полку Игореве» // *Slavia* VI, 2—3, Praha 1927, с. 352—379.
- Ржига, Вячеслав Федорович: *Слово о полку Игореве*. Москва 1934.
- Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук*. Санкт-Петербург 1901.
- Сборники по теории поэтического языка*, вып. 3. Петроград 1919.
- Скабичевский, Александр Михайлович: *История новейшей русской литературы (1848—1890)*. Санкт-Петербург 1891. 3-е изд. (1848—1892) Санкт-Петербург 1897, 5-е изд. (1848—1903) Санкт-Петербург 1903.
- Скабичевский, Александр Михайлович: *Литературные воспоминания*. Аграф, Москва 2001.
- Скафтымов, Александр Павлович: *Поэтика и генезис былин*. Москва, Саратов 1924 (Саратов 1994).

- Слово о полку Игореве. Книга, Москва 1988.
- Сорокина, Марина Юрьевна: «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и “дело Масарика-Якобсона”. В кн.: *In Memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина*. Санкт-Петербург; Париж 2000, с. 116—142.
- Срезневский, Измаил Иванович: *Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных песен*. Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности, т. IX, вып. 5, Санкт-Петербург 1860—1861.
- Срезневский, Измаил Иванович: *Памятники и образцы народного языка и словесности*. Санкт-Петербург 1852—1855.
- Срезневский, Измаил Иванович: *Русское слово: избранные труды*. Москва 1986.
- Страхов, Николай Николаевич: *Заметки о Пушкине и других поэтах*. Санкт-Петербург 1888.
- Стыкалин, Александр Сергеевич: «К вопросу о приглашении Р. Якобсона посетить СССР в 1956 году» // *Славяноведение*, № 4, 2005, с. 110—115.
- Тихонов, Николай Семенович: *Избранное; стихи и поэмы*. Москва 1948.
- Тихонов, Николай Семенович: *Перекресток утопии: Стихотворения. Эссе. 1913—1929*. Москва 2002.
- Тихонравов, Николай Саввич: *Памятники отреченной русской литературы (1863)*. The Hague 1970, London 1973.
- Тихонравов, Николай Саввич: *Сочинения*. Москва 1898.
- Толстой, Лев Николаевич: *Полное собрание сочинений в 90 томах*. Москва 1936.
- Толстой, Лев Николаевич: *Полное собрание сочинений*. Москва 1964.
- Толстой, Лев Николаевич: *Что такое искусство*. Санкт-Петербург; London 1898.
- Томашевский, Борис Викторович: *О стихе. Статьи*. Ленинград 1929.
- Томашевский, Борис Викторович: *Русское стихосложение. Метрика*. Петербург 1923. См. то же: «Русское стихосложение» в кн.: Б. Т.: *Краткий курс поэтики*. Москва, Ленинград 1928.
- Томашевский, Борис Викторович: *Теория литературы. Поэтика*. Москва, Ленинград 1928.
- Третьяковский, Ломоносов, Сумароков: *Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо*. В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук 1744.
- Трубецкой, Николай Сергеевич: «Из писем Н. С. Трубецкого к Р. О. Якобсону о проблемах евразийства» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология*. Москва 1992, № 1, с. 59—66.
- Трубецкой, Николай Сергеевич: «Хождение за три моря Афанасия Никитина как литературный памятник» // *Версты*. Париж, вып. 1, 1926, с. 164—186.
- Тургенев, Иван Сергеевич: *Полное собрание сочинений и писем*. Наука, Москва 1978.

- Тютчев, Федор Иванович: *Полное собрание стихотворений в 2 томах*. Терра, Москва 1997.
- Тынянов, Юрий Николаевич: *Архаисты и новаторы*. Прибой, Ленинград 1929.
- Тынянов, Юрий Николаевич: *Проблема стихотворного языка*. Academia, Ленинград 1924.
- Фаминцын, Александр Сергеевич: *Скоморохи на Руси*. Алетейя, Санкт-Петербург 1995.
- Федин, Константин Александрович: *Собрание сочинений в 12 томах*. Художественная литература, Москва 1982.
- Фет, Афанасий Афанасьевич: *Сочинения и письма*. Санкт-Петербург 2002.
- Фичи, Фраческа: «Архив Н. Н. Дурново в Праге. (Материалы по истории славыстики 1924—27 годов).» // *Славяноведение*, № 4, 2005, с. 96—109.
- Чернышевский, Николай Гаврилович: *Полное собрание сочинений*. Москва 1939.
- Н. Г. Чернышевский. Сборник. Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания*. Саратов 1926.
- Чернышевский, Николай Гаврилович: *Статьи по эстетике*. Институт Философии АН СССР, Соцэкгиз, Москва 1938.
- Шахматов, Мстислав Вячеславович: *Исполнительная власть в Московской Руси*. Прага 1935.
- Шишков, Александр Семенович: *Рассуждение о старом и новом слоге русского языка*. Санкт-Петербург 1803.
- Шишмарев, Владимир Федорович: *Александр Веселовский и русская литература*. Ленинград 1946.
- Шишмарев, Владимир Федорович: *История итальянской литературы и итальянского языка*. Ленинград 1972.
- Шишмарев, Владимир Федорович: *Лирика и лирики позднего средневековья; очерки по истории поэзии Франции и Прованса*. Париж 1911.
- Шкловский, Виктор Борисович: *Воскрешение слова*. Санкт-Петербург 1914.
- Шкловский, Виктор Борисович: *Гамбургский счет*. Москва 1990.
- Шкловский, Виктор Борисович: «Искусство как прием». В кн. В. Ш.: *Сборники по теории поэтического языка*, вып. 2, Петроград 1917.
- Шкловский, Виктор Борисович: *Лев Толстой*. Москва 1963.
- Шкловский, Виктор Борисович: *Матвей Комаров, житель города Москвы*. Ленинград 1929.
- Шкловский, Виктор Борисович: *О теории прозы*. Москва 1929.
- Шкловский, Виктор Борисович: *Чулков и Левшин*. Ленинград 1933.
- Шпет, Густав Густавович: *Эстетические фрагменты*. Москва 1922.
- Штокмар, Михаил Петрович: *Библиография работ по стихосложению*. Москва 1933.
- Эйхенбаум, Борис Михайлович: *Анна Ахматова. Опыт анализа*. Петербург 1923.

- Эйхенбаум, Борис Михайлович: *Лев Толстой*. Ленинград 1929.
- Эйхенбаум, Борис Михайлович: *Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки*. Ленинград 1924.
- Эйхенбаум, Борис Михайлович: *Литература. Теория, критика, полемика*. Ленинград 1927.
- Эйхенбаум, Борис Михайлович: *Мелодика русского лирического стиха*. Опо-яз, Петербург 1922.
- Эйхенбаум, Борис Михайлович: «Мелодика стиха» // *Летопись Дома литераторов*, № 4, 20 декабря, с. 2—3, Петербург 1921. См. то же: Б. Э.: *Сквозь литературу. Сборник статей*. Ленинград 1924.
- Эйхенбаум, Борис Михайлович: *Молодой Толстой*. Москва, Берлин 1922.
- Энгельгардт Борис Михайлович: *Александр Николаевич Веселовский*. Петроград 1924 (The Hague, Paris 1970).
- Энгельгардт Борис Михайлович: *Формальный метод в истории литературы*. Москва 1927 (München 1971).
- Якобсон, Роман Осипович: «Брюсовская стихология и наука о стихе» // *Научные известия Академического центра Наркомпроса*, сб. второй, Гиз, Москва 1922.
- Якобсон, Роман Осипович: «М. П. Штокмар: Библиография работ по стихосложению». Рецензия // *Slavia XIII*, 1934—1935, с. 416—431.
- Якобсон, Роман Осипович: *Новейшая русская поэзия. набросок первый*. Виктор Хлебников. Прага 1921.
- Якобсон, Роман Осипович: *О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским*. Сборник по теории поэтического языка общества ОПОЯЗ. Берлин, Москва 1923.
- Якобсон, Роман Осипович: *Тексты, документы, исследования (Texts, Documents, Studies)*. Москва 1999.
- Якубинский, Лев Петрович: «Звуковые повторы» // *Сборники по теории поэтического языка*, вып. 3, Поэтика. Петроград 1919.
- Якубинский, Лев Петрович: «О звуках стихотворного языка» // *Сборники по теории поэтического языка*, вып. I, Петроград 1916, с. 16—30. См. то же: // *Поэтика. Сборники по теории поэтического языка*. Петроград 1919, с. 37—49.
- Якубинский, Лев Петрович: «О поэтическом глоссемосочетании» // *Поэтика. Сборники по теории поэтического языка*. Петроград 1919, с. 7—12.
- Якубинский, Лев Петрович: «Осуществление звукового единообразия в творчестве Лермонтова» // *Сборники по теории поэтического языка*, вып. II, Петроград 1917, с. 63—70.
- Якубинский, Лев Петрович: «Откуда берутся стихи» // *Книжный угол*, № 7, Петроград 1921, с. 21—25.
- Якубинский, Лев Петрович: «Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках» // *Сборники по теории поэтического языка*, вып. II, Петроград 1917, с. 15—23. См. то же: // *Поэтика. Сборники по теории поэтического языка*. Петроград 1919, с. 50—57.

- Ярхо, Борис Исаакович: *Методология точного литературоведения. Набросок плана. Отрывки*. Труды по знаковым системам, вып. 4, Тарту 1969 (Москва 1984).
- Ярхо, Борис Исаакович: «Простейшие основания формального анализа» // *Ars poetica*, вып. I, Москва 1927, с. 7—28.
- Ярхо, Борис Исаакович: «Ритмика так наз. “Романа в стихах”» // *Ars Poetica*, вып. II. Стих и проза. Сборник статей. Москва 1928.
- Alexandreida*. (Ed. František Svejkský). Praha 1963.
- Baudelaire, Charles: *Œuvres complètes*. Paris 1975—1976.
- Baudouin de Courtenay, Jan Niecislaw: *Dziela wybrane*. Warszawa 1974—1983.
- Benfey, Theodor: *Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange des 19. Jahrhunderts mit einem Rückblick auf die früheren Zeiten*. München 1869.
- Benfey, Theodor: *Kleine Schriften*. Berlin 1890—1892.
- Benfey, Theodor: *Über das Verhältniss der ägyptischen Sprache zum semitischen Sprachstamm*. Leipzig 1844.
- Benfey, Theodor: *Vedica und linguistica*. Strassburg 1880.
- Boileau, Nicolas: *L'art poétique (1672)*. Bordas, Paris 1984.
- Brentano, Franz Clemens: *Psychologie vom empirischen Standpunkt*. Leipzig 1874.
- Brentano, Franz Clemens: *Untersuchungen zur Sinnespsychologie*. Leipzig 1907.
- Bryusov, V. I.: *Osnovy stikhovedeniia. On prosody*. Prideaux Press, Letchworth 1971.
- Buckle, Henry Thomas: *History of civilization in England. London 1857—1861* (см. тоже New York 1964).
- Dosse, François: *Histoire du structuralisme*. Tome 1: Le champ du signe, 1945—1966. Paris 1991.
- Durdík, Josef: *Poetika, jakožto aesthetika umění básnického*. I. L. Kober, v Praze 1889.
- Durdík, Josef: *Všeobecná aesthetika*. I. L. Kober, v Praze 1875.
- Feuerbach, Ludwig: *Gesammelte Werke*. Berlin 1967.
- Fischer, Otokar: *Duše a slovo*. Melantrich, Praha 1929.
- For Roman Jakobson. On the Occasion of His Sixtieth Birthday*. The Hague 1956.
- Glanc, Tomáš: «Formalismus forever. Roman Jakobson 1935». In: *Prager Strukturalismus. Methodologische Grundlagen (Prague Structuralism. Methodological Fundamentals)*. Herausgegeben von Marek Nekula. Heidelberg 2003, с. 105—119.
- Glanc, Tomáš: «Le lexique du linguiste: la langue des cours de R. Jakobson sur le formalisme russe (1935)». In: *Le discours sur la langue en URSS à l'époque stalinienne (épistémologie, philosophie, idéologie)*. Institut de linguistique et des sciences du langage. Cahier № 14, p. 121—132. Édité par Patrick Sériot. Université de Lausanne 2003.

- Grimm, Jacob a Wilhelm: *Werke*. Hildesheim, New York 1985.
- Groot, Albert Willem de: *A handbook of antique prose-rhythm*. J. B. Wolters, Groningen 1919.
- Groot, Albert Willem de: *Der antike Prosarhythmus. Zugleich Fortsetzung des Handbook of antique prose-rhythm*. Bouma's Boekhuis, Groningen 1967 (reprint изд. из 1921 г.).
- Gukovskij, Grigorij Alexandrovič: «Von Lomonosov bis Děržavin». In: *Zeitschrift für slavische Philologie II*, Heidelberg (1926).
- Gunnarson, Gunnar: *Studien über die Stellung des Reflexivs im russischen*. Uppsala 1935.
- Havránková, Marie, Toman, Jindřich: *Quadriolog. Bohuslav Havránek, Zdeňka Havránková, Roman Jakobson, Svatava Pírková-Jakobsonová. Vzájemná korespondence 1930—1978*. Karolinum, Praha 2001.
- Hegel, Georg Wilhelm Friedrich: *Gesammelte Werke, 21 Bd.* Hamburg 1968.
- Herbart, Johann Friedrich: *Sämtliche Werke in chronologischer Reihenfolge (1887—1912)*. Reprint Aalen 1964 (1989).
- Hlaváček, Karel: *Žalmy*. Praha 1934.
- Holenstein, Elmar: *Roman Jakobsons phänomenologischer Strukturalismus*. Frankfurt/Main 1975.
- Humboldt, Wilhelm Freiherr von: *Schriften zur Sprachwissenschaft*. F. Schöningh, Paderborn 1994.
- Husserl, Edmund: *Ding und Raum: Vorlesungen 1907*. Hamburg 1991.
- Husserl, Edmund: *Logische Untersuchungen*. Halle 1900 (Tübingen 1968, den Haag 1975).
- Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et Circuli linguistici Pragensis sodalibus oblata*. Praha 1932.
- Jakobson, Roman Osipovič: *Moudrost starých Čechů*. New York 1943.
- Jakobson, Roman Osipovič: *Poetická funkce*. H&H, Praha 1995.
- Jakobson, Roman Osipovič: *Selected Writings* (ed. by Stephen Rudy). The Hague, Paris, Mouton:
- I. Phonological Studies, 1971.
  - II. Word and Language, 1971.
  - III. The Poetry of Grammar and the Grammar of Poetry, 1980.
  - IV. Slavic Epic Studies, 1966.
  - V. On Verse, Its Masters and Explores, 1978.
  - VI. Early Slavic Paths and Crossroads, pt. 1. Comparative Slavic studies: The Cyrillo-Methodian tradition. pt. 2. Medieval Slavic studies, 1985.
  - VII. Contributions to comparative mythology. Studies in linguistics and philology, 1972—1982.
  - VIII. Completion volume one: Major works, 1976—1980.
- Jakobson, Roman Osipovič: «Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik» // *Slavische Rundschau* 1/1929, с. 629—646. См. тоже в кн. Р.О. Я.: *Тексты, документы, исследования*. Москва 1999.
- Jakobson, Roman Osipovič: *Základy českého verše*. Praha 1926.

- Jakobson, Roman, Pomorska, Krystyna: *Dialogues*. Paris 1980.
- Jakobson, Roman Osipovič, Waugh, L. R.: *The Sound Shape of language*. Brighton, Sussex 1979.
- Jangfeldt, Bengt: *Jakobson-budetlianin*, Stockholm 1992.
- Jirát, Vojtěch: *Dva překlady Fausta. Rozbor slohu Jaroslava Vrchlického a Otokara Fischera*. Praha 1930.
- Jirát, Vojtěch: *O smyslu formy: studie o otázkách formy v díle českých básníků*. Praha 1946.
- Jirát, Vojtěch: *Platens stil: ein Beitrag zum Stilproblem der nachromantischen Lyrik*. Praha 1933.
- Jirát, Vojtěch: *Portréty a studie*. Odeon, Praha 1978.
- Korsch, Th.: *De versu Saturnio*. Mosquae 1868.
- Král, Josef: *Beiträge zur griechischen Metrik*. Nákladem Filosofické fakulty University Karlovy, v Praze 1925.
- Král, Josef: *O prosodii české*. Praha 1923—1938.
- Král, Josef: *Výbor z korespondence filologa Josefa Krále*. Univerzita Karlova, Praha 1989.
- Lautréamont, comte de: *Œuvres completes*. Paris 1988.
- Lazarus, Moritz: *Geist und Sprache, eine psychologische Monographie*. Berlin 1878.
- Lotze, Hermann: *Grundzüge der Ästhetik; Dictate aus den Vorlesungen*. Leipzig 1884.
- Lotze, Hermann: *Grundzüge der Psychologie. Dictate aus den Vorlesungen*. Leipzig 1881.
- Markov, Vladimir: *Russian Futurism: A History*. Berkeley 1968.
- Marty, Anton: *Gesammelte Schriften*. Halle 1916—1918.
- Marty, Anton: *Über den Ursprung der Sprache*. Frankfurt/Main 1976.
- Marty, Anton: *Zur sprachphilosophie: Die «logische», «lokalistische» und andere Kasustheorien*. Halle 1910.
- Meillet, Antoine: *Le slave commun*. É. Champion, Paris 1924.
- Meillet, Antoine: *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris 1921—1937.
- Mukařovský, Jan: «Eufonie Theerovych *Výprav k já*». In: *Listy filologické* 58, 1931, č. 2/3, s. 167—186 a č. 4/5, s. 326—328.
- Mukařovský, Jan: «K českému překladu Šklovského *Teorie prózy*». In: *Čin* 1934, roč. VI, č. 6, s. 123—130.
- Mukařovský, Jan: *Kapitoly z české poetiky*. Praha 1948.
- Mukařovský, Jan: *Máchův Máj. Estetická studie*. Filosofická fakulta University Karlovy, Praha 1928.
- Mukařovský, Jan: «O rytmu v moderním českém básnictví». In: *Čin* 1934, roč. VI, č. 23, s. 531—538.
- My futurist Years*, ed. by Bengt Jangfeldt, translated by Stephen Rudy, New York 1997.
- Nezval, Vítězslav: *Dílo (13 sv.)*. Československý spisovatel, Praha 1950—1985.
- Podhorski-Okolów, Leonard: *Białorus, poezje*. Wilno 1924.
- Podhorski-Okolów, Leonard: «O rymowaniu». In: *Skamander V*, 1925, s. 26—39.

- Podhorski-Okołów, Leonard: *Realia Mickiewiczowskie*. Kraków 1952.
- Podhorski-Okołów, Leonard: «W obronie “nowych rymów”». In: *Skamander VI*, 1926, s. 109—115.
- Polívka, Jiří: *Slovanské pohádky I*. Slovanský ústav, Praha 1932.
- Pypin, Alexandr Nikolajevič: *Geschichte der Slavischen literaturen von A. N. Pypin und V. D. Spasovič*. Leipzig 1880—1883.
- Readings in Russian Poetics*. MIT Press 1971.
- Rousseau, Jean-Jacques: *Discours sur l'originé et les fondements de l'inegalité parmi les hommes (1755)*. Paris 1988.
- Rudy, Stephen: *Roman Jakobson (1896—1982). A Complete Bibliography of his Writings*. Mouton de Gruyter. Berlin, New York 1990.
- Saussure, Ferdinand de: *Cours de linguistique générale (1916)*. Paris 1972.
- Schleicher, August: *Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft*. Offenes Sendschreiben an Herrn Ernst Häckel. Weimar 1873.
- Schuchardt, Hugo Ernst Mario: *Das baskische und die Sprachwissenschaft*. Leipzig 1925.
- Schuchardt, Hugo Ernst Mario: *Romanisches und Keltisches. Gesammelte Aufsätze von Hugo Schuchardt*. Berlin 1886.
- Schuchardt, Hugo Ernst Mario: *Schuchardt, the neogrammarians, and the transformational theory of phonological change; four essays*. Frankfurt/Main 1972.
- Schuchardt, Hugo Ernst Mario: *Slawo-deutsches und Slawo-italianisches von Hugo Schuchardt*. München 1971.
- Seifert, Jaroslav: *Dílo (7 sv.)*. Praha 1954—1986.
- Sériot, Patrick: *Structure et Totalité: Les Origines intellectuelles du structuralisme en europe centrale et orientale*. Paris 1999. См. тоже: *Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в центральной и восточной Европе. 1920—30-е гг.* Москва 2001; *Struktura a celek*. Praha 2002.
- Sievers, Eduard: *Altgermanische Metrik*. L. Niemeyer, Halle 1893.
- Sievers, Eduard: *Grundzüge der Lautphysiologie: zur Einführung in das Studium der Lautlehre der indogermanischen Sprachen*. Leipzig 1881, New York, Wiesbaden 1980.
- Sievers, Eduard: *Metrische Studien*. Leipzig 1901—1919.
- Sievers, Eduard: *Rhythmisch-melodische Studien; Vorträge und Aufsätze*. Heidelberg 1912.
- Šklovskij, Viktor Borisovič: *Teorie prózy*. Přel. B. Mathesius. Praha 1933.
- Slonimski, Antoni: *Poezje zebrane*. Warszawa 1964.
- Slonimski, Antoni: *Wiersze zebrane*. Warszawa 1933.
- Součková, Milada: *A Literature in Crisis: Czech Literature 1938—1950*. New York 1954.
- Steinthal, Heymann: *Abriss der Sprachwissenschaft*. Berlin 1871.
- Steinthal, Heymann: *Kleine sprachtheoretische Schriften*. Hildesheim, New York 1970.
- Sterne, Laurence: *A sentimental journey through France and Italy (1767)*. London 1967, 1986.

- Trubetzkoy, Nikolaj Sergejevič: *Three Philological Studies*. Ann Arbor 1963.
- Trubetzkoy, Nikolaj Sergejevič: *Vorlesungen über die altrussische Literatur*. Firenze 1973.
- Tuwim, Julian: *Dziela (5 sv.)*. Czytelnik, Warszawa 1955.
- Vančura, Vladislav: *Spisy (9 sv.)*. Československý spisovatel, Praha 1985—1991.
- Vévoda, Rudolf: «Muž, který byl nepohodlný aneb od agenta III. Internacionály k agentovi KGB» // *Střední Evropa* 1996/64, c. 65—75; II. 1996/65, c. 88—100.
- Vossler, Karl: *Geist und Kultur in der Sprache*. C. Winter, Heidelberg 1925 (München 1960).
- Vossler, Karl: *Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft; eine sprachphilosophische Untersuchung*. Heidelberg 1904.
- Vrchlický, Jaroslav: *Básně*. Československý spisovatel, Praha 1973.
- Wellek, René and Warren, Austin: *Theory of Literature*. New York, 1942.
- Wollman, Frank: *Bulharské drama*. Bratislava 1928.
- Wollman, Frank: *Dramatika slovanského jihu*. Praha 1930.
- Wollman, Frank: *Juljusz Slowacki; theokratické řešení vůdcovského problému*. Bratislava 1927.
- Wollman, Frank: «Njogošův desaterec». In: *Slavia* IX, 1930.
- Wollman, Frank: *Slovesnost Slovanů*. Praha 1928.
- Wollman, Frank: *Slovinské drama*. Bratislava 1925.
- Wollman, Frank: *Zeromski a Reymont: k slovanskému individualismu*. Bratislava 1926.
- Wóycicki, Kazimierz: *Forma dźwiękowa prozy polskiej i wiersza polskiego*. Warszawa 1912.
- Wóycicki, Kazimierz: *Polski osmiozgłoskowiec trocheiczny; przyczynek do systematyki wiersza polskiego*. Nakladem towarzystwa naukowego Warszawskiego, Warszawa 1916.
- Wóycicki, Kazimierz: *Rytm w liczbach: z 28 tablicami*. Wilno 1938. Jal-reprint, Würzburg 1978.
- Wóycicki, Kazimierz: *Stylistyka i rytmika polska: podrecznik dla szkoły i samouków*. Wyd. 7. Gebethner i Wolff, Warszawa 1927.
- Zielinski (Zelinskij), Tadeusz: *Die Antike und wir. Vorlesungen*. 3. Aufl. Leipzig 1911.
- Zielinski (Zelinskij), Thaddaeus: *Die Behandlung gleichzeitiger Ereignisse im antiken Epos*. Leipzig 1901.
- Zielinski (Zelinskij), Tadeusz: *Das Clauselgesetz in Ciceros Reden. Grundzuge einer oratorischen Rhythmik*. Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, Leipzig 1904.
- Zielinski (Zelinskij), Tadeusz: *Der constructive Rhythmus in Ciceros Reden: der oratorischen Rhythmik zweiter Teil*. Leipzig 1914.
- Zielinski (Zelinskij), Tadeusz: *Náboženství starého Řecka*. Praha 1930.
- Zielinski (Zelinskij), Tadeusz: *Po co Homer? Swiat antyczny a my*. Wydawn. literackie, Kraków 1970.
- Zubatý, Josef: *Studie a články*. Praha 1945—1954.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум Петрович, протопоп (1620—1682) 16, 21, 87, 107, 108, 253
Авсоний Децим Магн (ок. 310 — ок. 394) 97
Автономова Наталия Сергеевна (род. 1945) 105, 106, 253
Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) 20, 88, 253
Алягров / Якобсон Роман Осипович (1896—1982) 229, 232
Андреевский Сергей Аркадьевич (1847—1919) 53, 96, 253
Аничков Евгений Васильевич (1866—1937) 52, 96, 253
Анненский Иннокентий Федорович (1855—1909) 54, 97, 253
Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883—1939) 219, 224
Арватов Борис Игнатъевич (1896—1940) 82, 100, 253
Асафова Наталья Михайловна (1897—1960-е ?) 86
Ахматова Анна Андреевна (1889—1966) 75, 99, 263
- Б**
Бабичка Гинек (1855—1880) 132
Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) 58, 97, 98, 228, 253
Балухатый Сергей Дмитриевич (1893—1945) 83, 84, 100, 101, 253
Баран Хенрик (род. 1947) 7, 104, 120, 253
Батюшков Федор Дмитриевич (1857—1920) 52, 96, 253
Бахтин Михаил Михайлович (1895—1975) 108, 254
Беер Антонин (1881—1950) 111, 123, 133, 153—155, 157, 159, 160, 235
Беккер Генрик (1902—1984) 233
Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) 13, 20, 88, 108, 254
Белич Александр (1876—1960) 171
Белич Яромир (1914—1977) 123, 195
Белошевская Любовь Николаевна (род. 1946) 7
Белый Андрей (1880—1934) 30—32, 54, 57, 58, 93, 97, 107, 108, 116, 118, 119, 227, 254
Бем Альфред Людвигович (1886—1945?) 22, 90, 237, 254
Бенвенист Эмиль (1902—1976) 247
Бенеш Павел (1907—1985) 248
Бенеш Эдвард (1884—1948) 125, 242
Бенфей Теодор (1809—1881) 42, 95, 115, 265
Берг Лев Семенович (1876—1950) 107, 254
Библ Константин (1898—1951) 232
Биркеланд Харрис (1904—1961) 238
Биттнер Конрад (1890—1967) 237
Блок Александр Александрович (1880—1921) 89, 97, 231, 254, 256
Богатырев Петр Григорьевич (1893—1971) 141, 228, 234, 235
Бодлер Шарль (1821—1867) 30, 245, 265
Бодуэн де Куртене Ян Нецислав (Иван Александрович) (1845—1929) 26, 27, 43, 48, 91, 140, 265
Бокль Генри Томас (1821—1862) 42, 95, 115, 265
Бор Нильс (1885—1962) 244

- Боровичка Йозеф (1885—1971) 180, 211, 215
Брентано Франц Клеменс (1838—1917) 65, 98, 265
Брехт Бертольт (1898—1956) 245, 246
Брик Лиля Юрьевна (урожд. Каган) (1891—1978) 229, 232
Брик Осип Максимович (1888—1945) 61, 73, 99, 108, 229, 230, 232, 254
Бродский Николай Леонтьевич (1881—1951) 61, 98, 255
Брюкнер Александер (1834—1896) 172
Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) 32, 54, 58, 73, 94, 97, 98, 136, 166, 254, 255, 264, 265
Буало Николя (1636—1711) 18, 265
Бубен Владимир (1888—1956) 234
Будин Станислав (1903—1979) 239
Буйнак Павел (1882—1933) 234
Бурлюк Давид Давидович (1882—1967) 228
Буслаев Федор Иванович (1818—1897) 42, 95, 135, 229, 255
Бухарин Николай Иванович (1888—1938) 22, 90, 106—108
- Вайан Андре** (1890—1976) 137
Вайнгарт Милош (1890—1939) 234
Валента Ярослав (1930—2004) 200, 203, 209, 213, 214
Валоух Милослав (1903—1976) 175
Валох Иржи (род. 1946) 248
Вандыч Петр С. (род. 1923) 209, 213
Ванчура Владислав (1891—1942) 12, 109, 232, 235, 247, 269
Вахек Йозеф (1909—1996) 248
Вацлавек Бедржих (1898—1942) 212, 216
Вевода Рудольф (род. 1964) 110, 269
Вейк Николас ван (1880—1941) 140, 167, 168
Верих Ян (1905—1980) 232
Верчиньский Анджей Казимеж (1930—2003) 239
Веселовский Александр Николаевич (1838—1906) 7, 40—52, 63, 95, 96, 108, 114, 116, 118, 255, 263, 264
Виланд Кристоф Мартин (1733—1813) 130
Вилинский Сергей Григорьевич (1876—1952) 163
Винер Норберт (1894—1964) 242
Виноградов Виктор Владимирович (1895—1969) 16, 80, 83, 87, 100, 136, 211, 215, 231, 255, 256
Винокур Григорий Осипович (псевд. Л. Кириллов) (1896—1947) 231, 232, 233
Винтер Густав (1889—1943) 129
Виттлин Южеф (1896—1976) 239
Власова Зоя Ивановна (1925—2006) 87, 256
Во Линда Р. (род. 1942) 250, 251, 267
Волков Роман Михайлович (1885—1959) 83, 100, 256
Вольман Франк (наст. имя Франтишек) (1888—1969) 12, 85, 142, 151, 154, 155, 159, 165, 173, 269
Волошинов Валентин Николаевич (1895—1936) 84, 101, 256
Вольман Славомир (1888—1969) 248
Восковец Иржи (1905—1981) 232, 239
Восслер Карл (1872—1949) 94, 269
Востоков Александр Христофорович (наст. имя Александр-Вольдемар Остенек) (1781—1864) 18, 88, 256
Врхлицкий Ярослав (1853—1912) 47, 85, 188, 267, 269

- Вуйчицкий Казимеж (1876—1957) 12, 86, 269
 Вюншова Фелицитас (1913—1986) 7, 122, 123, 248
- Гавличек-Боровский Карел (1821—1856) 137
 Гавранек Богуслав (1893—1978) 123, 135, 142, 145, 149—151, 154, 155, 157, 159, 160, 162, 165, 173, 189, 197, 199, 201, 203, 205, 206, 233, 234, 236, 266
 Гавранкова Марие (род. 1947) 122, 266
 Гавранкова Зденька (1909—1987) 266
 Галас Франтишек (1901—1949) 232
 Галлер Иржи (1896—1971) 146, 147
 Ганка Вацлав (1791—1861) 133
 Гаспаров Михаил Леонович (1935—2005) 105, 106, 253
 Гебауэр Ян (1838—1907) 110, 128, 134, 147, 148
 Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) 24, 42, 49, 120, 121, 252, 266
 Геккель Эрнс Гейнрих (1834—1919) 90, 268
 Гельдерлин Иоганн Христиан Фридрих (1770—1843) 250
 Генис Владимир Леонидович (род. 1957) 110, 256
 Гербарт Иоганн Фридрих (1776—1841) 30, 31, 42, 93, 266
 Гиндин Сергей Иосифович (род. 1945) 120
 Гиппиус Василий Васильевич (1890—1942) 83, 89, 100, 256
 Гитлер Адольф (1889—1945) 129, 212, 216, 217
 Главачек Карел (1874—1898) 11, 85, 266
 Гланц Томаш (род. 1969) 8, 9, 87, 102, 110, 113, 121, 256, 265
 Гланцова Хелена (род. 1938) 7
 Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) 19, 57, 58, 68, 80, 83, 88, 97, 100, 108, 116, 254—256
 Гомер (1200—700 до н. э.?) 28, 29, 92, 270
 Гончаров Иван Александрович (1812—1891) 53, 256
 Гончарова Наталья Сергеевна (1881—1962) 228
 Гора Йозеф (1891—1945) 232
 Горалек Карел (1908—1992) 123, 247
 Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867—1941) 97, 256
 Горский Ян (1900—?) 180, 211, 215
 Горький, Максим (Пешков, Алексей Максимович) (1868—1936) 227
 Госковец Томаш (род. 1960) 7
 Гостовский Эгон (1908—1973) 239
 Готвальд Клемент (1896—1953) 240
 Грабак Йозеф (1912—1987) 247
 Гримм Якоб и Вильгельм (1785—1863 и 1786—1859) 42, 266
 Гриц Теодор Соломонович (1905—1959) 83, 100, 256
 Громадка Йозеф Лукл (1889—1969) 239
 Гроот Альберт Виллем де (1892—1963) 12, 86, 266
 Груздев Илья Александрович (1892—1960) 119
 Гудзий Николай Каллиникович (1887—1965) 87, 256
 Гуйер Олдржих (1880—1942) 124, 134, 158, 172, 234
 Гуковский Григорий Александрович (1902—1950) 80, 99, 256, 266
 Гумбольдт Вильгельм фон (1767—1835) 29, 34—36, 42, 44, 45, 51, 65, 66, 130, 266
 Гуннарсон Гуннар (1889—1975) 169, 269
 Гуссерль Эдмунд (1859—1938) 38, 65, 84, 94, 97, 108, 109, 183, 229, 236, 266

- Давыдов Сергей (род. 1945) 7
Даль Владимир Иванович (1801—1872) 17, 87
Данеш Франтишек (род. 1919) 247
Данилевский Николай Яковлевич (1822—1885) 107, 256
Данилов Кирша (1265—1321) 27, 230
Дарвин Чарльз (1809—1882) 90, 107, 256, 268
Дворник Франтишек (1893—1975) 246
Державин Гаврила Романович (1743—1816) 99, 266
Десницкая Агния Васильевна (1743—1816) 257
Дильтей Вильгельм (1833—1911) 149
Дицген Иосиф (1828—1888) 120
Дмитриев Николай Константинович (1898—1954) 91, 257
Добкин Александр Иосифович (1950—1998) 109, 262
Добролюбов Александр Михайлович (1876—1945) 94, 254
Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) 13, 257
Дойчбайн Макс (1876—1949) 169
Докулил Милош (1912—2002) 123
Долежел Любомир (род. 1922) 247
Долейши Антонин (род. 1932) 123
Досс Франсуа (род. 1950) 103, 265
Достал Эвжен (1889—1943) 160—162
Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) 20, 21, 53, 89, 100, 255, 257
Досужков Федор Николаевич (1899—1982) 22, 90
Дурдик Йозеф (1837—1902) 33, 94, 265
Дурих Ярослав (1886—1962) 233
Дурново Николай Николаевич (1876—1937) 135, 139, 140, 149, 163, 165, 168, 230, 232, 263
Душечкина Елена Владимировна (род. 1941) 104, 253
Дюрович Любомир (род. 1925) 247
- Евлахов Александр Михайлович (1880—1966) 52, 96, 257
Ельмслев Луи (1899—1965) 169, 196, 238
Есперсен Отто (1860—1943) 243
Ефимов Николай Иванович (1889—1937?) 84, 101, 257
- Жеромски Стефан (1864—1925) 85, 269
Жижка из Троцнова Ян (1360—1424) 65
Жирмунский Виктор Максимович (1891—1971) 12, 73, 84, 95, 99, 101, 108, 137, 231, 233, 255, 257
Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) 47, 257
Жункович Мартин (1860—1906) 133
- Зеленка Милош (род. 1961) 134
Зелинский Фаддей Францевич (1859—1944) 27, 28, 54, 92, 93, 137, 149, 257, 269, 270
Зенкин Сергей Николаевич (род. 1954) 117, 257
Зенкл Петр (1884—1975) 241
Зиверс Эдуард (1850—1932) 75, 99, 268
Зощенко Михаил Михайлович (1894—1958) 12, 257
Зубатый Йозеф (1855—1931) 27, 91, 110, 131, 143, 144, 146, 270
Зуев Дмитрий Павлович (1889—1967) 27, 258

- Иванов Всеволод Вячеславович** (1895—1963) 12, 257
Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) 32, 55, 58, 94, 97, 98, 254, 257
Ильин Илья Петрович (род. 1940) 86, 258
Ирасек Йозеф (1884—1972) 248
- Йират Войтех** (1902—1945) 12, 85, 114, 267
- Каверин Вениамин Александрович** (1902—1989) 12, 258
Каган (Триоле) Эльза (1896—1970) 229, 231
Каландра Завиш (1902—1950) 198
Кампе Иоахим Генрих (1746—1818) 130
Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) 100, 256
Карнап Рудольф (1891—1970) 183
Карцевский Сергей Иосифович (1884—1955) 140, 167, 186, 230, 232, 233
Кассирер Эрнст (1874—1945) 238
Кирилл, святой *см.* **Константин Философ**
Кирпотин Валерий Яковлевич (1898—1997) 22, 90, 258
Клементе Мерло (1879—1960) 90
Клементис Владимир (1902—1952) 246
Кобзова Дагмар (даты жизни не установлены) 248
Ковальский Ежи (1893—1948) 168
Коварж Эмануэл (1861—1898) 128
Козак Ян Благослав (1888—1974) 232
Койре (наст. фамилия **Койранский**), **Александр Владимирович** (1892—1964) 239
Коменский Ян Амос (1592—1670) 135, 210, 211, 215, 216, 244
Константин Философ (Кирилл) (826/7? — 869) 111, 243, 246, 248
Копецкий Леонтий Васильевич (1894—1976) 234
Корш Федор Евгеньевич (1843—1915) 27, 28, 54, 91, 92, 257, 258, 267
Кошанский Николай Федорович (1781—1831) 18, 87, 258, 259
Кошелев Владимир Васильевич (род. 1950) 87, 259
Краль Абел (род. 1932) 248
Крал Йозеф (1853—1917) 27, 81, 91, 100, 149, 267
Крамский Иржи (1913—1991) 247
Краснов Петр Николаевич (1869—1947) 188
Кривополенова, Мария Дмитриевна (1843—1924) 229
Кросс Самуэль Хаззард (1891—1946) 201, 203, 204, 212, 217, 241
Крофта Камил (1876—1945) 125, 242
Крученых Алексей Елисеевич (1886—1968) 61, 228, 243
Крушевский Николай Вячеславович (Миколай Хабданк) (1851—1887) 117, 229, 236, 247
Курц Йозеф (1901—1972) 234
Кусак Алоис (даты жизни не установлены) 133
- Лазарус Мориц** (1824—1903) 30, 93, 267
Ларионов Михаил Федорович (1881—1964) 228
Леви-Стросс Клод (1908—2009) 239, 245, 247, 251
Лезин Борис Андреевич (1800—1942) 93, 256
Ленин Владимир Ильич (1870—1924) 22, 90, 106—108, 176, 259
Лер-Сплавиньский Тадеуш (1891—1965) 168
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) 75, 91, 99, 264
Лесков Николай Семенович (1831—1895) 20, 53, 259
Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781) 130

- Лобанов Михаил Евстафьевич (1787—1846) 88
Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) 18, 107, 108, 259, 262, 266
Лорен Арне (1889—1945) 240
Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965) 22, 90
Лотреамон (Изидор Дюкасс), граф (1846—1870) 30, 267
Лотце Герман (1817—1881) 30, 93, 267
Лунц Лев Натанович (1901—1924) 12, 259
Людовик XIV (1638—1715) 19
Львов-Рогачевский Василий Львович (1879—1930) 61
- М**
Мадлова Мария (даты жизни не установлены) 248
Мазон Андре (1881—1967) 87, 138—140, 168
Малевич Казимир Северинович (1878—1935) 110, 228, 229, 250, 259
Малларме Стефан (1842—1898) 228
Мандельштам Осип Эмильевич (1891—1938) 235
Мареш Франтишек Вацлав (1922—1994) 247
Мареш Михал (1893—1971) 248
Маринетти Филиппо Томмазо (1876—1944) 228
Маритен Жак (1882—1973) 239
Марков Владимир Федорович (род. 1920) 98, 259, 267
Маркс Карл Генрих (1818—1883) 120
Марр Николай Яковлевич (1865—1934) 140, 181, 184, 192, 194, 236
Марти Антон (1847—1914) 38, 65, 94, 229, 267
Масарик Томаш Гарриг (1850—1937) 109, 111, 180, 234, 240, 242, 251, 262
Масарик Ян (1886—1948) 242
Матезиус Богумил (1888—1952) 12, 86, 268
Матезиус Вилем (1882—1945) 141, 189, 197, 219, 233, 234, 266
Матейка Ладислав (род. 1919) 7
Матхаузер Зденек (1920—2007) 248
Матюшин Михаил Васильевич (1861—1934) 115, 229
Маха Карел Гинек (1810—1836) 11, 85, 231, 237, 267
Махек Вацлав (1894—1965) 234
Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) 12, 62, 103, 104, 116, 137, 166, 228—230, 232—236, 244, 259
Медведев Павел Николаевич (1891—1938) 84, 101, 108, 254, 259
Мейе Антуан (1866—1936) 26, 47, 91, 140, 167, 267
Менгес Карл Генрих (1908—1999) 200, 203
Мерло Клементе (1879—1960) 90
Мефодий, святой (815—885) 243, 246
Милетич Любомир Георгиев (1863—1937) 168, 171
Миллер Всеволод Федорович (1846—1913) 227, 238
Мицкевич Адам (1798—1855) 86, 240, 268
Морковин Валерий Вениаминович (1906—1973) 248
Мукаржовска Гана (род. 1924) 251
Мукаржовский Ян (1891—1975) 11, 85, 114, 172, 234, 240, 250, 251, 267
Мусоргский Модест Петрович (1839—1881) 81
Муссолини Бенито (1883—1945) 235
- Н**
Надь Имре (189—1958) 176
Наполеон I Бонапарт (1769—1821) 65
Негош Петр II Петрович (1813—1851) 12, 85, 269
Незвал Витезслав (1900—1958) 12, 109, 232, 235, 245, 267

- Нейманн Станислав Костка (1875—1947) 178, 185, 188, 198, 212, 216, 231, 237
 Нейманнова Соня (1905—1971) 212, 216
 Некрасов Николай Петрович (1828—1913) 20, 89, 259
 Некула Марек (род. 1965) 113, 265
 Никитин Афанасий (?—1475) 15, 262
 Новак Арне (1880—1939) 155, 157, 242
 Новак Ладислав (1925—1999) 248
 Новомеский Ладислав (1904—1976) 246, 248
 Новотный Франтишек (1881—1964) 149, 152, 159—162, 235
 Нореен Адольф (1854—1925) 90, 128
- Оберпфальцер-Йилек Франтишек (1890—1973) 234**
 Одинец Дмитрий Михайлович (1882—1950) 22, 90, 259
 Ольбрахт Иван (1882—1952) 232
 Ондрачкова Яна (род. 1924) 248
 Ондруш Шимон (род. 1924) 248
 Орлов Александр Сергеевич (1871—1947) 15, 40, 86, 259, 260
 Осипов Николай Евграфович (1877—1934) 22, 90
 Осолсобе Иво (род. 1928) 248
 Осповат Александр Львович (род. 1948) 7
 Остолопов Николай Федорович (1782—1833) 18, 88, 260
 Остгоф Герман (1847—1909) 90, 128
- Пайк Кеннет Ли (1912—2000) 200, 202**
 Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) 103, 171, 230, 236
 Паулины Эуген (1912—1983) 248
 Пауль Герман (1846—1921) 90, 127
 Пекный Томаш (род. 1943) 122, 221, 226
 Перетц Владимир Николаевич (1870—1935) 15, 40, 44, 52, 86, 94, 260
 Петрачек Карел (1926—1987) 248
 Пешковский Александр Матвеевич (1878—1933) 169
 Пикассо Пабло (1881—1973) 200, 203, 209, 213
 Пиркова (Якобсонова) Сватава Йозефовна (1908—2001) 236, 245, 266
 Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868) 13, 22, 53, 90, 258, 260
 Платон (427—347 до н. э.) 149
 Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) 22, 89, 120, 260
 По Эдгар Аллан (1809—1849) 96
 Подгорский-Околув Леонард (1891—1957) 12, 86, 268
 Поливанов Евгений Дмитриевич (1891—1938) 27, 91, 140, 229, 260
 Поливка Иржи (1858—1933) 12, 17, 85, 87, 268
 Поморска Кристина (1928—1986) 116, 245, 252, 267
 Потebня Александр Афанасьевич (1835—1891) 20, 27, 29, 30—38, 41, 42, 44, 46, 48, 54, 93, 94, 107, 108, 116, 117, 118, 119, 169, 260, 261
 Прийма Федор Яковлевич (1909—1993) 259
 Пропп Владимир Яковлевич (1895—1970) 84, 101, 107, 261
 Прушек Ярослав (1906—1980) 123, 200, 202, 205—208
 Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) 17—19, 22, 27, 58, 83, 87—89, 96, 98, 100, 107, 108, 116, 227, 237, 256—258, 261, 262
 Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) 13, 41, 261, 268
- Радищев Александр Николаевич (1749—1802) 22, 89, 261**
 Рахманинов Сергей Васильевич (1873—1943) 228

- Реймонт Владислав Станислав (1867—1925) 85, 269
Рейфман Ирина Владимировна (род. 1950) 7
Репин Илья Ефимович (1844—1930) 14
Ржига Вячеслав Федорович (1883—1960) 15, 87, 256, 261
Ригель Герман (1834—1900) 129
Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844—1908) 81
Рипка Губерт (1895—1958) 178, 242
Рипеллино Анжело Мария (1923—1978) 247
Риппл Эуген (1888—1945) 234
Родченко Александр Михайлович (1891—1956) 228
Ромпортл Милан (1921—1982) 248
Руди Стивен (1949—2003) 7, 102, 227, 229, 267, 268
Ружичич Гойко (1894—1977) 234
Ружичка Йозеф (1916—1989) 248
Руссо Жан-Жак (1712—1778) 90, 268
Рыпка Ян (1886—1968) 233, 234
- Савицкий Петр Николаевич (1895—1968) 103, 105, 107, 237
Сандфелд Йенс Кристиан (1873—1942) 168
Саянов Виссарион Михайлович (1903—1959) 188
Сватонь Владимир (род. 1931) 7
Свейковский Франтишек (род. 1923) 99, 248, 265
Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890—1939) 137, 166
Святослав Ярославич (1027—1076) 16, 257
Сгалл Петр (род. 1926) 122, 191, 192, 195, 196, 198
Седлак Ян Войтех (1889—1941) 149, 151
Сейферт Ярослав (1901—1986) 12, 109, 231, 232, 268
Секанина Иван (1900—1940) 212, 216
Серио Патрик (род. 1949) 105—107, 113, 265, 268
Серов Валентин Александрович (1865—1911) 228
Сеше Альберт (1870—1946) 231
Сидоров Николай Павлович (1874—1948) 61
Скабичевский Александр Михайлович (1838—1910) 21, 89, 261
Скаличка Владимир (1909—1991) 189, 190, 196, 197, 248
Скафтымов Александр Павлович (1890—1968) 84, 101, 261
Словацкий Юлиуш (1809—1849) 85, 269
Слонимский Антоний (1895—1976) 12, 268
Слотти Фридрих (1881—1963) 234
Сметана Бедржих (1824 — 1884) 132
Сметанка Эмил (1875—1949) 134
Соболевский Сергей Иванович (1862—1963) 136
Соколов Николай Николаевич (1875—1923) 135, 165
Солженицын Александр Исаевич (1918—2008) 249
Соллерс Филипп (наст. имя Филипп Жуайо) (род. 1936) 247
Соловьев Александр Васильевич (род. 1950) 104, 247, 253
Соммерфельт Альф (1892—1965) 167, 238
Сорокина, Марина Юрьевна (род. 1961) 109, 262
Соссюр Фердинанд де (1857—1913) 27, 43, 44, 45, 48, 54, 108, 183, 230, 231, 233, 268
Соучек Станислав (1870—1935) 135, 155, 157, 160, 165
Соучкова Милада (1898—1983) 242, 268
Софокл (496—406 до н. э.) 93, 257

- Спасович Владимир Данилович (1829—1906) 268
 Сперанский Михаил Несторович (1863—1938) 134, 165
 Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) 28, 93, 262
 Сталин Иосиф Виссарионович (1879—1953) 178, 181, 183—185, 190—195, 219
 Степанова Варвара Федоровна (1894—1958) 229
 Стерн Лоуренс (1713—1768) 68, 269
 Стих Александр (1934—2003) 123
 Страда Витторио (род. 1929) 247
 Страхов Николай Николаевич (1828—1896) 53, 96, 262
 Стыкалин Александр Сергеевич (род. 1962) 262
 Сумароков Александр Петрович (1717—1777) 262
 Суперфин Габриэль Гаврилович (род. 1943) 7
 Сус Олег (1924—1982) 248
 Сю Эжен (1804—1857) 88
- Т**
 Таборска Йиржина (1926—2004) 7, 123
 Таборский Франтишек (псевд. Гостивит) (1858—1940) 132
 Тастевен Генрих Эдмундович (1880—1915) 228
 Твен Марк (наст. им. Сэмюэль Клеменс) (1835—1910) 251
 Теер Отакар (1880—1917) 11, 85, 267
 Тейге Карел (1900—1951) 109, 182, 185—187, 232
 Теньер Люсьен (1893—1954) 140, 167
 Тихонов Николай Семенович (1896—1976) 12, 262
 Тихонравов Николай Саввич (1832—1893) 40, 94, 262
 Толстой Лев Николаевич (1828—1910) 20, 21, 53, 80, 83, 89, 96, 100, 115, 262—
 264
 Томан Индржих (род. 1944) 7, 122, 266
 Томашевский Борис Викторович (1890—1957) 73, 84, 89, 99, 101, 108, 137,
 231, 262
 Травничек Франтишек (1888—1961) 123, 127, 128, 131, 132, 134, 135, 139, 142,
 145, 148, 151, 154, 155, 159, 161, 165, 173, 189, 192, 196, 236
 ТрEDIAKовский (Тредьяковский) Василий Кириллович (1703—1769) 89, 228, 262
 Тренин Владимир Владимирович (1904—1941) 83, 100
 Триоле (урожд. Каган), Эльза (1896—1970) 229, 231, 247
 Трнка Богумил (1895—1984) 197, 234
 Трост Павел (1907—1987) 247
 Троцкий Лев Давидович (1879—1940) 232
 Трубецкой Николай Сергеевич (1890—1938) 15, 86, 105—107, 137, 168, 170,
 186, 197, 231—233, 237, 246, 250, 252, 262, 269
 Тувим Юлиан (1894—1953) 12, 239, 269
 Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) 20, 53, 81, 131, 262
 Тютчев Федор Иванович (1803—1873) 81, 97, 108, 254, 263
 Тынянов Юрий Николаевич (1891—1943) 12, 75, 76, 80, 82, 99, 100, 104, 110,
 113, 120, 233, 263
- У**
 Уивер Уоррен (1894—1978) 242
 Уоррен Остин (1899—1986) 220, 269
 Урбан Уильям Маршалл (1873—1952) 200, 202
 Урбанек Рудольф (1877—1962) 162, 211, 215
 Успенский Федор Иванович (1845—1928) 139
 Уффельманн Дирк (род. 1969) 7

Ушаков Дмитрий Николаевич (1873—1942) 134, 135, 165, 230
Уэллек Рене (1903—1995) 219, 224, 251, 269

Фаминцын Александр Сергеевич (1841—1896) 87, 263
Фант Гуннар (1919—2009) 200, 202, 242
Фантыс Богумил (даты жизни не установлены) 248
Федин Константин Александрович (1892—1977) 12, 263
Фейербах Людвиг (1804—1872) 42, 115, 120, 265
Фельдман (Якобсон, Хаас) Софья Николаевна (1899—1982) 231, 236, 248
Фет Афанасий Афанасьевич (1820—1892) 81, 108, 263,
Филипец Йозеф (1915—2001) 248
Филонов Павел Николаевич (1883—1941) 228
Фичи Франческа (род. 1939) 135, 263
Фишер Отокар (1883—1938) 12, 85, 114, 219, 234, 237, 265, 267
Флейшман Лазарь Соломонович (род. 1944) 7
Фортуатов Филипп Федорович (1848—1914) 26, 91, 131, 229
Фосслер Карл (1872—1949) 36, 37, 94, 269
Фриче Владимир Максимович (1870—1929) 230
Фришчак Милан (род. 1932) 7
Фукс Й. Л. (даты жизни не установлены) 248

Хаас Павел (1899—1944) 236
Хаасова С. см. Фельдман (Якобсон, Хаас) Софья Николаевна
Халле Моррис (род. 1923) 7, 242, 243, 247
Халупецкий Индржих (1910—1990) 248
Харджиев Николай Иванович (1903—1996) 250
Хирт Германн (1865—1936) 130
Хлебников Велемир (наст. имя Виктор Владимирович) (1885—1922) 58, 61, 62,
68, 98, 104, 136, 137, 166, 188, 228, 230, 231, 264
Холенштайн Элмар (род. 1937) 108, 266
Худоба Франтишек (1878—1941) 110, 127, 148, 150, 151, 155—157, 159—162, 235

Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.) 65
Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) 92, 269

Чапек Карел (1890—1938) 129, 232
Челаковский Франтишек Ладислав (1799—1852) 81
Червенка Мирослав (1932—2005) 7, 102, 248
Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) 22, 89, 108, 256, 263
Чикобава Арнольд Степанович (1898—1985) 183, 194
Чичерин Георгий Васильевич (1872—1936) 231
Чулков Михаил Дмитриевич (1743—1792) 83, 100, 263

Шальда Франтишек Ксавер (1867—1937) 219
Шапиро Леонард Бертрам (1908—1983) 176, 209, 214
Шафарик Павел Йозеф (1795—1861) 134
Шахматов Алексей Алексеевич (1864—1920) 136, 230
Шахматов Мстислав Вячеславович (1888—1943) 22, 90, 140, 263
Шекспир Уильям (1564—1616) 21, 148
Шеннон Клод Э. (1916—2001) 242
Шикерски Мачей (род. 1948) 7
Шима Йозеф (1891—1971) 232

- Шишков Александр Семенович (1754—1841) 20, 88, 263
 Шишмарев Владимир Федорович (1874—1957) 52, 96, 263
 Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) 12, 31, 50, 62, 66, 68, 80, 83, 85, 94, 98, 100, 103, 104, 108, 117, 119, 120, 184, 229, 230, 231, 233, 243, 244, 263, 267, 268
 Шлейхер Август (1821—1868) 26, 90, 268
 Шпет Густав Густавович (1879—1937) 84, 101, 229, 263
 Шром Йозеф Эдвард (1888—1942) 178
 Штайнер Петер (род. 1946) 7, 251
 Штейернагель Карл (1869—1958) 130
 Штейнталь Хейман (1823—1899) 30, 41, 93, 268, 269
 Штепанек Владимир (1917—1991) 209, 211, 212, 213, 215, 244
 Штитный Фома (из Штитного) (1331-5 — 1401-9) 128, 135
 Штокмар Михаил Петрович (1903—1965) 53, 54, 84, 90, 96, 101, 104, 171, 263, 264
 Штолл Ладислав (1902—1981) 185
 Шторх-Мариен Отакар (1897—1974) 231
 Шухардт Хуго Эрнст Марио (1842—1927) 42, 95, 268
- Щ**
 Щепкин Вячеслав Николаевич (1863—1920) 230
 Щерба Лев Владимирович (1880—1944) 140
- Э**
 Эйзенхауэр Дуайт Дэвид (1890—1969) 242
 Эйнштейн Альберт (1879—1955) 109, 228, 251
 Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959) 63, 68, 75, 80, 83, 98, 99, 100, 137, 229, 263, 264
 Эко Умберто (род. 1932) 247
 Энгельгардт Борис Михайлович (1887—1942) 46, 50, 84, 96, 101, 264
 Энгельс Фридрих (1820—1895) 120
 Эрбан Карел (1901—1982) 38, 94
 Эрбен Карел Яромир (1811—1870) 74, 81, 236
 Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) 109, 231, 233, 240
 Эффенбергер Вратислав (1923—1986) 247
 Эшенбург Иоганн Йоахим (1743—1820) 87, 259
- Ю**
 Юханнсон Арвид (1862—1935) 128
- Я**
 Ягодич Рудольф (1892—1976) 15, 86
 Якобсон (урожд. Вольперт) Анна Яковлевна (1872 — середина 1960-х ?) 227
 Якобсон Михаил Осипович (даты жизни не установлены) 238
 Якобсон Осип Абрамович (1865?—1957) 227
 Якобсон Сергей Осипович (1901—1979) 227, 243, 251
 Якобсонова-Пиркова Сватава Йозефовна (1908—2001) 236, 245, 266
 Якубец Ян (1862—1936) 138
 Якубинский Лев Петрович (1892—1945) 27, 71, 91, 98, 108, 119, 264
 Ялягров (Якобсон, Роман Осипович (1896—1982)) 228, 229
 Янгфельдт Бенгт (род. 1948) 229, 251, 267
 Янко Йозеф (1869—1947) 90
 Янсен Кнуд (Якобсон Роман Осипович (1896—1982)) 237
 Янсен Олаф (Якобсон Роман Осипович (1896—1982)) 238
 Ярник Хертвик (1877—1938) 161
 Ярхо Борис Исаакович (1889—1942) 84, 101, 265
 Яшуньский Саломон (1902—1938) 139